
СОФЬЯ
БАГДАСАРОВА
Фениксы и сфинксы
дамы Ренессанса в поэзии, картинах и жизни
18+

Фениксы и сфинксы. Дамы Ренессанса в поэзии, картинах и жизни

Софья Андреевна Багдасарова

Аннотация
Софья Багдасарова. Фениксы и сфинксы: дамы Ренессанса в поэзии, картинах и жизни
№ 1. Локоны Лукреции Бути
№ 2. Спокойствие Чечилии Галлерани
№ 3. Открытие Гаспары Стампа
№ 4. Зависть к Симонетте Веспуччи
№ 5. Разбитое сердце Екатерины Сиенской
№ 6. Красота Лауры Дианти
№ 7. Пленительный образ Фьямметты
№ 8. Одиночество Изотты Ногарола
№ 9. Падение Камиллы Пизана
№ 10. Тайна Вероники Гамбара
№ 11. Пять трупов для Бьянки Каппелло
№ 12. Сонет Барбары Торелли
№ 13. Наряд Туллии д’Арагона
№ 14. Исчезновение Компьюты Донцеллы
№ 15. Имя Софонисбы Ангишолы
Послесловие

Аннотация

Про красавицу Лукрецию Борджиа, развратную и коварную, слышали все. Но в ренессансной Италии были и другие, не менее яркие, женщины: поэтессы, писательницы, певицы, хозяйки салонов, монахини, куртизанки и фаворитки монархов, а также, разумеется, художницы и натурщицы. Сплетая историю культуры итальянского Возрождения, без этих женщин не обойтись. Однако имена их затерялись в веках, а лица позабыты. Новеллы, представленные в этой книге, реконструируют для нас историю их жизни, рассказывая о том вдохновении, которое они рождали в мужчинах, и праве на творчество и свободу, за которые эти женщины боролись сами. Книга состоит из 15 рассказов, раскрывающих тайны знаменитых картин и позабытых стихов. Факты, имена и даты в ней – подлинные, а вот эмоции в большинстве случаев реконструированы автором. Ведь хроники той эпохи, перечисляя факты, обычно молчат про чувства, любовь и слезы. А еще, говоря об эпохе Возрождения, конечно же,

нельзя обойтись без произведений искусства, поэтому в этой книге множество репродукций картин и статуй, рассказывающих о героинях. Они сопровождаются искусствоведческими аннотациями – благодаря им читатель глубже проникнет в историю искусства Ренессанса, в особенности в эволюцию портретного жанра. Автор книги: Софья Багдасарова – искусствовед, дважды номинант премии «Просветитель». Автор бестселлеров «Воры, вандалы и идиоты», «Омерзительное искусство», «Апокалипсис в искусстве», «Лев Толстой очень любил детей...».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Софья Багдасарова
Фениксы и сфинксы: дамы Ренессанса в поэзии, картинах и жизни

Посвящаю моим целительницам Илиане Владиславовне Коровай и Ольге Николаевне Замойской

Иллюстрация на обложке: Пьеро ди Козимо. «Портрет Симонетты Веспуччи в образе Клеопатры» (фрагмент). 1480–1490 гг. Музей Конде

Иллюстрация на форзацах: Кристоф Кригер. «Куртизанки». Гравюры из книги Чезаре Вечеллио «Habiti antichi, et moderni di tutto il Mondo». Венеция, Svlstativm Gratilianvm Senapolensis, 1598 г. Рейксмьюзеум

Иллюстрация на задней обложке: Татьяна Леонидовна Волкова. «Профильный портрет Софьи Багдасаровой». 2003 г.

За разрешение использовать свои переводы итальянских стихов автор благодарит Павла Алешина, Шломо Кроля, Романа Дубровкина и Евгения Солоновича.

L’autore ringrazia il suo amico Francesco Bini (Sailko) per le foto di questo libro, perchè senza sarebbe stato cento volte ancora più noioso.

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Текст, Софья Багдасарова, 2023
© Государственный Эрмитаж, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Про красавицу Лукрецию Борджиа — развратную и коварную — слышали все. Но в ренессансной Италии были и другие не менее яркие женщины: поэтессы, писательницы, певицы, хозяйки салонов, монахини, куртизанки и фаворитки монархов, а также, разумеется, художницы и натурщицы. Сплетая историю культуры итальянского Возрождения, без этих женщин не обойтись. Однако имена их затерялись в веках, а лица позабыты. Эта книга, состоящая из 15 новелл, раскрывает тайны знаменитых картин и позабытых стихов, посвященных им или созданных ими.

Факты, имена и даты в ней — подлинные, а вот эмоции в большинстве случаев реконструированы автором. Ведь хроники той эпохи, перечисляя факты, обычно молчат про чувства, любовь и слезы.

А еще, говоря об эпохе Возрождения, конечно же, нельзя обойтись без произведений искусства, поэтому в этой книге множество репродукций картин и статуй, рассказывающих о героинях.

Они сопровождаются искусствоведческими аннотациями — благодаря им читатель глубже проникнет в историю искусства Ренессанса, в особенности в эволюцию портретного жанра.

Государства Италии в 1494 году

№ 1. Локоны Лукреции Бути

Фра Филиппо Липпи. «Ла Липпина»
(«Мадонна с младенцем и двумя ангелами»). Ок. 1450–1465 гг. Уффици

ЛИППИ НАПИСАЛ МНОЖЕСТВО «МАДОНН», НО ЭТА — ОДНА ИЗ САМЫХ ЗНАМЕНИТЫХ И УЗНАВАЕМЫХ ЕГО РАБОТ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ ОНА ПРИОБРЕЛА ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЗВИЩЕ — «ЛА ЛИППИНА». КАК И МНОГИЕ ДРУГИЕ РАБОТЫ ХУДОЖНИКА, СОЗДАННЫЕ ПОСЛЕ 1456 ГОДА, ОНА КАЖЕТСЯ НАПИСАННОЙ С ОДНОЙ НАТУРЩИЦЫ — ОЧЕВИДНО, ЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ЛУКРЕЦИИ БУТИ.

В ТВОРЧЕСТВЕ ЛИППИ, ДА И ВООБЩЕ В ИТАЛЬЯНСКОМ ИСКУССТВЕ ЕГО ЭПОХИ, «ЛА ЛИППИНА»
ОБОЗНАЧИЛА НОВЫЙ ЭТАП. В ОТЛИЧИЕ ОТ «МАДОНН» ПРЕДЫДУЩЕГО ПЕРИОДА, ФИГУРА ПОМЕЩЕНА ПЕРЕД ОТКРЫТЫМ ОКНОМ, НА ФОНЕ ПЕЙЗАЖА — ТАК БЫЛО ПРИНЯТО У ФЛАМАНДЦЕВ, НО ДО СИХ ПОР НЕ ВСТРЕЧАЛОСЬ У ИТАЛЬЯНЦЕВ. ПЕЙЗАЖ ОБРАМЛЯЕТ ИЛЛЮЗОРНАЯ ОКОННАЯ РАМА. ЗДЕСЬ НЕТ РЕЗКОЙ СВЕТОТЕНИ ИЛИ «СРЕДНЕВЕКОВЫХ» ЛОКАЛЬНЫХ ЦВЕТОВ — ПРОСТРАНСТВО БУДТО НАСЫЩЕНО НЕЗРИМЫМ СВЕТОМ С ЭФФЕКТОМ АТМОСФЕРНОГО ЕДИНСТВА. КАРТИНА НАПИСАНА ЛЕГКИМИ, СМЕЛЫМИ

МАЗКАМИ, БЕЗ ТЩАТЕЛЬНОЙ ОТДЕЛКИ МЕЛКИХ ДЕТАЛЕЙ — НОВАТОР ЛИППИ ПЕРЕНЕС В ТЕМПЕРНУЮ ЖИВОПИСЬ МАНЕРУ, КОТОРУЮ ОН ПРИОБРЕЛ ПРИ РАБОТЕ НАД ФРЕСКАМИ. СЛОЖНЫЙ РАЗВОРОТ КОРПУСА МОДЕЛИ ТОЖЕ БЫЛ НОВШЕСТВОМ. «ЛА ЛИППИНА» СТАНЕТ ПРИМЕРОМ ДЛЯ МНОГИХ ХУДОЖНИКОВ, ВКЛЮЧАЯ САНДРО БОТТИЧЕЛЛИ.

Флорентийская республика, город Прато, 1456 год

Среди бесчисленных любовных историй, прекрасных и грустных, которые рассказывают об итальянцах Средних веков и Ренессанса, нет истории, похожей на эту. Ни с кем больше не случалось подобного тому, что произошло между достославным живописцем фра Филиппо Липпи и Лукрецией Бути — девицей поразительной красоты, которую он встретил уже на закате своей жизни.

Нет в этой истории ни бессердечных родителей, ни самоубийств над чужими гробницами, ни поединков в ночи, ни переодеваний, ядов или многолетней мести — всех тех злоключений, которыми наполнял свои новеллы фра Маттео Банделло (у которого, как из бездонного колодца, черпали все, кто желал описывать великих

любовников Италии, даже англичане). Однако ж все равно история их любви была беспримерной и исключительной, поскольку была эта любовь запретной и намеренно нарушила законы Божьи и законы человеческие, чем вызвала изумление у всех современников и запомнилась потомкам.

И, что самое странное, запретная эта любовь не принесла вреда ни самим возлюбленным, ни никому вокруг них, а только оставила нам произведения изысканной красоты и прелести, отраду для взора.

Главным нарушителем заветов в ней был художник, фра Филиппо Липпи, в именовании которого «фра» означает «брат», что указывает прямо на суть проблемы. С восьми лет воспитывался он в монастыре, в пятнадцать принял монашеский постриг и с тех пор всегда ходил в рясе кармелитского ордена, совсем позабыв, что такое светская одежда настоящего мужчины — кальцони эти в облипочку, тесемочки, чтобы их привязать как следует — дабы не сползали, белье, которому должно из-под низу виднеться, а потому — чистотой блистать. Нет уж, насколько лучше подрясник надеть, черную рясу накинуть, белый плащ набросить (и не забыть его снять, когда с красками возишься, чтобы не испачкаться)!

Жил фра Филиппо Липпи в монастырях, писал для церквей и соборов алтарные образы, гонорары ему за них платили аббаты и кардиналы. И вдобавок регулярно получал он жалованье с нескольких мест, где числился капелланом, — это была синекура, рента, которую обеспечили ему покровители.

Но поразительно, при всех этих благах, что давала ему мать-Церковь, не мог никак фра Филиппо отречься от сладостей мирской жизни. А именно — перестать думать о бабах.

Был он настолько «привержен Венере», что при виде женщин, которые ему понравились, был готов отдать последнее ради возможности ими обладать. «И если он не добивался этой возможности никакими средствами, то изображал этих женщин на своих картинах, рассудком охлаждая пыл своей любви»[1], — так сообщает о нем биограф Джорджо Вазари, искренне удивляясь этой способности Липпи спасать свой разум творчеством от пылающего вожделения. Удивлялся Вазари этому умению потому, что «сублимацией» в XVI веке алхимики именовали возгонку твердых веществ в парообразные, а не то, что позже

---

[1] Примечания: 1

Перевод А. И. Венедиктова и А. Г. Габричевского.

Фрейд опознает и латинским словом из древней алхимии окрестит. И без нее любой хороший художник с пылкими страстями выжить не может — как мы теперь отлично знаем, а Вазари, автор сотни жизнеописаний великих живописцев и ваятелей, почему-то не догадывался.

Разных женщин любил фра Филиппо Липпи, все ему нравились — и смуглые темноволосые неаполитанки, и русоволосые сероглазые римлянки, и высокие, и низкие, и тонкие, и упитанные — лишь бы рады были поладить с монашком. Однако среди всего этого разврата и веселия всегда был один типаж женщин, который особенно заставлял его сердце биться, печень трепетать, а руки — тянуться к кисточкам. Ведь заполучить этих красавиц он, как правило, не мог, для других эти красавицы цвели, для благородных и богатых.

Фра Филиппо Липпи. «Успение Богоматери»

(фрагмент), фреска из цикла «Житие девы Марии». 1466–1469 гг. Собор Сполето

Коренастая фигура в монашеском облачении, смотрящая в упор на зрителя, — это автопортрет фра Филиппо Липпи. Стоящие рядом юноши — его ученики фра Диаманте и Пьерматтео д'Амелиа. На этой фреске они — будто бы часть толпы, присутствующей при смерти Девы Марии. Стоят они на достаточно почетном месте — в изножии ее ложа (в то время как апостолы, настоящие свидетели ее Успения, изображены у изголовья). Для средневековых и ренессансных итальянских художников манера вставлять портреты заказчиков и собственные автопортреты в изображения толпы на больших фресковых циклах была совершенно нормальной. При этом заказчики обычно изображаются в профиль, обращенными к Богу и святым, а вот художники общаются с нами, зрителями.

Цикл фресок в соборе Вознесения Богоматери в Сполето — последняя крупная работа художника. Он перебрался в этот город, чтобы расписать храм, закончив украшение собора в Прато, и скончался в процессе выполнения фресок в возрасте 63 лет. Их завершением занимались его ученики.

Такие дамы часто встречаются в Тоскане, напо-

миная о том, что она из итальянских территорий — северная, а также о том, что истинная красота полна мягким и ровным свечением, словно солнце, спрятавшееся за облака. Золотой отлив волос и грациозных линий шея, молочной белизны щеки с легким румянцем, чуть болезненный извив спины — это была красота средневековых Мадонн с алтарных картин и статуй в старинных храмах. Красота святых дев и мучениц, чью святость и девственность эти ангельски прекрасные волосы подчеркивали, будто бы жидким нимбом стекая с головы на плечи. Сосуд греха — женщина, низшее существо по сравнению с мужчиной — так внушали священники пастве и друг другу. Но златовласая Мадонна — это царица мира и Небес, светлый образ, которому не зазорно поклоняться. И оттого художники Италии, когда у них возникала надобность писать Мадонну и других святых дев (а возникала она, сами понимаете, в этих краях и этом временном отрезке постоянно), с чистой совестью вдохновлялись реальной внешностью знакомых златовласых дам — наверно, отнюдь не дев, чьих-то жен, а может быть, даже вообще развратниц. Темпера с доскою ведь все стерпят, главное, чтобы художник был хороший и вдохновился как следует.

А наш герой умел вдохновляться! Изящные дамы Тосканы — жены и дочери банкиров да торговцев шелком и шерстью, ухоженные, душистые, до белизны отмытые, шествовали гордой походкой мимо бедного монашка фра Липпи во время праздников во Флоренции, когда он стоял в толпе, в свите своего покровителя и постоянного покупателя Козимо Медичи (которого позже нарекут «Старым», чтобы не путать его с великим потомком — герцогом). Липпи стоял и смотрел на дам, впитывая их внешность глазами, унося с собою в памяти их лица и тела — мгновенно запоминая во всех подробностях. Всасывая, как губка, так, как это умеют делать художники, тренировавшие свой разум годами, чтобы научиться запоминать увиденное до малейших деталей, забирать с собой целиком в памяти, уносить стайком, будто воры.

Не знал фра Филиппо Липпи, что золото волос многих из этих изысканных донн было даром вовсе не природы, а науки. Результатом алхимии перегонных кубов, золы от сожженного плюща или виноградной лозы, отвара шалфея и розмарина, а еще добавьте квасцов и имбиря (бывала от алхимиков и в быту польза, не все они поиском философского камня занимались, приходилось

им и на жизнь полезными для человечества делами зарабатывать). И хорошо, что не ведал Липпи о том, что волосы крашеные, не портил себе сладостных фантазий, а быстрым шагом шел домой, в мастерскую, садился за мольберт и писал прозрачными красками Мадонну с золотыми локонами, которые теребит ветерок и согревает солнце.

Однажды в 1452 году фра Филиппо Липпи получает очередной крупный заказ. Он соглашается поехать в город Прато, принадлежащий Флорентийской республике, и расписать фресками тамошний собор.

К этому времени Лукреция Бути, вторая грешница в этой истории любви, живет в этом городке уже год, не зная о странностях судьбы, которые ее ожидают.

Отец Лукреции был флорентийцем, как многие в этом славном городе — торговал шелком и шерстью, но до богатств Медичи или Строцци ему было как до луны. После его смерти старший сын как мог разбирался с делами — каждому из дюжины детей надо было найти место и дело. Одна сестра, слава богу, уже замужем, вот и для второй наскребли приданое, а младшие сестрички Лукреция и Спинетта, уж извините, на

вас приданого выделить мы не способны, а во флорентийский монастырь вас отправить дороговато. Но, сказывают, есть в Прато обитель святой Маргариты, небольшая, человек на десять. Туда согласились вас взять и взнос не очень большой попросили, по 50 флоринов с носа, что мы вполне осилить способны, до свидания!

Так и очутилась 16-летняя Лукреция вдали от семьи, от родного дома и города, в новом жилище, в женском общежитии августинского ордена. Обитательниц в монастыре оказалось не десять, а вообще семеро (считая аббатису), и лишь благодаря их с сестрой прибытию стало девятеро. Отдельная келья была только у настоятельницы, благородной дамы из семейства Бовакьези. Все остальные монашки — и старушки, и молодые, жили в общем дормитории, где их койки стояли рядами под белыми прохладными сводами, не мешая, а, наоборот, даже способствуя тому, чтобы вечерами и ночью сплетничать вволю, поверять друг дружке сердечные истории, пересказывать когда-то прочитанные книжки и шептать те мечты, которые у кого-то еще оставались.

А впрочем, с чего бы мечты и чувства должны были в этих женских сердцах поблекнуть? Если б их монастырь находился где-нибудь в лесах или

на горах, посреди благостной природы, в тишине и спокойствии и пении птичек, если бы монахини проводили свои дни в тяжелых трудах за прополкой, или за дойкой коров, или за прочими занятиями, от которых так портятся у женщин ноготочки, а в сердцах поселяется стоицизм, — тогда бы мечты и могли бы выветриться, а души — приблизится к Богу. Но монастырь святой Маргариты был всего лишь небольшим домиком о два-три окошка, затиснутым в углу главной торговой площади города, и кругом кипела мирская жизнь. Шум был непрестанным. Крики торговцев, запахи горячей еды, песенки прохожих, стук копыт конников, проезжающих по мостовой, и бряцание их доспехов звон колоколов соседних мужских монастырей и кафедрального собора Святого Стефана. Самой тяжелой работой сестер была уборка и пение месс в хоре.

Какие искушения одолевали итальянских монахинь в 1450-х годах, и как много они знали о том сладостном жаре, рождающемся в голове и теле женщины, когда она совокупляется с мужчиной? («Неистовом жаре», как назвала его Хильдегарда Бингенская, монахиня ордена бенедиктинцев и католическая святая, впервые в мире описав женский оргазм в своем трактате 1150 года Causae

et curae). Не знаем, не можем сказать. Известно только, что восемьдесят лет спустя божественный Пьетро Аретино, великий поэт, драматург и похабник, считал все монастыри рассадниками такого глубокого порока, что клейма поставить негде. Оттого в его книге «Рассуждения Нанны и Антонии» (диалоге двух куртизанок о том, кем же лучше быть — монашкой, женой или проституткой) первая глава так непотребно описывает обычный вечер в женской обители, что у читателя глаза на лоб лезут. И не только живыми мужчинами — священниками и послушниками — у Аретино монахини утешались, но и длинными стеклянными предметами с «бубенцами», которые специально для них стеклодувы острова Мурано изготавливали нужной формы и размера, чтобы удобно в руку ложились.

Но за восемьдесят лет нравы могут испортиться сильно, кому, как не нам, живущим здесь, знать об этом. Так что предположим, что тосканские монахини пятнадцатого века были наивней и чище венецианских монахинь века шестнадцатого, и предположим обоснованно, что о плотском они лишь шептались, причем не ведая до конца всей правды, подобно тому, как шептались ночью девчонки-старшеклассницы в жарких палатах

советских пионерлагерей.

Лукреция ничего не знала о любви и потому об ее отсутствии не горевала. Тоска по дому потихоньку уходила, вдобавок ведь любимая младшая сестра Спинетта была рядом с нею, а вместе — всегда смелее. И новые «сестры» тоже стали почти как сестры. Только настоятельница, матушка Бартоломмеа де Бовакьези, была вредная тетка: на подопечных своих орала и заставляла по десять раз оттирать на полу пятна, которые давно уже были оттерты, и не скупилась иногда на пощечины.

Больше всего тосковала Лукреция — хотя знала, что суетность это и тщеславие — по тому, что в детстве и юности составляло главное ее сокровище. Ее единственное личное золото, которое никто из родителей, братьев и сестер отобрать, из жадности ли, из зависти ли, способен не был. Локоны! Всю жизнь, с младенчества, золотые пряди вились вокруг ее головы, как лучики солнца, и когда маленькая Лукреция вбегала в комнату, все умилялись ее ангельской красоте. С возрастом волосы не потемнели, и, в отличие от шевелюр богатых флорентиек, в алхимических средствах не нуждались.

При жизни отца, готовясь к поискам жениха,

юная Лукреция отрастила длинные косы, которыми гордилась заслуженно.

Но невестам Христовым локоны не нужны.

По обычаю, посвящая себя Господу, мужчины и женщины себе волосы всегда обрезали. По глубинному смыслу это подобно тому, как язычники ранее посвящали свои пряди Аполлону или Юпитеру. Но вслух говорилось, что это в память о том, как римляне брили головы своим рабам — «ведь все мы рабы Христовы». С мужчинами при постриге в монахи обходились мягче: им всего лишь выбривали «блюдечко» на голове — тонзуру, которую тем, кто лысел, потом даже и не было надобности подновлять. Мужчины могли ходить с непокрытой головой. А женщина, как мы помним, это ведь сосуд греха, и внешний облик ее весь способен ввести добродетельного человека в соблазн. А мужчину надо от соблазна защищать. Поэтому спрятать! Спрятать все! Запястья, ступни и, конечно, волосы. Лучше бы, конечно, и все лицо целиком прикрывать, но все же мы — не поганые магометане, так что пусть будет хотя бы головное покрывало. Поплотнее пригнанное, чтобы ни волоска не было вылезало!

До самого обряда, который капеллан монастыря провел над нею и сестрой под белыми сводами

маленького церковного зальчика внутри монастырского дома, Лукреция и не задумывалась, что «пострижение в монашки» буквально-то и значит пострижение. Фра Антонио щелкал ножницами, и золото волос падало на ее плечи, колени, на холодный пол. Потом вместе со Спинеттой — теперь «сестрой Екатериной», в честь святой Екатерины Сиенской, они собрали свои волосы в маленькую корзиночку, которую поставили у ног Распятия, посвящая Господу символ своего женского тщеславия, знак своей уязвимости и слабости.

Но на одном этом обряде кошмар не закончился.

Все те годы, которые Лукреция (теперь «сестра Мария») провела в обители, кошмар все длился и длился.

Волосы ведь отрастали снова.

И раз в месяц, неумело щелкая туповатыми дешевыми ножницами, монашки обстригали друг друга. На службах перед капелланом, который приходил служить мессы в монастырь (женщинам ведь нельзя быть священниками — они существа низшие, неразумные), монахини появлялись с покрытой головой, под черными покрывалами, плотно прилегающими к голове.

Такими же их видел обычный люд в церквях и на улицах. Но под этими строгими черно-белыми облачениями скрывались неумелые короткие стрижки, обкорнанные пряди разной длины, иногда даже царапины от неловкого движения подруги. Слава богу, аббатиса не заставляла их обриваться налысо — говорят, в других женских монастырях такое бывало. Но и так Лукреция рыдала, каждый месяц подвергая себя этой пытке и ненавидя это обыкновение даже сильнее, чем женщины ненавидят другие ежемесячно случающиеся с ними дела.

На праздник Епифании 1456 года, то есть в январе, исполнилось пять лет, как девица Лукреция Бути, ныне сестра Мария, прожила в монастыре, и к этому дню она знала о любви и мужчинах все, что совокупно имелось в памяти ее товарок по общежитию. То есть — у сестры Симоны, которая успела лишь единожды побарахтаться со своим кавалером, прежде чем отец ее застукал и отослал в монастырь (она помнила только нелепую возню и потом боль); у двух вдовиц, одна из которых была так порвана первыми родами и устала от следующих пятнадцати, что считала коитус проклятием Сатаны, а вторая всю жизнь любила своего давно умершего кузена, а вес

мужа терпела стиснув зубы; двух старушек, которые так истончились от возраста, что помнили лишь о еде и мечтали лишь о ней. А также у двух девственниц, которые не знали вообще ничего, но зато наизусть выучили два десятка сонетов Петрарки и тайно протащили с собой экземпляр боккаччиевского «Декамерона». Кстати, Данте им аббатиса читать разрешала — а ведь там столь много строк о любви, о его необыкновенной, светозарной любви к несравненной Беатриче.

Лукреция Бути мечтала, чтоб кто-то ее полюбил, как Данте Алигьери свою прекрасную донну — но, впрочем, смеялась и над похабщиной Боккаччо, хотя и плакала над его новеллой о несчастной возлюбленной, хранившей отрубленную голову любимого в горшке с базиликом.

Аббатиса наверняка знала о любви гораздо больше, но кто б с ней стал советоваться и просить рассказов старой мегеры.

По воскресеньям и на крупные праздники — например, в честь перенесения Пояса Пресвятой Богородицы (который, как известно, издавна хранится у нас в Прато, а не в каком-нибудь там Ватопеде), сестры отправлялись на службу в кафедральный собор. Было интересно смотреть на епископа, на толпу, а еще на то, как древний храм

постепенно расцвечивался с помощью лучших художников Италии, на приглашение которых в городе деньжищ не жалели.

Красив, очень красив был кафедральный собор города Прато, собор святого Стефана Первомученика! Здание было старинным, древним, но фасад его сверкал новехонькими полосками белого известняка и местного зеленого мрамора, за которым и из Флоренции, и из Сиены приезжают, чтобы и у себя красоту такую иметь.

На углу собора с давних пор возвышался гигантский балкон, чтобы в праздник толпе показывать с него Пояс Богородицы. Старый балкон обветшал, поэтому лет тридцать назад Козимо Медичи прислал из Флоренции двух своих любимых мастеров — Донателло и Микелоццо ди Бартоломео, и они воздвигли новый, красоты несказанной, с рельефами в античном духе.

И особенно сладостно было разглядывать фрески.

Капеллу по правую сторону от алтаря лет двадцать назад расписали Андреа ди Джусто и Паоло Уччелло, расписали историями Богородицы и святого Стефана. Особенно Лукреция любила разглядывать здесь фреску, где маленькая Мария, еще девочка, мимо розовых стен Иерусалимского

Храма поднимается по белым ступеням, чтобы стать его служительницей. А левую капеллу кто-то, она забыла имя, в начале века украсил историями Святого Иакова и Святой Маргариты. Хоть эта дева и была покровительницей их монастыря, Лукреции эти фрески нравились меньше, чем уччелловские.

Центральный же неф был для Лукреции отдельной сказкой. До самых ребер высоких сводов он был покрыт белоснежной штукатуркой, по которой прямо на ее глазах, медленно-медленно кистью живописца ткалось многокрасочное полотно великолепных фресок. Потолок стал синим и покрылся золотыми звездами, среди которых на облаках принялись восседать четыре евангелиста, попирая седалищами своих многооких зверушек. Вдоль левой стены стояли деревянные леса, по которым — когда в соборе еще не было прихожан и если священник разрешал — можно было залезть наверх и поразглядывать уже законченную сцену рождения святого Стефана и ту, которая была чуть пониже, еще только в контурах — про начало его проповеднической миссии.

Фра Филиппо Липпи. «Рождение св. Стефана и его подмена демоном», фреска из цикла «Житие св. Стефана». 1452–1465 гг. Собор Прато

Главная капелла кафедрального собора города Прато, посвященного святому Стефану, расписывалась фра Филиппо Липпи с помощью учеников в течение 14 лет. Фрески на левой стене рассказывают историю святого: его рождение, служение и мученическую кончину от побивания камнями. Фрески на правой стене посвящены святому Иоанну Крестителю — святому покровителю Флоренции, которой принадлежал Прато.

Первая фреска цикла, расположенная в полу-

круглом люнете, показывает, как новорожденного Стефана прямо у ложа его матери, из-под носа у повитух и служанок, похищает крылатый демон и подменяет его двойником. Похищенному Стефану придется многое пережить, прежде чем его учителем станет епископ Юлиан: их встреча изображена в правой части люнета.

Как зачарованная, вглядывалась Лукреция в верхнюю сцену. Изображенная в ней комната благодаря гигантским размерам будто вбирала зрительницу в себя, и Лукреция словно оказывалась в спальне матери Стефана посреди ее служанок. У изножья кровати пугающий крылатый демон подменял младенца Стефана на его двойника, но Лукрецию привлекало совсем другое — прекрасные женщины, которых на фреске было целых шесть. И все они, как одна, были тосканской красоты и изящества, с теми складками обвивающих фигуру одеяний, которые поколением художников позже назовут «боттичеллиевскими».

Лукреция всматривалась в красоту этих женщин и узнавала в их лицах себя — такой, какой она помнила себя еще до пострига, дома, когда у нее еще было зеркальце и она могла в него смотреться. Уже давно она не видела своего лица — в

монастыре не имелось зеркал, а сестра Спинетта была на нее не похожа. Головы героинь фрески были покрыты, волосы спрятаны (ведь все это были приличные замужние женщины), но Лукреция все равно узнавала в них себя — ту, какой она была до монастыря, ту, которой она могла бы стать, полюби ее кто-нибудь и возьми замуж.

Конечно, монашенки из обители святой Маргариты, как и все посещавшие собор горожане, знали, кто именно сейчас его расписывает. Это был знаменитый живописец из Флоренции, любимый художник владыки города Козимо Медичи — 50-летний монах кармелитского ордена, фра Филиппо ди Томмазо Липпи. Медленно весьма, кстати, расписывает, в договоре предусматривалось побыстрее, и немало лир уже из городского совета вытянул. Но все ему прощалось, настолько славно было его имя, могущественны покровители и, главное, великолепен итоговый труд.

Почему сердце Лукреции Бути потянулось именно к нему? Почему, например, не к его подмастерью фра Диаманте, тоже художнику, но на 25 лет моложе и намного стройнее? Он, в конце концов, тоже был монах, но гораздо симпатичней! Ничем другим, кроме как силой личности, обаяния, темперамента, силой таланта великого

художника (а фра Филиппо, безусловно, был мастером более талантливым, чем фра Диаманте — вы вообще когда-нибудь о нем слышали?), мы этот выбор Лукрецией объекта своей влюбленности объяснить не можем.

Как-то аббатиса отправила Лукрецию в богатый дом, забрать какое-то пожертвование монастырю. Это был дом флорентийцев Бартолини. В главной зале она не могла отвести взгляд от висящего тондо, то есть картины новомодной идеальной круглой формы.

— Это написал для нас Липпи несколько лет назад, когда только приехал в Прато, — с гордостью объяснила ей хозяйка.

Фра Филиппо Липпи. «Тондо Бартолини». 1452–1453 гг.

Палатинская галерея (Флоренция)

Эта картина — пример из числа более ранних «Мадонн» фра Филиппо Липпи, чем «Ла Липпина», однако для своего времени она тоже была новаторской. На заднем плане художник поме-

стил архитектурный фон, а также два сюжета из жития девы Марии: справа — встреча ее родителей Иоакима и Анны у Золотых ворот (т. е. ее зачатие), а слева — ее рождение Анной. Второстепенные женские персонажи одеты в шелковистые одеяния, облегающие фигуры и струящиеся от ветра, — это самое раннее появление мотива, который станет для флорентийского искусства одним из любимых. Женщина с корзиной на голове также станет сквозным персонажем.

Внешность Мадонны относится к тому же типажу, что Лукреция Бути, поэтому существует версия, что фра Филиппо Липпи познакомился со своей возлюбленной не в 1456 году, а на несколько лет раньше, возможно, еще во Флоренции, до ее ухода в монастырь, — но эта версия считается недоказуемой и слишком романтичной.

Картина изображала юную Мадонну — ей, наверно, было лет двадцать, как сейчас Лукреции. Золотые волосы были едва прикрыты головным убором. На Марии было надето красной платье по современной флорентийской моде. Лукреция долго всматривалась в ее лицо. Ее уже совершенно не удивляло, что Липпи умел писать ее портреты, не будучи с ней знакомым. Обе девушки, нарисованная и живая, различались только в

одном. Лукреция вздохнула: у Марии на картине были идеально выщипанные тонкие брови, а если она попробует сделать такие в монастыре, настоятельница ее выпорет. Да и как их можно сделать без зеркала и серебряных щипчиков, которые хорошо выдергивают волосы и поэтому так редки? А вот высокий выбритый лоб легко можно устроить, его так просто скрыть под головным покрывалом, приходит в голову Лукреции. Из чужого дома, увидев «Тондо Бартолини», еще более прекрасное и детальное, чем фрески Липпи в соборе, потому что темпера всегда письмом тщательней фресок, Лукреция вернулась совершенно ошеломленная.

Бывают такие влюбленности, которые могут длиться лишь день, накатывая с утра, как настойчивая, неотвратимо наглая морская волна. А к вечеру она уходит, отбегая назад, оставляя на гальке твоей жизни мелкий мусор, водоросли и белесые тающие клочья пены. Утром просыпаешься и с легким недоумением думаешь — что это было, почему этот человек так взволновал тебя, почему он настолько сильно занял твои мысли, вытеснил все остальные? Иногда такие внезапные увлечения, «залипания» («зацикливания» — в конце концов!) длятся несколько дней,

неделю, и, когда они рассеиваются, — чувствуешь облегчение: морок спал, яд выведен из организма, можно дальше жить своей жизнью и заниматься накопившимися делами.

У Лукреции никаких дел не было. Ее жизнь, сердце, голова годами были абсолютно пусты. Когда ей показали, кто именно из этих монахов знаменитый художник, она удивилась. Когда она увидела, как уверенно он движется, как свободно разговаривает с провостом собора, синьором Джеминиано Ингирами — такой важной персоной, она уже не могла отвести от него взгляд. И каждый раз, когда оказывалась поблизости от Липпи, пристально разглядывала его, ловя момент, когда его взгляд внимательно и насмешливо скользит по лицам собеседников, а когда, наоборот, становится отстраненным, погруженным в собственные мысли. Это казалось ей особенно завораживающим.

Впрочем, довольно-таки часто фра Филиппо Липпи беззастенчиво вглядывался в женщин города Прато, роскошно разодетых в самые богатые шелка и бархат, не зря же Прато славится своими тканями по всему миру, их даже до диких московитов довозят. В самом Прато, кстати, считали, что их ткани лучше флорентийских.

Толпа женщин в первых рядах в соборе, на самых почетных местах, по разнообразию красок была похожа на цветущий луг. Алые платья, зеленые, голубые, карминовые и шафрановые, затканные и вышитые самыми волшебными узорами, с пристегнутыми рукавами контрастных цветов и волочащимися шлейфами. Волосы, уши, шеи, украшенные сверкающими драгоценностями, на головах — покрывала и ткани. Локоны, виднеющиеся из-под уборов, заплетенные косы, красные губы, улыбки. Все это притягивало внимание фра Филиппо Липпи, и вовсе не потому, что, как художник, он любил яркие краски.

«Сестра Мария» знала это с уверенностью, которая обжигала ее горькой болью. Потому что никогда художник не смотрел на те места, где располагались они, монахини. Их однообразные черно-белые облачения не привлекали его взор. Как кучка шахмат, высыпанных из ящичка, они казались ему неинтересными. Их личики, торчащие из головных уборов, были для него одинаковыми — белесыми, безвольными, безжизненными. В общем, такими они и были в реальности. Кроме, конечно, лица матушки аббатисы Бартоломмеи де Бовакьези, которая упивалась своей властью, и это сладострастие

отражалось на ее жирноватой тяжеловесной физиономии.

Как курицы, монахини обители святой Маргариты, а также других женских монастырей, приходивших на службы в кафедральный собор, шествовали по проходам, занимали свои места и молились, молились, не интересуя совершенно никого из окружающих, кроме своих надзирательниц. Глупая влюбленность монахини в монаха-художника так и осталась бы всего лишь предметом шуток ее соседок по дортуару, предметом исповеди монастырскому капеллану и сладким воспоминанием на смертном одре, если бы не нелепая случайность. Монастырский капеллан фра Антонио, тот самый, который несколько лет назад постригал Лукрецию и Спинетту, упал в Бисенцио, быстро был из реки выловлен, однако все равно простудился и умер. Место стало вакантным, а оно, между прочим, приносило 120 флоринов в год! Кому не нужны лишние 120 флоринов? Один из местных покровителей фра Филиппо Липпи, который знал, как художник постоянно нуждается в деньгах, решил оказать ему благодеяние и обеспечил ему эту должность — практически синекуру: так, раз в неделю зайти и окормить монашенок.

Итак, в январе 1456 года Липпи впервые пришел в монастырь, уже несколько лет служивший единственным домом Лукреции Бути. К этому времени 21-летняя монахиня уже несколько месяцев была влюблена в него яростно. Влюблена с той неукротимой настойчивостью, какая бывает у старых дев, которые точно знают, что объект их страсти никогда, никогда не обратит на них внимание.

И вот, в помещении монастырской церкви фра Филиппо увидел своих новых подопечных. Насельницы обители сливались в его глазах в единую многоголовую массу в черно-белых одеяниях, он различал лишь важное лицо, аббатису. Новая работа, какой бы синекурой она ни была, не радовала Липпи — ему было чем заняться помимо нее: дальше расписывать собор, работать над частными заказами в своей мастерской, есть, пить, гулять по прекрасному городу Прато и, разумеется, глазеть на юных девиц и зрелых матрон, наряженных в разноцветные платья, а то и не просто глазеть, как повезет. Обычным горожанкам дозволено намного больше, чем невестам Христовым.

И Липпи без интереса обвел взглядом женщин — двух старушек, истончившихся от возраста,

двух немолодых усталых теток, очевидно, вдовиц, а также пятерых монахинь помоложе. Он не стал их разглядывать. Ему было неинтересно. Он не любил на женщинах бесформенные черно-белые наряды, хоть сам всю жизнь ходил в такой же рясе. Может быть, поэтому и не любил. Монашеские облачения были придуманы специально, чтобы лишить женщин привлекательности, и Липпи считал, что они с этим заданием прекрасно справляются. Он ждал конца церемонии официального представления. Дома его ждал прекрасно приготовленный обед. На вспышку шепота, которым разразились при его появлении монахини помоложе, на густой румянец, покрывший щеки одной из них, на ее огненный взгляд он не обратил никакого внимания.

Лукреция алчно ждала этого официального представления нового капеллана. Она долго готовилась к этой встрече, она верила, нет, она точно знала, что фра Филиппо Липпи, как только встретится с ней взглядом, сразу почувствует ее любовь и преисполнится ответной, столь же горячей и искренней! Что будет дальше, впрочем, Лукреция не нафантазировала, ведь для двух монахов никакого «дальше» быть и не может: к свадебному пиру это уж точно не приведет. Но

как ни сверлила она его влюбленным взором, как ни хихикали сестра Спинетта и другие девушки — фра Филиппо не взглянул внимательно ни на одну из них. Он произнес приветственную речь, благословил, а потом удалился быстрым шагом.

Едва Липпи ушел из монастыря, аббатиса Лукрецию выпорола.

В следующие полтора месяца фра Филиппо Липпи вполне освоился со своей дополнительной работой монастырским капелланом. Главное, чем он занимался во время редких визитов сюда, — это убеждением аббатисы, что ей совершенно необходимо заказать в монастырскую молельню большой алтарный образ его работы с изображением Мадонны, святых и, конечно, самой Бартоломмеи де Бовакьези, почтительно коленопреклоненной где-нибудь в уголке. Процесс уговоров шел вполне успешно, но аббатиса пока колебалась — художник просил дорого (хотя средства у дамы имелись). Пытаясь поладить с надменной старухой, фра Филиппо совершенно не замечал, что какая-то девушка постоянно попадается ему в коридорах.

Это, конечно, была уже мужская старость. Ему стукнуло пятьдесят. Лет пять назад он бы зажал ее в углу, не обращая внимания на рясу, уж боль-

но настойчиво Лукреция натыкалась на него в небольшом монастыре. Его тело раньше реагировало на такие намеки, не задумываясь. Теперь — нет, он даже не запомнил ее лица.

Для Лукреции каждая подобная встреча была путешествием между раем и адом стремительней дантовского маршрута. Ведь Данте передвигался между сферами задумчиво, неторопливо, как бы сказали сегодня — акклиматизируясь. А она успевала за одну секунду воспарить в небеса наслаждения и тут же мгновенно ринутся в бездну разочарования. Все это проделывали его вежливые улыбки, случайные взгляды и прикосновения. Ночами она не могла заснуть, воспроизводя в памяти каждое мгновение, проведенное рядом с ним, каждый его жест, как он хмурился, как молился, как благословлял, какой след голубой краски она увидела на его руке и как она сладострастно захотела покрыть это место поцелуями. Тело ее сжигал сатанинский жар. Влюбленность девицы была отнюдь не платонической.

Тем временем фра Филиппо пригласил аббатису заглянуть в его мастерскую, чтобы она собственными глазами увидела его темперные работы и попыталась в красках представить,

насколько роскошным может стать заказанный ею алтарь, если она все-таки наберется смелости его заказать. Он уже сделал несколько набросков композиции, ей будет интересно.

Аббатиса согласилась прийти. С собой для солидности она взяла подчиненных — двух первых же монашек, которые подвернулись под руку. Одной из них случайно оказалась Лукреция. Впрочем, не так уж и случайно: она подслушивала.

И они отправились в дом художника. Идти было недалеко. Дом Липпи располагался на той же торговой площади, что и монастырь. Он не арендовал его, а сразу купил — несколько лет назад, вскоре после приезда в Прато, ведь ясно было, что расписать собор фресками — это задание лет на десять. Там он устроил себе мастерскую, в которой работал над смешиванием красок, эскизами, а также над заказами на картины.

Фра Филиппо Липпо и его ученик фра Диаманти, молодой красавчик, гостеприимно приняли возможную клиентку. Они водили аббатису по мастерской, показывая ей почти законченную картину для другого заказчика, разворачивали перед ней лист с эскизом ее мечты. Бартоломмея де Бовакьези хотела, чтобы в центре была, конечно, Мадонна, а в руках у нее была главная

священная реликвия города Прато — ее пояс, тот самый, который хранился в соборе святого Стефана и праздник в честь которого отмечался 1 мая. Рядом с троном Мадонны стоял святой апостол Фома Неверующий, которому она скинула эту реликвию с неба, чтобы он уверовал. Еще там надо было написать святую Маргариту, потому что монастырь был в честь нее, и Блаженного Августина, потому что монастырь был августинский. Саму аббатису на коленях в уголке, и чтобы Маргарита ее ласково трогала. Кого еще добавить для симметрии, художник не придумал, но, в общем, такие вещи же должен решать заказчик, что вы скажете, уважаемая аббатиса?

По католической легенде, апостол Фома Неверующий опоздал на Успение и погребение Девы Марии. После его приезда другие апостолы открыли ему ее гробницу, чтобы он убедился в ее смерти, но внутри оказалось пусто. Чтобы убедить Фому в своей кончине и Вознесении, дева Мария явилась ему и сбросила с неба свой пояс — в дальнейшем священную реликвию «Пояс Пресвятой Богородицы» («Сакра Чинтола»). В Прато считали, что в XII веке Пояс был привезен в их город из Иерусалима. С той поры он стал главной святыней Прато, а его ежегодный праздник до

сих пор привлекает множество верующих.

Фра Филиппо Липпи и фра Диаманте. «Мадонна делла Чинтола» («Мадонна в Успении, дающая свой Пояс св. Фоме, со свв. Григорием, Маргаритой, Августином, архангелом Рафаилом

и Товией»). 1456–1460 гг. Городской музей (Прато)

Картина была заказана настоятельницей монастыря — Бартоломмеей де Бовакьези, которая изображена в левом нижнем углу коленопреклоненной «в молении». На ее плечо положила руку покровительница монастыря святая Маргарита — по легенде, для нее позировала Лукреция Бути (так оно или не так — неизвестно, однако сходство с любимым типажом художника несомненно).

Закончив эту пламенную речь — о, фра Филиппо умел себя продавать и богатым клиентам, и красивым женщинам, — он случайно перевел взгляд на монахиню, которая стояла позади левого плеча аббатисы.

Он впервые увидел Лукрецию при ярком освещении, обязательном для мастерской художника.

И он покачнулся от того восторга, с которым девушка на него смотрела.

Как бы ни хорош был фра Филиппо в качестве живописца, никто никогда не смотрел на него так, одновременно соединяя восхищение и его талантами, и мужской статью (ну, кроме парочки галантных синьоров, изящных знатоков живописи из высших слоев общества, но Липпи был не из тех, кто любил «натягивать флорентийский

сапог», поэтому пренебрегал их преклонением). Какой настоящий мужчина мог устоять перед таким восторженным женским взором? Только те, для кого они стали повседневностью — Ференц, Рудольфо, Элвис, Джон, Пол, Джордж и Ринго, Джастин. 50-летний фра Филиппо Липпи — нет, не мог.

Переговоры по поводу «Мадонны с поясом» длились еще час, но теперь он их поддерживал с большим трудом, потому что постоянно отвлекался на разглядывание Лукреции, ее огромных серых глаз и тоненьких, аккуратно выщипанных бровей.

Эйфорию, которую испытала она, осознав, что именно происходит в эти волшебные секунды, каждая из которых длилась бесконечно долго, мы и не будем пытаться описывать. Если вам доводилось так же страдать от любви, вы и сами это помните, сколько бы лет ни прошло, если же никогда — то и самые точные слова тут не помогут.

Тем временем преданный ученик фра Диаманти хлопотал, даже не понимая, о чем именно хлопочет:

— Картина может быть написана быстрее, если вы предоставите нам натурщиц для нее. Очень сложно найти людей, которые согласились бы

часами позировать для таких сложных композиций.

Аббатиса на это ему отвечала с гневом:

— Монахини не могут заниматься такими вещами! Это же вопиющее неприличие!

— Но достопочтенный учитель ведь тоже монах, как все мы, его ученики и помощники…

Но рассерженная Бартоломмея де Бовакьези резко оборвала его, и фра Диаманти с грустью подумал, что опять для женских фигур ему придется позировать самому в женском платье. Впрочем, фра Липпи умел придавать зарисовкам даже такого рода необыкновенную женственность, столь богата была его фантазия.

Вскоре аббатиса с двумя сестрами покинула помещение, оставив фра Филиппо молчащим и совершенно ошеломленным. Лукреция шла последней, позади начальницы. Оглянувшись на художника, она совершила абсолютно непозволительный поступок — быстро стащила с головы монашеский плат, сделав то, что спланировала уже давно.

Несколько месяцев назад она уговорила подруг по монастырю поддержать ее маленькую тайну: все это время Лукреция по секрету от аббатисы не остригала волос. И теперь Филиппо увидел, как

ее локоны, хоть пока еще и довольно короткие, всего лишь до плеч, рассыпались, окружив голову Лукреции сиянием.

Сверкающим нимбом золотых лучей.

* * *

Спустя три месяца город Прато, город Флоренция, а также многие в Ватикане были шокированы удивительной новостью. Первого мая, в праздничный день Перенесения Пояса Богоматери, знаменитый художник фра Филиппо Липпи нагло похитил из женского монастыря сестру Лукрецию Бути и стал жить с ней в открытом греховном сожительстве в своем доме — на той же площади, буквально напротив.

Аббатиса Бартоломмея де Бовакьези не получила никакой помощи от городских властей — они боялись тронуть фра Филиппо, потому что он мог бросить собор недописанным, вдобавок ему покровительствовали Медичи. Поэтому она так избила сестру беглянки, бедную Спинетту, что та, вся в синяках и крови, выбежала из монастыря, пересекла площадь и скрылась в доме фра Филиппо. И осталась там жить с сестрой.

Фра Филиппо Липпи. «Пир Ирода» (фрагмент), фреска из цикла «Житие св. Иоанна Крестителя». 1452–1465 гг. Собор Прато

ЭТА ФРЕСКА, ВОЗМОЖНО, ПОСЛЕДНЯЯ, ВЫПОЛНЕННАЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ В СОБОРЕ ПРАТО. ОНА ИЗОБРАЖАЕТ ПИР ЦАРЯ ИРОДА И ТАНЕЦ САЛОМЕИ, ИЗ-ЗА КОТОРОГО ИОАННУ КРЕСТИТЕЛЮ ОТРУБИЛИ ГОЛОВУ.

В ФИГУРЕ САЛОМЕИ, ТАНЦУЮЩЕЙ С РАСПУЩЕННЫМИ ВОЛОСАМИ, ПРИНЯТО УЗНАВАТЬ ЛУКРЕЦИЮ БУТИ.

Несколько дней спустя три оставшиеся молодые монахини — Пьера Сенси, Симона Лоттьери и Бригида Перуцци, доведенные до предела разбушевавшейся аббатисой, оправданно подозревавшей их в сообщничестве, также сбежали из монастыря в дом Липпи. Матушка Бартоломмея, оставшись всего с четырьмя старухами-подчиненными, впала в такую ярость, что скончалась от излияния в мозг.

Молодые монахини из дома Липпи вернутся обратно в обитель только через два года, после долгих переговоров с новой настоятельницей. Они примут повторный постриг, который проведет сам епископ.

Последняя фреска, выполненная Липпи для собора Прато, посвящена Пиру Ирода и казни Иоанна Крестителя. Главной фигурой на этой фреске стала Саломея — прекрасная блондинка, весело танцующая с распущенными волосами.

В положенное время Лукреция родила хорошенького мальчика, которому будет суждено вырасти известным художником Филиппино Липпи.

Никаких серьезных последствий для обоих влюбленных со стороны Церкви эта история не имела. Только фра Филиппо все-таки уволили с должности капеллана монастыря святой Маргариты, и то не сразу.

И «Мадонну с Поясом» недописанной поставили к стенке мастерской.

Только шесть лет спустя ее, так уж и быть, доделает для монастыря фра Диаманти. Новому ученику Липпи по имени Сандро Боттичелли эту работу не доверили, хотя уже было ясно, что он восхитительно умеет писать блондинок.

№ 2. Спокойствие Чечилии Галлерани

Леонардо да Винчи. «Дама с горностаем». 1489–1490 гг.

Национальный музей (Краков)

ОДИН ИЗ ЧЕТЫРЕХ ЖЕНСКИХ ПОРТРЕТОВ КИСТИ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. ТРАДИЦИОННО СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ОН НАПИСАН ПО ЗАКАЗУ ЕГО ПОКРОВИТЕЛЯ, ПРАВИТЕЛЯ МИЛАНА ЛОДОВИКО СФОРЦА, И ИЗОБРАЖАЕТ ЕГО ФАВОРИТКУ ЧЕЧИЛИЮ ГАЛЛЕРАНИ. ЭТО ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ОСНОВАНО НА СЛОВЕСНОМ ОПИСАНИИ НЕКОЕГО ЕЕ ПОРТРЕТА РАБОТЫ ЛЕОНАРДО, НА ВОЗМОЖНОМ РЕБУСЕ, СВЯЗАННОМ С ЕЕ ФАМИЛИЕЙ (ГОРНОСТАЙ ПО-ГРЕЧЕСКИ — «ГАЛЕ») И ДРУГИХ АРГУМЕНТАХ.

СОВРЕМЕННИКИ ВОСХИЩАЛИСЬ СЛОЖНОЙ ПОЗОЙ ИЗОБРАЖЕННОЙ: ЕЕ ФИГУРА РАЗВЕРНУТА ВПОЛОБОРОТА, А САМА ОНА БУДТО К ЧЕМУ-ТО ПРИСЛУШИВАЕТСЯ. ЭТО ЕЩЕ ОДНО ПРОЯВЛЕНИЕ НОВАТОРСТВА ЛЕОНАРДО, ПОСКОЛЬКУ ТРАДИЦИОННЫЙ ПОРТРЕТНЫЙ ЖАНР ТОЙ ЭПОХИ ЕДВА НАЧАЛ ОТХОДИТЬ ОТ ЗАСТЫВШИХ ПРОФИЛЬНЫХ ПОРТРЕТОВ XV ВЕКА И ПОДОБНАЯ НЕПРОСТАЯ КОМПОЗИЦИЯ И ОТРАЖЕНИЕ СЛОЖНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В ПОРТРЕТНОЙ ЖИВОПИСИ БЫЛИ РЕДКОСТЬЮ.

Милан, 1489 год

Разных женщин любил в своей жизни великолепный герцог миланский Лодовико Сфорца. И все они обожали его, обожали и боготворили. Лишь одна из прошлых его возлюбленных, нежная Чечилия Галлерани, чей портрет кисти Леонардо герцог даже хранил в своей опочивальне, смотрела на него порой такими испуганными, странными глазами, что он сомневался в ее страсти к себе. Но потом, встряхивая головой, Лодовико выкидывал эту мысль, как животные вытряхивают затекшую в уши воду. Он верил в ее чувства, верил — и ошибался.

Ибо среди четырех темпераментов, описанных знаменитым медикусом Клавдием Галеном в X веке до Рождества Господа нашего Иисуса Христа, меланхоликов назовем мы самыми печальными, а флегматиков — самыми безмятежными. И то, и другое, бесспорно, лишь грубый контур описания человеческих душ. Особенно это видно, если мы расскажем о Чечилии Галлерани, графине Сан-Джованни-ин-Кроче — даме несравненных достоинств, но темперамента самого загадочного, ибо нет ничего более загадочного, чем спокойствие лесного озера, в глубинах которого Бог весть какие скрываются страсти.

По крайней мере, так думал о ней, одной из красивейших дам Милана, один брат-доминиканец, более проницательный, чем герцог Лодовико Сфорца. И хоть носил сей брат, звавшийся Маттео Банделло, рясу, выбривал тонзуру и жил в монастыре Санта Мария делла Грацие — том самом, на роспись трапезной которой мастер Леонардо потратил четыре с лишком года (и то почти сразу начало осыпаться), но это не делало его слепцом или скопцом. В женщинах фра Банделло разбирался так, что еще поискать ему соперников. Ведь недаром в юности, сопровождая своего дядю — генерала ордена, Банделло объездил всю Италию и танцевал, и пьянствовал при каждом дворе, в каждом герцогстве и графстве. И недаром в Риме он наслаждался ласками столь прославленных куртизанок, как Красавица Империа и Изабелла Луна, и вздыхал, подобно провансальскому трубадуру, у ног королевы Беатриче д'Арагона, вдовы Матьяша I — правителя дикой Унгарии. Да что говорить — это ведь тот самый фра Маттео Банделло, собрание новелл которого ничуть не хуже «Декамерона» Боккаччо и «Гептамерона» Маргариты Наваррской, и прогремело бы так же, удосужься он дать ему тоже какое-нибудь мудреное название по-гречески.

Графиня Чечилия заняла особое место в сердце сластолюбивого доминиканца, лишь когда он стал уже немолод. Седеющему сибариту нравилось приходить в дом к отставной любовнице герцога и отдыхать среди других гостей, изящных дам и кавалеров, острословов и стихотворцев. Он следил за ее гладкими плечами, по тогдашней моде выпрыгивавшими из выреза сорочки, слушал, как она читала свои стихи нежным голосочком с миланским выговором. Ему нравилось, что эти стихи оказывались не по-любительски умны и искусны. Банделло обожал манеры графини, ее обходительность: она так умела говорить с каждым, что все вокруг пребывали в гармонии и счастии. Никогда она не повышала голоса и не предавалась черным чувствам. Бывала она, пожалуй, иногда чуть восторженна, но не более того.

Банделло знал, что эта сладость манер и спокойная красота были присущи графине всегда, хоть он и не помнил ее в юности: разговоры о тех годах и ее молодой прелести он только слышал.

Впервые Банделло узнал о существовании Чечилии, кажется, лет пятнадцать назад. Тогда было совершено убийство, и преступником оказался сын покойного Фацио Галлерани. Сей Фацио при жизни был герцогским придворным в должности

magister ducalis intratarum, или, как еще говорят, referendario-generale, то есть человеком не из последних. Но в Милане судачили, что герцог Лодовико Сфорца (тогда еще герцог города Бари, а не самого Милана, ибо племянник его был еще жив) уберег этого сына от возмездия не по заслугам мертвого отца. А из-за горячих просьб своей юной возлюбленной Чечилии, которая обнимала его колени, и обливалась слезами, и умоляла пощадить брата.

Но все было совсем не так, хоть Банделло узнать об этом было неоткуда.

* * *

В родительском доме ей было тесно, бедно, громко. Отец referendario-generale умер, когда ей было семь, какие-то деньги он оставил, но их почему-то всегда было мало. Мать пыталась управлять домашним хаосом, но нелепо. Дом был набит братьями Чечилии. Они вечно были вокруг, горластые, хвастливые: Сиджерио, Лодовико, Джованни Стефано, Федерико, еще один Джованни (но уже Джованни Франческо), а потом еще Джованни Галеаццо. Еще была сестра, Джанетта, но она, как и сама Чечилия, мелькала бледной тенью в этом пристанище мрачного

буйства.

Обе девочки были молчаливые и старались прятаться в дальних комнатах и на чердаке. Но Джанетте было легче, чем Чечилии, — она была обычной, и потому на нее обращали меньше внимания. Чечилия же с младенчества считалась «красавицей», и мать обязательно вытягивала ее из укромного уголка, когда хотела похвастаться перед гостями и соседями своим потомством. Мать хвалилась ее красотой — красотой античной статуэтки из слоновой кости, ее изяществом и иными качествами, которыми, как ей казалось, обладала дочь. Но, не обращая на Чечилию никакого внимания в те дни, когда в доме не бывало гостей, мать на самом деле ничего толком о ней и не знала. И потому перед гостями похвалялась ее познаниями в греческом — а девочка учила только латынь, игрой на лютне — а Чечилия играла на чембало, и большими успехами в паване, хотя дочь блистала в гальярде. Неудивительно, что девочка, все больше замыкаясь в себе, научилась хранить свой внутренний мир за семью замками.

Образование, кстати, Чечилия — будущая муза поэтов и художников, действительно получила отличное. Позаботился покойник-отец, бывший

посол, который знал, каким важно быть, чтобы преуспеть в обществе. В завещании он отдельно оговорил особую сумму, за которую к детям Галлерани годами ходил один гуманист. Он не был знаменитым или талантливым, но античную словесность знал крепко, а для поддержания почтения среди шести мальчиков щедро использовал розги, отчего братья Чечилии его боялись до дрожи. Поэтому спокойные часы занятий в классной комнате, обставленной красивыми книгами, статуэтками, кораллами и ракушками, были для девочки чуть ли ни самими любимыми за весь день. Она обожала читать, а братьев — совсем нет, хотя они не обижали сестренку, а один, став подростком, так вообще начал заботиться о ней, еще ребенке, настолько нежно, что даже мать это заметила, отодрала недоросля собственноручно и затем отослала из Милана служить оруженосцем у одного кавалера. Других последствий эта история не имела. Чечилия лишь стала еще более спокойной и молчаливой.

Примерно тогда же десятилетнюю Чечилию помолвили с неким парнем из семьи Висконти. Славная фамилия — ее носили герцоги Милана всего три поколения назад, пока престол не занял муж одной из дочерей Висконти — Франческо

Сфорца. Сейчас герцогом Милана назывался его юный внук Джан Галеаццо Сфорца — слабак и пьяница. Настоящим же правителем города являлся дядя герцога — Лодовико по прозванию Иль Моро, то есть «Мавр», который с детства был регентом над юношей и ничего не сделал, чтобы помешать тому вырасти слабаком и пьяницей; после совершеннолетия безвольного герцрога дядя продолжил управлять страной, будто и не заметив этой вехи.

Сей Лодовико Сфорца был одним из самых блестящих государей своей эпохи. Ни папа, ни король французский, ни император не могли сравниться с ним. Его двор был ослепительным, его дворцы великолепными, конную статую своего отца он заказывал у Леонардо да Винчи, а портик любимой церкви — у Браманте. Когда он выходил из церкви, его окружала свита, наряженная столь великолепно, что вы могли вообразить себя на празднике Вознесения в Венеции или словно в триумфальном шествии, какое было в обычае у римлян, когда они возвращались в город после покорения восточных царств.

Вот так однажды он и выходил из церкви Санта-Стефано-Маджоре (той самой, где его брат получил удар кинжалом в живот) и увидел Че-

чилию, которая тогда вступила в первую пору своей женской прелести. Она стояла в толпе, среди других нарядных миланских женщин, но выделялась и среди них. Аврорного цвета платье, темные косы, изящная шея, огромные глаза олененка и молчащие сомкнутые уста — эта 14-летняя девушка была удивительной красавицей.

Мастер Алтаря Сфорца. «Пала Сфорцеска». 1494–1495 гг.

Пинакотека Брера (Милан)

ГИГАНТСКАЯ «ПАЛА СФОРЦЕСКА» («АЛТАРЬ СФОРЦА») — ЭТО РАБОТА АНОНИМНОГО ХУДОЖНИКА, СОЕДИНЯВШЕГО ЛЮБОВЬ К ПЫШНОСТИ С ИНТЕРЕСОМ К МАНЕРЕ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. ЛОДОВИКО СФОРЦА (СЛЕВА, В СИНЕМ) ВМЕСТЕ СО СВОЕЙ ЖЕНОЙ (СПРАВА, В ПОЛОСАТОМ ПЛАТЬЕ) И ДЕТЬМИ ИЗОБРАЖЕН КОЛЕНОПРЕКЛОНЕННЫМ ПЕРЕД МАДОННОЙ И СВЯТЫМИ.

ВСЕ ПОРТРЕТЫ ГЕРЦОГА ЛОДОВИКО СФОРЦА ВСЕГДА
ПОКАЗЫВАЮТ ЕГО СТРОГО В ПРОФИЛЬ. ЭТОТ РАЗВОРОТ БЫЛ ТИПИЧНЫМ ДЛЯ ИКОНОГРАФИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ПОРТРЕТА XV ВЕКА И ВЕЛ СВОЮ ИСТОРИЮ СО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: В РЕЛИГИОЗНЫХ КАРТИНАХ МАДОННА И СВЯТЫЕ ИЗОБРАЖАЮТСЯ В ФАС ИЛИ ТРИ ЧЕТВЕРТИ, А ВОТ РЕАЛЬНЫЕ ЛЮДИ — ЗАКАЗЧИКИ, ВСЕГДА ИЗОБРАЖЕНЫ В ПРОФИЛЬ И СТОЯЩИМИ НА КОЛЕНЯХ, С ЛАДОНЯМИ, СЛОЖЕННЫМИ В МОЛЕНИИ. СО ВРЕМЕНЕМ ОТДЕЛЬНЫЙ ПОРТРЕТНЫЙ ЖАНР СЕПАРИРОВАЛСЯ ОТ РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЫ, НО ЕЩЕ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ СОХРАНЯЛ ЭТУ

АРХАИЧНУЮ ЗАСТЫЛУЮ ИКОНОГРАФИЮ. ПОТРЕБОВАЛИСЬ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ТАКИХ НОВАТОРОВ КАК САНДРО БОТТИЧЕЛЛИ И ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ, ЧТОБЫ В ЖАНРЕ ПРОИЗОШЕЛ «РАЗВОРОТ ИЗ ПРОФИЛЯ В ФАС» И ЛЮДИ НА ПОРТРЕТАХ СТАЛИ ИЗ-ЗА ЭТОГО ГОРАЗДО ЖИВЕЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЕЙ. ВТОРАЯ ПРИЧИНА, ПОЧЕМУ МОГУЩЕСТВЕННЫЕ ВЛАСТИТЕЛИ РЕНЕССАНСА ПРЕДПОЧИТАЛИ ПОРТРЕТИРОВАТЬСЯ В ПРОФИЛЬ, — ЧТОБЫ БЫТЬ ПОХОЖИМИ НА ЦЕЗАРЕЙ С АНТИЧНЫХ МОНЕТ.

В ту пору подобные дела, если ты герцог, делались быстро. Его слуги выяснили, что это за девица и из какой семьи, личный секретарь навестил мать и старшего брата, уже допущенного тою до семейных дел. Потом Чечилию отвели на исповедь к настоятелю Санта Мария делла Грациа — фра Винченцо Банделло. Там же, в кабинете доминиканца, оказался и Лодовико Сфорца, который разглядел ее повнимательнее и затем имел с ней долгую беседу. Она сначала дичилась — держаться в обществе ее еще не научили. Но Лодовико вспомнил ее отца и его службу, заговорил с ней о Вергилии и Петрарке — и она стала с ним разговаривать и говорила умно. Лодовико изучил Чечилию и она понравилась ему еще

больше. Ему было 35 — это был зрелый мужчина с сытой шеей, лицом повелителя тысяч и глазами хитрейшего дипломата, который годами балансировал между Римом, Венецией, Неаполем и Парижем, стравливая их друг с другом. Чистота Чечилии же была как букет ландышей, как шерстка белого котенка… Ее хотелось обнимать и защищать. Лодовико оказался влюблен.

Его секретарь опять поговорил с матерью. Герцогам отказывать неудобно, особенно щедрым. А вдобавок — вот и повод разорвать помолвку Чечилии с тем юношей Висконти, и не придется выделять ее приданое из общих семейных денег, что было весьма кстати. С утра мать позвала Чечилию и сказала девушке, стоявшей, как провинившаяся, посреди комнаты, что отныне она будет жить в другом месте и обязана слушаться любого слова герцога. «Хоть какой-то из тебя вышел толк, — сказала под конец мать, — а то ты такая нелепая, хоть и хорошенькая. Не молчи! Что ты молчишь с этим своим лицом неподвижным! Никогда не могу догадаться, о чем ты думаешь!». «Да, маменька», — лишь ответила девушка.

* * *

И вот перед Чечилией открывается новая жизнь. Казалось, надо грустить, что она покидает родительский дом, но она не грустила. Казалось, надо радоваться грядущей судьбе, но она не радовалась. Чечилия никогда не испытывала сильных чувств, мир вокруг нее вечно был окрашен в пастельные тона. Лишь войдя в церковь Святой Екатерины — храма монастыря, в котором ее поселили, она была поражена яркостью золотых крыльев и лазоревых тканей на старинном образе Мадонны кисти Амброджио Лоренцетти. Эта неожиданная радость запала в ее душу надолго. «Хотелось бы, чтобы моя жизнь была такой же яркой», — мелькнуло в ее голове, но мимолетно. Она была довольна и тем, что имела.

Лодовико Сфорца был страстно влюблен в свою юную красавицу. Он навещал ее в отдельных покоях в монастыре, когда желал. Помимо всего прочего, он вел с ней долгие беседы, желая развить ее ум. Она же… нельзя сказать, чтобы она тоже влюбилась в него, чтобы тоже обожала. Подчас ей казалось, что этого чувства, так сладко описанного Петраркой и Боккаччо, у женщин просто не существует. Но Лодовико стал дорог ей.

Выросшая без отца девушка нашла в нем опору и заботу. Она была благодарна, что он забрал ее из уныния материнского дома, за то, что он смотрел ей в глаза и знал, что она любит танцевать гальярду, а не павану. Она встречала его искренней улыбкой, когда Лодовико приходил к ней, но совершенно не скучала, когда он отсутствовал. У Чечилии был редкий дар — ей было хорошо одной и она всегда знала, чем себя занять. В монастыре ее навещал прежний учитель, который по ее просьбе продолжал просвещать ее.

Приходила настоятельница, в прошлом знатная дама, и рассказывала, как устроен мир и двор. Чечилия подружилась еще с несколькими монахинями. Герцог приставил к ней вдову-дворянку, когда-то служившую покойной герцогине-матери, урожденной Висконти.

Эта вдова научила девушку одеваться со вкусом, а еще, вместе со своей служанкой, тем секретам ухода за собой и своим гардеробом, которым не научила ее настоящая мать, вечно забывавшая о ребенке. «Удивительно, как вы смогли вырасти такой красавицей в столь запущенном доме, — приговаривала вдова. — Что, у вас и собственной служанки не было? Как же вы жили?!»

Еще эта добрая дама научила Чечилию тому,

что раз герцогу так нравится плотская близость с нею, то ему совершенно не нужно знать, что ей-то самой все равно. «Равнодушие ранит, моя девочка. Доставь человеку радость доставить тебе радость, притворись довольной», — учила ее она. И исповедник тоже говорил Чечилии, что ее долг — доставлять Лодовико счастье, и с легкостью отпускал ей грех прелюбодеяния, уговаривая не мучиться из-за него стыдом. А она и не мучилась, потому что по ее разумению — грех, это когда хорошо, а не когда никак.

Сестра Джанетта не навещала ее — она вышла замуж и уехала. Мать являлась пару раз, но Чечилия отказалась передаривать ей пару приглянувшихся подарков герцога, и мать, обидевшись, прекратила приходить. Сначала, преисполненная гордыни, мать ждала, что Чечилия, которую она считала «любящей дочерью», сама прибежит просить прощения. А та за это время и думать о ней забыла.

Братьев в женский монастырь не пускали.

Прошло два года подобной жизни, Чечилии исполнилось шестнадцать. Лодовико был опорой ее бытия, единственным хорошим, что она знала в жизни, хотя почему-то при нем ее голова становилась какой-то туманной. Она не любила его,

но почитала. Ей не нравилось, когда он сажал ее на колени, но нравилось, когда рассказывал о своих планах украсить город. Она рассматривала архитектурные планы, которые он приносил с собой, и потом, когда Сант-Амброджио была построена Браманте, ей было приятно думать, что вот это здесь и вот это там предложила именно она. Еще ей прислали из Авиньона старинную рукопись «Элегии мадонны Фьямметты» Боккаччо, а потом еще его же «Тезеиду» с прекрасными миниатюрами (так, на одной дама в высоком атуре, вздымавшемся над ее головой подобно огромному рогу, принимала поклонение автора), которыми она зачитывалась и засматривалась. Еще у нее были и другие прекрасные книги, музыка и любимый учитель. Таково было маленькое счастье Чечилии.

Кончался год 1489-й.

На острове Кипр, через который в Милан везли персидские ковры, королева, которая всегда помнила, что она — Дочь Республики, отрекается от престола и передает земли родной Венеции. Арагонский король договаривается, что его дочь Катерина станет женой принца Артура с холодного острова Британия. Совсем на далеких островах неожиданно умирает 23-летний красавец-сегун

Асикага Есихиса с усами-ниточками. А в соседней Ферраре собирают приданое для юной, но уже прославившейся своим умом и обаянием Изабеллы д'Эсте, которой предстоит отправиться к жениху в Мантую.

Как раз тогда один из братьев Чечилии убил человека. Не вспомнить, который — то ли один из троих Джованни, то ли еще кто. Она не хотела просить любовника заступиться за брата. Не потому что держала зло на семью — если честно, детство почти полностью изгладилось из ее памяти, в ней остались лишь воспоминания о темноте и запахе сырости. Просто это были чужие люди из мрачного мира. Но мать, которая, конечно, вспомнила о ней в столь трагические дни, настаивала. И Чечилия попросила герцога о милости. Она так редко что-то просила, что Лодовико, продолжавший ее обожать, с радостью согласился помочь. Он думал, что доставляет своей нежной возлюбленной большую радость. Для нее же это было избавлением от досадного пустяка, от шума ноющей родни.

Брата уберегли от наказания за убийство, но почему — стало интересно всему городу. О Чечилии до этого знали лишь немногие приближенные, теперь же слух о ней распространился по всему

Милану. Фра Маттео Банделло услышал о ней именно тогда — от своего дяди фра Винченцо, настоятеля монастыря, прежде хранившего деликатное молчание о своей гостье… Да и герцог решил, что не стоит больше скрывать свою жемчужину. Чечилия выросла, стала еще большей красавицей, и он хотел хвастать своим счастьем. Наставница-вдова придала лоск ее манерам и нарядам, беседы с Лодовико развили ее ум. Она была готова выйти в большой мир. Герцог переселил ее в свой замок. Чечилия Галлерани стала официальной фавориткой.

Лодовико Сфорца был горд ею и был холост. Соперниц ей не существовало. Поэтому Чечилию воспевали все придворные певцы и поэты. Скалигеро слагал сонеты, Беллинчионе — мадригалы. Герцог пригласил своего любимого живописца, мастера Леонардо да Винчи, написать портрет возлюбленной. Тот не любил работать на заказ, хотя всю жизнь приходилось, поэтому обычно капризничал и саботировал. Но Чечилия заворожила мастера. В ней была та юная прелесть, та чистота, из-за которой она не была неприкрыто женственной в том смысле, который так не любил Леонардо. Наоборот, в ней ощущалась какая-то мальчишеская робость и угловатость.

Леонардо понравилось писать ее портрет, и он даже закончил его вовремя.

В руки он дал ей целомудренного горностая, ибо Чечилия была из рода Галлерани, а «горностай» по-гречески — «гале». Ребус предложила сама девушка, недавно принявшаяся за изучение этого языка. В долгих беседах, которые они вели под музыку на сеансах позирования, мастер дал ей добрый совет — быть больше Минервой, чем Кипридой, питать свой интеллект, не оставлять ученых занятий.

Придворные Чечилию, кажется, полюбили (насколько способны на это придворные, сборище горгон). Красота ее оправдывала высокое положение, в которое ее поставил Лодовико. Чечилия не была настолько надменна, чтобы ее ненавидели за тщеславие, и не считала свое положение настолько греховным, чтобы ее презирали за кротость. Простая и милая, шествовала Чечилия по залам кастелло Сфорцеско, метя подолом наборные полы. Несколько лживых подруг, искательниц выгод, пытавшихся через близость к ней проникнуть в постель или в карман к герцогу, научили ее относиться к людям с недоверием и следить за своими манерами и жестами, научили выражать приязнь и симпатию, не чувствуя их. И

даже родная мать не могла больше ей крикнуть вослед «ничего не могу прочесть по твоему лицу!», потому что с возрастом и опытом Чечилия научилась притворяться. Притворятся, что действительно живет.

Она смотрела на свой портрет с белоснежным горностаем на руках, и радовалась тому ощущению жизни, которое удалось уловить Леонардо. Оставаясь наедине с собой и глядя в большое зеркало — дорогой подарок любовника, она пыталась поймать, повторить это дыхание, этот порыв, но не удавалось.

Грядущие неприятности, казалось бы, должны были разбить эту стену спокойствия — спокойствия не ледяного, а воскового, медового. Милого и прелестного, но все-таки спокойствия. Дело в том, что ее возлюбленный и покровитель, великий Лодовико Сфорца, звезда итальянской политики, все еще оставался герцогом Бари. Его племянник, владыка Милана де-юре, а не де-факто, все еще был жив. Да еще он успел жениться — на принцессе из арагонской династии, женщины которой (даже бастарды, как хорошо знал Боккаччо) отличаются характером. И успел заделать с ней детей. Жениться поэтому надо было и самому Лодовико. Давний договор, заключен-

ный еще его отцом, делал его невестой Беатриче д'Эсте, дочь феррарского герцога, младшую сестру мантуанской маркизы Изабеллы, той самой обаятельной острословицы.

* * *

Невеста герцога вступила в брачный возраст, пришло время выполнять договор. Но в феррарском дворце ее отца, украшенном фантастическими фресками Франческо дель Косса и Эрколе ди Роберти, собрались родственники девицы и дипломаты обоих государств. И бушевали споры.

А виной тому была прекрасная Чечилия. В донесениях и письмах из Милана подробно излагалось, как жених боготворит свою любовницу и какое почетное место она занимает при дворе. Мать невесты, еще одна арагонская принцесса (ах, вредные все же женщины в этом семействе), нестарая еще дама с выдающимся носом, отказывалась отдавать Беатриче в такой дом. Отец невесты, старый герцог, поддакивал угрюмо и устало. Его сын и наследник, молодой Альфонсо д'Эсте, уговаривал быть снисходительными, говоря, что так устроен мир и никуда от этого не деться. Он был заинтересован во всеобщем согласии, этот юный любитель юной науки ар-

тиллерии — по договору свадьба должна быть двойной: Лодовико Сфорца женится на его сестре Беатриче, а он сам — на племяннице герцога Анне Сфорца. Ему хотелось и приданого, и супруги — чтобы рожать законных сыновей. И он никак не мог предвидеть, что Анна Сфорца стремительно сойдет в могилу бездетной, а матерью его наследника станет Лукреция Борджиа — в те дни жена одного из ублюдков дома Сфорца…

В спор вступила ненадолго приехавшая с визитом старшая сестра Изабелла д'Эсте, жена мантуанского маркиза, к тому моменту уже одна из прославленных женщин своего века. Ее золотые волосы сияли подобно солнцу, и, как солнце, она никогда не оставалась незамеченной. Сияние ее воли исходило от нее даже в темноте. Не первая красавица Италии, не самая умная и не самая образованная, Изабелла обладала такой силой личности, такой мощью характера, что распространяла свою власть повсюду. Новая ли песнь Ариосто, чирей ли римского папы — до всего ей было дело. Она знала каждого, и каждый был ей обязан. Стоило ей надеть платье нового покроя, и ей принялись подражать знатные дамы по всему полуострову. Младшую сестру она, конечно, любила, хотя и завидовала немного: ей

совершенно справедливо казалось, что с Лодовико Сфорца они бы составили непобедимую пару. Но по воле отца несколько лет назад ей достался Федерико Гонзага, талантливый военачальник. Но что такое Мантуя? Муж-маркиз нанимался полководцем к другим государям.

Маркиза Изабелла вступилась за младшую сестру — не дело, чтобы жених так выставлял напоказ любовницу! Миланский же посол в Ферраре настаивал, что эта мелочь не стоит стольких слов. Споры продолжались не один день. Герцог послал в Феррару нового дипломата, звавшегося Франческо да Касате, с подарком для невесты — дьявольской красоты ожерельем из крупных жемчужин, оправленных в золотые соцветия, завершением которого служила подвеска в форме груши из рубинов, да жемчугов, да изумрудов. Беатриче восторженно хлопала в ладоши, мать ее смягчилась, а сестра Изабелла приложила подарок к своей груди и зарумянилась.

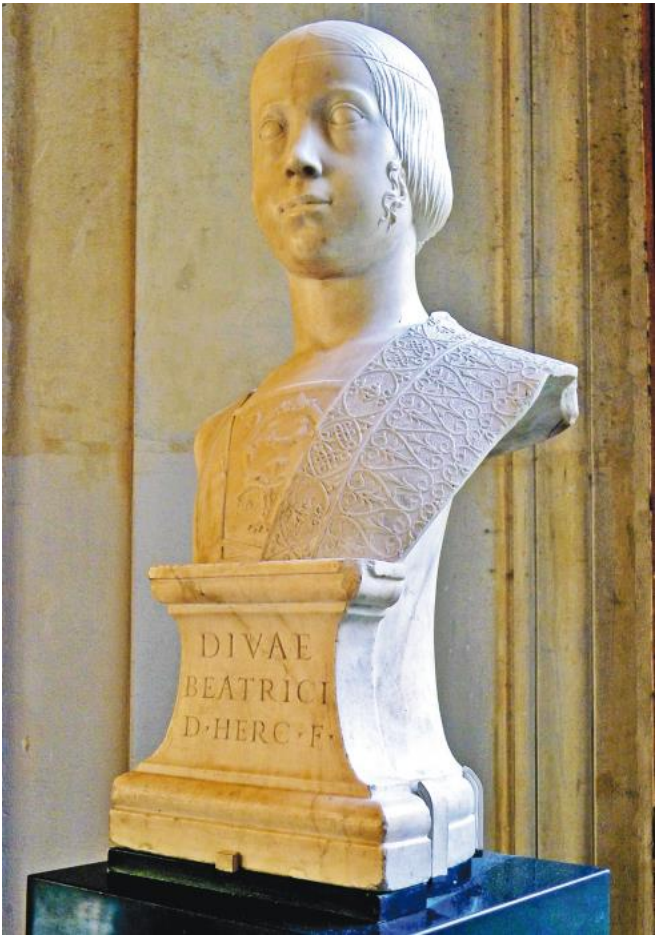
А Чечилия жила и не знала, что из-за нее ломается столько копий. Мысли ее были о другом — Бог после долгих лет благословил ее чрево, и теперь Лодовико Сфорца с трепетом ждал своего первенца — пусть бастарда, но первенца. Хотя, может, и не первенца? Кажется, была еще ка-

кая-то Джованна, или, может, Мария… Впрочем, не важно. Одна только мысль смущала его, как соринка в глазу, совсем чуть-чуть. Лодовико знал, что обожает свою прекрасную Чечилию. Но из-за беременности — которая, безусловно, дар Божий — красавица слишком округлилась, перестала быть похожей на изящную статуэтку, превратилась из Прозерпины в Цереру. Из весны своей жизни она вступила в лето, а Лодовико и думал только о том, как ее портит спрятанное внутри дитя и как тяжелеют ее прекрасные груди, ранее бывшие совершенством.

Чечилия знала о грядущей свадьбе герцога и волновалась, конечно, о своей судьбе и судьбе будущего ребенка. Но Лодовико дал ей слово, что все будет хорошо, и она поверила ему, решив не задумываться о будущем. Она перестала выходить в свет — платье уже не скрывало ее положения. Чечилию навещали друзья и подруги, а Лодовико приходил все реже и не ночами. Подруги советовали ей беспокоиться, а Чечилии было все равно, что он исчезает, как пропала раньше ее мать.

И вот наступил день свадьбы Беатриче д’Эсте и Лодовико Сфорца, день столь великолепный благодаря тому, что торжества придумывал и украшал Леонардо да Винчи. Жених поклялся

всему роду Эсте, что с Чечилией он после родов порвет, и феррарцы поверили ему. Сама же невеста, воплощенная невинность, об этих препятствиях не знала.


DIVAE
BEATRICI
D·HERC·F·

Кристофоро Романо (?). «Портрет Беатриче д’Эсте». 1490–1491 гг. Лувр

МРАМОРНЫЙ БЮСТ — ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ ДОСТОВЕРНЫХ ПОРТРЕТОВ БЕАТРИЧЕ Д’ЭСТЕ (ОТНОСИТЕЛЬНО «ЕЕ» ПОРТРЕТОВ МАСЛОМ ВЕДУТСЯ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СПОРЫ). ЛИЧНОСТЬ МОДЕЛИ УДОСТОВЕРЯЕТ НАДПИСЬ С ИМЕНЕМ, КОТОРАЯ ТАКЖЕ НАЗЫВАЕТ ЕЕ «ДОЧЕРЬЮ ГЕРЦОГА ЭРКОЛЕ», Т. Е. ЭТО ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕЩЕ НЕЗАМУЖНЕЙ ДЕВУШКИ. ЗДЕСЬ ЕЙ 14–15 ЛЕТ И ОНА УЖЕ ПОМОЛВЛЕННАЯ НЕВЕСТА, ОБ ЭТОМ ГОВОРИТ СИМВОЛИКА СКУЛЬПТУРЫ: УЗОР НА ГРУДИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СОВМЕЩЕНИЕ ЭМБЛЕМ ЭРКОЛЕ Д’ЭСТЕ И ЛОДОВИКО СФОРЦА — ОБВИТОЕ РАСТЕНИЕМ КОЛЬЦО С ТРЕУГОЛЬНЫМ БРИЛЛИАНТОМ
С ДВУМЯ РУКАМИ, СЖИМАЮЩИМИ ТКАНЬ.

Кто знает, сдержал бы Лодовико Сфорца эту клятву, когда б не прелесть юной Беатриче д’Эсте. Невесте было шестнадцать лет, она была похожа на статуэтку из слоновой кости. Чистота Беатриче была как букет ландышей, как шерстка белого котенка… Лодовико потерял голову от молодой жены еще стремительней, чем когда-то от юной Чечилии. И дело было не только в том,

что за прошедшие годы он постарел сам, но и в характере юной Беатриче. Где Чечилия молчала, там Беатриче распевала во весь голос, где Чечилия терпела, Беатриче топала ногой и стучала кулачком в грудь мужа. Она привыкла повелевать, эта избалованная, обожаемая и богатая принцесса. Шут Фрителла как-то сказал о ней, что душа Беатриче преисполнена гордыни, а натура — кошачья.

Мраморный бюст — один из немногих достоверных портретов Беатриче д'Эсте (относительно «ее» портретов маслом ведутся многочисленные споры). Личность модели удостоверяет надпись с именем, которая также называет ее «дочерью герцога Эрколе», т. е. это изображение еще незамужней девушки. Здесь ей 14–15 лет и она уже помолвленная невеста, об этом говорит символика скульптуры: узор на груди представляет собой совмещение эмблем Эрколе д'Эсте и Лодовико Сфорца — обвитое растением кольцо с треугольным бриллиантом с двумя руками, сжимающими ткань.

Герцогиня Беатриче чувствовала ослепление своего мужа и пользовалась этой влюбленностью. Откуда проснулась в девочке эта наука? Молодая жена села Лодовико на шею, принялась дергать

поводья, заставляя делать все, что только ее душе было угодно. Никто и не думал, что Лодовико Сфорца станет таким мягким в женских ручках. Впрочем, если б Беатриче не была ему ровней по знатности, ничего бы у нее не получилось. Таковое мнение высказала ее старшая сестра Изабелла, знавшая все подробности миланской придворной жизни не только из писем сестры, но и из корреспонденции друзей, которых она успела завести во время своих визитов в город. Например, фра Маттео Банделло и шут Фрителла. А то и просто от платных агентов, сетью которых она умудрилась опутать всю Италию. Впрочем — разве платных? Нет, очарованных. Слышать вовремя слухи было очень важно — так, однажды Изабелла благодаря такому письму избежала ошибки. Ей предложили торжественно въехать в Венецию — как оказалось, в один день с сестрой, герцогиней Беатриче. Натурально, ее процессия совсем бы поблекла на фоне роскоши Сфорца.

«Да, чтобы воистину покорить Иль Моро, нужна была принцесса! Эх, если бы это оказалась я, умная женщина, как бы все вышло!» — размышляла порой маркиза Изабелла, причем не из зависти к младшей сестре. Недостатком характера Изабеллы была не зависть, а излишняя

хозяйственность. Так, как-то муж ее, разбив на поле битвы французского короля Карла, прислал ей трофей из королевского шатра — ковры и альбом с портретами дам, которые понравились королю в Неаполе больше других. Потом ему пришлось долго умолять ее отдать эти ковры, когда ему нечего было подарить герцогине миланской. Или вот Чезаре Борджиа, разграбив урбинский дворец Елизаветы Гонзага, захватил там прекрасные статуи — и подарил их маркизе Изабелле. И безуспешно потом эта Елизавета умоляла маркизу Изабеллу (между прочим, жену своего родного брата) вернуть ей эти статуи, тем более что Чезаре Борджиа погиб и не обидится — нет, отныне они принадлежали Изабелле.

Но Изабелла ошибалась. Умная женщина никогда бы не смогла управлять Лодовико, это было доступно лишь надменной девчонке.

Он засыпбл жену подарками, дарил и жемчужные булавки, и дворцы, и смотрел глупыми глазами быка на бойне.

Идиллия продолжалась, пока Беатриче не прознала, что в одном замке с нею проживает беременная фаворитка. И пусть муж клялся, что со дня свадьбы не притрагивается к ней и пальцем, достаточно и того, что он к ней ходит.

А он к ней ходит — так доложили внимательные доброжелатели. Беатриче впала в неистовство — и кто будет ее винить? Она угрожала бросить мужа и уехать к отцу в Феррару.

Лодовико был обескуражен — любовь к молодой жене не настолько застлала ему глаза, чтобы он забыл все хорошее, что было между ним и Чечилией, чтобы он забыл, что давал ей слово чести.

Сама же Чечилия, располневшая, как Мадонна гравида в готических алтарных образах — тех, что писали лазурной краской по золотому фону, улыбалась своим тихим мыслям, сочиняла сонеты и читала латинские эпистолы покойной венецианки Изотты Ногарола. Ее очень занимала мысль также блеснуть своей латынью и как-нибудь произнести перед каким-нибудь величественным гостем приветственную речь. Бури семейного скандала не задевали ее. Друзья ей не говорили ничего: они, хоть и зная ее спокойствие, решили не навредить. О том, что Чечилия сегодня на кончике языка у каждого, поведали ей враги. Но она как будто и не услышала о нависшей над ней угрозе. То ли у Чечилии совсем не было фантазии, то ли все это казалось ей таким ирреальным по сравнению с тем, как она обнимала свой огром-

ный уже живот и чувствовала тяжесть нового человека внутри себя. Она лишь смотрела на свой портрет с горностаем, который после свадьбы перевесили из гардеробной герцога к ней в комнаты, и улыбалась, причем какой-то новой, еще более странной и ускользающей улыбкой.

Бури супружеской ссоры тем временем все усиливались. Лодовико из принципа не хотел уступать, не хотел отказываться от прав на свои удовольствия — ах, как хорошо жилось мужьям в ренессансной Италии! Беатриче же, помимо прочего, хотелось, чтобы ей хоть раз донесли о том, как Чечилия из-за всего этого рыдает. Но хотя за фавориткой смотрели внимательно, этого не происходило. Наконец, 3 мая 1491 года родился незаконнорожденный Чезаре, в честь чего придворными поэтами были сложены сладчайшие дифирамбы. Сын у герцога! Пускай и бастард! На небосклоне взошло новое солнце! Феб рыдает, и Купидон плачет — все от зависти.

Герцогиня Беатриче была унижена и продолжала свою борьбу. Чечилия хотела лишь покоя. Лодовико пользовался ласками обеих женщин и находил свою супругу, пылающую от ревности, весьма пикантной. Именно из-за этого перца ему нравилось делить ложе с Чечилией теперь, ведь

внешность ее, как ему казалось теперь, сильно сдала.

Вся эта история тянулась и тянулась. От ревности своей жены Лодовико пьянел и становился сильнее, словно трупоед-стервятник. Чечилия же не доставляла ему питания ни своей ревностью, ни своим беспокойством. Жизнь ее была поделена между младенцем и маленьким литературным кружком, который теперь часто собирался в ее покоях. И если б Лодовико давал себе труд задумываться, как его там встречают, он бы заметил, что на него там смотрят как на чужого и ждут, когда он уйдет, все — даже Чечилия.

Наконец, забеременела и Беатриче. Это сразу придало ее доводам в споре об отъезде любовницы больше веса. Когда жена в очередной раз собралась уезжать к отцу, кажется, даже всерьез, Лодовико всамделишно испугался и в присутствии послов поклялся, что с Чечилией все кончено.

25 января 1493 года, спустя полтора года после бастарда Чезаре, у Беатриче родился первенец, названный Геркулесом и в честь императора еще и Максимилианом. За церемонией крещения законного наследника Сфорца почти незамедлительно последовал другой обряд — венчания

Чечилии с удобным мужем.

* * *

Лодовико долго выбирал жениха для своей статуэтки из слоновой кости и выбрал хорошо. Граф Лудовико Карминате ди Брембилла, прозванный «Бергамино», был разорившийся и готовый на все кавалер из достойной семьи. К Чечилии он относился с приязнью: во-первых, Лодовико пообещал убить его, услышь он хоть слово жалобы; во-вторых, приданое было огромным, а это делает любой брак прекрасным; и, в-третьих, Чечилия ему просто нравилась, а в людях этот плут разбирался. «Взять в жены отставную любовницу герцога — невелика, конечно, честь, — говорил жених себе, — и, конечно, гордость мне проглотить придется. Но не в таких переделках мы бывали, не в первый раз гордость мне глотать. И ведь она такая красивая, такая милая… А вот если б она была похожа на герцогиню Беатриче — нет, ни за какое приданое! Господи, да они же на самом деле-то и похожи внешне, как родные сестрицы! Как это сходство не замечают? Но нравом — земля и небо, огонь и озеро. Нет, ни за какое приданое…»

Молодожены зажили хорошо. В честь брака

герцог пожаловал новобрачному титул графа Сан-Джованни-ин-Кроче и соответствующие земли. Чечилия была счастлива — она была матерью, она была богата и она была свободна. В первый раз свободна. У нее появился собственный дом. Муж ее был никто, и она так к нему и относилась. Он даже не настаивал на своих супружеских правах, но она любила детей, а по-другому их не сделать. Поэтому она пустила супруга в свою постель и рожала ему детей, из которых выжили четверо. А поскольку Лодовико Сфорца выбирал так, чтобы жених уступал ему во всем, то граф оказался мужчиной небольшого роста, жилистого телосложения, весом чуть больше Чечилии, а в период ее беременностей — так меньше, с полным отсутствием воинственной мужественности, — в общем, именно таким мужчиной, рядом с которым Чечилии внезапно оказалось спокойно.

Вряд ли Лодовико думал, что она будет довольна поджарой мальчишеской фигурой мужа, наоборот, он наверняка надеялся, что по контрасту она будет скучать о его мощном торсе и мускулистых руках солдата. Но нет, Чечилия с облегчением выкинула воспоминания о постели Сфорца из своей головы и в супружеской кровати

засыпала, порой покровительственно обнимая супруга, а не наоборот, как предписывают заповеди. А муж ее, хоть в юности тот еще был шалун и кутила, теперь угомонился и был счастлив своим достатком, женой и независимостью от родни, которым он теперь не помогал так же, как когда-то они не помогали ему.

На вилле, подаренной герцогом, Чечилия делала что хотела. Друзья-гуманисты, поэты и писатели, с восторгом собиравшиеся в ее небольших покоях в герцогском дворце, с еще большим восторгом приходили теперь в ее просторный дом и наполняли его стихами, музыкой и весельем. Тогда и прибился к этому кругу тот самый фра Маттео Банделло, и даже маркиза Изабелла д'Эсте захаживала, когда бывала в Милане с визитом, ведь она так любила науки и искусства, а тут бывал весь цвет общества.

Со временем Чечилию — мать бастарда герцога! — стали снова приглашать во дворец на пиры. Герцогиня Беатриче уже не возражала — у нее возник другой повод для беспокойства. Дело в том, что, хотя любовь герцога к жене была настолько сильна, что даже ее первые роды и изменение фигуры не поколебали его страсти к ней, она оказалась недостаточно сильной, чтобы этого

не сделали ее следующие роды. После появления на свет второго сына Беатриче, которой было уже целых 20, из Ювенты превратилась в Юнону, из весны своей жизни вступила в лето. Лодовико же совершенно неожиданно заметил, что в свите жены есть 14-летняя фрейлина Лукреция Кривелли — красивая, словно статуэтка из слоновой кости, нежная… В общем, девица, которую хотелось защищать и оберегать, словно котенка.

Беатриче, узнав правду, негодовала — но уже не так бушевала, как ранее, при Чечилии. Или дело в том, что у жен подобных мужей со временем вырастает на сердце мозоль? Или просто пыл новобрачной любви угас? А может, Беатриче и сама была рада отдохнуть от ласк могучего воина с бычьей шеей, тем более что вскоре она опять забеременела и дни ее протекали тяжело.

Чечилия бывала во дворце на балах и приемах. Однажды она узнала, что ее друг Леонардо пишет портрет новой фаворитки — Лукреции Кривелли. И решила заглянуть в студию, сама не зная почему. Действительно, девушка была прелестна. Милой деталью на портрете оказался новомодный налобничек — украшение, называемое ферроньеркой.

Но, как с удовольствием поняла Чечилия, душа

у новой фаворитки была простовата, а ум не особо просвещен, и потому Леонардо, создавая портрет, не болтал с ней и не сумел впасть в то состояние полувлюбленности, в котором он создал лучшие свои работы, к коим она причисляла свое изображение.

Леонардо да Винчи. «Прекрасная Ферроньера». 1490-е гг. Лувр

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ ЖЕНЩИНЫ КИСТИ ЛЕОНАРДО ОЧЕНЬ РАНО ПОПАЛ ВО ФРАНЦИЮ И ДОЛГОЕ ВРЕМЯ СЧИТАЛСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛЮБОВНИЦЫ КОРОЛЯ ФРАНЦИСКА I — НЕКОЙ МАРГАРИТЫ-ЖЕСТЯНЩИЦЫ
(Т. Е. «ФЕРРОНЬЕРЫ»). СКОРЕЙ ВСЕГО, ЭТО ПОЛНОСТЬЮ ВЫМЫШЛЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ. УКРАШЕНИЕ-НАЛОБНИЧЕК, «ФЕРРОНЬЕРКА», В ПОЗДНЮЮ ЭПОХУ ПОЛУЧИЛО НАЗВАНИЕ ПО ЭТОЙ КАРТИНЕ, А НЕ НАОБОРОТ.

КОГО ИМЕННО ИЗОБРАЖАЕТ ПОРТРЕТ — ДОСТОВЕРНО НЕИЗВЕСТНО, ОДНАКО СТИЛЬ ЖИВОПИСИ И ФАСОН ОДЕЖДЫ И ПРИЧЕСКИ ЧЕТКО УКАЗЫВАЮТ НА МИЛАН 1490-Х ГОДОВ. НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНАЯ ВЕРСИЯ — ДЛЯ КАРТИНЫ ПОЗИРОВАЛА ЛУКРЕЦИЯ КРИВЕЛЛИ, ВТОРАЯ ИЗ ЗНАМЕНИТЫХ ФАВОРИТОК ЛОДОВИКО СФОРЦА. ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗВЕСТНО, ЧТО ЛЕОНАРДО ТОЧНО КАК-ТО ЕЕ НАПИСАЛ. (ОДНО ВРЕМЯ СЧИТАЛОСЬ, ЧТО НА КАРТИНЕ «ДАМА С ГОРНОСТАЕМ» ИЗОБРАЖЕНА ТА ЖЕ САМАЯ ЖЕНЩИНА, ПОЭТОМУ В ПОЗДНЕЕ ВРЕМЯ НА КАРТИНЕ ИЗ КРАКОВА ПОЯВИЛАСЬ НАДПИСЬ «LA BELE FERIONIERE / LEONARD D’AWINCI», ЧТО

ВНЕСЛО ЕЩЕ БОЛЬШУЮ ПУТАНИЦУ.)

ОДНА ИЗ СВЕЖИХ ВЕРСИЙ — ЭТОТ ПОРТРЕТ ИЗОБРАЖАЕТ ЗАКОННУЮ ЖЕНУ ГЕРЦОГА, ОДНАКО НА ВСЕХ СВОИХ ДОСТОВЕРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ БЕАТРИЧЕ Д'ЭСТЕ ВСЕГДА НАМНОГО БОЛЕЕ ЭНЕРГИЧНАЯ И ДЕРЗКАЯ.

Герцогиня Беатриче позировать портретисту мужниных фавориток надменно отказалась. А вот ее сестра маркиза Изабелла, супруг которой усердно трудился копьем и мечом, чтобы обеспечить ей роскошь, наоборот, утомляла Леонардо подобной просьбой. Она часто бывала в Милане — ей тут было вкусно и весело, нравилось вести умные беседы с Лодовико Сфорца и сдерживать улыбку, глядя на свою глупую капризную сестру. Но Изабелле удалось вымолить у мастера лишь набросок, и то — какой-то обычный, а на то, чтобы сотворить магию с помощью масляных красок у Леонардо вечно не хватало времени, сколько б прекрасная маркиза ни умоляла, как бы его ни преследовала.

В ночь на понедельник 2 января 1497 года, как написал потом кто-то в письме Изабелле д'Эсте, темные небеса над миланским замком были испещрены огненными знаками, и ограда любимого сада герцогини внезапно сама собой

рухнула, хотя не было ни ветра, ни землетрясения. Наутро герцогиня Беатриче села в свою изящную позолоченную повозку и направилась, сначала по аллеям замкового парка, а затем по мощеным городским улицам, — к церкви Санта Мария делла Грациа, где мастер Леонардо продолжал трудиться над своей великой фреской с последней трапезой Сына Божьего.

Все, кто видел ее тогда, радовались цветущему виду будущей матери. Горожане возгласами приветствовали герцогиню. Но когда она доехала до сей доминиканской обители и стала молиться у алтаря Богоматери, слезы навернулись на ее глаза. Беатриче молилась об упокое души своей недавно умершей дочери, младенчика, похороненного в монастыре.

Придворные дамы с трудом уговорили ее уехать домой. Беатриче вернулась в замок во второй половине дня и, чтобы выкинуть из головы печаль, приказала устроить в своих покоях танцы.

Музыка звучала до восьми часов вечера, и все веселились, когда внезапно в разгар гальярды герцогиня почувствовала себя плохо. Ее увели в спальню, и оттуда стали раздаваться крики. Три часа спустя она произвела на свет мертворожденного мальчика.

Через полчаса после полуночи она умерла и сама.

И лицо ее было так устало, что нельзя было и подумать, что бедной Беатриче всего двадцать два года.

Кристофоро Солари. «Кенотаф Лодовико Сфорца и Беатриче д'Эсте».

1497–1499 гг. Оригинал — монастырь Чертоза ди Павия; слепок — ГМИИ им. А. С. Пушкина

Лодовико был по-настоящему безутешен, у него будто кто-то отрезал кусок души. Юная жена, безупречная принцесса, действительно была его

главной любовью.

Парное надгробие супругов было заказано безутешным Лодовико через несколько дней после смерти Беатриче. Вдовец, что в ту эпоху было необычным, приказал изваять себя уже мертвым — т. е. смерть супруги лишила его всех причин для дальнейшей жизни. Это один из немногих образцов парного надгробия в итальянской ренессансной скульптуре, что было важным иконографическим нововведением. Из-за вторжения французов скульптура осталась слегка незавершенной (что видно по подушке и прическе герцогини). В итоге супруги упокоились в других местах, а две скульптуры были разделены и хранились вертикально. Только в XIX веке памятник собрали и установили согласно первоначальному замыслу.

Это одна из ренессансных скульптур, слепок с которых был заказан профессором И. В. Цветаевым для будущего Пушкинского музея, поскольку он считал их образцовыми для истории искусства.

Удивительно, но Чечилия поспешила во дворец, чтобы утешить своего старого покровителя. Не стоить думать, что она хотела вернуть свое утраченное положение, — это место прочно

занимала Лукреция Кривелли. Нет, она по-матерински хлопотала, ласково беседовала, утешала, молилась в часовне, помогала возиться с детьми. И кому какое дело, что в глубине души Чечилии было… не то чтобы приятно, но скорее любопытно — смотреть, как страдает этот огромный могущественный человек, из-за которого несколько лет юности для нее прошли как в полусне.

А мир продолжал вертеться. Страшные вести приходили из Флоренции — носатый фанатик Джироламо Савонарола на главной площади зажигает огромный костер из музыкальных инструментов, благовоний, изящной мебели, рукописей Боккаччо, Овидия и прочих предметов суетной роскоши. Даже пожилой Сандро Боттичелли поддается всеобщему безумию и кидает в огонь несколько своих картин — ведь они были не о белокурой Мадонне Симонетте, а о развратных античных мифах. Кузен Лодовико Сфорца, бастард по имени Джованни в страхе от угроз папы римского вынужден подписать документы о своем половом бессилии и предоставить по этой причине жене, Лукреции Борджиа, развод. Маркиза Изабелла д'Эсте дает приют кузине своего супруга, Барбаре Торелли, сбежавшей от угрюмого мужа-кондотьера, едва ее не прибивше-

го. Генуэзец Кристофоро Коломбо на испанские деньги отправляется в свое третье путешествие в новые земли. Во Франции на трон восходит новый король Луи, с юности не любивший хитрого миланца Сфорца.

В душе овдовевшего Лодовико прошла трещина. Его хитрая политика балансирования приводит к катастрофе. Все перестало получаться.

И тогда французский король вторгается в Италию и захватывает Милан. Лодовико оказывается в плену. Его увозят в замок на Луаре, где он вскоре умирает.

* * *

По всему полуострову из занятого врагом Милана хлынули беженцы. Бежала и Чечилия с мужем и детьми — ее владения, как дары «тирана» Сфорца, были конфискованы. Бежала она, как и многие миланцы, к маркизе Изабелле д'Эсте, с которой успела подружиться и даже вступить в переписку. Ведь Изабелла не могла пропустить человека, о котором так хорошо отзывался фра Маттео Банделло и прочие миланские гуманисты, и не включить в свою коллекцию корреспондентов! А что ее не любила младшая

сестра, герцогиня Беатриче, так в этом есть своя прелесть. Фра Маттео Банделло, кстати, тоже тут и даже немного похудел от пережитых ужасов, впрочем, совсем незаметно. Позже его захлестнет волна французского отступления, и он вдруг обнаружит себя в Аквитании епископом с оммажем французскому же королю.

Леонардо да Винчи. «Портрет Изабеллы д’Эсте».

1499–1500 гг. Лувр

ЭТОТ РИСУНОК, ВЫПОЛНЕННЫЙ УГЛЕМ, САНГИНОЙ И ЖЕЛТЫМ КАРАНДАШОМ — ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ К ПОРТРЕТУ МАСЛОМ, КОТОРЫЙ, СУДЯ ПО ВСЕМУ, НИКОГДА НЕ БЫЛ НАПИСАН. СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ВЫПОЛНИЛ ЕГО МЕЖДУ ДЕКАБРЕМ 1499-ГО И МАРТОМ 1500 ГОДА, КОГДА НЕДОЛГО НАХОДИЛСЯ В МАНТУЕ, ПРИ ДВОРЕ МАРКИЗЫ ИЗАБЕЛЛЫ Д'ЭСТЕ, БЕЖАВ ТУДА ИЗ МИЛАНА, ЗАНЯТОГО ФРАНЦУЗАМИ. СОХРАНИЛОСЬ МНОЖЕСТВО ПИСЕМ, КОТОРЫМИ МАРКИЗА ЗАСЫПАЛА ХУДОЖНИКА, ЖЕЛАЯ ДОБИТЬСЯ СВОЕГО ПОРТРЕТА ЕГО КИСТИ, ЭТОГО РИСУНКА, КОТОРЫЙ ОН УВЕЗ С СОБОЙ В ВЕНЕЦИЮ, ИЛИ ХОТЯ БЫ КОПИЙ С НЕГО. ИМЯ МОДЕЛИ НА РИСУНКЕ НЕ ПОДПИСАНО, ОДНАКО ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИЧНОСТИ МОДЕЛИ СОМНЕНИЙ НЕТ БЛАГОДАРЯ ДРУГИМ ЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЯМ И ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ.

ТО, ЧТО ЛИЦО ЖЕНЩИНЫ ЗДЕСЬ ПОВЕРНУТО В ПРОФИЛЬ, — СЛЕД УЖЕ ИЗВЕСТНОЙ НАМ «СТАРОМОДНОЙ» ИКОНОГРАФИИ. ОДНАКО ЕЕ ПЛЕЧИ СЛЕГКА РАЗВЕРНУТЫ, А РУКИ СЛОЖЕНЫ ОДНА НА ДРУГУЮ: ЭТО ПРООБРАЗ ЖЕСТА «МОНЫ ЛИЗЫ», КОТОРАЯ ПОЯВИТСЯ ЧУТЬ ПОЗДНЕЕ.

Успела бежать Лукреция Кривелли, к тому моменту родившая герцогу сына. Они тоже оказались в Мантуе, у маркизы Изабеллы.

Жизнь в изгнании и бедности, которая, казалось бы, должна повергнуть в уныние благородную даму, наоборот, вселила в Чечилию бодрость. Она спокойно наладила быт в новом городе, обеспечила детей едой и няньками и потихоньку начала снова принимать гостей, бывавших у нее на миланской вилле. Обедневшие, потрепанные жизнью, но не растерявшие блеск ума, они сидели на грубо сколоченной мебели, в нетопленом доме с некрашеными стенами и будто были еще счастливей, чем раньше — ну, по крайней мере, еще остроумней. Граф, чьи старые таланты добывать деньги из воздуха теперь так пригодились, с удовольствием сравнивал свою жену с Лукрецией Кривелли — та постоянно рыдала и запустила дом и ребенка. «Нет, все-таки мне досталась лучшая из фавориток!» Чечилия же испытывала тихое злорадство потому, что свой портрет с горностаем кисти Леонардо она успела прихватить, а Лукреция свой — нет, и он где-то сгинул во французских обозах.

Потом все уладилось. Законные сыновья Лодовико Сфорца от герцогини Беатриче вернули

власть над Миланом, французы были изгнаны. Чечилия с семьей (похоронив лишь старшего, бастарда Сфорца) возвратилась в город и стала приводить в порядок свое разграбленное имение. Пусть стены были испачканы, мебель порублена, а капелла осквернена — все можно убрать, можно и нужно. Потому что, когда приводишь что-то в порядок, на душе наступает покой.

Портрет она повесила в заново обтянутой бархатом гостиной.

* * *

Однажды служанка сказала графу, что Чечилии принесли письмо, от которого та очень расстроилась. Он зашел в ее кабинет и увидел жену с окаменевшим лицом.

— Что случилось? — спросил граф.

Она протянула ему бумагу, которая показалась ему пустяковой. Писала маркиза Изабелла д'Эсте, упоминая о споре у себя при дворе: кто лучше, Беллини или да Винчи. «Припоминая, что Леонардо нарисовал Ваш портрет, мы просим Вас быть столь любезной и прислать нам Ваш портрет с этим посыльным, чтобы мы смогли не только сравнить работы этих двух художников, но также и иметь удовольствие снова лицезреть

ваше лицо».

Бартоломео Венето. «Портрет неизвестной дамы в образе св. Марии Магдалины». 1518–1520 гг. Художественный музей Блэффер (Хьюстон, США)

Заказные портреты реальных людей в образе каких-либо святых (но только не Иисуса или Мадонны!) были очень распространены. Часто изображенный и святой носили одно и то же имя, однако это не было обязательным правилом, ассоциации могли быть более сложными. Женщина на этом портрете имеет атрибуты Марии Магдалины — раскаявшейся грешницы: на парапете стоит сосуд для благовоний, а на плечи накинут желтый платок (в ренессансной Италии этот цвет законодательно носили проститутки и куртизанки). Современные исследователи находят в лице модели сходство с «Дамой с горностаем» и предполагают, что изображенная — раскаявшаяся фаворитка Чечилия Галлерани, которой в момент написания этой картины было 45–47 лет.

— Откажи ей, и все, — сказал граф, который тоже помнил о привычке Изабеллы не возвращать одолженное.

— Я не могу, она так много для нас сделала. Мы ей всем обязаны. Я должна прислать ей картину, — лепетала графиня.

Но подумав день, Чечилия с тем же курьером написала вежливый отказ. Через неделю пришло новое послание: Изабелла все настаивала и настаивала, и ясно было, что она не отступится и обратит на его получение всю свою энергию. А те, кто хорошо знал маркизу, ведали, насколько она неотвратима. Чечилии тоже это было известно, ведь с той же энергией маркиза помогала тогда миланским беженцам, а потом хлопотала перед молодыми Сфорца, единокровными братьями ее покойного сына, за возврат ей виллы после французов.

С превеликой неохотой Чечилия упаковала своего Леонардо и отправила в Мантую.

Прошел месяц, потом второй. Чечилия написала Изабелле с просьбой вернуть портрет с горностаем. Ответа не было. Через десять дней она написала снова. И Изабелла ответила ей, что картина в одном из ее замков, она обязательно ее найдет, но не сейчас, поскольку везде такой беспорядок, и вообще, ей недосуг — она собирается на свадьбу брата Альфонсо с Лукрецией Борджиа, для которой он будет третьим мужем, дай Бог, чтобы этот брак закончился лучше, чем прежние.

Прочитав это, Чечилия зарыдала.

Она рыдала так, как не рыдала никогда. Ей вспомнилось все, в чем упрекали маркизу Изабеллу, — как та отказалась отдать мужу ковры, как она не вернула золовке ее статуи, как та обошлась с поручениями из завещания герцогини Беатриче, и другие всякие мелочи. Как Изабелла безуспешно бегала за Леонардо, чтобы тот написал ее. Бедная Чечилия знала, что никогда-никогда больше не увидит своего портрета, который, как вдруг оказалось, был для нее бульшим, чем просто картина, — он был символом ее потерянной души.

Граф услышал эти рыдания с другого этажа, и ему и в голову не пришло, что это плачет его жена. Так плачут девушки, брошенные возлюбленным накануне свадьбы, так плачут над гробом детей, так плачут примерно раз в месяц по глупейшему поводу несчастные женщины со слабыми нервами. Но не Чечилия. Даже потеряв несколько лет назад старшего сына-бастарда, она плакала не так: тогда она просто роняла слезинки, но не голосила, срывая горло.

Теперь же Чечилия вопила и бросалась на стены. Античное слово «истерика», давно придуманное Гиппократом, еще не стали применять к подобным рыданиям, но и простое слово «слезы»

тут не подходило. Ее прекрасное лицо распухло и стало похожим на мраморную статую, попорченную зимними дождями. Зайдя в комнату и увидев жену такой, граф ужаснулся и сбежал. А Чечилия все плакала.

Она плакала несколько дней. Эти слезы будто разрушали невидимые стены, которые она всю жизнь возводила вокруг своего сердца. На нее обрушилось не просто отчаяние, не просто горе. А весь ужас ее прошлого, все те чувства, которые она не позволяла себе испытывать. Вся ее память, которую она тщательно прятала на чердаке своей души, никогда не заглядывая туда, внезапно предстала перед нею — память о мраке детства, память о полусне отрочества, память о руках Лодовико Сфорца.

Граф выдержал всего несколько дней. Потом он приказал седлать лошадей и уехал прочь. Она не заметила этого.

Когда отчаяние выгорело, Чечилия с опухшим лицом снова попыталась жить повседневной жизнью. С невидящим взглядом и погасшими глазами, совершенно лишенная сил, она ходила по дому, обнимала одичавших детей, которые ластились к ней. Не обновленным фениксом она чувствовала себя, а жертвой кораблекрушения,

выброшенной на берег после опустошительного шторма.

А ее муж тем временем примчался в Мантую к Изабелле и потребовал картину. Но блистательная маркиза никогда не выпускала ценную добычу из своих цепких рук. Поэтому встретила его крайне гостеприимно и окружила медоточивой лаской, пирами и музыкой. Портрет тем не менее не отдавала. Но пускай последние двадцать лет (пренебрежем французскими грабежами) граф прожил в достатке и спокойствии: Изабелла могла бы провести обычного дворянина, изящного аристократа, даже сурового воина с тяжелой рукой. Но не человека с его прошлым — повесу, игрока, растратчика, банкрота, умевшего пудрить мозги самым суровым кредиторам и смогшего произвести такое хорошее впечатление на Лодовико Сфорца, что тот доверил ему мать своего сына. Граф льстил и хамил, врал и уговаривал — и Изабелла сдалась, поняв, что встретила противника сильнее себя и его можно только отравить, а подобных привычек она за собой не числила.

Картина нашлась в библиотеке. Завернув ее в черное сукно, граф поскакал в Милан, домой, к жене.

Чечилия сидела у окна и вышивала. Она была абсолютно опустошена, ее душа будто онемела. Надо было жить дальше, но она боялась даже пошевелиться. И больше ни с кем она не могла встречаться глазами — ей становилось больно от того, что она оказывалась живой и должна была испытывать чувства, которые наконец приобрела, но еще не научилась испытывать.

Когда муж вошел в комнату и поздоровался, она не подняла головы, не ответила, не спросила его, где он был столько дней. Но он подошел к ней, развернул портрет с горностаем и поставил перед ней на стол.

И вдруг все лицо ее озарил внутренний свет, и она снова показалась ему такой, какой была в юности. Она взглянула на него глазами, в которых была не благодарность, а испуг — испуг оттого, что кому-то есть до нее дело. И удивление — оттого, что теперь все будет хорошо.

И она заплакала — сухими глазами, ведь у нее уже кончились слезы, заплакала от благодарности. А граф обнимал ее, гладил по голове и укачивал, как расстроенное дитя, и говорил, шептал что-то бессмысленное.

И в тот вечер Чечилия в первый раз по-настоящему, во всю силу впервые проснувшихся в ней

эмоций почувствовала, что такое счастье. И в ту ночь она впервые узнала, почувствовала, что такое любовь.

№ 3. Открытие Гаспары Стампа

Бонифацио де Питати (Бонифацио Веронезе). «Притча о богаче и Лазаре» (фрагмент).
1540-е гг. Галерея Академии (Венеция)

ДОСТОВЕРНЫХ ПРИЖИЗНЕННЫХ ПОРТРЕТОВ ГАСПАРЫ СТАМПА НЕ СОХРАНИЛОСЬ. ВИДИМО, ОНА НЕ ОТЛИЧАЛАСЬ КАКОЙ-ТО ОСОБЕННОЙ

КРАСОТОЙ, ПОСКОЛЬКУ СОВРЕМЕННИКИ НЕ ВОСПЕВАЛИ ЕЕ ОБЛИК, ОДНАКО ВРЯД ЛИ ЕЕ ВНЕШНОСТЬ СИЛЬНО ОТСТУПАЛА ОТ ЭСТЕТИЧЕСКОГО КАНОНА «ТИПИЧНОЙ ВЕНЕЦИАНКИ», ПОТОМУ ЧТО ЭТО БЫ ТОЖЕ КАК-ТО ОТМЕТИЛИ ИСТОЧНИКИ. СУЩЕСТВУЕТ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ (НЕДОКАЗУЕМОЕ), ЧТО ЖЕНСКАЯ ФИГУРА С ЛЮТНЕЙ НА ЭТОЙ КАРТИНЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГАСПАРЫ СТАМПЫ.

Венеция, 1542 год

Одну сестру назвали Кассандрой — в честь пророчицы, вторую Гаспарой — в честь волхва. Гаспара чуть полновата, неотразима, вплетает в прическу розы и ходит легкой походкой. Кассандра носит немного более темный цвет волос, не гоняясь за местной венецианской модой и не обращаясь к алхимикам; она часто улыбается своим мыслям, но всегда внимательно слушает, и местный бакалейщик считает ее единственным здравомыслящим человеком в этом доме. Гаспару восхищает современная поэзия — она может часами беседовать с гостями о чьем-нибудь новом сонете. Порой от особенно красивого ассонанса ее глаза наполняются слезами. Кассандре в детстве хватило хладнокровия изучить латынь, поэтому теперь она черпает радость, перечитывая класси-

ков — удовольствие, недоступное ее сестре. У них красивый особняк на Канале Деи Редотто.

Девушки прекрасно поют, играют на лютне и на спинете. У Гаспары — сопрано, Кассандра поет меццо. Они раскладывают на голоса Петрарку и исполняют под собственный аккомпанемент. Композитор Туттовале Менона научил их этому искусству. Дом полон друзей их брата. Он студент Падуанского университета, его зовут Бальдассаре — в честь второго волхва. Бальдассаре стесняется женщин и пишет стихи, они слабоваты, но приятели похваливают его за отточенность метафор. Из окон их дома открывается прекрасный вид на солнце, садящееся за Санта Мария делла Салюте.

Чечилия, их мать, — еще молодая вдова ювелира, пренебрегшая возможностью второго брака. Она держит открытый дом, наслаждается свободой и радуется веселью своих детей. Один за другим Бальдассаре приводит к ним венецианских писателей, поэтов и музыкантов. Они устраивают литературные диспуты и играют изысканную музыку. Вскоре никто уже не помнит, что идет в гости к Бальдассаре — всех влечет беззаботное общество его сестер.

В цветнике царит Гаспара. Ее обаяние — в пылкости, она вкладывает в музицирование

душу, а в разговоры — неподдельный интерес. У нее светлые зеленоватые глаза, а на щеках вспыхивает яркий румянец, когда она загорается темой разговора. Композитор Перрисоне Камбио, услышав от нее одну из своих канцон, начинает присылать ей мадригалы, хотя, говорят, прежде ему нравились только мальчики. У Кассандры поклонников поменьше, но когда ей хочется поболтать, всегда к ее услугам вон тот задумчивый поэт из Академии дельи Инфьяммати и вот этот испанский кузен органиста собора Сан-Марко. Да и гуманист Сперони Сперони до сих пор до конца не уверен, которая из сестер ему нравится больше.

В какой-то момент Гаспара и Кассандра понимают, что в глазах общества они уже virtuosa — профессиональные певицы, а не простые невинные девицы-венецианки, как большинство их ровесниц, которым на публике показываться и тем более музицировать было совсем неприлично. Ну и пускай: хотя девушкам скоро почти уж двадцать, но их не тянет к замужеству — ведь придется отказаться от этой кипящей жизни, от этой блестящей компании венецианских умниц, от разговоров, от концертов в своем и в чужих домах — а зачем?

Звучат признания. В тени атласного полога кровати, в комнате, украшенной обоями, привезенными из далекой Чины, в мерцающем свете канделябра одна сестра рассказывает другой о своем первом возлюбленном. Пусть их любовь отнюдь не невинна и совсем не чиста, но до «поз Аретино» еще не дошло, хотя тонкие волосы Гаспары от буйства ночи путаются узлами, а плечи изукрашены укусами.

Кассандра переживает за сестру — с потерей девства эмоции Гаспары становятся все больше и больше apassionato. Тем же вечером они играют струнное трио вместе с братом. Бальдассаро подобных вещей знать не следует, но он ощущает сам, что у Гаспары изменилась форма губ, под глазами пролегли морщинки страсти и в тембр голоса добавилось бархата. Кассандра пожимает плечами: когда то же самое случилось с ней, то эта метаморфоза в ней не отразилась никак — ни в поступи, ни в голосе. Она улыбается задумчивому поэту у окна рядом с бюстом Алквиада. Он смущенно хмурится ей в ответ и проливает вино на свои новые кружевные манжеты из Брюгге.

Бонифацио де Питати (Бонифацио Веронезе). «Притча о богаче и Лазаре». 1535–1540 гг. Галерея Академии (Венеция)

ГИГАНТСКОЕ ПОЛОТНО РАЗМЕРОМ 2×4,3 МЕТРА, ВОЗМОЖНО, СОХРАНИВШЕЕ ДЛЯ НАС ОБЛИК ГАСПАРЫ СТАМПЫ (И ПОЧЕМУ БЫ ТОГДА НЕ ЕЕ СЕСТРЫ РЯДОМ?) БЫЛО НАПИСАНО БОНИФАЦИО ДЕ ПИТАТИ, СУДЯ ПО ГЕРБУ, ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СЕМЬИ БРИГАДИН.

СЮЖЕТ КАРТИНЫ ВЗЯТ ИЗ НОВОЗАВЕТНОЙ ПРИТЧИ — НЕКИЙ БОГАЧ ЕЖЕДНЕВНО РОСКОШНО ПИРОВАЛ, В ТО ВРЕМЯ КАК НИЩИЙ ЛАЗАРЬ СИДЕЛ У ЕГО ВОРОТ И ПРОСИЛ МИЛОСТЫНЮ. ПОСЛЕ СМЕРТИ БОГАЧ ОКАЗЫВАЕТСЯ В АДУ И, УВИДЕВ, ЧТО ЛАЗАРЬ В РАЮ, ПРОСИТ О СНИСХОЖДЕНИИ, В ЧЕМ ЕМУ ОТКАЗАНО, ПОСКОЛЬКУ В ЗЕМНОЙ

ЖИЗНИ ОДИН ИЗ НИХ УЖЕ ПОЛУЧИЛ ДОБРОЕ, А ДРУГОЕ ЗЛОЕ. ПЕРВАЯ СЦЕНА ЭТОЙ ПРИТЧИ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ НА КАРТИНЕ В РОСКОШНЫХ ВЕНЕЦИАНСКИХ ИНТЕРЬЕРАХ 1540-Х ГОДОВ: ИЗОБРАЖЕНА ЗАГОРОДНАЯ ВИЛЛА И ДЕТАЛИ ЕЕ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА.

Что же дальше? Франческо Сансовино посвящает Гаспаре свое эссе об искусстве любви. Жизнерадостный Джироламо Парабоско издает свои Lettere amorose — «Любовные письма», там есть послание к Гаспаре, и не одно. Их дом — прибежище поэтов и гуманистов.

Пока не наступает та гнилая весна.

Наводнение в тот год было особенно обильным. Затем вода отступила, оставив повсюду пятна влаги, промокшие и позеленевшие стены, тошнотворный запах плесени. Воронье на куполе ближайшей церкви Святого Стефана орало, будто нарочно вкручиваясь штопором в уши, Гаспара порвала струну на любимой лютне, Кассандра вдруг за пением заплакала, а их брат Бальдассаре подхватил горячку и слег.

Ему не было и двадцати пяти, Гаспаре — двадцать два. Месяц обе сестры провели у мокрых простыней мечущегося Бальдассаре. Бесполезно. Он умер, и они наблюдали за его агонией. Кас-

сандра деловито меняла компрессы, и благодаря ее выдержанности рядом с умирающим всегда стоял охлажденный лимонад. Гаспара же обычно сидела в углу его спальни, их бывшей детской, и, вжавшись в угол, с ужасом глядела, как любимый человек постепенно превращается в ничто, как костенеет его лицо и белеет кожа.

Она первая зашла к нему в то утро, когда он скончался, и сразу поняла, что его больше нет — так осунулось и будто сдулось его тело.

После похорон брата она объявила матери, что уходит в монастырь. Друзья уговаривали Гаспару успокоиться — время все излечит, и не стоит их покидать, ведь на дворе уже апрель, и небо стало лазурным, и редкие деревца на крышах покрылись зеленью. Кассандра молчала. Разговаривать с Гаспарой стало невозможно. Любое упоминание о постигшем семью горе вызывало у нее припадок. Концерты прекратились, и ставни в их доме стали захлопываться на ночь на два часа раньше. Кассандра дочитала Тита Ливия и принялась за Павсания.

Через неделю Гаспара в сопровождении старого слуги уехала из Венеции. Ей не хотелось никого видеть. Она обосновалась на пустеющей вилле дальних родственников, на берегу моря, около

Ла Чертозы. Вилла была построена неподалеку от стен женского монастыря. Гаспара начала переписку с его настоятельницей. В это время Кассандра рассталась с поэтом из Академии дельи Инфьяммати и начала вечерами кататься в гондолах с более жизнерадостным гуманистом из Академии деи Дуббиоси.

Адриатическое море на закате отливало перламутром. Кассандра, смеясь, кормила с гондолы голубей и бросала в волны пурпурные лепестки клематиса из своего венка, а вдали от нее сестра выходила на безлюдное побережье и, утопая каблуками в мокром песке, вдыхала соленые брызги. У Кассандры на столе покрывалось пылью павсаниевское «Описание Эллады», Гаспара без конца перечитывала Данте и Священное Писание.

Время текло, месяц за месяцем, летнее солнцестояние сменяло зимнее, короли — на престолах друг друга. Гаспара не решилась принять постриг. Через некоторое время она поддается уговорам своей семьи и друзей и возвращается в Венецию. Она заходит под родную крышу, и ей кажется, что без нее тут все пропахло пылью, что солнечный свет не проникает в темные уголки комнат и столь любимые ею музы забыли сюда дорогу. Но у нее нет сил снова вдыхать жизнь в этот дом. Она

никогда не станет такой же, как прежде, никогда не будет веселой.

Но все же так приятно лечь в свою кровать, и потереться щекой о любимые портьеры медового цвета, и открыть крышку своего спинета. Кассандра приносит лютню, сестры, переглядываясь, начинают выводить знакомую с детства пьесу. У Гаспары хрипит голос — за время одиночества ее связки ослабли без упражнений. Ей не удается взять ре третьей октавы, и она, закашлявшись, заливается слезами. Но это слезы облегчения — она радуется, что такая мелочь, как музыка, снова ей важна, снова может ее расстроить.

Постепенно все возвращается к прежнему образу жизни, пусть и не столь яростно жизнерадостному, как было при Бальдассаре. Старые друзья с удовольствием находят дорогу в дом сестер. Джованни делла Каза, молодой папский нунций, усмехается в бороду и беседует с Кассандрой о тонкостях римского права. Гаспара опять порхает. Потихоньку она начинает снова писать стихи. Но не показывает их никому, кроме сестры. Через три года после смерти брата Гаспара встречает мужчину, которому суждено стать любовью всей ее жизни.

Он ведет свою родословную с шестого века

и принадлежит к графскому роду, она — дочь ювелира. Ей двадцать пять — и она зрелая дама, ему двадцать пять — и он молодой человек, подающий надежды. Граф прекрасно фехтует, где-то воевал и пишет стихи — не очень удачные, но ведь все вокруг сочиняют. У него тонкие усы по испанской моде, на пальце огромный сапфир, а в красивых надменных глазах — благородство и решительность.

Гаспара влюбилась в него с первого взгляда, Кассандра не переносит даже звук его пышного имени — il conte Коллатино ди Коллальто.

Они познакомились на Рождество. Уходил 1547 год: умерли толстый Генрих VIII и буйный Франциск I; прекрасная Диана де Пуатье, вылезая из ванны со льдом, одаривает своей благосклонностью нового владыку Парижа; куртизанка Туллия д'Арагона выпускает в печать свои «Диалоги о бесконечности любви», а Ронсар — первое стихотворение; император Карл спит с трактирщицей, а в Англии основан Бедлам.

Паоло Веронезе. «Портрет молодого человека в позолоченных доспехах (Портрет графа Коллаль-

тино ди Коллальто?)». Ок. 1550 г.
Замок Яромержице-над-Рокитной (Чехия)

РОСКОШНЫЙ ПОРТРЕТ ИЗОБРАЖАЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В ПАРАДНОМ РАЗЗОЛОЧЕННОМ ДОСПЕХЕ. ДЛЯ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА ПОДОБНАЯ РАСШИРЕННАЯ ИКОНОГРАФИЯ ДЛЯ ВЕНЕЦИАНСКОГО ПОРТРЕТА УЖЕ БЫЛА СОВЕРШЕННО СТАНДАРТНОЙ.

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ИЗОБРАЖЕННОГО С ГРАФОМ КОЛЛАЛЬТИНО ПРАКТИЧЕСКИ БЕССПОРНОЕ, ХОТЯ ТАКЖЕ ЕСТЬ ВЕРСИЯ О ТОМ, ЧТО ЭТО КТО-ТО ИЗ ЕГО БЛИЖАЙШИХ РОДИЧЕЙ.

Граф Коллатино ди Коллальто и Гаспара Стампа предаются страсти всю весну. Он любит ее, он боготворит ее белоснежные плечи и золотые кудри, он часами слушает ее песни и те стихотворения, которые она посвящает ему. Она никогда не была так счастлива. Ни одна женщина в мире не была так блаженна, как она. Никогда в этом мире не было столь великой любви. Кассандра молчит. Гаспара чувствует себя юной кобылкой, выпущенной на волю и скачущей по зеленой травке. Она садится на подоконник и распевает кантату Деве Марии.

Проходят месяцы. Он уже не проводит в их доме каждую свободную минуту. У него постоянно дела в поместье в своих холмах, ему вечно приходится отлучаться по финансовым делам, съездить на охоту, навестить родителей. Он не возвращается в обещанный день один раз и другой, не приезжает к началу карнавала. Гаспара знает, что он просто не успевает — а Кассандра молчит. Когда он приезжает, Гаспара умоляет его оставаться подольше, но у него ведь так много дел, хотя он, конечно, любит ее по-прежнему, «не переживай, дорогая». Она застенчиво вручает ему листки бумаги — там сонеты, посвященные ему. Коллатино, улыбаясь, засовывает их в манжету. Когда он скачет по дороге в поместье приятеля, эти надушенные фиалкой листки выпадают на дорогу и валяются там, пока проходящая мимо корова не поднимет их нежными мягкими губами и не сжует задумчиво.

Таким способом Гаспара проводит между раем и адом три года. В тот вечер, когда летнее солнце склоняется к закату, а в воздухе пахнет созревшими персиками, он неожиданно приезжает и уводит ее в дальнюю гостиную. «Синьора, — говорит он своим чуть холодноватым голосом. — Я любил вас, как Дафнис Хлою, но, увы, моя страсть

угасла. Я больше не могу обманывать — мне нечего вам дать. Нам нужно расстаться». Он целует ее руку и выходит, оставляя Гаспару в оцепенении будто после удара. Она чувствовала, что к этому идет, все последние полгода.

Спустя некоторое время ее находит Кассандра. Гаспара молча сидит все в том же кресле, неподвижная и оглушенная, и беззвучно плачет. Весь лиф ее бархатного платья промок, на щеках слезами прочерчены борозды. Кассандра садится рядом с сестрой и обнимает ее. О том, что граф Коллатино уже две недели как просватан с четырнадцатилетней аристократкой из семьи его матери, тоненькой, беленькой и девственной как подснежник, она расскажет Гаспаре только через три дня.

Мать предлагает Гаспаре уехать на виллу родственников в Ла Чертозу, чтобы восстановить сердечное спокойствие. Гаспара с ужасом вспоминает те месяцы абсолютного одиночества наедине с собой и зимними морскими штормами и решительно отказывается. Она продолжает вести привычный образ жизни: играет концерты, общается с друзьями, гуляет по Пьяцца ди Сан-Марко и ходит к мессе. Одна Кассандра видит, что сестра делает это все, стиснув зубы, и знает,

как часто Гаспара плачет ночами напролет. Еще она подолгу запирается в комнате и тратит много бумаги.

Она пишет. Месяц за месяцем одно за другим из-под ее пера выходят стихи. В них нет изящных сравнений и изысканной куртуазности. В них есть боль отвергнутой женщины. Тайком Кассандра ходит в эту комнату и читает сестринские сонеты. Законченные стихотворения та обычно переписывает в тетрадь в переплете из тисненого золотом фиолетового сафьяна. Вначале идут наивные стихи блаженно влюбленной, сочиненные несколько лет назад. Кассандра с удивлением замечает, насколько лучше стало получаться у Гаспары с тех пор, как ее бросили. Порой ей кажется, что в последние дни сестра выдает один маленький шедевр за другим.

Через пару месяцев, спустя примерно год после венчания графа Коллатино, Гаспара осознает то же самое. Она с удивлением перечитывает свою тетрадь и пытается взглянуть на свои строчки со стороны. Ей очень нравится. Она переписывает на отдельный мелованный лист бумаги три сонета, выбрав из пары сотен, и дает почитать одному из своих друзей — бородатых интеллектуалов. Сторонний человек тоже их хвалит. Гаспаре при-

ятно это слышать. В Венеции готовится издание антологии современной поэзии, и через некоторое время ее огорошивают новостью: ее сонеты туда включены. «Вот что значит иметь хорошие связи», — подсмеивается над зардевшейся поэтессой Кассандра, но дело тут, конечно, не в связях, и они обе это понимают.

«Его уход подкосил меня, как степной цветок, проходящим плугом тронутый насмерть», — бросает как-то Гаспара в беседе, цитируя классика. Но на второй год после этой трагедии в ее осанке снова появилась гордость, а в глазах блеск. Она вернула самоуважение, и ее друзья ощущают, насколько более глубокой и мудрой она стала. На празднике обручения дожа с морем в толпе она случайно натыкается на Коллатино с молодой графиней, их сопровождают няньки с тремя детьми. У Гаспары поначалу екает сердце, но она замечает, как обрюзгло лицо ее обожаемого графа, и ей становится стыдно за то, что она питала к нему столь великую страсть.

Через три года после той сцены в гостиной она влюбляется снова. Пусть робко и не так очертя голову, но она позволяет милому Пьетро держать себя за руку и улыбается так нежно, как не улыбалась уже несколько лет. Как-то зимой он

приносит ей корзину со свежими фруктами. Они сидят за инкрустированным столиком и молчат, глядя друг другу в глаза.

Витторе Карпаччо. «Лев св. Марка». 1516 г. Палаццо Дукале (Венеция)

Спустя несколько дней Кассандра замечает в фиолетовой тетради сестры, небрежно брошенной на столе в гостиной, новое стихотворение — о Пьетро. Она крестится и благодарит Господа.

Но тут неожиданно наступает гнилая весна. Наводнение прорывает все, что можно, затапливает первые этажи, ветер с моря нагоняет воду в окна. Пятна плесени снова ползут по стенам. Гаспара простужается. Кассандра проводит у ее постели ночь за ночью, приносит ей холодный лимонад, меняет простыни. Кассандра плачет каждый день. Кассандра перечитывает стихи сестры и

«Рай» Данте, она все уже поняла, но никак не может себе в этом признаться.

Через две недели Гаспару хоронят в их приходской церкви Святого Стефана. На похороны приходят Сперони Сперони, Франческо Сансовино, Джироламо Парабоско, Джованни делла Каза, Перрисоне Камбио и все остальные. «Гаспара Стампа, любимая дочь, сестра и друг, покинула нас внезапно в возрасте 31 года. Она радовала нас своей музыкой, стихами и улыбками. Зачем жизнь так несправедлива?» — написано на ее надгробии. Через 250 лет его разобьют при грабеже могил солдаты Наполеона.

Кассандра возвращается домой. Она прибирается в комнате. Она перекладывает ноты со спинета на стол, со стола в комод. Она не знает, чем заняться. Она начинает вышивку и бросает ее. Пробует читать классиков — и не понимает ни слова. Через некоторое время ей попадается под руку издание стихов куртизанки Туллии д'Арагона, жившей несколько лет в Венеции. Их все хвалят, и превозносят ее как поэтессу. Или вот Виттория Колонна, та самая, которую обожал Микеланджело, она тоже писала стихи. Кассандра покупает ее книгу и прочитывает первые страницы с пренебрежительной гримасой — слишком

манерно и чересчур много от Савонаролы, а где истинная душа и чувства? Она решает напечатать стихотворения сестры.

Кассандра находит тетрадь в фиолетовом переплете, потом отыскивает еще одну папку — оказывается, Гаспара переписывала набело не все. Кассандра сидит на осиротевшей кровати под балдахином с медово-желтыми портьерами, обложившись листами со стихами покойной, и внимательно читает.

Наутро она наряжается как следует и идет нанимать издателя. Деньги не имеют значения, главное качество. Затем наступают сладкие месяцы хлопот подготовки книги: набор, гранки, вычитка составление титульного листа Всего Кассандра отобрала 311 стихотворений. Она располагает их по совершенно очевидному для нее порядку — ходу развития несчастливой любовной истории: знакомство, начало страсти, счастье, страдание, наконец, новая надежда. На первой странице посвящение — папскому нунцию, гуманисту и драматургу Джованни делла Каза. Новенький томик, пахнущий краской, выходит из типографии. Кассандра с удовлетворением перелистывает страницы. Потом она вызывает посыльного и отсылает один экземпляр

в палаццо графа Коллатино.

Но, увы, Гаспара мертва, и бородатым друзьям-интеллектуалам незачем хвалить ее стихи, даже ради Кассандры. Те три сонета были интересны — но целый том обнаженных чувств, не чересчур ли? «Мне кажется, синьорина Кассандра, что сонеты Виттории Колонны, с ее религиозным пылом, более пристали даме. Или пасторали, пейзажи графини Вероники Гамбары… А госпожа Туллия — она ведь любит Петрарку, и по ее трудам это заметно. Увы, ваша сестра не ценила его должным образом». Книгу стихов покойной Гаспары Стампы ставят на дальние полки, она никому не нужна, никто не говорит о ней. Кассандра сделала все что могла. Прощай, Гаспара.

Так грустно закончился 1554 год.

Почти двести лет спустя, в 1738 году, блестящий венецианский аристократ и меценат граф Антонио Рамбальдо после многодневного загула на карнавале решает немного отдохнуть в тишине. Отослав прочь всех роскошных блондинок и строго настрого приказав своему повару готовить только легкую пищу, он бродит по дому предков и наслаждается, перечитывая старые книжки — инкунабулы и рукописи с миниатюрами на пергаменте. Неожиданно рядом с книгой знаме-

нитой куртизанки Вероники Франко — той самой, которая была любовницей Генриха II и писала терцинами, он натыкается на неразрезанный томик какой-то Стампы. Он знаток ренессансной поэзии, но это имя ему не известно. Он на весу открывает книгу, прочитывает страницу, потом, ошеломленный, не сводя взгляда со строчки, пододвигает кресло, усаживается поудобней, прочитывает еще три стихотворения. Удивленный, еще раз проверяет дату издания книги — нет, все правильно, середина шестнадцатого века. Но тогда откуда такая искренность и глубина чувств, такая простота и сила эмоций? Он натыкается на имя Коллатино ди Коллальто — это его прапрадедушка.

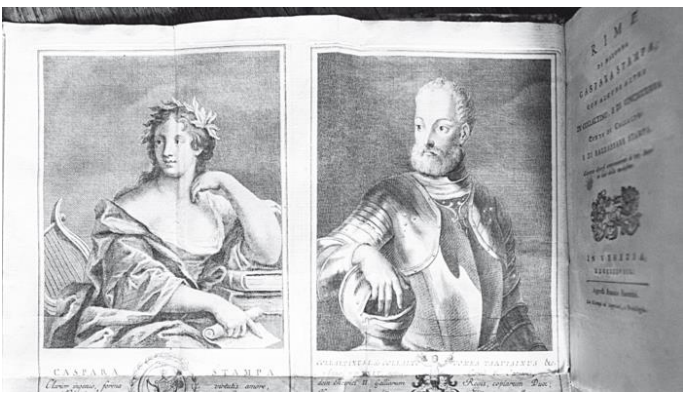
За ночь он дочитывает книгу до конца, все 311 стихотворений. Графу Антонио Рамбальдо становится за Коллатино безумно стыдно.

За короткое время он организует второе издание стихотворений Гаспары — впервые за пару веков. Он пишет в предисловии, что делает это, «желая хоть каким-то образом выполнить свой долг перед памятью такой выдающейся поэтессы». Не чуждый стремлению похвастаться, граф заказывает портрет своего предка и помещает его в той же книге вдобавок к гравированному

портрету поэтессы (вымышленному — никто не знает, как она выглядела).

Когда книга выходит, он — как и Кассандра раньше — дарит книгу всем своим друзьям.

Затаив дыхание, он ждет реакции — но боится зря. Как оказалось, Гаспара писала не для своих современников, а для потомков.



Вымышленные портреты Гаспары Стампа и Коллальтино ди Коллальто во втором издании ее стихотворений, вышедшем в 1738 г.

ТРАДИЦИЯ СОЗДАВАТЬ ВЫМЫШЛЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ БЫЛА ОЧЕНЬ РАСПРОСТРАНЕНА В ЕВРОПЕ XVI–XVIII ВЕКОВ.

СРЕДИ НИХ МНОГО ГРАВЮР, БЛАГОДАРЯ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ И ДЕШЕВИЗНЕ ЭТОЙ ТЕХНИКИ. НЕ СТОИТ ДУМАТЬ, ЧТО ДВА ЭТИХ ПОРТРЕТА ХОТЬ КАК-ТО ПОХОЖИ НА ТЕХ, ЧЬИМИ ИМЕНАМИ ОНИ ПОДПИСАНЫ: ОНИ ВСЕГО ЛИШЬ ОТРАЖАЮТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭПОХИ О ТОМ, КАК ДОЛЖНА ВЫГЛЯДЕТЬ ИДЕАЛЬНАЯ ПОЭТЕССА (КАК МУЗА) И ИДЕАЛЬНЫЙ ВОИН (В ДОСПЕХАХ).

Сегодня Гаспара Стампа считается самой выдающейся женщиной-поэтом эпохи Ренессанса.

Кассандра была бы довольна.

ГАСПАРА СТАМПА
XLVII

Я так устала, так давно я жду,
Так я изверилась в последней вере,
Так плачу, сокрушаясь о потере,
В таком мучительном живу аду,

Что призываю смерть и, как в бреду,
Немилосердной открываю двери.
Молю укрыть в хранительной пещере
И голову под серп ее кладу.

Но Смерть, смирив мой взор неколебимый,

Глуха к мольбам свершить последний взмах —
К призывам возвратиться глух любимый.

Над морем солнце мечется впотьмах,
Охвачено тоской неистребимой,
А милый счастлив на своих холмах.

CLIII

Когда бы в сердце вы проникли мне,
Синьор, печалясь о моем уделе,
Вы внутренним бы взором разглядели
Тоску черней, чем видится извне.

Вы убедились бы, что я в огне:
Не на минуту, дни или недели,
На годы страх и ревность овладели
Душой – по Купидоновой вине.

Там вы себя узрели б на престоле
В сияющем дворце, откуда вас
Прогнать не властно исступленье боли.

Вы бы узнали, что давно погас

Других желаний свет, и поневоле
Я меркну ради блеска ваших глаз[2].

[2] Примечания: 2
Перевод Р. Дубровкина.

№ 4. Зависть к Симонетте Веспуччи

Сандро Боттичелли (приписывается). «Профильный портрет молодой девушки». 1475–1480 гг. Берлинская картинная галерея

ДОСТОВЕРНЫХ ПОРТРЕТОВ СИМОНЕТТЫ ВЕСПУЧЧИ
КАК РЕАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ, ФЛОРЕНТИЙСКОЙ АРИСТОКРАТКИ, НЕ СОХРАНИЛОСЬ. С ЕЕ ИМЕНЕМ СВЯЗЫВАЮТ НЕСКОЛЬКО ПРОФИЛЬНЫХ ПОРТРЕТОВ, НАПИСАННЫХ БОТТИЧЕЛЛИ ИЛИ В ЕГО МАНЕРЕ. ПРИ ЭТОМ ЧЕРТЫ ЕЕ ЛИЦА ВСЕМ ПРЕКРАСНО ИЗВЕСТНЫ: СИМОНЕТТА СМОТРИТ НА НАС С МНОГОФИГУРНЫХ КОМПОЗИЦИЙ ХУДОЖНИКА («ВЕСНА», «РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ», МНОЖЕСТВА «МАДОНН» И ПРОЧ.).

БЕРЛИНСКИЙ
ПОРТРЕТ СЛЕДУЕТ ИКОНОГРАФИЧЕСКОМУ СТАНДАРТУ СТАНКОВЫХ ПОРТРЕТОВ ИТАЛИИ 2-Й ПОЛОВИНЫ
XV ВЕКА: ПРОФИЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ С ЧЕТКИМ КОНТУРОМ. В КАНДИДАТЫ МОДЕЛИ, КРОМЕ СИМОНЕТТЫ, ЗАПИСЫВАЛИ ЖЕНУ И МАТЬ ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНОГО — ЛУКРЕЦИЮ ТОРНАБУОНИ И КЛАРИЧЕ ОРСИНИ, НО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, ЧТО ЭТО СКОРЕЕ ОБОБЩЕННЫЙ ИДЕАЛИЗИРОВАННЫЙ ПОРТРЕТ ИДЕАЛЬНОЙ КРАСАВИЦЫ.

Флоренция, 1469 год

Превосходный живописец Александр, именовавшийся по обычаю нашему Сандро, и прозванный вслед за своим старшим братом, который был весьма толст, Боттичелли, то есть «Бочонком», скончался во Флоренции в 1510 году. Под конец жизни он стал совсем дряхлым и больным, ходил, опираясь на две палки, ибо выпрямиться уже не мог. Умер он немощным калекой и, согласно его желанию, был погребен в Церкви Всех Святых, рядом со своей прекрасной возлюбленной Симонеттой Веспуччи, скончавшейся 34 годами ранее.

Зарабатывал Боттичелли много, но все у него шло прахом, так как хозяйствовал он плохо и был беспечным. Незадолго до кончины он перебирал рисунки и эскизы, все еще остававшиеся в его мастерской, хотя многие люди, ценя его мастерство, старались заполучить их и предлагали большие деньги. Среди пожелтевших листов, пахнувших пылью и солнцем, он заметил один набросок Симонетты сангиной, о котором совершенно позабыл. Его Симонетта, божественная Симонетта, его Весна, Примавера, его Венера, Мадонна Магнификат и делла Мелаграна, бесплотный ангел и бесподобная небожительница, всегда сиявшая

небесным светом, была нарисована здесь совсем по-другому.

Боттичелли узнавал в рисунке свою руку, но дивился такому образу Симонетты — здесь она представала земной женщиной. Ее тело светилось здоровьем, губы, казалось, все-таки знали поцелуи, ее хотелось заключить в объятия и посадить себе на колени, а не пасть ниц у ног. На всех прочих картинах Боттичелли она была ускользающим миражом, здесь же — просто счастливой женщиной. «Неужто она когда-то была такой? — в ужасе спросил себя живописец. — Неужто я ее просто придумал? Как я мог всю жизнь так ошибаться?»

Но потом он с облегчением вспомнил: «Это не Симонетта. Это — Эсмеральдина». И почему-то тепло вдруг наполнило его скрюченное тело, почему-то улыбка мелькнула на старческих губах цвета глины.

* * *

Отец ее был ювелиром, поэтому дочерей назвали в честь жемчуга, изумруда и цейлонского гиацинта — Маргаритой, Эсмеральдой и Иасинтой. Об этих и других камнях архиепископ Рабан Мавр, упомянутый Алигьери в «Божественной

комедии», писал: «В сапфире отражается высота надежд небесных; в изумруде выражена сила веры в несчастии; в гиацинте — вознесшиеся на небо в высоких мыслях и их покорное сошествие к делам земным; в аметисте — постоянная мысль о Царствии Небесном в душах смиренных»[3]. Флоренция в XV веке все богатела и богатела, и поэтому ювелир, отец Эсмеральды (ласково — Эсмеральдины), был завален заказами. Пусть банкиры борются за власть, изгоняют друг друга и спорят, кто будет заседать в Совете Ста. Его же дело — чеканить, гравировать, канфарить и, вставлять драгоценные камни в цепкие касты.

Эсмеральда выросла высокой и белокожей, с рыжеватыми волосами и карими глазами. Ее выдали замуж за сына отцовского компаньона, златокузнеца Вивиано Брандини.

Она — спокойная, чуть мечтательная женщина с любопытствующим взглядом. Она любит готовить — вернее, употреблять все эти удивительные восточные приправы, которые привозят моряки из дальних краев.

К 1469 году ей уже тридцать, у нее трое детей — Микеле, Джованни и Лукреция. Старшему сыну

---

[3] Примечания: 3

Цит. по: Федоров Ю. А. Символика камня в церковном ювелирном искусстве (часть 2) // Jewelry Garden, № 4/2005.

— двенадцать, младшему — два; дочери десять лет. Выкидыши и младенцев, которых не успели донести до купели, Эсмеральда не вспоминает, чтоб не сглазить.

Дом у них хороший, богатый: служанка и нянька, два подмастерья. Эсмеральда откармливает гусей орехами к Рождеству, набивает подушки для детских спален сушеной мятой и зверобоем.

Вечерами, когда подмастерья расходятся спать, она приходит в мастерскую к мужу и раздевается. Вивиано рисует с нее эскизы фигур наяд и океанид для золотого кубка, заказанного ему кардиналом Карло де Медичи. Эсмеральду сначала смущало, что на ее обнаженный зад будет взирать вся высшая знать Флоренции. Но рисунки выходят весьма изящными, и она даже начинает чуть гордиться своей красотой. Вивиано, ее муж, раздумывает о том, протянуть ли между фигурами гирлянды, какие он видел на рельефных римских саркофагах, или же разбавить пространство амурчиками. Наброски купидонов он делает с их двухлетнего сына. Эсмеральда волнуется, чтобы муж не засиживался в сумерках и не портил глаза. Она идет по коридору, и ей слышен шум раздуваемой печи и цокот молоточков.

Сандро Боттичелли. «Поклонение волхвов» (фрагмент).
Ок. 1475 г. Уффици

ОТДЕЛЬНЫХ АВТОПОРТРЕТОВ БОТТИЧЕЛЛИ НЕ

ОСТАВИЛ, НО ЕГО ВНЕШНОСТЬ НАМ ИЗВЕСТНА. КАК И МНОГИЕ ДРУГИЕ РЕНЕССАНСНЫЕ ХУДОЖНИКИ, ОН ВПИСАЛ СЕБЯ В ТОЛПУ, ПРОЧИЕ ПЕРСОНАЖИ КОТОРОЙ СМОТРЯТ НА БОГА ИЛИ МАДОННУ, В ТО ВРЕМЯ КАК ОН ЕДИНСТВЕННЫЙ — ПРЯМО НА ЗРИТЕЛЯ.

В ЧИСЛЕ ДРУГИХ ПЕРСОНАЖЕЙ ЭТОГО АЛТАРНОГО ОБРАЗА — ЗАМАСКИРОВАННЫЕ ПОД ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ ЗНАМЕНИТЫЕ ФЛОРЕНТИЙЦЫ. ЕСЛИ ВЕРИТЬ ВАЗАРИ И СХОДСТВУ С ДОСТОВЕРНЫМИ ПОРТРЕТАМИ — ЭТО КОЗИМО МЕДИЧИ СТАРШИЙ И ДВОЕ ЕГО СЫНОВЕЙ, ПЬЕРО И ДЖОВАННИ, А ТАКЖЕ ВНУКИ ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ И ДЖУЛИАНО.

Молодой Сандро Боттичелли — друг ее мужа. Он частый гость в их доме — помогает с рисунками богов и героев и тоже работает на Медичи; его брат Антонио сам ювелир. Сандро младше Эсмеральды всего лет на пять, но она потчует его и согревает своей заботой, будто он — один из ее сыновей. Бесприютный Сандро, в доме которого нет женщины — и не будет никогда, — греется в доме Брандини теплом их счастья. Ему приятно с ней, и он приходил бы болтать о своих горестях и радостях, будь она даже похожа на огромную чугунную печь, будь она говорлива, черна и боро-

давчата, как многие из итальянских матерей. Но Эсмеральда, кстати, тезка его покойной матери, стройна и высока, у нее ласковый нежный голос, а ее волосы, заплетенные в высокую корону, — того оттенка, который имеет выгоревшая на солнце пшеница. Такого же, какой был у «жены» его учителя фра Филиппо Липпи, в доме которого он взрослел и набирался мастерства.

Такого же, как волосы той, от которой Сандро вскоре навечно потеряет покой.

Божественная Симонетта Веспуччи — бесплотный ангел и воплощение небесной красоты — весьма скоро появится в разговорах Сандро и Эсмеральды. И весьма скоро жена ювелира будет знать об этой прекрасной госпоже чересчур, чересчур много.

Данная Симонетта, рожденная Каттанео, прибыла из Генуи вместе со своим молодым мужем Марко Веспуччи летом 1469 года. Род Веспуччи, который прославлен в веках мореплавателем Америго, был в числе заметных семей Флоренции. Банкиры и торговцы, они — в числе союзников и друзей рода Медичи, который правил тогда республикой. Для молодожена Марко Веспуччи, который привез жену из Генуи, правитель устроил роскошный обед. Общество там было

необыкновенное. Молодые флорентийцы, члены brigata юного Лоренцо Великолепного, наследника Медичи, все как один — кутилы, поэты, рыцари, умеющие превратить любое событие в бесподобный праздник.

Новобрачная сияла как луна. Красавице не было еще шестнадцати лет. Муж нарядил ее по последней флорентийской моде. Сорочка была белоснежной, платье гамурра с завышенной талией было того небесно-розового цвета, который бывает при первых лучах восходящего солнца. Привязанные рукава из тяжелого иранского бархата выглядывали из-под мантии симарры, на которой в симметричных узорах пили воду из фонтанов расшитые золотом павлины и соловьи. Пряди волос — таких невероятно густых, какие бывают лишь у юных женщин, не страдавших и не рожавших, сплетались на голове в невероятные лабиринты, перекрещиваясь с индийскими перлами и атласными лентами.

Красота ее была жемчужной и рождала стремление преклоняться.

Сандро, приходя в дом Эсмеральды, изрисовывает абрисом лица Симонетты все чистые бумажки. Все героини его мифологических полотен становятся похожими, словно сестры.

Сперва Эсмеральда слушает излияния любовной одержимости и глупости молодого живописца снисходительно. Ведь в этом и есть предназначение благородных дам — доказывать, что в мире существует красота, вдохновлять художников и поэтов. Вот, в честь Симонетты длинные свитки исписывает знаменитый стихотворец Полициано, братья Луиджи и Бернардо Пульчи соревнуются в метафорах, и даже приезжий грек Михаил Марул Тарканиот, иначе говоря, Микеле Марулло, подсчитывая слоги на пальцах, пишет на итальянском что-то изысканно византийское. Если любовь украшает жизнь, то пусть существует.

Тем более, что и у самой Эсмеральды есть маленькая тайна.

Она так много лет живет в супружестве со своим Вивиано, что уже не помнит тех дней, когда была девицей, когда была свободна от обязанностей и хлопот. Муж любит Эсмеральдину, и Эсмеральдина любит мужа, но когда союз двух тел и душ длится столь много лет, он скреплен уже не клятвами перед Всемогущим Спасителем, а памятью о смердении пеленок, и знанием, как лучше обрезать любимую мозоль на его правой ступне, и бессильной яростью к себе за то, что

пять лет назад простила ему интрижку со служанкой, и тем, как она любит его сильные руки, покрытые рыжими волосками, а он — утыкаться ей в плечо и сопеть.

И поэтому в какой-то момент Эсмеральдине становится очень скучно.

Тогда, вспоминалось ей, был турнир. Его устраивал наследник правителя — юный Лоренцо, устраивал в честь своей Прекрасной Дамы, звавшейся Лукреция Донати, о достоинствах которой умолчим, чтобы не добавлять новых лиц в наш рассказ. О Лоренцо все же сказать стоит: ему двадцать, он коренастый, с кривыми ногами, у него плохое зрение и отсутствует обоняние, голос писклявый, да нос свернут на сторону. Все флорентийские дамы от этого Медичи без ума, и не зря он получит прозвище «Великолепный».

Месяцы до начала турнира муж Эсмеральды и еще две сотни ремесленников города — ювелиров, портных, художников, плотников и прочих — не смыкают глаз.

С самого раннего утра на площади Санта-Кроче собирается огромная толпа. Деревянные трибуны потрескивают под тяжестью зрителей. Шестнадцать всадников на благородных скакунах проходят в кавалькаде через весь город, стуча

копытами по мощеным улицам.

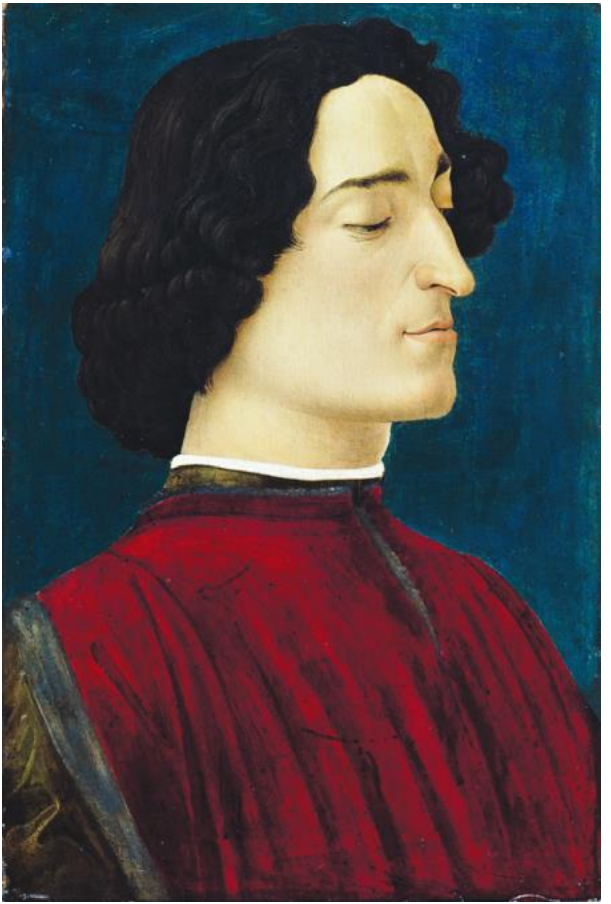
Звучат трубы. Перед каждым рыцарем по пажу с расписным штандартом. Эсмеральда знает, что флаг молодого Лоренцо Медичи создал другой приятель ее мужа — Андреа ди Микеле Чони, взявший прозвание «Верроккьо» в честь своего учителя-ювелира, покойного приятеля отца Эсмеральдины.

«Что нарисовано на флаге?» — спрашивает она у Сандро, который сопровождает ее на турнир: уставший Вивиано спит без задних ног, к трем часам ночи едва успев закончить какую-то деталь доспеха для одного из участников турнира. (Не для Лоренцо — тот выступает в золоченом снаряжении, присланном Галеаццо Мария Сфорца, герцогом Миланским). Перед уходом Эсмеральдина открывает узкие окна, чтобы проветрить мастерскую мужа от запаха металлической стружки.

Возвышаясь над толпой, Сандро описывает ей штандарт: прекрасная женщина, плетущая венок из листьев лавра. «Это, должно быть, образ Лукреции Донати, — объясняет он. — А над нею радуга в солнечном небе и девиз».

— И охота им тратить свои силы на бесплодное поклонение Прекрасным Дамам? — хочет было

спросить она. Но потом вспоминает, что ответ Боттичелли ей и так известен.



Сандро Боттичелли. «Портрет Джулиано Медичи». Ок. 1478 г. Берлинская картинная галерея

ПОЭТ АНЖЕЛО ПОЛИЦИАНО ОПИСЫВАЛ ДЖУЛИАНО МЕДИЧИ КАК НЕВЕРОЯТНО ЭЛЕГАНТНОГО И УХОЖЕННОГО МУЖЧИНУ, С ШИРОКОЙ МУСКУЛИСТОЙ ГРУДЬЮ, СИЛЬНЫМИ РУКАМИ, СМУГЛОЙ КОЖЕЙ И ГУСТЫМИ ВОЛОСАМИ.

ДЖУЛИАНО БЫЛ УБИТ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЗАГОВОРА В 1478 ГОДУ. ПРИЖИЗНЕННЫХ ЕГО ПОРТРЕТОВ, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЦА В ТОЛПУ «ПОКЛОНЕНИЯ ВОЛХВОВ» И Т. П., БОТТИЧЕЛЛИ, ВЕРОЯТНЕЙ ВСЕГО, НЕ ПИСАЛ (ВОПРЕКИ ДОПУЩЕНИЮ В НАШЕМ РАССКАЗЕ). СЧИТАЕТСЯ, ЧТО УЦЕЛЕВШИЙ ПОРТРЕТ ДЖУЛИАНО ЕГО КИСТИ БЫЛ ЗАКАЗАН СКОРБЯЩИМ БРАТОМ. В КАРТИНЕ ЕСТЬ ОСОБЕННОСТЬ, УНИКАЛЬНАЯ ДЛЯ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОРТРЕТА, — ПОЛУЗАКРЫТЫЕ ГЛАЗА ИЗОБРАЖЕННОГО. ВОЗМОЖНО, ЭТО УКАЗАНИЕ НА ПОСМЕРТНОСТЬ ОБРАЗА. ФОН КАРТИНЫ НЕЙТРАЛЬНЫЙ. СУЩЕСТВУЕТ ЕЩЕ ДВЕ ВЕРСИИ ЭТОГО ПОРТРЕТА — В БЕРГАМО И В ВАШИНГТОНЕ, НА ПЕРВОМ ИЗ НИХ ДЖУЛИАНО ИЗОБРАЖЕН НА ФОНЕ ОКОННОГО ПРОЕМА, НА ВТОРОМ — ПОЛУОТКРЫТЫХ СТВОРОК, РЯДОМ С ГОРЛИЦЕЙ. (ПТИЦА И ОКНА С ДВЕРЯМИ —

СИМВОЛЫ СМЕРТИ). НЕИЗВЕСТНО, КАКОЙ ИЗ ЭТИХ ПОРТРЕТОВ ПОЯВИЛСЯ ПЕРВЫМ, А КАКИЕ ЯВЛЯЮТСЯ КОПИЯМИ. СОГЛАСНО СВЕЖИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ, У ВСЕХ ТРЕХ КАРТИН БЫЛ НЕКИЙ ЕДИНЫЙ ПЕРВОИСТОЧНИК, НЫНЕ УТРАЧЕННЫЙ. ТИРАЖИРОВАНИЕ ЭТОГО ОБРАЗА ДЖУЛИАНО БЫЛО ЧАСТЬЮ ПОЛИТИКИ ЛОРЕНЦО, ЖЕЛАВШЕГО НАПОМНИТЬ О ЕГО ГИБЕЛИ И СВОЕЙ ВЛАСТИ: КАК ОТМЕЧАЮТ ИССЛЕДОВАТЕЛИ, НИ ОДИН ФЛОРЕНТИЙСКИЙ ПОРТРЕТ РЕНЕССАНСА НЕ ИМЕЛ СТОЛЬКО КОПИЙ.

Прекрасная Симонетта со своим супругом сидит на одном из самых удобных балконов, с перил которого свисает персидский ковер ценой в хороший городской домик. Эсмеральда в ту сторону ни разу и не взглянула, но точно знает, что красавица там — по неотрывному взгляду бедного Сандро. Художник лепечет восторги со столь взволнованными интонациями, что она оглядывается на него в беспокойстве. Глаза его влажны и полны тоски. Он похож на кареглазого брошенного пса. Жалость и нежность переполняют ее сердце.

— Ты не хотел бы жениться на какой-нибудь милой девушке из нашего квартала? — спрашивает она Боттичелли, но он не слышит ее за

рокотом толпы. А Эсмеральдина и не переспрашивает, потому что ее дыхание замирает на полстука сердца.

Она больше не видит кривоногого Лоренцо, одетого в бело-красную шелковую тунику с развевающимся на плечах шарфом, расшитым жемчужными розами, в черном берете, над которым трепещет султан, унизанный рубинами и бриллиантами. Дочь и жена ювелира не замечает даже знаменитый алмаз «Книга» в центре его лазурного щита.

Ее взгляд прикован к младшему брату героя дня — юному Джулиано Медичи. У него прямой античный нос, темные кудри, отличная фигура, красивый голос и отнюдь не близорукие глаза. Он одет в серебряную парчу, шитую жемчугом, и гарцует на белом жеребце, подаренном папой римским.

Ему шестнадцать лет, он в самом начале расцвета мужской красоты, и Эсмеральда никогда не видела человека прекрасней.

Звучат фанфары. Турнир начался.

А Эсмеральдина понимает, что она пропала.

Если б мужья знали, что творится в головах у их жен, когда те закрывают глаза и отдают свое тело их ласкам, то надолго бы лишились веры в себя.

Она могла за всю жизнь ни слова сказать тому мужчине. Это мог быть победитель рыцарского турнира, смазливый аббат, гусарский офицер, а может — немой, но очень гибкий черно-белый шейх, или один из тех четырех парней из Ливерпуля — века идут, прогресс неминуем, но что-то в головах не меняется никогда. Пусть безнадежно влюбленные мужчины пишут стихи своим Прекрасным Дамам, рисуют их в образе Мадонн или устраивают в их честь праздники. Безнадежно влюбленная женщина — например, Эсмеральдина, будет о своей маленькой тайне молчать. Но она «заберет» объект своей страсти домой, ляжет с ним в постель и проведет с ним много ночей, а когда потом, спустя много недель — а то и месяцев или даже лет, — расстанется с этим «любовником», то сохранит о нем самые приятные и удивительно отчетливые воспоминания.

Откуда златокузнецу Вивиано Брандини знать, почему его жена Эсмеральдина, вернувшись с того турнира, несколько дней прогоняла его спать из семейной кровати в мастерскую? Откуда ему было знать, почему, когда его, наконец, пустили обратно, она вдруг стала с ним особенно пылкой, как в первый год их брака — тогда он еще был строен и благоухал, как пахнут мужчины в два-

дцать лет. Откуда ему было это знать?

Поэтому панегирики прекрасной Симонетте, составлявшие большую часть речей Боттичелли, Эсмеральда первое время после того турнира прощала и лишь молча улыбалась своим мыслям. Об этих мыслях она не говорила никому, даже на исповеди. В этом она проявляла редкую для женщины ее слоя и образованности внимательность. Внимательность к грамматическим родам подлежащего и дополнения в библейских наставлениях «не возжелай жены ближнего твоего» и «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Но проходили года. Теперь Джулиано Медичи, которого она видела еще несколько раз на праздниках и на больших церковных службах, занимал ее мысли, лишь когда у нее не было других дел. А их было много. Семейство Брандини продолжало расти, дом, благодаря хорошим заработкам мужа, становился все богаче, подвалы и кладовые наполнялись припасами, а птичник требовал постоянного присмотра. Она больше радовалась, что ее старший сын Микеле начал помогать отцу в мастерской и учить разницу между рифелями, штихелями и накатками.

А Джулиано Медичи с годами становился все красивее. Гордо посаженная голова, шапочка остриженных вьющихся жестких волос, огромные темные глаза и надменный взгляд государя, властный подбородок человека, которого невозможно покорить своей воле, сильные руки и мощные плечи.

1474-й. Эсмеральда смотрела на портрет Джулиано, написанный Сандро Боттичелли, и с мимолетной улыбкой вспоминала свою старую страсть к сыну Медичи. Так по весне достают давно позабытые, убранные на зиму наряды и вытряхивают их на свежем воздухе, чтобы потом приложить к себе и представить, как они будут к лицу.

Рука об руку с мужем она возвращалась из мастерской Боттичелли, куда супруги были приглашены полюбоваться на портрет — почетный заказ, и Эсмеральда размышляла о мужской красоте Джулиано. И тут слова мужа вывели ее из мечтательной полудремы, она чуть не споткнулась.

— Такой бесподобной красоты пара — эти Симонетта Веспуччи и Джулиано Медичи! — говорил супруг.

Эсмеральда слушала дальше, и сердце ее зами-

рало от обиды. За своими домашними делами она пропустила новость, о которой судачат уже не первый день, — Джулиано избрал божественную Симонетту своей Прекрасной Дамой. Он поклоняется ей так же пылко, как язычники своим мраморным идолам, сильнее, чем поклоняется Боттичелли. «Лицо небесным дышит торжеством, и дуновенье каждое смолкает при звуке неземном ее речей, и птицы словно подпевают ей»[4], — выводит о несравненной Симонетте великий Полициано. А Джулиано не посвящает ей стихов — говорит, что не умеет; и поэтому, а также по другим мелким признакам, подозревают, что он не просто ей поклоняется. «Поэтому Сандро и не прибежал ко мне с этой новостью, — понимает Эсмеральдина, — Бедный юноша страдает».

Ее сердце тоже замирало от страдания, как будто Джулиано Медичи что-то обещал ей, как будто он вообще знал о ее существовании. Абсурд, но эмоции умеют пропитывать тело и становиться реальностью; и так почему-то неприятно узнать о свадьбе человека, в которого был безответно влюблен двадцать лет назад и которого не видел те же двадцать лет. Впрочем, это было совсем

---

[4] Примечания: 4
Перевод Е. Солоновича.

не то страдание и не та ревность, какие бывают, когда изменяет по-настоящему близкий человек, — тогда душа и сердце будто раздавлены каменным жерновом: Эсмеральда помнила это ощущение. Сейчас было по-другому — сердце оставалось на месте и было правильной формы, просто билось слишком сильно.

Платье, которое она достала из сундука с зимними вещами, оказалось съеденным молью; брать в руки его было противно.

Эсмеральдина думала об этом неприятном ей союзе несколько дней, но потом решила выбросить все из головы и заняться своими делами да отвлечься на другие новости. Так, трехлетний старший сын правителя города, Лоренцо Великолепного, названный Пьеро в честь покойного деда, похоже, расстраивает отца своим поздним развитием и слабостью. Все жалеют его мать, благородную Кларичe Орсини. Пикантные вести пришли из Рима — любовница кардинала Родриго Борджио, красавица Ваноцца деи Каттанеи родила ему очередного сына, названного Чезаре. Но сладострастный молодой отец в сутане на этом не останавливается и очень хочет еще и девочку. Болонский архитектор Фиораванти, чьей работой во Флоренции, помнится, многие

не были удовлетворены, сумел избавиться от обвинений в фальшивомонетчестве, но предпочел от греха подальше скрыться из Италии. И теперь, говорят, работает для государя каких-то московитов в стране медведей и вечных снегов. Живущий в Брюгге банкир Портинари, сотрудник Медичи, отдал в Гент местному мастеру ван дер Гусу крупный заказ на написание триптиха с Девой Марией и портретами членов своего семейства. Обещает пожертвовать его нашей церкви святого Эгидия. Флорентийские живописцы очень недовольны, но, с другой стороны, не в Италию же Портинари ездить из Брюгге, чтобы им позировать?

Однажды, заглянув в дом Вивиано и Эсмеральды, Сандро попадает на маленькое домашнее празднество. Их старший сын женится. Как же идут годы! Боттичелли пьет с Вивиано граппу за его будущих внуков и облизывает пальцы после жареной утки, которую так отменно приготовила Эсмеральда.

— Когда будете праздновать свадьбу?

— Сначала нужно будет отпраздновать помолвку, — отвечает Вивиано. — Но поторопимся, а то встреча с будущими внуками получится чересчур неожиданной.

Потом друзья долго молчат и смотрят на огонь в очаге.

— Я поэтому же волнуюсь за Эсмеральду, — затем продолжает ювелир. — Ее годы уже немалые — скоро ей быть бабушкой, а сама ждет ребенка.

Боттичелли вглядывается в женщину, которая сидит с детьми у другого края стола. Действительно, у нее уже наметился живот, а лицо начал озарять тот теплый свет, который он замечал у Эсмеральды уже несколько раз, но никогда не умел придавать своим идеально-ледяным Мадоннам.

Сандро Боттичелли. «Портрет дамы (Смеральда Брандини)». 1470–1480 гг.

Музей Виктории и Альберта (Лондон)

СОХРАНИЛОСЬ НЕСКОЛЬКО ЖЕНСКИХ ПОРТРЕТОВ КИСТИ БОТТИЧЕЛЛИ, И ВСЕ ОНИ, КРОМЕ ЭТОГО, ЯВЛЯЮТСЯ ПРОФИЛЬНЫМ, СОГЛАСНО МОДЕ, КОТОРАЯ К ТОМУ ВРЕМЕНИ ПОСТЕПЕННО НАЧИНАЕТ УСТАРЕВАТЬ. В МУЖСКИХ ПОРТРЕТАХ БОТТИЧЕЛЛИ БЫЛ ГОРАЗДО СВОБОДНЕЙ — ВСТРЕЧАЮТСЯ И ИЗОБРАЖЕНИЯ В ТРИ ЧЕТВЕРТИ, И ПОЧТИ ФАС (ОДНАКО ПОЛНОГО РАЗВОРОТА В ФАС, КАК В ЗНАМЕНИТОМ «АВТОПОРТРЕТЕ» ДЮРЕРА 1500 ГОДА, ОН СЕБЕ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ). КРОМЕ ТОГО, ЭТО САМЫЙ КРУПНОФОРМАТНЫЙ ИЗ ЕГО ЖЕНСКИХ ПОРТРЕТОВ — ОН НЕ ПОГРУДНЫЙ И НЕ ПОЯСНОЙ, А СО СРЕЗОМ ПО БЕДРА, ЧТО, ПОМИМО ПРОЧЕГО, ПОЗВОЛЯЕТ ЕМУ НАГЛЯДНО ВЫПИСАТЬ ЯВНО БЕРЕМЕННЫЙ ЖИВОТ ИЗОБРАЖЕННОЙ. ПОРТРЕТЫ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН ВПОСЛЕДСТВИИ ПОЛУЧАТ БОЛЬШОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ — В ЭПОХУ, КОГДА КАЖДЫЕ РОДЫ БЫЛИ РИСКОМ ДЛЯ ЖИЗНИ, ЗАКАЗЫВАТЬ ТАКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МАТЕРИ СЕМЕЙСТВА БЫЛО ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНО.

ТО, ЧТО НА ПОРТРЕТЕ ИЗОБРАЖЕНА СМЕРАЛЬДА

(В НАШЕЙ НОВЕЛЛЕ — ЭСМЕРАЛЬДА) БРАНДИНИ, СЧИТАЕТСЯ ПРАКТИЧЕСКИ ДОСТОВЕРНЫМ. ЭТО УСТАНОВЛЕНО НА ОСНОВЕ НАДПИСИ НА НИЖНЕМ КРАЮ ИЗОБРАЖЕННОГО ОКНА. ОНА ГЛАСИТ, ЧТО ИЗОБРАЖЕНА «СМЕРАЛЬДА БАНДИНЕЛЛИ» — ПЕРСОНА, КОТОРАЯ БЫЛА ИДЕНТИФИЦИРОВАНА КАК БАБУШКА СКУЛЬПТОРА БАЧЧО БАНДИНЕЛЛИ. ЭТО ДОКАЗЫВАЕТ, ЧТО НАДПИСЬ ПОЗДНЯЯ — СКУЛЬПТОР ВЗЯЛ ФАМИЛИЮ БАНДИНЕЛЛИ ВМЕСТО БРАНДИНИ ТОЛЬКО В 1530 ГОДУ, ЧТОБЫ НОСИТЬ РЫЦАРСКИЙ ТИТУЛ ОТ КАРЛА V.

Вернувшись в свой пустой дом, Боттичелли сначала думает о новом заказе — небольшой дощечке с фигурами в три четверти локтя каждая для церкви Санта Мария Новелла. Надо, чтобы там было написано Поклонение волхвов и чтобы покойный Козимо Медичи был в образе первого из старцев, целующим ноги Господа нашего и тающим от нежности. А второй волхв чтоб был написан с его сына Пьетро, также усопшего; и чтоб его внуки Лоренцо и Джулиано Медичи также там были изображены.

Но потом Сандро вспоминает о разговоре в доме своих друзей, и беспокойство Вивиано все не выходит у него из головы. Действительно,

Эсмеральдина уже сильно немолода, она старше его лет на пять, значит, ей 35; родами может случиться что угодно. Мысль о том, что Эсмеральда может умереть, вдруг пугает Боттичелли. Почему же, что же для него Эсмеральда?

Она никогда не дает ему рассказывать о прекрасной Симонетте, зато поэтому знает все о его остальной жизни, о его успехах и несчастьях — о том, что прочие уже не успевают выслушать из-за Симонетты. Она знает его как никто. Она всегда расспросит, согреет, накормит и напоит, на днях она заштопала его любимую куртку — он месяц ходил в рваной, потому что месяц не заходил к ним. У него много приятелей и друзей, но ни с кем ему не было так спокойно и счастливо, как с ней, так тепло. Сандро ворочается всю ночь и ужасается от мысли потерять ее.

На следующий день он приходит в дом Вивиано и выражает свою любовь и нежность к Эсмеральдине единственным способом, который знает, — предлагает написать ее портрет. Портреты он пишет редко, а женщин — почти никогда, но сделать этот ему очень хочется. Писать людей отдельно на досках, не во фресках или в картинах, — новая мода, пришедшая из Нидерландов всего лет тридцать-сорок назад, и

художники в Италии пока робки в позах и жестах своих моделей. Но написать портрет Эсмеральды так, как он раньше писал за золотые флорины благородных дам, Боттичели не хочется. Он может, как обычно, посадить ее строго в профиль, чтобы она величественно смотрелась и всем было видно, как великолепны ее драгоценности и как дорого платье. Но он пробует по-другому. Он делает несколько набросков ее головы сангиной, а потом впервые сажает женщину для позирования так же, как Джулиано Медичи или других мужчин, — в три четверти. Так он привык писать лицо своей любимой в образе Мадонны или Венеры, но одно дело — лицо небожительницы, а другое — жены ювелира. Но как же иначе передать прелесть Эсмеральды, ее живой взгляд и то, как она хороша?

Ее ладони пахнут бадьяном, розмарином и кардамоном. Она носит по дому свое тяжелое тело животом вперед. Как-то она печет по особому рецепту булочки с корицей и, медленно переваливаясь, идет с блюдом в мастерскую, желая побаловать мужа с сыном.

Открыв дверь, она запинается на пороге, едва не рассыпав сдобу, — у стола стоит чернокудрый Джулиано Медичи и перебирает наброски юве-

лира. Он бесподобен.

Элеанор Фортескью-Брикдейл. «Мастерская Боттичелли: Первый визит Симонетты в сопровождении Джулио и Лоренцо Медичи». 1922 г. Bonhams

На замершую Эсмеральду никто не обращает внимания. Все смотрят на даму рядом с Джулиано. В полусумраке мастерской она будто светится. Она высокая, белокожая, с чуть рыжеватыми волосами и светлыми глазами. Она одета в струящиеся светло-шафрановые одежды. Волосы унизаны жемчугом, а уголки губ приподняты в привычной полуулыбке. Эсмеральда впервые

видит ее вблизи, и странное чувство жалости наполняет ее сердце. Благородная дама — хоть младше ее чуть ли не в два раза, но так бледна, что кажется бесплотной. Тонкие запястья потеряны в широких рукавах. Губы искусно подкрашены. Жесты плавны и медленны, пальцы прозрачны.

Все знают, что Симонетта очень добра и со всеми необыкновенно любезна. Кавалеры тают от ее ласкового обращения, и это объяснимо. Но и женщины не говорят о красавице ни слова дурного. И Эсмеральда вдруг понимает — почему. Беременная, она постоянно прислушивается к новой жизни внутри себя, и оттого связь ее с иным миром обострена: она смотрит, как прекрасная Симонетта учтиво изучает драгоценности, которые хочет ей преподнести Джулиано, и видит, что та тяжело больна.

И поэтому тоже постоянно прислушивается — но совсем к иному.

Тело ее еще тут, в земной жизни, но страсти и огня в Симонетте нет. Она вежливо улыбается Джулиано, принимает его ухаживания — точно так же, как приняла бы ухаживания кого угодно (и слухи об их телесном союзе — явно грязные сплетни); она чрезвычайно благосклонна и вежлива с каждым, кто к ней обращается. Но

вслушивается она в другой мир — и потому не может оскорбить своим совершенством никого в этом. Она отсутствует здесь.

— Как она прекрасна! — не устает повторять о ней Сандро, когда высокородные клиенты уходят.

— Красивая женщина, — соглашается Вивиано. — Очень похожа на тебя в таком же возрасте, душа моя, — обращается он к жене. — Посмотрим, удастся ли ей сохранить столько же красоты, как тебе, если она произведет на свет столько же здоровых и красивых ребяток. — И он проводит рукой по щеке Эсмеральды.

Она отворачивается, потому что на глаза ее навертываются слезы. Она понимает, как ошибалась, она не согласилась бы променять своего сорокалетнего пожилого супруга ни на десяток прекрасных кудрявых Джулиано со всем банком Медичи и дворцами Флоренции в придачу.

Когда Боттичелли уходит, Эсмеральда интересуется мнением мужа о жемчужной госпоже с тонкими запястьями.

— Чахотка, — сосредоточенно бросает тот через плечо, занятый отделкой восковой модели своего нового шедевра. Это что-то для будущего турнира, который Джулиано решил устроить в

честь Симонетты.

Эсмеральде в первый раз в жизни становится жалко Прекрасную Даму.

28 января 1475 года случается турнир. Две недели до его начала две сотни ремесленников города — ювелиров, портных, художников, плотников и прочих, не смыкают глаз. Мужу Эсмеральды и его другу художнику Боттичелли доверена честь заниматься облачением Джулиано Медичи.

С самого раннего утра на площади Санта-Кроче собирается огромная толпа.

Полюбоваться желают все. Деревянные трибуны потрескивают под тяжестью зрителей. Эсмеральде на днях срок рожать, поэтому она остается дома. Она и без того знает, как все будет происходить.

Семь лучших сынов Флоренции выедут на площадь в роскошных доспехах. На Джулиано будет кираса, сделанная из позолоченного серебра ее мужем Вивиано. Каждого рыцаря будет сопровождать по двадцать два юноши в самоцветах и шелках, и по пажу, несущему знамя.

Штандарт Джулиано расписан Боттичелли. На нем изображена Симонетта — это соответствует и желаниям Джулиано, и мыслям Сандро. Она написана в виде Паллады, вся в белом, стоящая

на оливковых ветвях, пылающих огнем. Рыцари под звук фанфар проскачут по площади, герольды затрубят, начнется турнир.

И победит, конечно, Джулиано.

А королевой турнира станет Симонетта.

Младенец ворочается внутри Эсмеральды.

Она пьет лимонад из имбиря, который принесла ей дочь, прежде чем сбежать глазеть на площадь.

Эсмеральда лежит на семейной кровати рядом с похрапывающим усталым мужем, легонько и нежно обнимая свой огромный живот.

Вдалеке звучат фанфары. Турнир начался.

К вечеру возвращаются дети. Молодожен Микеле в подробностях рассказывает отцу, у кого какие драгоценности были и как потрудились их конкуренты-златокузнецы. Как и предполагала Эсмеральда, королевой красоты была выбрана Симонетта.

— И заслуженно, — бормочет она, — таких красавиц еще поискать. Смилуйся над ней Бог!

У нее начинаются схватки.

* * *

Бог над Симонеттой не смилостивился. Новорожденный Эсмеральды еще не начал ходить,

как 22-летнюю жемчужную донну похоронили в семейной капелле Веспуччи в церкви Всех Святых. Черный от горя Сандро нарисовал на свободной стене капеллы фреску с изображением святого Августина. Дома, загрунтовав доску, он принялся за Мадонну с чертами любимого лица. Еще три точно такие же — светлоглазые, рыжеватые — уже готовы к отправке в заказавшие их монастыри. При жизни Симонетты он никогда не осмеливался делать Богородицу похожей на нее, это ощущалось неким кощунством. Но теперь все изменилось. Его «Мадонны», которые раньше иногда напоминали покойную Лукрецию Бути, а иногда все-таки других земных женщин, теперь становятся совсем одинаковыми. Но поскольку красота Симонетты, воплощенная в них, столь божественна, это даже идет художнику на пользу и увеличивает спрос.

Сандро Боттичелли. «Мадонна с гранатом». 1487 г. Уффици

ОДНА ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ «МАДОНН» КИСТИ БОТТИЧЕЛЛИ, ХАРАКТЕРНАЯ РАБОТА ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА. ЛИК БОГОМАТЕРИ ИМЕЕТ СХОДСТВО С ДРУГИМИ ЖЕНСКИМИ ОБРАЗАМИ

БОТТИЧЕЛЛИ, КАК СЧИТАЕТСЯ — С ВНЕШНОСТЬЮ СИМОНЕТТЫ ВЕСПУЧЧИ.

ОСОБЕННОСТЬ ЭТОГО ОБРАЗА — ВСКРЫТЫЙ ПЛОД ГРАНАТА В РУКАХ У МЛАДЕНЦА. ФРУКТ ЗДЕСЬ ЯВЛЯЕТСЯ АТРИБУТОМ ИИСУСА ХРИСТА, СИМВОЛОМ ЕГО СТРАСТЕЙ И ВОСКРЕСЕНИЯ.

Горожане в траурной процессии сопровождали открытый гроб с безупречной Симонеттой и плакали.

Поэты — сам Лоренцо Великолепный, Полициано, братья Луиджи и Бернардо Пульчи и даже приезжий грек Михаил Марул Тарканиот, иначе говоря, Микеле Марулло, — сложили эпитафии на смерть Симонетты.

Джулиано Медичи был безутешен. Никто и никогда не испытывал такой потери, как он. Он не знал, как пережить это горе. Через три месяца он соблазнит девицу Фьоретту Горини, которая родит ему бастарда, будущего папу римского.

Муж Симонетты женится второй раз. Вторая жена — не такая лучезарная и не такая добрая, наконец, принесет ему детей, которых он отчаялся получить от чахоточной, но прекрасной Симонетты.

Эсмеральда проживет еще долго. Ее сын Микеле станет лучшим ювелиром Флоренции и

первым учителем Бенвенуто Челлини. Ее внук Баччо изваяет статую Геркулеса и Какуса (не очень, впрочем, удачную), которую поставят на Пьяцца делла Синьория рядом с «Давидом» Микеланджело.

Сандро Боттичелли похоронят у ног Симонетты через 34 года после ее кончины. От нее не останется ни единой написанной ею строчки, ни слова — только то, что придумали про нее поэты и художники, очарованные ее красотой.

№ 5. Разбитое сердце Екатерины Сиенской

Сестра Плаутилла Нелли и мастерская. «Святая Екатерина Сиенская». 2-я пол. XVI века. Музей

трапезной Сан Сальви (Флоренция).

НАСТОЯЩИХ ПОРТРЕТОВ ЕКАТЕРИНЫ СИЕНСКОЙ
НЕ СОХРАНИЛОСЬ, ХОТЯ ОНА ЖИЛА В СЕРЕДИНЕ XIV ВЕКА, КОГДА ЭТОТ РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ЖАНР УЖЕ ПОТИХОНЬКУ НАЧИНАЛ РОЖДАТЬСЯ (В ДОНАТОРСКОМ ПОРТРЕТЕ И В МИНИАТЮРАХ). МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ НАЧАЛИ ПОЯВЛЯТЬСЯ ПОСЛЕ ЕЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ КАНОНИЗАЦИИ
В 1461 ГОДУ, ТО ЕСТЬ 81 ГОД СПУСТЯ ПОСЛЕ ЕЕ СМЕРТИ. ГОВОРИТЬ О ПРАВДОПОДОБИИ ЧЕРТ ЕЕ ЛИЦА В ЭТИХ КАРТИНАХ НЕ СТОИТ. ОДНАКО ОНИ ПОДЧИНЯЮТСЯ ЕДИНОМУ КАНОНУ: СВЯТАЯ — МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА В МОНАШЕСКОМ ОБЛАЧЕНИИ, НА ЕЕ РУКАХ СТИГМАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ ЕЮ ЧУДОТВОРНЫМ ОБРАЗОМ, НА ТЕЛЕ ИНОГДА ИЗОБРАЖАЕТСЯ РАНА, АНАЛОГИЧНАЯ РАНЕ ОТ КОПЬЯ, ОРУДИЯ СТРАСТЕЙ ХРИСТОВЫХ. В РУКЕ ОНА МОЖЕТ ДЕРЖАТЬ ЦВЕТОК ЛИЛИИ.

ХУДОЖНИЦА-МОНАХИНЯ ПЛАУТИЛЛА НЕЛЛИ — ОДНА ИЗ НЕСКОЛЬКИХ ЖЕНЩИН, УПОМЯНУТЫХ В «ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ» ВАЗАРИ. ВО ФЛОРЕНТИЙСКОМ МОНАСТЫРЕ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ СИЕНСКОЙ ОНА ВОЗГЛАВЛЯЛА

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ
МАСТЕРСКУЮ, В КОТОРОЙ РАБОТАЛО ОКОЛО ДЕСЯТИ ЖЕНЩИН, И АКТИВНО ЗАНИМАЛАСЬ ПРОИЗВОДСТВОМ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРАЗОВ, В ЧАСТНОСТИ, СЕЙЧАС НАСЧИТЫВАЕТСЯ БОЛЕЕ ДЕСЯТКА ЕЕ «ПОРТРЕТОВ» СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ.

Сиена, 1366 год

Лауретта, росточку небольшого, с веснушками, слабой улыбкой да волосами в рыжину, была сиенской проституткой. В 1366-м, за восемь лет до того, как в город опять пришла Черная Смерть, ей было за двадцать. Точней не сказать — сама она своих годов не считала, а семьи у нее не осталось. Мать умерла как-то родами, отец скончался чуть позже, а приехавший за наследством отцовский двоюродный дядя завалил румяную Лауретту, тогда еще почти девчонку, на спину, испортил, а потом на улицу выгнал.

Пойти было некуда, и есть хотелось безумно, и плод уже стучал коленками в живот Лауретты, а кругом была ненависть и чужие люди, так что она нашла убежище на задворках Сиены и брала любую черную работу, какую давали. Тот ребенок, первый, умер через три дня после рождения, и сама она тяжело болела. А когда выздоровела, то румянцем во все щеки уже не могла похвалиться,

и гордости у нее не осталось, и, когда какой-то молодчик предложил ей дукат, пожала плечами и пошла с ним за угол.

Так и повелось; и с тех пор Лауретта жила в маленькой комнатке еще с одной такой же. Очаг у них дымил, и еды не всегда хватало, но четыре года спустя она родила еще ребеночка — непонятно чьего, да и неважно, потому что теперь у нее снова появилось, для чего не унывать. Они с подругой завели кошку с большими и пушистыми белыми лапами и поставили на свой узенький балкончик горшок с цветами. По пятницам и субботам Лауретта отправлялась работать в дом терпимости — по закону Сиены он был открыт лишь для холостяков, подмастерьев и ремесленников. А священникам, женатым да иудеям городским постановлением вход туда был запрещен. Но разве кто придерживался закона? Так что отцы семейств да попы блудить не боялись. Одних жидов не было видно — там, где других оштрафовали б за посещение борделя, иудея высылали из города пожизненно. И правильно, говорили одни девицы, нечего шарить своим хозяйством там, где блудят честные христиане! А Лауретте было все равно: для нее все, кто давал ей на хлеб и мясо для маленького, были равны перед

Богом и заслуживали благодарности. По воскресеньям она ходила в большой прохладный храм Сан-Доменико, сложенный из теплого желтого камня, и молилась Мадонне. Там она впервые и увидела Катарину.

Они, наверно, были ровесницами, но Катарину всю жизнь любили родители, братья и сестры, с которыми на Рождество она, небось, вместе вешала зеленые ветки омелы, пела хором псалмы и золотила грецкие орехи. У семьи Бенинказа был большой дом, подмастерья и служанки, и Катарина всегда, когда б того ни пожелала, спала на чистых простынях и могла есть горячий свежевыпеченный хлеб. И поэтому лицо у нее было счастливым и светлым, кожа белоснежной и на лице ни морщинки.

По крайней мере, Лауретте казалось, что лицо у Катарины такое светлое именно по этим причинам. Подобные мысли посещали ее, когда она приходила в Сан-Доменико и, сидя на дальней скамейке, в уголке потемнее, издали глядела на девушку, которая всегда была в первом ряду у алтаря и молилась усердней всех.

Она видела Катарину и в больнице: та ухаживала за старухами, умирающими от карциномы. У одной из них гнила грудь, и от нее шел такой

отвратительный запах, что Лауретту от нее за несколько шагов шатало, а Катарина присматривала за больной, несмотря на ругань, и терпела все.

Эта девица Катарина была так спокойна и настойчива, что, несмотря на ее молодость, ее слушались все. Вечно с головой, прикрытой покрывалом — наружу ни волосинки; взгляд настойчивый и внимательный, — смотрит пристально, будто в душу заглядывает.

Где-то год спустя Лауретту вписали в список бедняков при церкви. Она приводила туда своего сыночка, и его кормили из милостыни. Малыш обнимал колени матери и с серьезным лицом благодарил остиария, звавшегося братом Лоренцо. Волосы у мальчонки были светло-рыжеватые, как у мамки, но еще вились по-детски колечками. Тогда, после долгого перерыва, Лауретта увидела Катарину снова. Та была молчалива, но все так же внимательна, а волосы у нее теперь скрывались не под обычным покрывалом, а под монашеским платом.

Андреа Ванни. «Святая Екатерина Сиенская и донатор (Джованна Пикколомини?)». Ок. 1380–1383 гг.

Базилика Сан-Доменико (Сиена)

САМОЕ РАННЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ — ФРЕСКА В ЧАСОВНЕ СВОДОВ СИЕНСКОЙ БАЗИЛИКИ САН-ДОМЕНИКО. С ЭТИМ МЕСТОМ СВЯЗАНЫ ВАЖНЕЙШИЕ ЭПИЗОДЫ ЕЕ ЖИЗНИ: ИМЕННО ЗДЕСЬ ОНА ПРИНЯЛА ПОСТРИГ, ЗДЕСЬ ЖЕ ПЕРЕЖИВАЛА ЭКСТАТИЧЕСКИЕ ВИДЕНИЯ И ОБЩЕНИЕ С ГОСПОДОМ. ФРЕСКА БЫЛА ВЫПОЛНЕНА АНДРЕА ВАННИ, ВОЗМОЖНО, ЕЩЕ ПРИ ЖИЗНИ ЕКАТЕРИНЫ ИЛИ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ЕЕ СМЕРТИ В АПРЕЛЕ 1380 ГОДА. ИЗВЕСТНО, ЧТО ХУДОЖНИК БЫЛ ПРЕДАННЫМ ЕЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕМ, СОСТОЯЛ С НЕЙ ПЕРЕПИСКЕ И БЫЛ С НЕЙ ЛИЧНО ЗНАКОМ. ПОЭТОМУ ВЕРУЮЩИЕ СЧИТАЮТ ЭТО ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕЕ «VERA IMAGO» (ИСТИННЫМ ОБРАЗОМ), ХОТЯ ОЧЕВИДНО, ЧТО ЧЕРТЫ ЛИЦА ЗДЕСЬ ДОСТАТОЧНО ОБОБЩЕНЫ. У НОГ ЕКАТЕРИНЫ ИЗОБРАЖЕНА ЖЕНЩИНА В СВЕТСКОЙ ОДЕЖДЕ ВДОВЫ. ВОЗМОЖНО, ЭТО ДЖОВАННА ПИККОЛОМИНИ, КОТОРАЯ ЗАВЕЩАЛА ВОЗВЕСТИ ЧАСОВНЮ, ПОСВЯЩЕННУЮ ЕКАТЕРИНЕ. ОДНАКО, ПОСКОЛЬКУ НА ТОТ МОМЕНТ ЕКАТЕРИНА ЕЩЕ

НЕ БЫЛА КАНОНИЗИРОВАНА, ВОЗМОЖНО, ДАННАЯ ФРЕСКА БЫЛА ЗАМЕНЕНА НА КАКОЕ-ТО ДРУГОЕ КАНОНИЧЕСКИ ВЕРНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ. ПОЧИТАНИЕ ФРЕСКИ ВОЗРОСЛО ПОСЛЕ КАНОНИЗАЦИИ ЕКАТЕРИНЫ. СО ВРЕМЕНЕМ ОНА БЫЛА СНЯТА СО СТЕНЫ И ПЕРЕНЕСЕНА НА ДРУГОЕ, БОЛЕЕ ПОЧЕТНОЕ МЕСТО.

Лауретта разговорилась о ней со знакомой вдовой-приживалкой.

Та, скептически глядя на Катарину в соседнем углу, поведала Лауретте, что, когда в прошлом году той исполнилось двадцать, родители, наконец, разрешили ей постричься в монахини. Это был «третий орден» — то есть не мужской и не женский, а для тех, кто принимает постриг и остается жить дома, соблюдая все обеты. «Если б я была монахиней, то я бы тоже выбрала жить с родными, а не в чужом монастыре со всеми его строгостями», — подумала было Лауретта, но тут вдова стала рассказывать о житье Катарины дальше. Ее бедняжка мать, говорят, все хотела выдать дочь замуж, а та твердила, что ее судьба — служить Христу. Спорила и сопротивлялась, и так с двенадцати лет. Затем Лауретта узнала, что после пострига Катарина удалилась в самую маленькую комнатку в отцовском доме и приняла

на несколько лет обет молчания — разговаривает теперь только со своим исповедником; стала целыми днями молиться и читать Святых Отцов в тишине.

Тишина! Как знакомо Лауретте было это желание — в стареньком доходном доме, где она жила, был слышен каждый соседский шорох. Она узнала, что у Катарины было двадцать пять братьев и сестер. Двадцать пять. Двадцать пять родных братьев и сестер. Маленькая комнатка, зато своя, и там можно помолиться в тишине и почитать — Лауретта с внезапным пониманием взглянула на тихо скользящую вдоль кастрюль с супом на столах женскую фигуру в монашеской рясе.

Наконец, вдова-приживалка рассказала ей, что годами Катарина не ест мяса и не пьет молока, только изредка — крупа да овощи. Еда — это цепи, которые привязывают человека к земле, считает Катарина; да и убоину есть нехорошо. Она каждый день причащается, и эти сухие гостии — главная ее пища. Спит она на голых досках, а под рясой носит вериги. «Никаких чистых простыней и свежей выпечки? — подумала Лауретта расстроенно. — Может быть, ее родители меня удочерят?»

На самом деле про еду и доски Лауретта уже

не поверила. Никто не может быть настолько свят. Ведь уже четырнадцать веков, как распят Христос, и время проповедей апостолов давно прошло, и Франциск Ассизский полтораста лет как умер, и на постоялых дворах проезжие читают друг другу из «Декамерона» Боккаччо похабства вслух — про монаха, загоняющего бабе «черта в ад» своей «колотушкой», или про человека, который покупает большую винную бочку и просит мужа почистить ее изнутри, пока сам прочищает его жену сверху.

Когда Лауретта, взяв сына за руку, уходит домой, Катарина на прощанье протягивает ребенку красивое красное яблоко. Затем монахиня идет в храм, неслышно молится в его прохладной тишине, не нарушаемой, а, наоборот, питаемой звучащим с хоров звонким многоголосым Veni Creator Spiritus.

Вечером она возвращается к себе домой, заходит в крохотную выбеленную светлую комнатку, снимает рясу, кладет ее на голые доски, заменяющие ей кровать, и остается в одной власянице. Она пьет простую воду из кувшина. До ее следующего «завтрака» — утренней мессы, еще целых полдня и целая ночь. Там она получит свой обычный освященный хлебец.

Катарина становится на колени перед распятием и начинает делать то же самое, что постоянно делает последние несколько лет. Ей кажется, что она только лишь молится Христу. Но на далеких японских островах патриарх дзэн Эйхэй Догэн, усаживаясь на соломенную циновку «идзумо» и начиная глубоко дышать, делал и чувствовал то же самое; как и светлейшая Мачиг Лабдрон, на горных пиках Тибета наполнявшая свои легкие чистейшим холодным воздухом и повторявшая имена Творца; как и монах Дхармакирти, в жаркой Индии под деревом бодхи очищавший свои мысли повторением мантр и перебором сандаловых четок. Такой же покой.

Катарина молится с закрытыми глазами.

На улице август. Ее душа пуста, она парит, и ей кажется, что скоро ее посетят видения. На противоположном берегу Средиземного моря, под высохшей от жаркого солнца чахлой финиковой пальмой, в тот же миг начинал свою муракабу старый суфий Хоссейн, чья борода свалялась войлоком, став обиталищем для четырнадцати видов насекомых, а загорелое дочерна сухое тело едва прикрывают лохмотья, и взгляд очей так пронзителен от просветления и аскетизма, что взирает сквозь душу.

Ни ветерка в жаркий день, и по небу едва-едва пробегает облачко.

* * *

Кудрявая Сюзон была шлюхой в веселом городе Авиньоне, куда преемник Святого Петра его святейшество Климент V, иначе говоря, Раймон Бертран де Го — да будут дарованы ему райские кущи! — перенес в 1309 году престол понтифика, дабы порадовать его величество Филиппа Красивого, короля нашей благословенной Франции. А сейчас на дворе уже год 1376-й, и славный город полон веселых монашков и щедрых кардиналов, и карманы ласковой Сюзон никогда не пустуют.

Она девушка веселая и умная, знает по-французски и провансальски, сумеет объясниться и с приезжим с Рейна, и с гостем из Рима. В этот вторник у ее гостя, фра Луки из Леспар-Медока, в глазах беспокойство. Сюзон щекочет ему ложбинку между темечком и хребтом, заросшую кудрявыми волосами южанина, но секретарь его святейшества епископа Парижского Эмери де Маньяка никак не размякнет. Он машинально поглаживает бугры ее грудей, но думает о другом.

Брат Лука беспокоится не просто так: в Авиньон приехала знаменитая Катарина из города Сиены,

и она смущает душу папы Григория XI словами о священной миссии и долге, пробуждает в нем совесть и взывает к чести.

Сюзон слыхала и раньше об этой монашке Катарине. Совсем молодая для такой славы — лет под тридцать, и ни богатых родственников, ни знатной семьи, ни внешности. А говорят о ней много — такой проповедницы еще поискать!

Когда она вещает о Христе, небесах и адском пламени — рассказывали Сюзон молодые безусые попики, — становится по-настоящему страшно и душу пробирает страх перед гневом Господним! «Мне даже стало неловко, что у меня шазюбль из лучшего лионского бархата и нижние подштанники атласные, а не вериги с власяницами. Но я слушал ее всего семь минут, а потом сбежал наружу, чтоб не совершить глупостей. Верховный инквизитор одного городка, по слухам, пришел к ней однажды, решив испытать в богословии. А все кончилось тем, что он подозвал служку и, не выходя из комнаты, отдал ему ключ от своей роскошной кельи, наполненной лучшей мебелью и ценнейшими книгами, и велел все продать, а деньги раздать бедным. А затем ушел со своего высокого поста и отправился монахом-прислужником в монастырь в лесах. Как можно отказаться

от такой должности, не понимаю!» — приговаривал молодой епископ, бастард из гасконского дома, вечно сидевший без средств.

Сюзон такого тоже не постигала. Ее заботило лишь то, что письмами с проповедями пресловутой Катарины зачитывались герцоги и королевы, что они ее слушались, а Пиза и Лукка даже приглашали быть миротворцем в своей войне. А Флоренция, которую папа отлучил за бунт против Церкви, отправила эту девицу послом в Авиньон вымолить городу прощение. Но теперь о снятии с Флоренции интердикта все и забыли — она замахнулась на совсем ужасное! Эта святоша пытается уговорить папу перенести престол обратно в Рим — и это после семидесяти лет в Авиньоне.

Ах, этот прекрасный город Авиньон, если послушать гостей Сюзон — «новый Рим» на журчащей Роне! Пышные кавалькады дам, рыцарей и кардиналов — в пурпуре, шелках, сверкающих доспехах, со светлоглазыми соколами, сидящими на запястьях в перчатках, с пажами у стремени и шутами над ухом. Улочки полны компаний беззаботных студентов и толп пилигримов с посохами, веселыми клириками всех видов и цветов облачений, лекарями и астрологами, бродячими купцами с тюками, полными парчою и атласом,

янтарем с Балтики и жемчугом из Индии. Ах, этот Авиньон — если послушать поэта Петрарку — «новый Вавилон», самый вонючий из всех городов, продуваемый ветрами, плохо построенный, адски неудобный для жизни, клоака пороков, позор человечеству, зловоние универсума! Что же будет с Авиньоном, если понтифик решится восстановить независимость и упорхнуть из-под заботливого крыла французского короля обратно в Рим, спустя почти что век? Сколько сердец будет разбито, сколько роскошных дворцов брошено, сколько купеческих лавок разорено!

Встретив на улице через пару дней сестру Катарину в сопровождении нескольких доминиканских черноризцев — ее учеников, сладкая Сюзон решила рассмотреть ее повнимательней. Обычная монашенка: без следа красоты, со светлыми глазами, кожа бледная. Походка и жесты быстрые — никакого изящества, бедрами вилять не умеет, сразу видно, о каблуках и не слышала. А взгляд светлых глаз без ресниц такой внимательный, что даже страшно. Напрочь все женское естество с его слабостью и безвольностью из этой аскетки вытравлено. Что же в ней находят? Почему эти молодцы-монахи (тут Сюзон подмигнула одному из них, румяному) следуют за ней толпой

и в рот смотрят?

Заговорить с ней Сюзон, как ей и ни было бы любопытно, не решилась, напуганная рассказом о раскаявшемся инквизиторе, — вдруг и в ней Катарина тоже пробудит совесть? Сюзон эдакого безобразия не хотелось. Наглазевшись на нее вволю, шлюха, затянутая в желтый бархатный корсаж, передернула плечиком и отправилась домой. По пути, метя́ подолом пыльную мостовую, она мимоходом сняла со своей задницы руку веселого стрелка из Гард Экосез, сплюнула на землю косточками вишни, кивнула полупьяной коллеге по ремеслу и случайно столкнула с дороги своим сильным телом в канаву хромого старика.

Когда она скрывается в переулке, ее провожает взглядом Катарина — она почувствовала на себе пристальный взгляд блудницы и обернулась. Катарина видит сильную и довольную собой аппетитную бабенку, но сердце ее слегка екает: на лице Сюзон она замечает чуть проступающие, пока едва различимые приметы заразной болезни. Самодовольная Сюзон гордо шествует, подняв голову, по узкой авиньонской улочке, вокруг с балконов свешивается стираное белье — а на Катарину внезапно накатывает воспоминание о ее любимой сестре Бонавентуре, которая столь

же уверенно ходила по родному кварталу Фонтебрада в Сиене.

Хотя в уголке губ Сюзон нарыв от чрезмерных усилий на поприще Венеры, а Бонавентура скончалась от обычной лихорадки — но случайный поворот головы авиньонской девки вдруг напоминает Катарине, как она, тощий 15-летний подросток, стояла на коленях у кровати умирающей сестры, уткнувшись лбом в свежевыстиранную льняную простыню, еще пахнущую глажкой. Стояла, прижимаясь губами к влажной руке больной.

Они плакали тогда вдвоем, живая и умирающая; и юная Катарина не знала, как она будет жить без сестры дальше.

Это было полтора десятилетия назад, но Катарина не забывает ни секунды из тех дней. В душе с того момента навсегда остались пустота и беспокойство, столь часто встречающиеся у таких как она — у одного из близнецов, потерявших второго; пустота и беспокойство, заполнить которые энергичной натуре Катарины удавалось лишь благодаря вере.

А три года назад, когда в Сиену опять пришла Черная Смерть, Катарина будто снова попала в дурной сон, еще более жуткий и жестокий:

ей пришлось ухаживать за другими своими родными. Мария, задыхающаяся от зловония бубонов, лежала на той же кровати, что когда-то Бонавентура, еще одна сестра — Розалия, бледнела и высыхала в соседней комнате, а обычно смешливый Джанни остывал, завернутый в погребальный саван, на кухонном столе.

Родительница их — монна Лапа Пьяченти, тогда вся поседела, но от заразы оправилась, — а Катарина все не могла заставить себя зайти к ней в комнату и перечислить имена тех, кого они потеряли, не могла выговорить: «Мама, из твоих детей на этой неделе умерли Мария, Розалия, Джанни и Кьяра. Остальные пока еще живы».

Ученики Катарины — их вокруг проповедницы тогда уже собиралось достаточно, — когда чума ушла из города, заметили, что их «мать» (как они звали эту 27-летнюю девушку) стала еще строже к себе и к миру вокруг.

Все нужнее Катарине стало действовать — делать что-то, чтобы кругом меньше умирали, что-то, чтобы умирающим было не так больно, чтобы убийств и войн стало бы чуть поменьше. Ее родных не вернешь, но так много вокруг других людей, которые теряют своих сестер и братьев!

В Италии в тот момент полыхала война. Потому

что папа римский жил в Авиньоне и не обращал никакого внимания на брошенные земли. И Катарина отправилась в Авиньон.

Там ее приняли небрежно. Лишь понтифик, с которым она давно состояла в переписке, ее внимательно слушал.

Ни в чем другом она и не нуждалась.

Его святейшество Григорий XI, иначе говоря, Пьер Роже де Бофор, робкий и неуверенный в себе мужчина чуть за тридцать (ставший папой лишь за знатность и за то, что приходился племянником одному из предыдущих понтификов и кузеном для шести из восемнадцати кардиналов конклава), очень образованный и стеснительный, не мог на Катерину насмотреться и наслушаться.

— Если б я имел такой же сильный характер, как у нее, если бы Бог разговаривал со мною так же, как с нею — каким бы прекрасным наместником Святого Петра я стал! — раздумывал он про себя.

Затем он садился за стол, накрытый накрахмаленной скатертью с узорчатой вышивкой гильошами и пальметтами, вкушал осетрину, лососину, буженину и тонкие прозрачные ломтики окорока с горчицею, пил светлое рейнское и тем-

ное гасконское под звуки корну и монокордиума, беседовал с веселыми придворными дамами, на ночь читал манускрипты, расписанные лазурью и золотом, и отходил ко сну на белоснежных простынях под стеганными одеялами, порой не в одиночестве.

Катарина, душа в теле которой держалась на сушеных яблоках, хлебе причастия и молитвенных медитациях, могла б порассказать ему, что именно следовало изменить Григорию в своем распорядке и образе жизни, чтобы сподобится такой же духовной мощи, которая появилась в ней и чувствовалась всеми окружающими.

Но ей и в голову этого не приходило. Папа римский был для нее авторитетом непререкаемым. Ведь на нем — Святой Дух, который передавался апостольской преемственностью непосредственно от Петра-рыбака.

Он — глава Церкви, и непогрешимость его известна.

Но Катарина была умна и поэтому видела все остальное. Авиньон, наполненный тщетой и грехом, не был местом для наместника Божьего. Ей не нравилось, что французские кардиналы лгали и интриговали в пользу родины; отсутствие папы в Риме ввергало в бездну гражданских войн

весь полуостров. И главное — если б понтифик сумел покинуть пышный двор Авиньона, он бы сделал шаг к тому, чтобы привести в порядок мораль церковников, запретить им сластолюбие и роскошь.

Джованни ди Паоло. «Святая Екатерина перед папой в Авиньоне», фрагмент пределлы «Алтаря Пиццикайоли». Ок. 1460–1464 гг.

Музей Тиссен-Борнемисса (Мадрид)

ЕЩЕ ОДНО ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ, СОЗДАННОЕ ПОСЛЕ ЕЕ КАНОНИЗАЦИИ, ТО ЕСТЬ НЕ ИМЕЮЩЕЕ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВЫ ПОДЛИННЫХ ЧЕРТ ЕЕ ЛИЦА. СИДЯЩИЙ НА ТРОНЕ ПАПА ГРИГОРИЙ XI ТОЖЕ ИМЕЕТ ВЫМЫШЛЕННУЮ ВНЕШНОСТЬ, КАК И ОКРУЖАЮЩИЕ ЕГО КАРДИНАЛЫ. ДЛЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИВОПИСИ ТОЧНОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ ОБЛИКА ГЕРОЯ НЕ БЫЛО ВАЖНЫМ — ХУДОЖНИКУ НЕОБХОДИМО БЫЛО ЛИШЬ ПЕРЕДАТЬ НЕСКОЛЬКО КЛЮЧЕВЫХ УЗНАВАЕМЫХ ЧЕРТ, ОДЕЖДУ, АТРИБУТЫ, ЧТОБЫ ЗРИТЕЛЬ ЛЕГКО СЧИТЫВАЛ ИМЯ ПЕРСОНАЖА.

МАСШТАБНЫЙ «АЛТАРЬ ПИЦЦИКАЙОЛИ» БЫЛ ЗАКАЗАН ОДНОИМЕННОЙ СИЕНСКОЙ ГИЛЬДИЕЙ, ЗАНИМАВШЕЙСЯ ПОСТАВКОЙ СВЕЧЕЙ И ДРУГОЙ ГАЛАНТЕРЕИ. ЕГО ПРЕДЕЛЛА (НИЖНЯЯ ЧАСТЬ КОНСТРУКЦИИ АЛТАРЯ С МЕЛКИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ
НАПОДОБИЕ КЛЕЙМ ПРАВОСЛАВНОЙ ИКОНЫ) ВКЛЮЧАЛА ОКОЛО ДЕСЯТИ СЦЕН ЖИТИЯ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ, ТЕКСТА, СОЧИНЕННОГО ЕЕ ДУХОВНИКОМ РАЙМОНДОМ КАПУАНСКИМ.

ЭТО ПЕРВЫЙ ПОЛНЫЙ ЖИВОПИСНЫЙ ЦИКЛ НА ЭТУ ТЕМУ. В XVIII ВЕКЕ ЭТОТ АЛТАРНЫЙ ОБРАЗ БЫЛ РАСПИЛЕН НА ОТДЕЛЬНЫЕ «КАРТИНЫ», КОТОРЫЕ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ НАХОДЯТСЯ В РАЗЛИЧНЫХ МУЗЕЯХ МИРА.

Она твердо знала, что робкого Григория XI надо спасать. Ее главным желанием стало навести порядок и вселить в его нерешительную душу уверенность для возвращения туда, где ему надлежало быть. Она чувствовала, что имеет для этого силы — так полувеком позже Жанна д'Арк, тоже простая селянка, с настойчивостью безумия за шкирку тащила дофина короноваться через завоеванную врагами Францию.

Еще одно изображение святой Екатерины, созданное после ее канонизации, то есть не имеющее в качестве основы подлинных черт ее лица. Сидящий на троне папа Григорий XI тоже имеет вымышленную внешность, как и окружающие его кардиналы. Для религиозной живописи точное отображение облика героя не было важным — художнику необходимо было лишь передать несколько ключевых узнаваемых черт, одежду, атрибуты, чтобы зритель легко считывал имя персонажа.

Масштабный «Алтарь Пиццикайоли» был

заказан одноименной сиенской гильдией, занимавшейся поставкой свечей и другой галантереи. Его пределла (нижняя часть конструкции алтаря с мелкими изображениями наподобие клейм православной иконы) включала около десяти сцен жития святой Екатерины, текста, сочиненного ее духовником Раймондом Капуанским. Это первый полный живописный цикл на эту тему. В XVIII веке этот алтарный образ был распилен на отдельные «картины», которые в настоящий момент находятся в различных музеях мира.

Катарина приходила беседовать с понтификом и улыбалась ему ласково — так воспитанные дети через силу улыбаются старику-отцу, упрямо упорствующему на пустом месте. Улыбаются, но знают, что решение принимают они, а не родитель, что их обязанность — уговорить ворчуна, сколько бы времени на это ни ушло.

Милые дамы в сюрко, генненах и полупрозрачных вуалях, которые составляли чересчур значительную часть папского двора, сначала презирали ее.

Затем они начали Григория к ней ревновать.

Затем они по-настоящему встревожились.

Эти драгоценные дамы, чьи имена звучат в ушах музыкой — Мирамонда и Элисс, и Энемон-

да с Бриандой и Эстефанеттой, а также другие, с прозваниями столь же сладкими и красотой и изяществом неописуемым, решили выжить Катарину прочь во что бы то ни стало.

Куда б она ни отправилась в папском дворце, всегда рядом оказывалась какая-нибудь девица, шурша шелками. Они провожали ее хихиканьем и насмешками, они называли ее не по имени, а только «Ханжой». Когда Катарина приходила в церковь молиться и перед распятием опускалась на колени, они становились рядом с ней и громкими шушуканьями старались отвлечь ее от обряда. Мадам де Бофор дю Тюренн, родная племянница папы, как-то даже присела рядом с ней и воткнула нож ей в стопу, пригвоздив к полу. В тот миг поглощенная мыслями Катарина ничего не почувствовала, но потом едва сумела выйти из храма, хромая.

Ее провожал презрительный женский смех.

Но она продолжала беседовать с нерешительным Григорием, продолжала уговаривать его вернуть папский престол туда, где он был тысячу с лишним лет. Но у него не было ни ее энергии, ни ее храбрости, чтобы спорить с доводами отговаривающих его французских кардиналов. Даже его родители — граф Гийом II де Бофор и графи-

ня Мари, жившие там же, во дворце, громкими голосами отдавали команды святейшему сыну, приказывая ему остаться; братья — Роже, Николя, Жан и даже Тристан, «Бастард де Бофор», — смеялись над его желанием увидеть Рим; сестры Дофин, Маргерит, Элиз и Мари (супруга Раймона де Ногаре) — причитали, что немедленно помрут там от болезней.

Бедняга знал, что вернуться — его долг, но он никак не мог перейти Рубикон. Подчас, его нерешительностью выведенная из своего обычного состояния спокойной силы, Катарина быстрым шагом, заставлявшим ее монашеский плащ вздыматься колоколом, устремлялась к своим ученикам и секретарям, в отведенные им комнаты, чтобы там хоть немного отвести душу.

— Раймон, — говорила она одному из них, — я бьюсь лбом об стену!

— Поедем домой, — отвечал ей друг, молодой румяный священник, — ты ничего не можешь тут сделать. — Он утешительно брал ее за рукав и старался заглянуть в ее серые глаза, которые казались ему воплощением небесной красоты. У фра Раймона Капуанца и Сюзон, авиньонской шлюхи, представления о прекрасном были разные.

Но Катарина отказывалась сдаваться, отказы-

валась признавать свое поражение.

В сердцах она садится на большой сундук у окна и машинально разглаживает складки рясы. Снаружи, из сада, заплетенного магнолиями и глициниями, раздается кокетливый смех дамзелей Изабо и Эстефанетты, щебетавших с рыцарями из папской свиты под пенье прованского соловья. Катарина ударяет кулаком по подоконнику:

— Что же мне делать? — стараясь не заплакать, она раздувает ноздри.

Катарина чувствует себя обессиленной, проигравшей. «Собирай сумки», — уж было собирается сказать она брату Раймону. Тут в дверь стучат.

Это пришли три лучших богослова Авиньона допросить Катарину о ее учености. И желательно, выставить ее еретичкой, идиоткой и истеричкой.

Катарина быстро поднимает понурившуюся было голову и чуть заметно улыбается.

— Разве у флорентийцев, — начинают допрашивать ее они, — не нашлось ради такой великой миссии достойного мужа, которого они могли бы отправить послом к нашему владыке вместо слабой женщины?

И три лучших богослова Авиньона, в том числе

епископ ордена миноритов, принимаются закидывать ее множеством вопросов, особенно о ее странном и суровом образе жизни и о видениях, которые посылал ей Господь — всем известно, что в аскетических медитациях Катарине часто является Христос и разговаривает с нею. Так, однажды, в сиянии небесном он пришел к ней во время ее многочасового бдения в неподвижности за повтором молитвы. Явился и вырезал из ее груди грешное сердце, а взамен вручил ей новое, Божие. С тех пор она не ощущала привычного земного биения в груди. Рассказывали также, как во время медитации перед распятием ей, как Франциску Ассизскому, были дарованы стигматы. Только у святого мужа открылись кровоточащие раны — а у Катарины они были незримые, и о том, что ей даровано чудо разделить с Господом его боль, сначала знала только она одна, и лишь потом призналась, отчего ее руки болят.

— Еще апостолы писали о том, что Сатана может обращаться в ангела света. И по какому же это знаку ты поняла, что не искушалась демоном? — поэтому спрашивают ее авиньонские богословы, произнося затем многие другие гадости, так что беседа длится до ночи.

Элеанор Фортескью-Брикдейл. «Святая Екатерина Сиенская, ведущая переговоры с папой Григорием XI по поручению флорентийцев».

Иллюстрация из книги «Golden book of famous women», 1919 г.

«ЗОЛОТАЯ КНИГА ЗНАМЕНИТЫХ ЖЕНЩИН» С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
ЭЛЕАНОР ФОРТЕСКЬЮ-БРИКДЕЙЛ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ХРЕСТОМАТИЮ С ОТРЫВКАМИ ИЗ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ БРИТАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ОПИСАНИЕ ЕЛЕНЫ ТРОЯНСКОЙ ИЗ КРИСТОФЕРА МАРЛО, КЛЕОПАТРЫ ИЗ ШЕКСПИРА, БЕАТРИЧЕ ИЗ БАЙРОНА, ТИТАНИИ И КАТЕРИНЫ АРАГОНСКОЙ ИЗ ШЕКСПИРА, РАЗЛИЧНЫХ ПРЕКРАСНЫХ ДАМ

ИЗ НАРОДНЫХ БАЛЛАД И КНИГ СКОТТА, КОУПЕРА, ГОЛДСМИТА, А ТАКЖЕ ЭЛИЗАБЕТ БЕННЕТ ИЗ ОСТИН И БЕККИ ШАРП ИЗ ТЕККЕРЕЯ. ПОМИМО ОБРАЗА ЕКАТЕРИНЫ СИЕНСКОЙ, ХУДОЖНИЦА, УБЕЖДЕННАЯ ХРИСТИАНКА, ВКЛЮЧИЛА В КНИГУ ИЛЛЮСТРАЦИЮ, ПОСВЯЩЕННУЮ КЛАРЕ АССИЗСКОЙ — ДРУГОЙ СВЯТОЙ ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОТОРЕНЕССАНСА
(ЭПОХИ, КРАЙНЕ ВАЖНОЙ ДЛЯ ВСЕХ БРИТАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ, КОТОРЫХ ЗАТРОНУЛО ВЛИЯНИЕ ПРЕРАФАЭЛИТОВ). СООТВЕТСТВУЮЩИХ ДВУМ ЭТИМ МОНАХИНЯМ ТЕКСТОВ В КНИГЕ НЕТ, НО, ОЧЕВИДНО, ХУДОЖНИЦЕ ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ ИХ ИЗОБРАЗИТЬ.

Румяный Раймон Капуанец достает чернильницу и готовится записывать самые удачные высказывания своей наставницы.

«Золотая книга знаменитых женщин» с иллюстрациями Элеанор Фортескью-Брикдейл представляет собой хрестоматию с отрывками из поэзии и прозы британских писателей: описание Елены Троянской из Кристофера Марло, Клеопатры из Шекспира, Беатриче из Байрона, Титании и Катерины Арагонской из Шекспира, различных прекрасных дам из народных баллад и книг Скотта, Коупера, Голдсмита, а так-

же Элизабет Беннет из Остин и Бекки Шарп из Теккерея. Помимо образа Екатерины Сиенской, художница, убежденная христианка, включила в книгу иллюстрацию, посвященную Кларе Ассизской — другой святой итальянского Проторенессанса (эпохи, крайне важной для всех британских художников, которых затронуло влияние прерафаэлитов). Соответствующих двум этим монахиням текстов в книге нет, но, очевидно, художнице очень хотелось их изобразить.

Катарина бросает на трех теологов взгляд исподлобья. Она привыкла к ловушкам, которые любят ставить в разговорах ученые мужи. Ее ученики с секретарями, которые помнили, как так же, даже еще суровей, ее допрашивал инквизитор Сиены, а потом во Флоренции — целый генеральный капитул ордена доминиканцев, — лишь улыбаются снисходительно незваным гостям.

У нее всегда было преимущество перед такими людьми: она верила в Бога сильней, чем они, и поэтому, если у нее кончались доводы, она, тридцатилетняя женщина из простых, подавляла аристократов — епископов и архиепископов в пурпуре и злате силой своей личности, мощью энергии в глазах — той сосредоточенностью, которая рождается спокойствием и медитациями.

Колокола бьют к вечерне. Раймон бережно закрывает за тремя посрамленными мудрецами дверь, стараясь, чтобы греховное злорадство в его глазах не было таким очевидным. Покинув комнату Катарины, богословы идут отчитываться французским кардиналам. Они ненавидят ее за то, что она нарушила зарок апостола Павла — бабам проповедовать в церквях нельзя! — а она проповедует, и, главное, ей это прощают.

Прекрасная дама Эстефанетта ругается на то, что эта ханжа не питается, как все нормальные люди, а то она хотя бы плюнула ей в суп. Граф Гийом де Бофор, бодрый папаша Его Святейшества, пишет в Париж. Чтобы бороться с «интригами» Катарины, король присылает не кого-нибудь, а своего родного брата герцога Луи Анжуйского. Он приезжает в сопровождении отряда рыцарей и, бряцая сверкающими доспехами, занимает целую крепость через мост от Авиньона.

Катарина уже всерьез собирается уезжать домой, в Сиену.

Но как-то вечером, почти на прощанье, она заходит в кабинет папы. Григорий стоит у окна и грустным взором смотрит на оранжевые авиньонские крыши. Не решаясь нарушить протокол и заговорить с ним первой, Катарина

останавливается у стола, где лежит отменно расписанный часослов, и разглядывает миниатюры. Папа оборачивается, ему нравится ее внимание к книге, и он произносит, обводя рукой прекрасно обставленную комнату:

— Здесь мой дух находит отдых в ученых занятиях и в созерцании всех этих восхитительных вещей вокруг меня.

Но Катарина не подхватывает его лирический тон. Она подходит к нему почти вплотную, смотрит ему в лицо своими светло-серыми глазами и произносит:

— Следуй своему долгу, святой отец. Ты должен покинуть все эти восхитительные вещи и ступить на дорогу к Риму, где опасности и эпидемии будут ждать тебя, а все услады Авиньона останутся пустыми воспоминаниями.

Доменико Беккафуми. «Стигматизация св. Екатерины Сиенской». 1545 г.

Музей Бойманс (Роттердам)

ЕКАТЕРИНУ ПОСЕЩАЛИ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ МИСТИЧЕСКИЕ ВИДЕНИЯ И ЭКСТАТИЧЕСКИЕ ПРИПАДКИ. ВО ВРЕМЯ ОДНОГО ИЗ НИХ, НА МЕССЕ В ПИЗЕ В 1375 ГОДУ, КАК ОНА РАССКАЗЫВАЛА ПОЗЖЕ СВОИМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ, У НЕЕ ОТКРЫЛИСЬ СТИГМАТЫ — РАНЫ, АНАЛОГИЧНЫЕ СЛЕДАМ ОТ ГВОЗДЕЙ, ПОЛУЧЕННЫМ ИИСУСОМ ХРИСТОМ. НА КАРТИНЕ БЕККАФУМИ ЭТО ЧУДО ИЗОБРАЖЕНО С ПОМОЩЬЮ ЛУЧЕЙ СВЕТА, ИСХОДЯЩИХ ОТ РАСПЯТИЯ.

В ОТЛИЧИЕ ОТ БОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫХ СТИГМАТОВ СВЯТОГО
ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО, У ЕКАТЕРИНЫ БЫЛИ НЕ НАСТОЯЩИЕ КРОВАВЫЕ РАНЫ, А НЕЗРИМЫЕ СТИГМАТЫ, КОТОРЫЕ ОЩУЩАЛИСЬ ТОЛЬКО ЕЮ. ИЗ-ЗА ЭТОГО ПОЗЖЕ В ЦЕРКВИ ВОЗНИКЛИ СПОРЫ ОБ ИСТИННОСТИ ИХ ОБРЕТЕНИЯ, В ИТОГЕ В 1470-Е ГОДЫ ПАПА СИКСТ IV СПЕЦИАЛЬНОЙ БУЛЛОЙ ЗАПРЕТИЛ ПИСАТЬ ЕКАТЕРИНУ СО СТИГМАТАМИ. ЭТОТ ЗАПРЕТ БЫЛ ОТМЕНЕН В 1630 ГОДУ ПАПОЙ УРБАНОМ VIII, ОДНАКО С ПРИМЕЧАНИЯМИ, ЧТО ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ИЗОБРАЖАТЬСЯ КРОВОТОЧАЩИМИ.

Хорошо, что при этом разговоре никого лишнего не присутствовало, потому что со стороны Григорий казался кроликом, внемлющем змею. Он отводит взгляд, встряхивает головой, трогает кончиками пальцев роспись золотом на миниатюре с «Благовестием Захарии».

Затем на его лицо со скошенным подбородком снова возвращается присущая ему обычно нерешительность.

Катарина вздыхает.

Но через три дня он опять присылает за нею. Катарина выходит от папы, пылая от радости. У него нет сил на открытое сопротивление родне и кардиналам, но он отдает тайные распоряжения об отъезде. Галера под белоснежными парусами заплывает в марсельский порт, и папа командует отъезд прежде, чем его курия осознает, что произошло.

Да-да! Он принял решение стать тем понтификом, который вернет трон в Вечный город, и теперь любое сопротивление, как это подчас бывает с людьми неуверенными, но в конце концов решившимися, его лишь злит.

Мать и сестры рыдают на пристани, умоляя его остаться, но Григорий вырывается из их объятий, отказывается слушать уговоры.

Прекрасные дамзели Мирамонда и Элисс, и Энемонда с Бриандой и Эстефанеттой машут из окон опустевшего папского дворца в Авиньоне платочками и утирают слезы длинными рукавами.

Катарина тоже уезжает. Суровый и коренастый архиепископ Бартоломео Приньяно, который со своими моральными убеждениями (в частности, соблюдением обета целомудрия) тоже все время чувствовал себя чужим в Авиньоне, с уважением смотрит ей вслед.

* * *

Джулия, молодая наложница Пьетро Колонна, завернувшись в простыню на голое тело, выглянула в узкую бойницу, посмотреть, какая на улице погода. Рим 1377 года встретил ее дождем. Это был уже не тот Вечный город, который воспевали античные поэты. Этот Рим был обедневший, в руинах, с буйной и голодной толпой, Рим, раздираемый жадными баронами, которые устроили себе крепости в античных гробницах и храмах, заложив в них окна и достроив сторожевые башни: семья Колонна обжила Колизей, Орсини — мавзолей Адриана, а Савелли — Капитолий. С тех пор, как лет семьдесят назад папы пленились Авиньоном, все стало совсем плохо, и после их

возвращения — не лучше.

Джироламо ди Бенвенуто. «Папа Григорий XI возвращается в Рим из Авиньона» (фрагмент). 1-я пол. XVI века. Панно из госпиталя Санта-Мария делла Скала.

Музей Общества исполнителей благочестивых намерений (Сиена)

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАПЫ ПОЛОЖИЛО КОНЕЦ МНОГОЛЕТНЕМУ «АВИНЬОНСКОМУ ПЛЕНЕНИЮ». ПОЭТОМУ В РЕНЕССАНСНОЙ ИТАЛИИ, УЧИТЫВАЯ МОГУЩЕСТВО ПАПСКОГО ГОСУДАРСТВА, ЭТО СОБЫТИЕ БЫЛО ЗНАКОВЫМ. ОДНАКО ДЛЯ СИЕНЫ ЕГО ЦЕННОСТЬ БЫЛА СОВСЕМ В ДРУГОМ — ВО ВКЛАДЕ ВЫДАЮЩЕЙСЯ МЕСТНОЙ УРОЖЕНКИ. НА МАСШТАБНОМ ПОЛУКРУГЛОМ ПАННО, ПРЕДНАЗНАЧАВШЕМСЯ ДЛЯ ОБРАМЛЕНИЯ ДВЕРИ ИЛИ ОКНА, ИЗОБРАЖЕНА КРАСОЧНАЯ ПРОЦЕССИЯ КЛИРИКОВ. ГРУППА СКРОМНО ОДЕТЫХ МОНАХОВ СЛЕВА — ЭТО СВЯТАЯ ЕКАТЕРИНА И ЕЕ СПУТНИКИ, ВОЗГЛАВЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕССИЮ.

ОСНОВНЫМ АВТОРОМ РАБОТЫ СЧИТАЕТСЯ ДЖИРОЛАМО
ДИ БЕНВЕНУТО, ОДНАКО ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ И ВКЛАД ЕГО ОТЦА БЕНВЕНУТО ДИ ДЖОВАННИ

В мраморных развалинах пасутся козы, щетинится бурьян. В канавах, которые когда-то были стоками для императорских терм, тлеет хлам и бегают крысы. По ночам в капителях кукуют кукушки.

На сердце у Джулии неспокойно. Город охвачен войной. Издалека слышен рев толпы, но она не может разобрать, почему кричат. Она волнуется.

Пьетро посреди ночи ушел прочь вместе со своим братом и до сих пор не вернулся домой. До рассвета она сидела у окна, прислушиваясь; ее сердце екало от каждого звука на улице.

Но Пьетро все не возвращался.

Так страшно отпускать своего мужчину в ночь, когда знаешь, что городские кварталы полны убийц и всякого отребья, готового стукнуть тебя по затылку гроша ради. А ведь мужчины так наивны, считают себя самыми сильными, думают, что с ними ничего не может случиться. Но кругом же война! Джулия отходит от окна и надевает шерстяное платье. На улице холодно. На столе остывшая курица. Она жадно ест, раздирая ее руками.

Кругом беда. Под стенами Рима стоят чужие войска. Ах, если бы этот изящный француз, папа Григорий XI был жив, ничего бы такого не случилось! Он нравился Джулии: как-то она получила от него благословение, ей приглянулись его изысканные манеры и тонкая рука, пахнувшая духами.

Но он умер, не дожив до сорока лет, не прожив в Святом Городе и двух годков. Рим — тут его каркавшие сестры Дофин, Маргерит, Элиз и Мари (супруга Раймона де Ногаре) могли бы

и позлорадствовать — Рим подорвал его здоровье, и Григорий скончался. Отошел в мир иной совсем молодым. А когда конклав собрался, чтобы назначить нового папу, и две трети его (все французы) решили — «выберем снова одного из наших, лучше всего Роберта Женевского, и быстро вернем Святой Престол обратно в милый город Авиньон» — с улицы вдруг раздался рев, похожий на адский.

Толпа собралась вокруг здания конклава: лица — угрожающи, в руках — оружие. Кричат оскорбления и угрозы, в глазах — демоны. Впервые почти за век у них есть шанс снова получить в папы своего соотечественника. Кардиналы поняли: выберут француза — живыми из здания не выйдут.

Их разорвут прямо на ступенях, и куски их плоти станут раздирать голодные собаки, как это случилось давеча с Кола ди Риенцо.

Тиара отошла к итальянцу. Новым папой стал суровый и коренастый архиепископ Бартоломео Приньяно, тот самый, который со своими моральными убеждениями казался чужим в Авиньоне.

«Он целомудренен и честен, — говорили меж собой кардиналы — Он достоин».

Увы, увы, власть вскружила голову архиеписко-

пу Бартоломео Приньяно, ныне его святейшеству Урбану VI. Выражение «папская непогрешимость» он воспринял слишком серьезно. Все, кто с ним хоть в мелочи не согласен, — изменники. Всем кардиналам прогнать любовниц, раздать бедным пуховые перины и теплое нижнее белье и надеть власяницы. Никаких роскошных пиршеств — четверг рыбный день, вот вам и вся убоина. Никаких подарков, пенсий и взяток. Приехал посол от королевы Неаполитанской, ее новый, уже четвертый, муж герцог Оттон? Пусть преклонит перед Урбаном колени, и прислуживает, и терпит все оскорбления, которые папа изливает на королеву, свою бывшую покровительницу, за ее беспутную жизнь. Все французы — второй сорт людишки по сравнению с итальянцами, кардиналов это тоже касается. Как вы осмеливаетесь со мной спорить? Как ты, прах под моими ногами, осмеливаешься мне возражать?! Клади на стол свою кардинальскую шапку, я лишил тебя сана!

И поэтому собрались французские кардиналы как-то ночью, посидели, подумали и сбежали в город Ананьи. Там они объявили предыдущий конклав незаконным, бесцеремонного неуклюжего хама Урбана VI — лже-понтификом и быстро

выбрали нового — графа Роберта Женевского. Уж он-то умеет жить и знает, что лучше всего живется в солнечном Авиньоне, где нет страшных римских толп и есть отборные южные вина.

Оба папы предали друг друга анафеме и объявили друг друга антихристами.

Брат французского короля герцог Луи Анжуйский в сопровождении отряда рыцарей бряцает сверкающими доспехами теперь у стен Аврелиана. Это антипапа Роберт Женевский, ныне Климент VII, призвал его на помощь, собрал войска из бретонцев и французов и решил захватить Рим, где окопался его враг, беспардонный, нелепый и глупый, страдающий манией величия, крепко сбитый коротышка с яростными глазами — Урбан VI.

Вот из-за этого противостояния двух пап Джулия, наложница Пьетро Колонна с длинной шеей, высоким безмятежным лбом и белоснежной кожей, светящейся, словно мрамор, прекрасная, как дантовская Беатриче, в полурасстегнутом платье цвета осенней травы смотрит теперь в окно, беспокоится за своего господина и тревожно вслушивается в каждый стук копыт по мостовой.

Катарина тоже в Риме, неподалеку от дома семьи Колонна. Папа Урбан, который видел, как

много она смогла сделать в Авиньоне, приказал ей, когда все пошло прахом и все начали его ненавидеть, приехать из Сиены в Вечный город и помочь ему своим авторитетом. Он уверен, что стоит ей посмотреть собеседнику пристально в глаза и сказать: «Урбан прав», как человек сразу же станет его сторонником. Как-то он ненароком увидел, как она смотрела в глаза покойному Григорию, а через три дня тот собрался в Рим.

Так оно и есть, но Катарина не может заглянуть в глаза каждому человеку в Италии, а папу Урбана, пожалуй, ненавидит уже каждый второй ее обитатель.

Она не хотела ехать. После возвращения из Авиньона, счастливая от успеха своей миссии, Катарина села и осуществила давнюю мечту — написала книгу. Богословский трактат «Диалоги о Провидении Божьем» — о том, как она видит религию, о том, что говорил ей в ее мистических созерцаниях бог.

— Как она смеет! — говорили французские ученые-теологи. — Как она смеет, простая женщина, писать о богословии? Да еще на вульгарном итальянском, а не на благородной латыни?! — они ненавидят ее за то, что ее книга так прекрасна и так понятна.

Но таких фарисеев немного. Большинство восхищаются и наслаждаются чудесами, раскрывающимися под ее пером. А тут приказ от Урбана приезжать, и горькие новости о появлении антипапы Клемента. Но у Катарины нет сомнений, кто божий помазанник, и она обязана помогать. Со своими учениками и секретарями она приехала в Рим и поселилась в скромном доме на Виа ди Папа вблизи церкви Санта-Мария-сопра-Минерва, того самого храма Богородицы, построенного на развалинах храма языческой богини.

Что делать? Как помочь Урбану вернуть популярность, как возвратить ему союзников? Катарина пишет одному графу — тот рассказывает ей в ответ, как Урбан его глубоко оскорбил, назвав его благородную мать шлюхой. Да, пусть двадцать пять лет назад она была конкубиной, но с тех пор она уже давно законная венчанная жена его почтенного батюшки. Пишет наместнику провинции — тот отвечает, что Урбан отказался возвращать долг, взятый у него покойным папой Григорием на ремонт Ватикана, да еще заклеймил стяжателем. Наместник теперь почти разорен, а от него Урбан еще и потребовал приползти на коленях и просить прощения.

Союзники покидают Урбана один за другим,

Катарина мечется, пытается примирить всех, но безуспешно.

Что делать? Как ей выполнить свою миссию? Тысячи голосов рассказывают ей о притеснениях от Урбана — быть может, правы те, кто бросил его и ушел к авиньонцу Клименту? Но нет, на Урбане же Святой Дух, который передается апостольской преемственностью от самого апостола Петра! Он — глава Церкви, и непогрешимость его известна! Как ей в голову могли прийти такие ужасные мысли? Это искушение, она обязана быть преданной Урбану, он — понтифик, она должна стараться.

Катарина просит его святейшество смягчить свой резкий характер, она ходатайствует перед ним за тех, на кого обратился его гнев. Она пишет ему письма с инструкциями, как себя вести с полезными людьми. Но она бессильна перед этим человеком, который считает ее лишь служанкой, лишь удобным инструментом. Его не интересует ее женское мнение, ее бабьи советы быть добрым. Он всегда прав! До этого пока еще не дошло, но пять лет спустя он будет пытать кардиналов, членов своей курии, которые не угодят ему, а в качестве палача пригласит одного пирата, звавшегося Бальтазаром Коссой.

Многие будут говорить потом, что Урбан под конец жизни по-настоящему сошел с ума. До этого еще несколько лет, но Катарина уже чувствует черную тучу, окружающую Ватикан. Она бьется, как воробушек, случайно залетевший в человеческое жилье; все ее поступки бесполезны. Она теряет веру в себя — и знает, что потеряла веру в Урбана.

Мадонна Джулия, прекрасная наложница, часто видит ее в базилике Святого Петра, куда Катарина ходит молиться. В толпе прихожан на Катарину показывают пальцем и просят у нее, чтоб она за них молилась — весь Рим знает эту святую женщину, которая старается помочь каждому.

Катарине уже тридцать три, как Христу в год Голгофы; внимание сразу же приковывают ее огромные глаза без ресниц, в которых читается поражение и страдание. На улицах валяются трупы. Это бретонские наемники антипапы Клемента прорвались в город и перерезали несколько десятков горожан, как овец на скотобойне. Нападение отбили, но трупный запах впитался в рясу Катарины, которая перевязывала раненых.

Она очень похудела, почти бестелесна. Силы,

которые она так щедро тратит ради Урбана, кажется, сжигают ее изнутри. Она потеряла радость и спокойствие. Она ничего не ест.

Взяв с собой несколько вооруженных лакеев, Джулия отправляется искать Пьетро. Они несколько часов ходят по городу, их поиски безуспешны. На площади делла Минерва они видят огромную толпу, которая в ярости бежит куда-то. Джеронимо, слуга Джулии, хватает ее на руки, поднимает и ставит на цоколь — там раньше стояла статуя Адриана, императора-мужеложца, теперь разбитая и пережженная на известь. Взбирается за госпожой сам; остальные лакеи еле успевают — высокий постамент чудом спасает их от все сметающего потока людского стада, которое в гневе мчится к Ватикану. Бретонцы и французы отошли от Рима, антипапа Климент признал свое поражение и отправился домой, в милый Авиньон, откуда покойный папа Григорий даже не успел вывезти ценную мебель, а Эстефаннета с Энемондой — упорхнуть к женихам.

Угроза смерти миновала, и поэтому гнев римского отребья обрушился на Урбана, который призвал на их головы все эти беды.

Они сорвали двери папского жилища. Они во-

рвались внутрь и стали бегать по коридорам. Они размахивали мечами, кинжалами и дубинками. Они убили в одном из коридоров английского священника («проклятые иностранцы!»).

Молодые, бритоголовые, залитые кровью и злые от голода и победы, жители римских окраин искали Урбана, чтобы убить.

Ворвавшись в зал приемов, расписанный лазурными и золотыми джоттесками со святыми, заламывающими свои бледные руки, они нашли там папу. Он сидел на троне, парадные одеяния волнами спускались со ступеней; папская тиара на его голове сияла, подобно нимбу.

— Кого вы ищете? — спросил Урбан низким гулким голосом, привычным к проповедям, слова которых надо было донести до самых дальних уголков собора, до дальних скамеек и уголков потемнее. Голос гремел под бочкообразными сводами круглого зала и, казалось, звучал со всех сторон. В толпе вздрогнули. Некоторые крестились.

Взгляд папы был спокоен и пылающ. Он был наместник Бога на земле и знал это.

Толпа устыдилась и ушла, успокоенная.

А Катарина уже на площади перед Ватиканом. Она хлопочет, разговаривает с зачинщиками

бунта, пытается успокоить народ. Ей удается помирить горожан и понтифика. Она не замечает мадонну Джулию, обнимающую своего господина. Тот с разбитой головой, выбитыми зубами и в порванной одежде. Кровь течет изо рта. Джулия так счастлива видеть его живым, что даже не плачет, от радости что-то лепечет. Лакеи поддерживают хозяина и несут его домой. В отвороте рубахи видны его шея и плечо, почерневшие от ушибов.

Усталая, как никогда в жизни, Катарина уходит из Санта-Мария де Трастевере прочь. Ее ослабевшие ноги едва сгибаются, плечи поникли. Напоследок она оборачивается и видит Урбана, который с ненавистью смотрит на одного из римских баронов. Его бульдожье лицо багрово от гнева, и в брылях вокруг рта — люцифера гордость и жажда убийства. Этой ночью ей приснится, что ее друзья бегают по городу и уговаривают горожан убить папу Урбана; а толпа разрывает на части ее, Катарину. На следующий день в капелле, недомолившись, она падает в конвульсиях ничком. Возвращается с трудом в комнату. Там новый приступ. Она не может ни заговорить, не пошевелиться. Лежит на полу, ей кажется, что ее душа отделилась от тела.

Ученики находят ее, поднимают на кровать. Два дня и две ночи ее тело борется за жизнь, и, хотя физических сил в нем, подорванном религиозной анорексией, остается мало, дух ее еще силен. Она очнулась и снова начала говорить.

Но всем видно, что она приближается к смерти. У нее еще есть силы, чтобы ходить каждый день к мессе, но целиком восстановиться она не сумела.

Она знает, что умирает. Взяла чернильницу, пергамент. Написала письмо Раймону Капуанцу, который был в это время в Генуе. Письмо прощальное. Она поручает ему все свои сочинения и заботу об ее учениках. Просит простить ее за все. Она молится; ученики записывают вслед за ней ее молитву:

— Боже вечный, прими в жертву мою жизнь в сем мистическом Теле — Святой Церкви. Мне нечего дать, кроме того, что Ты дал мне. Возьми же мое сердце и выжми его над лицом Своей Невесты!

Джироламо ди Бенвенуто. «Смерть св. Екатерины Сиенской». Ок. 1500–1510 гг.

Музей Пти Палэ (Авиньон)

ЕЩЕ ОДИН ФРАГМЕНТ АЛТАРЯ, В КОТОРОМ БЫЛО НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ИЗ ЖИТИЯ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ. В ДАННОМ СЛУЧАЕ ДАЖЕ НЕИЗВЕСТНО, ЧТО ИМЕННО ЭТО БЫЛ ЗА АЛТАРЬ И ГДЕ КОНКРЕТНО ОН НАХОДИЛСЯ — ГИПОТЕТИЧЕСКУЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ЕДИНОМУ ЦИКЛУ ДОСОК, РАЗБРОСАННЫХ ПО ПЯТИ РАЗНЫМ МУЗЕЯМ МИРА, ОПРЕДЕЛИЛИ НА ОСНОВЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА..

Два месяца продолжается угасание. Ее друзья, в числе которых преданный ученик Андреа Ванни (по профессии живописец, бросивший свои кисти), ухаживают за ней, как могут, но все бесполезно. Ей не осталось, для чего жить, ее сердце разбито. Урбан сначала продолжает присылать ей какие-то приказы, но она не в силах их выполнять. Потом он выкидывает ее из головы — бесполезный инструмент.

Когда она ложится в свою узкую девичью койку, к ней приходят видения. Но это не светлая Богородица или любезный Христос с пурпурными устами в ореоле сияния. Ей являются демоны и мучают ее в кошмарах.

Затем она перестает чувствовать свои ноги

— приходит паралич.

Раймону Капуанцу рассказывали потом: весь день перед днем Светлого Христова Воскресения она не подавала ни признака жизни, за исключением того прерывистого дыхания, которое так хорошо знакомо тем, кто сиживал у постелей умирающих. Иногда казалось, что она слышит какие-то страшные вещи, которые не слышал никто больше. Подчас она вопила. Наконец, наступила агония. Любившие ее люди, которые бдели рядом, услышали, как она кричала: «Боже, смилуйся надо мной, не отнимай у меня память о Тебе». А потом: «Господи, приди мне на помощь, Господи, спеши помочь мне!» И наконец, как будто отвечая обвинителю, она сказала:

— Тщеславие? Нет, но лишь истинная слава во Христе!

Монна Лапа Пьяченти, ее 80-летняя мать, которая сидела на табуретке и держала дочь за руку, затрясла старческой головой и зарыдала.

Кто-то прикрыл мертвой глаза.

Через три дня из Генуи примчался Раймон Капуанец, который загнал двух лошадей, но все равно не успел.

Катарину похоронили на кладбище рядом с церковью Санта-Мария-сопра-Минерва в первые

дни мая 1480 года. Но поток паломников, которые тотчас же начали приходить к ней на могилу, оказался столь велик и так быстро рос, что ее тело выкопали и переложили в роскошную раку под главным алтарем.

Папа Урбан вскоре после этого предаст свою бывшую покровительницу, королеву Джованну Неаполитанскую, и ее, отняв корону, задушит собственный племянник. Выгнанный из Рима страхом, Урбан будет вынужден скитаться по всей Италии. Через девять лет после смерти Катарины Урбан упадет с мула и от этого помрет. О нем все сразу, с облегчением и навсегда, забудут.

Раймон Капуанец навеки потеряет свой румянец. Днями и ночами, чтобы поскорей запечатлеть, он будет писать жизнеописание святой Катарины — конечно же, она была святой! С ним никто не спорит. Со временем он станет генералом ордена доминиканцев, тучным и могущественным мужчиной, но никогда он не будет так же счастлив, как позади Катарины, в толпе ее учеников. После смерти его тоже канонизируют.

В 1939 году, шестьсот шестьдесят лет спустя после ее кончины, Ватикан объявит Екатерину Сиенскую святой покровительницей Европы — на пару с великим Франциском Ассизским.

№ 6. Красота Лауры Дианти

Тициан. «Портрет Лауры Дианти». Ок. 1520–1525 гг.

Коллекция Хайнца Кистерса (Кройцлинген)

СОЗДАННЫЙ ТИЦИАНОМ ПОРТРЕТ ЛАУРЫ ДИАНТИ ПОЛЬЗОВАЛСЯ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ И НЕОДНОКРАТНО
КОПИРОВАЛСЯ. ДАННОЕ ПОЛОТНО ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ СЧИТАЛОСЬ ОДНОЙ ИЗ ПОДОБНЫХ КОПИЙ, ПОКА ПРИ РЕСТАВРАЦИИ И РАСЧИСТКЕ НЕ БЫЛИ ОТКРЫТЫ ОДНОВРЕМЕННО ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ЖИВОПИСИ И ПОДПИСЬ ТИЦИАНА.

ВИДИМО, ЭТО САМЫЙ РАННИЙ ОБРАЗЕЦ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА, В КОТОРОМ МОДЕЛЬ ИЗОБРАЖЕНА В СОПРОВОЖДЕНИИ ЧЕРНОКОЖЕГО ПАЖА. В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ВЕКА ЭТОТ ВАРИАНТ КОМПОЗИЦИИ ПАРАДНОГО ПОРТРЕТА СТАНЕТ КРАЙНЕ ПОПУЛЯРНЫМ ВО ВСЕЙ ЕВРОПЕ. КРОМЕ ТОГО, ВИДИМО, ЭТО ПЕРВЫЙ ПРИМЕР В ИТАЛЬЯНСКОМ ИСКУССТВЕ, КОГДА МОНАРХ ЗАКАЗАЛ ПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ СВОЕЙ ФАВОРИТКИ, — ПОСТУПОК НАСТОЛЬКО НЕТИПИЧНЫЙ, ЧТО ЧЕРЕЗ ПОКОЛЕНИЕ, КОГДА ВОЗНИК СПОР О ТОМ, МОЖЕТ ЛИ ЕЕ ВНУК ЧЕЗАРЕ Д’ЭСТЕ НАСЛЕДОВАТЬ ГЕРЦОГСТВО, ДАННЫЙ ПОРТРЕТ БЫЛ ПРЕДСТАВЛЕН КАК ОДНО ИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ТОГО, ЧТО ЛАУРА И АЛЬФОНСО ВСЕ-ТАКИ ПОЖЕНИЛИСЬ: «ЛЮБОВНИЦ ТАК НЕ ИЗОБРАЖАЮТ!» ОДНАКО

В ВАТИКАНЕ ПОСЧИТАЛИ ИНАЧЕ: ВСЕ-ТАКИ ЭТО НАПОЛНЕННОЕ ЭКЗОТИЧЕСКИМ ФЛЕРОМ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРЕКРАСНОЙ ЖЕНЩИНЫ В РОСКОШНЫХ ОДЕЖДАХ И ДРАГОЦЕННОСТЯХ ДАЛЕКО ОТ СТАНДАРТА ТОРЖЕСТВЕННЫХ ПОРТРЕТОВ НАСТОЯЩИХ ГЕРЦОГИНЬ.

Феррара, 1519 год

Лукреция Борджиа умерла летом, в день Рождества Иоанна Предтечи, в год 1519-й. В вечер ее похорон дочь разорившегося феррарского шляпника Лаура Дианти, которой суждено стать преемницей Лукреции, внезапно поняла, насколько ей надоело быть проституткой; бедной, голодной, безобразно одетой и безмерно усталой.

Лауре было пятнадцать, но от товарок по дому терпимости она знала, что все еще кажется подростком. От природы этой итальянке из простонародья были даны черные глаза и густые темные волосы, которые парой веков позже составили бы ей славу первой красавицы. Но на дворе шел Ренессанс, и хозяйка борделя, за наеденное пузо звавшаяся Роспой — «Жабой», заставляла ее травить кудри до соломенно-желтого цвета золой от сожженного плюща, лимонным соком и солнечным светом, а также ярко румянить щеки. Кормили плохо и чем попало, вдобавок у Лауры

еще не прошли подростковые прыщи. Свое тело казалось ей неловким и слишком тощим. Она не умела разговаривать с людьми, сутулилась и все так же, несмотря на время, проведенное в публичном доме, не понимала мужчин и не знала, что с ними делать.

А по улице в лучах заката шествовала погребальная процессия опочившей герцогини феррарской, побочной дочери папы римского Александра VI, старого сладострастника Борджиа Родриго. Восьмерка вороных коней, запряженных в черный катафалк, сверкала лоснящимися боками, в которых как в зеркале отражалось лиловое небо; черные плюмажи трепетали на ветру. За гробом шли придворные-феррарцы и аристократы из прочих итальянских городов, приехавшие выразить свое уважение покойнице. Закатное солнце все равно припекало, и Лаура, вместе с другими девицами отпущенная поглазеть на церемонию, потела в плотной толпе. Герцогиню в городе любили, хоть и баловали себя порой у камелька пересказом старых сплетен. Полтора десятка лет прошло, как умер ее отец и скончался брат Чезаре, а после их смерти никто не замечал за ней ничего странного — может, и остальное было враньем.

Лаура не отрывала глаз от процессии — в жизни она не видала столько драгоценностей, кружев, атласа и бархата. Первым за гробом следовал вдовец — владетель их герцогства Альфонсо I из рода Эсте. Заросшему бородой угрюмому мужчине было чуть за сорок. Росту он был среднего, но широк в плечах и мускулист, будто был кузнецом, а не вельможным властелином. Лаура слышала, что любимое занятие его — новомодная наука, именуемая артиллерией, и что порою он сам вставал у доменных печей, чтобы проследить за отливкой пушечного ствола. Отец рассказывал ей, что в последнюю войну Ферраре удалось отбиться от вражеских войск именно благодаря его самым новейшим мортирам и бомбардам.

Впрочем, девке Лауре на артиллерию было плевать, но, как всякая женщина, она прислушалась к сплетне, которую пересказывал стоявший рядом посыльный: мол, когда герцогу Альфонсо сообщили о том, что жена его не сумела разрешиться от бремени и в муках скончалась, отвернулся герцог Альфонсо, и в глазах его мелькнули слезы, и потом, посмотрев на мертвое тело, заперся и не выходил всю ночь. Прислушалась Лаура — и со вздохом пожалела вдовца, сурового воина, всю жизнь воевавшего против папских

армий и теперь потерявшего прекрасную белокурую супругу Лукрецию. Потом вспомнила о собственных убитых в мертвую желтизну волосах (сначала соком ревеня, затем лимона, потом вообще вонючей серой), вздохнула еще горшее и выбралась из толпы, отправившись назад в постылый дом терпимости.

В этот день по торжественному случаю девушка была одета прилично — в коричневое закрытое платье, и волосы спрятаны под плотным чепцом. Она выспалась сегодня, и от этого кожа ее казалась неожиданно красивой. Но окончательно ее судьбу решило то, что она остановилась на базаре и на сбереженные гроши купила себе кулек вишни.

Неизвестный художник. «Альбом с изображением итальянских, в основном венецианских, костюмов и персонажей». Италия (Венеция?), 1-я чет. XVII в.

PRPH books

ИЗОБРАЖЕНИЕ
СЛОЖНОГО ПРОЦЕССА ОБЕСЦВЕЧИВАНИЯ ВОЛОС ТИПИЧНОЙ ВЕНЕЦИАНКОЙ.

СТРАНИЦА
ИЗ ИЛЛЮМИНИРОВАННОЙ РУКОПИСИ НА ПЕРГАМЕНТЕ ВОСПРОИЗВОДИТ В КРАСКАХ ФИГУРУ, ИЗВЕСТНУЮ ПО АНАЛОГИЧНЫМ

ПЕЧАТНЫМ КНИГАМ — ИЗДАНИЮ ПЬЕТРО БЕРТЕЛЛИ «DIVERSARUM NATIONALUM HABITUS» И ЧЕЗАРЕ ВЕЧЕЛЛИО «HABITI ANTICHI, ET MODERNI DI TUTTO IL MONDO», ПОСВЯЩЕННЫХ КОСТЮМАМ ИТАЛЬЯНЦЕВ И ДРУГИХ НАРОДОВ. МОДА НА ЗАКАЗ ПОДОБНЫХ ПАМЯТНЫХ АЛЬБОМОВ — СУВЕНИРОВ, НАЧИНАЯ С XVI ВЕКА, БЫЛА ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕНА СРЕДИ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ, ПОСЕЩАВШИХ ВЕНЕЦИЮ.

Счастливая из-за выходного дня, Лаура шла по пустой улице, залитой закатными лучами, улыбаясь своим мыслям и радуясь неожиданному одиночеству. Рот ее, заалевший от сока ягод, вдруг сделал Лауру потрясающе хорошенькой. Невиданной удачей стало, что ее увидела в этот момент не алчная хозяйка — жаба Роспа (нагрузила бы работой), а немолодой каноник Джованни Салерно.

У каноника Джованни был небольшой приход, средний доход, двухэтажный дом на набережной По, животик сибарита, подагра и хорошая библиотека. Единственного, чего не хватало, — экономки. Предыдущая, кума Мариэлла, прожила с ним двадцать лет, пару раз даже родив детей (отосланы в деревню), но этой зимой она скон-

чалась, и Джованни скучал. Еду готовил теперь молчаливый Спиридоно, который лишь фыркал на попытки хозяина завести с ним беседу.

Девочка в коричневом платье с вишневыми губами, улыбающаяся в перламутровом закате, заставила его с горечью ощутить свое одиночество.

Он любовался ею, стоя на углу улицы, и, наверно, никогда бы не решился подойти, чувствуя себя старым развратником, но тут Лауру увидел помощник плотника и закричал:

— Привет, шлюха!

Лаура споткнулась, покраснела и прошла мимо.

— Эй, шлюха, может, в следующий раз возьмешь подешевле и постараешься побольше? — не замолкал плотник.

Каноник Джованни задумался. Потом он пошел вслед за Лаурой.

Расстроенная и растерявшая все хорошее настроение, девочка вдруг снова превратилась в безобразное существо с лицом, похожим на непропеченный кусок теста. Но Джованни все еще видел ее спрятанную красоту. Невероятное чувство распирало его изнутри — он знал тайну, которая была на виду, но оставалась незаметной

для прочих. «Посмотрите! — хотелось крикнуть ему. — Из нее же вырастет потрясающая красавица!» Так флорентиец Микеланджело смотрел на кусок щербатой горной породы и видел спрятавшуюся внутри него прекрасную статую.

Он нагнал ее уже вблизи дома терпимости.

Заговорил. Сердце и долгие годы пастырства научили его разбираться в людях. Он увидел, что девушка, несмотря на пятнадцать лет и торчащую грудь, — все еще ребенок, нелюбимый и несчастный. Она не улыбалась и не смотрела в глаза собеседнику. Ей хотелось остаться одной. Это было главным желанием последних нескольких лет ее жизни, главным и несбыточным.

Наутро он пришел к Роспе и дал ей денег. За Лауру, нелепую швабру, попросили немного.

К нему вывели девушку. Ее желтые волосы были накручены и торчали как баранья шерсть, лицо набелено, глаза подведены, безобразное зеленое платье по последней моде сплющивало груди, кожа казалась оливковой. Несчастная кукла молчала.

Джованни страстно захотелось окунуть ее в ванну и как следует отмыть.

Он попросил привести ее на следующее утро к заднему крыльцу и сказал, чтобы она оделась

прилично, как на похороны:

— Я не хочу, чтобы соседи догадались о ее бывшей профессии.

Назавтра толстуха Жаба, ведя окаменевшую лицом Лауру в тугом чепце, постучала в заднюю дверь каноника.

* * *

В новом доме Лауре было странно. Каноник Джованни показал ей ее комнату с деревянной кроватью и недавно побеленными стенами. Углы тем не менее уже были обжиты пауками. Лаура вымела насекомых.

Дом вообще был запущен. Поначалу робко, затем все более по-хозяйски, она начала отмывать кухню, заросшую грязью мужской стряпни. Медные кастрюли снова засверкали медовым отливом. Она испытала чувство гордости своей работой, забытое за последние годы.

Каноник был добр с ней. Говорил ласковым голосом, подарил одежду, пытался расшевелить и заставить улыбнуться той улыбкой, которую он увидел тогда в залитом солнцем переулке. В свободное время он начал учить ее читать. Постепенно чувства Лауры к нему менялись — старик становился ей дорог, она почувствовала, что ему

можно верить.

Будь этот рассказ сентиментальным и любовным, в нем бы было написано, что однажды, несколько месяцев спустя, Лаура окончательно поняла, что Джованни не желает ей зла, поверила, что он по-настоящему ее любит, и тогда пришла к нему в постель и одарила тем, о чем он так долго мечтал. Но жанр здесь другой, и поэтому честно признаемся, что каноник принялся спать с ней с первого же дня под его кровлей, совершенно не интересуясь мнением Лауры по этому поводу.

Но он был трезвым, чисто вымытым и с ласковыми руками, так что, в общем, для Лауры и этот вид отношений стал откровением.

Время шло, ей исполнилось шестнадцать. Лаура не замечала перемен, но каноник видел, как она начала становится другой. Отросли ее черные волосы. Сон, обильная еда, отсутствие тяжелого труда и забота пожилого обеспеченного мужчины преобразили взрослеющую девчонку.

Если с формой носа все в порядке, любая женщина может стать прекрасной — главное, чтоб на душе у нее были счастье и спокойствие. Каноник с наслаждением смотрел, как она меняется, и делал самое главное, чтобы вырастить красави-

цу, — он говорил ей: «Какая же ты красавица!»

— Нет, ну что вы болтаете, я же уродина, — спорила с ним с детства затравленная Лаура, но он не унимался и повторял ей вновь и вновь, пока она не начинала хохотать.

На день рождения Джованни подарил ей невероятно дорогое венецианское зеркало — чтобы она училась держать себя.

Лаура начинала верить его словам о своей внешности постепенно: вдруг заметила, что на рынке покупать товары стало намного легче — мужчины с ней не торгуются и предлагают лучшие куски. Затем прохожие, даже гордецы-вояки, стали уступать ей дорогу и улыбаться вслед, провожая взглядами, свистеть, причмокивать и восклицать. Как-то к Джованни пришли друзья, а она разливала вино. Заметив их пристальные взгляды, она смутилась и ушла к себе. Послезавтра один из них, кривоногий капеллан герцога, подстерег ее на улице и предложил перейти работать к нему, посулив жалованье в два раза больше. Она посмотрела на него своими спокойными глазами, улыбнулась мило. Он, затаив дыхание, ждал ответа.

Каноник Джованни глядел на них из окна своего кабинета, и сердце его бешено колотилось

от отчаяния.

Джованни услышал, как она открыла дверь и прошла на кухню. Он спустился вниз, она улыбалась и ощипывала гуся.

— Что вы желаете завтра на ужин? — спросила она, достав нож и начиная потрошить птицу.

— Не появились ли на рынке лангусты? — спросил он в ответ, не в силах спросить о том, что его интересовало на самом деле.

— Да, сезон уже начался, — ответила она, напевая себе под нос. Потом она подняла голову, увидела, что каноник бледен, потеет и не сводит с нее взгляда. Отложила нож, вымыла руки, подошла к старику, обняла его крепко-крепко. Поцеловала и не отпускала очень долго.

* * *

Несколько лет спустя, как-то осенью, каноник Джованни слег. Он вызвал нотариуса, еще раз проверил завещание, все средства, какие мог, поделил между своими детьми от покойной кумы Мариэллы и Лаурой. Денег выходило немного. Мысли о том, каково ей будет оставаться здесь одной, отравляли ему последние дни.

Он закашлялся и кликнул Лауру. Она пришла и, стараясь не заплакать, села рядом со стариком,

чья кожа пожелтела от старости и болезни. Ей было стыдно — этой весной Лаура в первый раз по-настоящему влюбилась.

Молодой аристократ с телом Аполлона поймал ее взгляд в церкви. Подошел и заговорил. Последовало несколько быстрых встреч — Лаура поверила, что он заберет ее в свое палаццо и будет любить вечно. А щеголь Бернардо, лейтенант в герцогских войсках, переспав несколько раз со служанкой священника, пускай и редкой красоткой, выбросил ее из головы и завел новую любовницу.

Лаура же ждала и верила. Потом поняла, что осталась обманутой, и долго врачевала свою сердечную рану. Теперь же она сидела рядом с ложем каноника, и ей было стыдно за свои мечты его оставить — вот, пришел день, когда они действительно расстанутся, и теперь ей это совсем не в радость.

— У меня нет денег на приданое, — бормотал каноник, — но я оставил тебе все ценные вещи и одежду. Деньги, какие возможно, сохранит тебе сеньор Анастазио.

В обед он умер. Старухи, бывшие при церкви, пришли обмывать его тело и заворачивать в саван. Лаура, залитая слезами, была им не помощ-

ница. Сеньор Анастазио попросил сожительницу каноника не показываться на похоронах — церемонию обещал посетить епископ. Лаура вздрогнула от этих слов, но потом испытала к Анастазио благодарность: он прислал своего племянника Беппо, который помог Лауре перевезти ее вещи в те две комнаты, которые по просьбе Джованни успели для нее снять. Прислал вовремя — по дому уже начали ходить совсем чужие люди и по-хозяйски рассовывать ценные мелочи по рукавам и кошелькам. Угрюмый слуга Спиридоно даже подрался с какой-то рослой старухой за зеркало Лауры, но сумел его отстоять.

Лаура все же пошла на похороны, но стояла позади и спрятав лицо. Над гробом каноника сказали хорошие речи, но она уже от них не плакала, а просто крутила на пальце колечко, подаренное покойным. Потом она бродила по узким улочкам позади кафедрального собора, утопающим в тени огромного здания. Прогулки в одиночестве всегда успокаивали ее.

Мельком на каком-то балконе увидела того самого прекрасного лейтенанта, пьющего вино из ложбинки на груди златовласой куртизанки, — плевать, она теперь поняла, что такое любовь, а то, весной, был пустяк, хотя и причинивший

боль. Веселые студиозы из Университета кричали ей вслед, возбужденные гармонией ее антично белоснежного лица. Она бродила и думала, как ей жить дальше. Неожиданно вышла к кварталу из дурного сна, из прошлого — к дому Роспы. Вздрогнув, отвернулась и побыстрей вернулась в новую квартиру.

В темных комнатах, не выходя наружу к людям, она просидела дня два. Потом ее нашел один из знакомых каноника, молодой университетский профессор, видевший ее прежде и теперь желавший оказать бедняжке свое покровительство. Уходя, в дверях он столкнулся с кривоногим капелланом герцога, воодушевленным той же благотворительной мыслью. Капеллана Лаура отправила прочь, а вот еще одного случайного знакомого, недавно вернувшегося из кампании против папы, которою Альфонсо д'Эсте вернул себе город Реджио, приняла с большим гостеприимством.

Все складывалось достаточно удачно: Лаура уже давно перестала быть нелепой девчонкой, ей исполнилось двадцать, и у нее появилось умение, часто свойственное очень красивым женщинам — получать все, что ей хотелось, — как благодаря своей внешности, так и сквозившей в осанке

и жестах уверенности, что по-другому и быть не может. Гостей у нее было мало, и всех она принимала с таким спокойным достоинством и теплотой, что бывать у нее стало в радость, и спустя четыре месяца она переехала в изящно отделанный особнячок на Виа делле Вольте и обновила свой гардероб. Лазурь и изумруды шли ей; павлиньи перья на тюрбане — новая мода, введенная герцогской сестрой, Изабеллой д'Эсте, маркизой мантуанской, — оттеняли белизну ее кожи и вороново крыло волос, изобильное тело радовало мужские руки, а нежный голос — утомленные души.

Такой и увидел ее в первый раз Альфонсо д'Эсте, герцог феррарский, уже пять лет как вдовствующий после потери своей супруги Лукреции Борджиа.

Недавно он возвратился из Реджио, которое приводил в порядок после десятилетней оккупации его Святым Престолом, и чувствовал себя усталым и утомленным. Через два года ему исполнялось пятьдесят, а он ощущал на своих плечах еще годков двадцать сверху. Жизнь его, вся прошедшая в войнах Камбрейской лиги, на полях боев, затянутых пороховым дымом и пахнущих кровью убитых французов, была полна

похождений и схваток, но уже начала надоедать некой монотонностью многообразия. Пир, который устраивал один из его командиров по случаю грядущей женитьбы, встретил его низким гулом виол, шалюмо, лютней и жужжанием женских голосов.

Лаура не умела петь, музицировать и не разбиралась в литературе, ее атласное платье было не из самых роскошных, а драгоценности — просты, и остальные куртизанки поглядывали на нее свысока. Попала она на это роскошное пиршество почти случайно — ее привел с собой знакомый офицер, преданный ее покровитель, который быстро напился и заснул под картиной Тициана с изображением Ариадны и Бахуса. Она осталась сидеть с ним рядом, с полуулыбкой и некоторым волнением вглядываясь в кипучее веселье, бушующее перед ней. Пышнотелые златовласые прелестницы восседали на коленях у воинов и кормили их вишнями и виноградом. Жених облизывал пальцы несравненной Джулии Феррарезе, ненадолго вернувшейся из Венеции, та заливисто смеялась, и ее груди гроздьями маняще сотрясались напротив его лица. Французские музыканты ласкали струны виол, которые отзывались им нежными радостными голосами. Воздух был

полон запаха горячего вина и специй.

В разгар праздника наконец пришел герцог Альфонсо, сел в кресло, обитое малиновым бархатом, устало вытянул ноги. Красавицы наперебой бросились ухаживать и за ним. Лаура отрезала себе кусок мяса, запила вином и меланхолически себя спросила, когда же можно будет отправиться домой — она не любила многолюдных сборищ.

«Целуй меня, моя сладенькая» — заиграли прованский шансон Жоскена Депре французские музыканты. Лаура незаметно сбросила тесные туфли. Ее движение плечами привлекло внимание скучающего герцога.

Baises moy, ma doulce amye…

Первое, что он заметил, — волосы. Его первая жена, Анна Мария Сфорца (на которой он женился, отдав взамен герцогу Лодовико Сфорца по прозванию «Мавр» свою сестру Беатриче), была бледной и тонкой, с гладкими локонами цвета льна и фигурой, уместной в средневековых мадоннах, а не в герцогских супругах. Она и скончалась при неудачных родах. Вторая жена его, Лукреция Борджиа, с которой он прожил семнадцать лет и произвел на свет девять детей, обладала кудрями цвета зрелой пшеницы, вьющимися и волнистыми. Он ненавидел ее

сначала, папского выблядка, затем ревновал и хотел приручить, сломать хребет — как смела она изменять? Потом привык, и нашел в Лукреции хорошую герцогиню и верного помощника, но никогда не любил до дрожи в коленях и никогда не хотел носить на руках.

Честно говоря, от блондинок герцог Альфонсо даже устал: слишком покорны женщины вокруг были велениям моды. Крупная женщина, сидевшая в одиночестве в дальнем углу зала, оказалась брюнеткой с мраморной кожей и вишневыми губами. Лицо она не сурьмила, улыбалась искренне — своим мыслям, и оттого казалась неожиданным дивом на этой выставке распутства.

Он поманил ее к себе пальцем.

* * *

Полуголый, горячий от льющегося пота, герцог Альфонсо д'Эсте не мог оторвать глаз от самого лучшего на свете зрелища: на свет появлялась его новая гигантская бомбарда. Огромная, остывающая на глазах, она состояла из двух отдельных частей, которым предстояло быть соединенными вместе. Стенки камеры задней части пушки делались очень толстыми — чтобы выдерживать взрыв огромного заряда пороха, который пона-

добится, чтобы стрелять железными ядрами того диаметра, что задумал герцог.

Пинтуриккио. «Диспут св. Екатерины Александрийской» (фрагмент), фреска Зала Святых,

Апартаменты Борджиа, Ватикан. 1492–1494 гг.

ДОСТОВЕРНЫХ ПОРТРЕТОВ ЛЕГЕНДАРНОЙ ЛУКРЕЦИИ БОРДЖИА, НИ ТЕМПЕРНЫХ, НИ МАСЛЯНЫХ, НЕ СУЩЕСТВУЕТ. ЗА ЧЕСТЬ (И КОММЕРЧЕСКУЮ
ВЫГОДУ) ОБЛАДАТЬ ПОДОБНОЙ КАРТИНОЙ СОРЕВНУЕТСЯ НЕСКОЛЬКО МУЗЕЕВ МИРА, ОДНАКО ИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ДОСТАТОЧНО СПОРНЫЕ. В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ТОЧНЕЙ ВСЕГО ОБЛИК ЛУКРЕЦИИ МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ ПО ИЗОБРАЖЕНИЮ НА ФРЕСКЕ В АПАРТАМЕНТАХ БОРДЖИА, РОСПИСЬ КОТОРЫХ БЫЛА ЗАКАЗАНА ЕЕ ОТЦОМ, ПАПОЙ АЛЕКСАНДРОМ VI. ИЗОБРАЖЕННЫЙ СЮЖЕТ — МОМЕНТ, КОГДА ЮНАЯ ХРИСТИАНСКАЯ СВЯТАЯ ЕКАТЕРИНА ДОКАЗЫВАЕТ ЕГИПЕТСКОМУ НАМЕСТНИКУ МАКСИМИНУ ДАЗЕ ПОСТУЛАТЫ СВОЕЙ ВЕРЫ.

ПРИНЯТО
СЧИТАТЬ, ЧТО, СОГЛАСНО РЕНЕССАНСНОЙ ТРАДИЦИИ, В ОБРАЗЕ ПЕРСОНАЖЕЙ ЛЕГЕНДЫ НА ФРЕСКЕ ИЗОБРАЖЕНЫ РЕАЛЬНЫЕ ЛЮДИ: СВЯТАЯ ЕКАТЕРИНА — ЭТО ЛУКРЕЦИЯ, НА ТРОНЕ — ЕЕ БРАТ ЧЕЗАРЕ БОРДЖИА, В БЕЛОМ ТЮРБАНЕ — БРАТ СУЛТАНА БАЯЗИДА II ДЖЕМ, ЗАЛОЖНИК ПАПЫ РИМСКОГО И ДРУГ ЧЕЗАРЕ, И ДР.

Он вытер пот и обрадованно стал беседовать с литейщиками, тоже, довольными тем, как идет процесс. Альфонсо сам рассчитывал эту пушку, и вроде бы все идет хорошо — хотя ничего нельзя знать заранее, пока не будет произведен первый выстрел. Оставалось только ждать. Он оделся, накинул на плечи свою роскошную мантию, которую заботливый оруженосец отобрал у него еще при входе в кузню, чтобы мех не пропах, и отправился в свои комнаты. Чувство бодрости, которое покинуло его лет пятнадцать назад, казалось — навечно, вновь возвратилось в его тело. Он шел подпрыгивающей походкой и улыбался.

Уже два месяца, как каждый день, такой же веселый и окрыленный, он возвращался домой и обнимал Лауру Дианти.

Сначала он не думал, что все выйдет так. Он много путешествовал и имел много женщин, конечно, и куртизанок. Например, та искусница Джулия Феррарезе, которая была на пиру, где он увидел Лауру, провела с ним как-то недели полторы, и все общение с ней, кроме плотской страсти, вызывало в нем скуку. Джулия, уверенная в том, что владыки любят, когда ими вертят слабые женщины, постоянно кокетничала, стуча ресницами, манерно поводила плечами и

выпрашивала подарки, поглядывая хищными глазами совы.

Тициан (копия). «Портрет Альфонсо д’Эсте». Ок. 1523 г. Метрополитен-музей

ОРИГИНАЛ ЭТОГО ПОРТРЕТА, СОЗДАННЫЙ ТИЦИАНОМ, НЕ СОХРАНИЛСЯ, ОДНАКО МЫ МОЖЕМ СУДИТЬ О НЕМ ПО НЕСКОЛЬКИМ КОПИЯМ, ИЗ КОТОРЫХ НАИБОЛЕЕ РАННЕЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ
ЯВЛЯЕТСЯ ВАРИАНТ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В МЕТРОПОЛИТЕН-МУЗЕЕ. ЕСТЬ ВЕРСИЯ, ЧТО ИСХОДНАЯ КАРТИНА БЫЛА СОЗДАНА КАК ПАРНАЯ К ПОРТРЕТУ ЛАУРЫ ДИАНТИ И ИЗНАЧАЛЬНО ВИСЕЛА С НЕЙ РЯДОМ. ПОСЛАНИЕ, КОТОРОЕ ТРАНСЛИРУЕТ СОВРЕМЕННИКАМ ГЕРЦОГ ЭТИМ ПАРАДНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ, МОЖНО РАСШИФРОВАТЬ, ОБРАТИВ ВНИМАНИЕ НА ЕГО РУКИ — ОДНА ЕГО ЛАДОНЬ ПОКОИТСЯ НА ПУШКЕ, ДРУГАЯ — НА ЭФЕСЕ ШПАГИ.

Лаура была совсем другая. У нее была уютная мягкая грудь, и ему нравилось просто лежать с ней рядом, уткнувшись носом в ее тело. Впервые в жизни он поселил женщину в спальне своего дворца — у покойных герцогинь были свои покои, и он навещал их, когда чувствовал в том необходимость, тратя время на прогулку

по длинному коридору. Походные девицы под сенью военной палатки вообще были не в счет. С Лаурой все вышло иначе. С первого же дня она оказалась такой теплой, душевной и надежной, что он недоумевал, как он умудрялся находить успокоение раньше, когда ее не было рядом. На днях он разговорился с литейщиком Карлуччо, своим любимым товарищем по огневой потехе, как он знал, счастливым в браке:

— Знаешь, друг, впервые в жизни я чувствую себя по-настоящему женатым, как ты женат или все нормальные люди вокруг. Каждую ночь я засыпаю с ней в обнимку, просыпаюсь, и она — все так же рядом. Какое счастье, что она не аристократка! Ее не заботят поэзия Пьетро Бембо, модный наряд для мессы, длина ее родословного древа по сравнению с моим или отказ Леонардо да Винчи нарисовать ее портрет!

— А что ее заботит? — улыбнулся ему литейщик. Они с герцогом собирались на крестины его недавно родившегося сына, где Альфонсо с Лаурой согласились быть восприемниками.

— Покормить меня горячим ужином, снять с меня вечером узкие сапоги, потереть мне спину в ванне и послушать о том, что я делал за день, — блаженно перечислил герцог, глядя ку-

да-то поверх плеча Карлуччо бессмысленным взглядом влюбленного.

— Ага, послушать… — развеселился Карлуччо. — Ты знаешь, я собственными глазами видел, как ты влюбился в нее по-настоящему.

— И как?

— Ты привел ее сюда, к нашим печам, и часа три подряд рассказывал: «Порох есть телесная и землистая вещь, составленная из мощи четырех первоэлементов. Когда в некоторую часть этой чрезвычайно сухой субстанции посредством серы вводится пламя, это производит умножение воздуха и огня[5]. Правда ведь интересно, Лаура?» А она отвечала: «Правда! Объясняй дальше». И смотрела на тебя вот таким же неосмысленно счастливым взглядом, какой у тебя сейчас.

И они оба рассмеялись, похлопывая друг друга грязными руками по мощным плечам.

И герцог знал, что Лауре действительно было интересно, как он умеет лить из железа стрелковое оружие, и очищать селитру, и стрелять из больших и малых пушек.

---

[5] Примечания: 5

Ванноччо Бирингуччо. «Пиротехния». Цит. по: Келли Дж. Порох: От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир. Пер. с англ. Александра Турова. — М.: КоЛибри, 2005

Вилла Делиция дель Верджинезе.

ЗАГОРОДНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ, ЧЬЕ НАЗВАНИЕ ПЕРЕВОДИТСЯ КАК «ДЕВИЧИЙ ВОСТОРГ», БЫЛА ПОСТРОЕНА В КОНЦЕ XV ВЕКА. ПОСЛЕ ТОГО КАК ГЕРЦОГ АЛЬФОНСО ПРИОБРЕЛ ВИЛЛУ, ОНА БЫЛА ПЕРЕСТРОЕНА (ВОЗМОЖНО, АРХИТЕКТОРОМ ДЖИРОЛАМО ДА КАРПИ) И ПОДАРЕНА ЛАУРЕ. ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ ОНА СДЕЛАЛА ВИЛЛУ СВОЕЙ ПОСТОЯННОЙ РЕЗИДЕНЦИЕЙ.

А Лаура сидела у себя в комнате и думала о том, как бы довольна она была, если б Альфонсо,

в которого она влюбилась сразу и без оглядки, оказался не герцогом, а кузнецом или солдатом.

«Ах, если б он был простым человеком и обвенчался б со мной как с равной, чтобы мы потом жили в нашем доме, обычном доме!» Она мечтала об этом, потому что в этом огромном замке с оравой слуг она, со всем своим неожиданным счастьем, чувствовала себя неуютно и боялась, что в любой момент оно так же внезапно кончится.

«Впрочем, герцог — это тоже здорово», — подумала она и полюбовалась в зеркале на новое ожерелье из огромных индийских сапфиров.

* * *

Через три года она родит ему первого сына, еще через три — второго. Тициан напишет ее прекрасный портрет. Герцог подарит ей восхитительное имение Делиция дель Вергинезе, с особняком-игрушечкой, куда они будут приезжать всей семьей проводить лето и отмечать праздники. Вместе они проживут десять лет. В 1534 году, в возрасте 58 лет, герцог умрет на руках у своей любимой Лауры.

Говорят, перед смертью он успеет с ней тайно обвенчаться.

Престол герцогства унаследует его сын от

Лукреции Борджиа. Богатая, но опечаленная, Лаура поселится на своей вилле, будет растить своих сыновей, узаконенных завещанием отца, приглашать к себе лучших художников и поэтов, научится разбираться в поэзии и играть на музыкальных инструментах. Прожив остаток жизни в свое удовольствие в окружении прекрасных вещей, в том числе своих портретов, написанных Тицианом и Доссо Досси, Лаура скончается в 1573 году, разменяв седьмой десяток и покачав на коленях внуков, одному из которых, Чезаре, суждено будет стать герцогом — вместо потомков Лукреции.

№ 7. Пленительный образ Фьям-метты

Данте Габриэль Россетти. «Видение Фьяммметты». 1878 г.

Коллекция Эндрю Ллойда Уэббера

СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ПОД ПСЕВДОНИМОМ «ФЬЯММЕТТА» (ПЫЛАЮЩАЯ, ОГОНЕК) БОККАЧЧО СКРЫЛ ДАМУ — ТЕЗКУ БОГОРОДИЦЫ ИЗ РОДА СВЯТОГО ФОМЫ АКВИНСКОГО, ТО ЕСТЬ МАРИЮ Д'АКВИНО, ЯКОБЫ ВНЕБРАЧНУЮ ДОЧЬ НЕАПОЛИТАНСКОГО КОРОЛЯ РОБЕРТА АНЖУЙСКОГО. ОДНАКО УСТАНОВИТЬ РЕАЛЬНОСТЬ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕВОЗМОЖНО. ПОРТРЕТНЫХ ЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ТОЖЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПОТОМУ, ЧТО В 1-Ю ПОЛОВИНУ XIV ВЕКА, КОГДА ОНА ЖИЛА, ЭТОЙ ЧЕСТИ УДОСТАИВАЛИСЬ ЛИШЬ КРАЙНЕ ВАЖНЫЕ ПЕРСОНЫ. ПРИЧЕМ ЭТО БЫЛИ НЕ ПРИВЫЧНЫЕ НАМ ПОРТРЕТЫ С ХАРАКТЕРНЫМИ ЛИЦАМИ, А ЛИШЬ НЕБОЛЬШИЕ ФИГУРКИ В РУКОПИСЯХ ИЛИ ОБОБЩЕННЫЕ ЛИЦА НА ФРЕСКАХ.

НА ЭТОЙ КАРТИНЕ ПЕРЕД НАМИ ПРЕДСТАЕТ ВЫМЫШЛЕННЫЙ ОБЛИК ФЬЯММЕТТЫ, СОЗДАННЫЙ КИСТЬЮ ПРЕРАФАЭЛИТА ДАНТЕ ГАБРИЭЛЯ РОССЕТТИ, ДЛЯ КОТОРОГО РЕНЕССАНСНЫЕ ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ БЫЛИ КРАЙНЕ ВАЖНЫ. (ПРАВДА,

ГОРАЗДО БОЛЬШЕ ОН ЛЮБИЛ ИСТОРИЮ СВОЕГО ТЕЗКИ ДАНТЕ И ПРЕКРАСНОЙ БЕАТРИЧЕ.)

Неаполь, 1327 год

Шесть штук парчового полотна цвета лазоревого, три — ткани дамасковой, золотыми грифонами и цветами по пунцовому фону затканной, да двенадцать отрезов шелка, доставленных путем морским из краев басурманских, входили в приданое медноволосой донны Марии Аквинат, выданной за сеньора Северино ди Северини Убальди в храме Сан Лоренцо Маджоре, что в Неаполе на углу виа деи Трибунале, в лето Господне 1327-е, апреля числа двенадцатого. Жених был красив, упитан и силен; мускулы его ляжек, плотно обтянутых шоссами, возбуждали в дамах, сидевших на скамейках позади алтаря, неподобающие мысли. Две его бывшие возлюбленные, из числа придворных дам королевы Санчи, тайком кусали губы.

Невесте шестнадцать лет и три месяца. Богатая девочка, две недели как из монастырской школы, с наивным взглядом балованного подростка и неловкими движениями недавно научившегося бегать жеребенка. Муж старше на одиннадцать лет, он познал все прелести жизни при королевском дворе и наслаждался неиспорченностью

Марии, свежестью ее кругленького личика и восторгом, с которым она смотрела на роскошь вокруг. Его влажные карие глаза с предвкушением любовались телом Марии, его изогнутые купидоновым луком темные губы увлажнялись, когда он отвечал священнику «да», его ладони даже слегка потели. Северино Убальди надевает золотое кольцо на палец дочери графа Аквинского, и епископ объявляет их супругами.

В далеком Авиньоне, прекрасной резиденции римских пап на текучей Роне, за шесть дней до этого на утренней мессе в Эглизэ де Сен-Клер некий юрист по имени Франческо Петрарка впервые видит (на дубовой скамейке в четвертом ряду слева) прекрасную Лауру, урожденную де Нов, супругу храброго рыцаря Уго ди Саде.

Андреа Бонайути. «Аллегория деятельной и торжествующей Церкви и доминиканского ордена» (фрагмент). 1365–1367 гг. Испанская капелла (Флоренция)

НА БОЛЬШИНСТВЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ БОККАЧЧО ОН — ПУХЛЫЙ МУЖЧИНА ЗРЕЛЫХ ЛЕТ В ТЕМНОЙ ОДЕЖДЕ, ЧАСТО УВЕНЧАННЫЙ ЛАВРОВЫМ ВЕНКОМ (СИМВОЛОМ ПОЭТИЧЕСКОГО ДАРА). ФРАГМЕНТ
МАСШТАБНОЙ ФРЕСКИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПРОСЛАВЛЕНИЮ ЦЕРКВИ, — РЕДКИЙ ПРИМЕР ПРИЖИЗНЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ БОККАЧЧО: ИЩИТЕ ФИГУРУ МУЖЧИНЫ В КРАСНОМ. ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ КАПЮШОНЕ С ЗЕЛЕНЫМ ВОРОТНИКОМ ВЫШЕ НЕГО — ПЕТРАРКА (УМ. В 1374 ГОДУ), ПРОФИЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ СПРАВА ОТ НЕГО В СЕРОМ И БЕЛОМ — ДАНТЕ (УМ. В 1321 ГОДУ). ХОТЯ БОККАЧЧО И ПЕТРАРКА БЫЛИ ЕЩЕ ЖИВЫ НА МОМЕНТ НАПИСАНИЯ ФРЕСКИ, СОВЕРШЕННО НЕОБЯЗАТЕЛЬНО, ЧТО ХУДОЖНИК ИХ КОГДА-ЛИБО ВИДЕЛ И ОТРАЗИЛ ЗДЕСЬ ИХ РЕАЛЬНЫЙ ОБЛИК.

В ЧИСЛЕ МОНАРХОВ, ИЗОБРАЖЕННЫХ НА ДРУГИХ УЧАСТКАХ ФРЕСКИ: ИМПЕРАТОР КАРЛ IV, ПАПА ИННОКЕНТИЙ VI, КИПРСКИЙ КОРОЛЬ ПЕТР I И ПРОЧИЕ. ТАКЖЕ В ТОЛПЕ

СТОЯТ ХУДОЖНИКИ ДЖОТТО И ЧИМАБУЭ И СКУЛЬПТОР АРНОЛЬФО ДИ КАМБИО. ТАКИМ ОБРАЗОМ ЭТА ФРЕСКА ОКАЗЫВАЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ ГРУППОВЫХ ПОРТРЕТОВ ИТАЛЬЯНСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ.

В 1338-м, одиннадцать лет спустя, благородной даме Марии д'Аквино, в супружестве Убальди, без двух годков тридцать, и счастливей ее, как кажется самой Мариелле, человека нет. Богатая усадьба в центре Неаполя с внутренним двориком, где журчат фонтаны и шумит листва; в дальних комнатах три подрастающих сына и розовощекая дочь под опекой няньки с кормилицей; завтра придет портниха с новым упеляндом на белоснежном песцовом меху из фламандского сукна цвета осенней листвы; супруг ее, Северино Убальди, смуглый, сорокалетний Аполлон, подарил ей ожерелье из богемских гранатовых кабошонов — один из тех щедрых подарков, ставших ей привычными за те несколько лет, как муж ее понял, что большую радость он находит в объятиях юных эфебов, чем крутобедрой супруги. А Мариелле и не обидно — ожерелье восхитительно, как и яхонтовая тиара месяцем ране, и сама она (наука королевы Санчи пошла впрок) тоже больше рада молодым эфебам, чем супругу.

Миниатюрная сероглазая Мариелла слегка подводит круглые сладкие губки, надевает платье цвета индиго, что так идет к ее волосам цвета красного золота (из вежливости знатных дам «рыжими» звать не пристало), и идет в гостиную. На резном аналое красного дерева там лежат никак не сочинения родича хозяйки, святого Фомы, сына покойного графа Аквинского, и не его племянника — поэта графа Ринальдо д'Аквино, а прескабрезный труд Апулея о Золотом осле, который доставляет своей пленительной читательнице радость не только сальностями, на удивление изобретательными, но и античной премудростью. А донна Мария до античности большая охотница, ведь отец покойный не поскупился на преподавателей, и книга всегда была ей в радость в долгие дни неподвижности из-за беременностей, которые впредь (выполнив свой долг перед мужем) она намерена не допускать. Мариелла с наслаждением перечитывает фрагмент про человека, который покупает большую винную бочку и просит мужа почистить ее изнутри, пока сам прочищает его жену сверху, улыбается, еще раз любуется в зеркале своим кругленьким белым личиком, поправляет выбившуюся из-под жемчужной сетки прядь и приказывает пригото-

вить портшез.

В нескольких кварталах от нее, за столом в своей маленькой комнатке сидит сын флорентийского купца Джованни Боккаччо. Это молодой гуляка, малоизвестный поэт, написавший единственную книжку — эротическую поэму «Охота Дианы».

Боккаччо перелистывает страницы драгоценной рукописи — дантовской «Вита Нуова». Строки, в которых Данте описывает свое случайное знакомство с его несравненной Беатриче, рыцарственность его страсти, единственный взгляд на мосту, ее ранняя смерть — все это наполняет душу юноши сладостным ощущением поэзии. Затем он надевает свежие кальсоны, и, пробуя во рту на вкус нежные строки одного из сонетов Петрарки к его золотовласой Лауре, отправляется к любовнице.

Его женщину зовут Паола, она кормилица в доме герцога Карафа. Особенности ее профессии оказали значительное влияние на размер груди, что весьма по нраву сластолюбивому Боккаччо. С Паолой не поговоришь о Данте, но в женщине это подчас не главное, хотя порой Боккаччо вздыхает о своей мечте встретить настоящую любовь, мечте, с которой он шесть лет назад въезжал в

Неаполь из Флоренции.

Он забирается в постель кормилицы на втором этаже герцогского дворца и начинает заниматься с Паолой всяческими безобразиями. В это время портшез Мариеллы д'Аквино, в замужестве Убальди, проносят по улицам Неаполя; тогда же прохожие едва успевают расступаться перед Иль Скорцо — огромным и краснорожим солдатом из свиты герцога Карафа, в ярости и гневе, подобно быку, несущемуся к герцогскому дворцу, где в комнатке на втором этаже его женушка развлекается с каким-то молодым красавцем.

Мариелла д'Аквино сидит в портшезе. Она довольна своим платьем, ароматом восточных благовоний и новыми драгоценностями. Ее благодушное настроение вызвано хорошим сном и обильным завтраком, но на сердце как-то беспокойно и чего-то не хватает. Она любуется своими ногтями.

Тут раздается треск и шум: матерчатая крыша ее портшеза рвется. Взору Мариеллы сначала предстает чья-то гладкая голая задница; затем тот, кто упал сверху, подтягивает ноги, наконец, целиком подбирается и спускается в ее портшез. Это красивый юноша; на его лице гуляет самодовольная усмешка человека, удачно спасшегося

от ревнивого и очень мускулистого мужа. Он быстренько прикрывает остатками ткани дырку в крыше, усаживается на скамейку напротив Мариеллы, и только тут до него доходит, чем именно он уже несколько минут трясет перед лицом изящнейшей дамы из высшего общества, прекрасней которой он не видал в жизни. Он густо краснеет, он пытается прикрыть руками свой голый перед и голый зад, он благовоспитаннейшим образом приносит ей свои извинения и в терминах античной литературы, заимствуя образы из Плавта, описывает обстоятельства, приведшие его к столь плачевной ситуации.

Мариелла едва сдерживает хохот. В портшез заглядывает взволнованный происшествием лакей графини, но она отсылает его прочь. Речь молодого человека доказывает, что он принадлежит к числу людей образованных, лицо его выдает энергию и ум, плечи мускулисты, а прочие части, доступные ее обозрению, не смутили ее, а доставили удовольствие своим совершенством. Чтобы разрядить неловкость, она, как ни в чем не бывало, начинает с ним беседу о недавно прочитанном ею идиллическом романе «Флуар и Бланшефлор» и о том, сколь прекрасна описанная в нем страсть между героем и героиней.

Боккаччо вступает в беседу с прекрасной дамой, имени которой он не знает, но за цвет волос и красное платье зовет уже в мыслях «Огненная». Он читал этот роман и хвалит его достоинства, с трудом отводя глаза от ее лица и несравненной улыбки и почти даже забывая о своей наготе. Дама жалуется, что вариант на французском ей кажется более изящным, чем сделанный лет сорок назад итальянский перевод — «Флорио и Бьянкофьоре».

Она читала оба варианта, и за отечественный ей стало стыдно. «Жаль, нет у нас своего Конрада Флека — сей поэт ведь сотворил прекраснейшее произведение из «Флуара и Бланшефлора» своим немецким переводом… Увы, у нас в стране таких не найдется». Она слегка румянится — возможно, от стыда за итальянскую словесность или потому, что взгляд ее опять соскользнул куда-то не туда по линии бедра обнаженного Боккаччо.

Портшез добрейшей донны довозит Боккаччо до его дома и там он, прикрыв все, что возможно, ее шарфом, выходит наружу и идет к себе домой.

Шарф кисейный, и на него смотрит весь двор, включая голосистых кумушек-соседок. Но ему стыдно только перед Огненной Дамой — никогда в столь позорные ситуации он не попадал.

Назавтра днем, надев свой лучший наряд — жипон из тускло-красного бархата с котарди цвета топленого молока, с шапкой, украшенными белоснежными перьями цапли, Боккаччо отправляется к ее особняку у Сан-Лоренцо Маджиоре возвращать спасительнице шарф — он вычислил ее имя по гербу на дверце. Но поиски заняли слишком много времени — синьора уже успела с утра уехать на целое лето в свои загородные поместья.

Испепеляемый любовью с первого взгляда, коей не мог найти выход, Джованни возвращается домой, аккуратно убирает свой дорогой наряд в длинный кассоне и, оставшись по случаю майской жары в одном нижнем белье, садится за стол и вооружается пергаментом. Его голый торс возвышается над столешницей, плечи ходят ходуном — пишет, как пашет, старается, исходит путом творчества: Боккаччо взялся за создание нового итальянского варианта «Флуара и Бланшефлоры», стараясь наполнить его изяществом, достойным такой прекрасной дамы, как та, которой он дал прозвание «Огонек» — Фьямметта.

Как-то к нему забредает друг. Приятель берет со стола лист, в котором Боккаччо описывает, как он впервые встретил свою возлюбленную

мадонну Фьямметту.

Красивым голосом друг зачитывает, как Боккаччо впервые увидел ее в церкви Сан-Лоренцо Маджиоре в Страстную субботу на дубовой скамейке в третьем ряду справа, под звуки ангельских песнопений в честь праздника. И лицо ее было озарено божественным светом, и он сразу понял, что это его судьба, а витражи бросали яркие тени на лица вокруг — по ее коже бегали оранжевые зайчики, а по его — лазурные; и как она изложила ему свое желание прочесть книгу, которую он и собирается возложить к ее ногам. «О! — говорит друг. — Так ты нашел свою музу! Смотри, какое совпадение, точно так же Петрарка встретил свою Лауру». Боккаччо густо краснеет.

Генри Холидей. «Данте и Беатриче». 1882–1884 гг.

Галерея искусств Уокера (Ливерпуль)

В «VITA NUOVA» ДАНТЕ ПОДРОБНО И КРАЙНЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОПИСАЛ ВСЕ СВОИ СЧИТАНЫЕ ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНОЙ БЕАТРИЧЕ. СОЗДАННЫЙ ИМ ЭТАЛОН РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ ОКАЖЕТ ОГРОМНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ СЛЕДУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ. И, КОНЕЧНО, ХУДОЖНИКОВ.

БРИТАНЕЦ ХОЛИДЕЙ, БУДУЧИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕМ

ПРЕРАФАЭЛИТОВ, ПРЕДЛАГАЕТ ЕЩЕ ОДНУ ТРАКТОВКУ ЭТОЙ КРАЙНЕ ПОПУЛЯРНОЙ ТЕМЫ. В СВОЕЙ КАРТИНЕ ОН ИЗОБРАЖАЕТ ДАНТЕ В ПРОФИЛЬ, С ВЫДАЮЩИМСЯ НОСОМ И СВИСАЮЩИМ ПОДБОРОДКОМ, СОГЛАСНО КАНОНУ, СЛОЖИВШЕМУСЯ К КОНЦУ XV ВЕКА (НАПРИМЕР, ТАКИМ ОН ПРЕДСТАЕТ НА ПОСМЕРТНОМ ПОРТРЕТЕ БОТТИЧЕЛЛИ). НА БОЛЕЕ РАННИХ ФРЕСКАХ, У БОНАЙУТИ, ЯКОПО ДИ ЧОНЕ И ДЖОТТО, ЕГО НОС ЕЩЕ НЕ ТАКОЙ КРЮЧКОВАТЫЙ — ЭТОТ НОС ЕЩЕ НЕ СТАЛ ЕГО АТРИБУТОМ.

Осенью Мариелла д'Аквино, отныне и навек — «Фьямметта», возвращается в Неаполь. Боккаччо возлагает к ее стопам написанную им книгу, названную им «Филоколо» (с той же буквы, что и ее прозвание). Мариелла польщена и получает от чтения удовольствие. Когда она разбирает описание встречи в церкви Боккаччо со своей музой, на ее кругленьких щеках появляются ямочки. Она опускает ресницы, и они бросают густые тени на ее щечки.

Боккаччо никогда в жизни не был так влюблен и никогда не видел женщины, обладающей столькими совершенствами.

С темпераментом жеребца, не допущенного до

кобылы, он пытается добиться ее ответной страсти. Мариеллу весьма забавляет сочетание его античной эрудиции с огнем вожделения в глазах. Но Боккаччо младше ее на три года; да вдобавок лет десять она провела при королевском дворе — так что, считай, старше его она не на три года, а на все тридцать. Ей скучно, и она знает все дороги любви.

Поэтому порой она дает поэту поцеловать свой пальчик, с удовольствием принимает посвященные ей сонеты, демонстрирует его своим друзьям на приемах, тщательно оберегает от знакомства с мужем, который оценил бы его юношеский пушок на щеках, кормит обедами, когда у него нет денег, и заливисто хохочет над народными побасенками, которые он такой мастак рассказывать.

Боккаччо грызет зубами булыжник мостовой ее улицы. Но, наконец, однажды Мариелла снисходит к нему. Это было вечером: в сумерках гостиной он прочел посвященный ей сонет, звуки его голоса путались и глохли в тяжелых портьерах медового цвета, она смотрела в окно на пунцовое солнце, садящееся в море, и внезапно почувствовала себя невероятно одинокой. Сердце екнуло, и, смягченная его любовью, Мариелла наклонила голову чуть наискось, улыбнулась и

протянула Джованни свою руку.

С этого вечера они стали любовниками, и блаженней его нет на свете.

От постоянного ощущения счастья у него горят уши.

Когда он не в ее постели или не у ее ног в гостиной, читающий ей свои произведения, он все равно думает лишь о Мариелле.

У него все получается. Рифмы сами приходят на ум, сюжетные повороты возникают во снах. У него появляются читатели, которым все больше и больше по нраву его произведения — поэма «Тезеида» и «Филострато», и «Амето», и, конечно, «Любовное видение» — все те книги, которые он посвящает своей Фьямметте, населяет образами своей Фьямметты, своей прекрасной нимфы.

Он горд ею. Раньше, когда его, сына купца от горничной, спрашивали о его происхождении, он говорил: «Моя мать была благородной французской дамой, одарившей своей благосклонностью отца в бытность его в Париже. Увы, венчание не скрепило их союз, но батюшка увез меня с собой и воспитал как наследника». Теперь эта тема ему не интересна, а когда друзья расспрашивают его о Фьямметте, то, помимо ее красоты и образованности, он по секрету делится с ними тайной

ее царственного происхождения — оказывается, родительница ее, донна Сивилла, удостоилась благосклонности короля неаполитанского Роберта Мудрого. И, стало быть, принцесса Джованна, будущая королева, приходится ей родной племянницей. Друзья цокают языками — если донна Сивилла была так же прекрасна, как ее дочь Мария, то немудрено, что Его Величество не смог устоять. Они завидуют той нежной страсти, которая связывает двух любовников — поэта и его даму.

Но, вдруг, спустя два года — вовсе не вдруг, Мариелла однажды просыпается с давно забытым ощущением скуки на сердце. Она поднимается, смотрит на спутанные волосы Боккаччо, конской гривой разметанные по ее подушке. Оставляет его спящим и идет завтракать.

Когда на следующий день он приходит к ней в дом, она принимает его сухо и объясняет, что между ними все кончено. Младшая горничная, давний союзник Боккаччо в его пылкой страсти, через неделю приносит ему известие, что Мариелла завела нового любовника, породистого аристократа с каштановой шелковой бородой и безупречными манерами. Он не умеет писать стихи, но вычисляет свою родословную до ше-

стого века.

Боккаччо очень плохо. Он подумывает о самоубийстве. Иногда он приходит на приемы, где можно увидеть ее. Мариелла не одаряет его ни взглядом, ни словом — женщина опытная, она знает, что рубить надо на корню, и такая страсть, как у Джованни, способна еще год или два подпитываться единственным добрым взглядом.

Неожиданно помогает его отец. Он действительно богатый купец в далекой Флоренции и, почувствовав себя неважно, вызывает сына письмом из Неаполя, чтобы тот помог ему в семейном предприятии. Боккаччо уезжает, обливаясь слезами.

Шпили и дымовые трубы города тают в тумане, скрывая от него смысл его существования. Сухопутная дорога через всю Италию опасна, юноша отправляется на корабле, но запах моря не помогает ему отвлечься.

Cy commence le prologue
de lacteur du liure intitule
le champion des dames
lequel fist et compila
lhonneste et saige
homme martin le franc
en son vivant prevost
de lusanne et chanoine
de lan mil cccc et neuf
ans

Et ne stay guieres
apres lacomplissement de
mondit liure fors que
je me tiray pour aler
a lusanne ou jay laude
chose et de entrement
et si y fuz tresbien venant a
publicite de moult
tombay en grief mal
de la goutte dont ma so
uvent garre et prisonne quelle
chose est treso tourmen
teuse et de jour en jour mamenuise
chens en dommaigeuse
pareste. Car pour ce que
je deffens mes membres et les
laissay rheoir en tresgrief
infirmete Je oublioy tou
tes les brides de mesmoire
et me polonmy en si tres
grant et parfont dormir
que je ny estoie memoy
semblant este mort tal
a moy comme a aultre
Et massoit ce que grief
mirme fort mestoie grief
le que la mesmoire du
travail que jay entre
pris me frappellast pour
tromplir mon volume
toutesfoies je myoie fo
me damne et pourry.
Et disoie en moy mes

Мэтр Франсуа (мастерская). «Петрарка является во сне Боккаччо».

Ок. 1475 г. Миниатюра из рукописи «Des Cas Nobles Hommes et Femmes», Schoyen, MS268

В 1355–1374 ГОДЫ БОККАЧЧО НАПИСАЛ СБОРНИК БИОГРАФИЙ «О НЕСЧАСТИЯХ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ», ГДЕ РАССКАЗЫВАЛИСЬ ИСТОРИИ АДАМА, ПЕРСЕЯ, ЦИЦЕРОНА, ЮСТИНИАНА И МНОГИХ ДРУГИХ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛИЧНОСТЕЙ, ВКЛЮЧАЯ ПЕТРАРКУ. РУКОПИСИ КНИГИ ОБИЛЬНО ИЛЛЮСТРИРОВАЛИСЬ ПОРТРЕТАМИ ГЕРОЕВ. ЭТА ЖЕ МИНИАТЮРА ОСНОВАНА НА СТРОКАХ БОККАЧЧО О ТОМ, ЧТО ПЕТРАРКА ЯВЛЯЕТСЯ ЕГО НАСТАВНИКОМ, В НЕЙ ПРИЗРАК ПЕТРАРКИ ПРОБУЖДАЕТ КОЛЛЕГУ ОТ СНА И ВДОХНОВЛЯЕТ ЕГО ПРОДОЛЖИТЬ РАБОТУ НАД КНИГОЙ.

Во Флоренции Боккаччо целует руку отца, ни разу не заходит в его торговую лавку и запирается у себя в комнате. Не отвлекаясь ни на секунду, едва принимая пищу, он пишет повесть в прозе, жанр для него непривычный.

Роман называется «Элегия мадонны Фьяммет-ты». Она — его главная героиня, и книга написана

от ее первого лица.

Героиня, благородная замужняя неаполитанка Фьямметта, влюблена в прекрасного юношу Панфило, который разделяет с ней страсть. Но отец, флорентийский купец, приказывает Панфило вернуться домой и помогать ему в семейном деле. Фьямметта остается в Неаполе одна. Она тоскует по возлюбленному, она скучает, до нее доходят новости о его неверности, она подумывает о самоубийстве. «В таком состоянии, как я описала, женщины, я осталась после отъезда моего Панфило и много дней в слезах горевала о его отсутствии, все время мысленно говоря: «О, Панфило, как могло случиться, что ты меня покинул?» — выводит Боккаччо на пергаменте гусиным пером. Мариелла никогда б не сказала ему таких слов. Пользуясь тем, что дверь крепко заперта и его никто не увидит, он плачет.

Наутро его неожиданно осеняет, что Лауры никогда не существовало на самом деле, Петрарка ее попросту придумал. Он делится этой догадкой с друзьями, и они смотрят на него, как на богохульника.

* * *

Проходят годы. Со временем боль затихает. «Элегия мадонны Фьямметты» помогла ему спастись. Он вырыл яму в земле и крикнул в нее: «У царя Мидаса ослиные уши!» — так боль и ушла. Другие женщины рожают ему побочных сыновей — Марио, Джулио и Виоленте. Его имя становится известным по всей Европе. Фьямметта появляется в его произведениях, но уже как образ, как сладкая грусть. Придумывая персонажей «Декамерона», он дает это имя одной из прекрасных флорентиек, рассказчиц. Настоящей Мариелле уже лет сорок — а в книге Фьямметта все так же юна и прекрасна и также волшебно поет, как пела тогда, на террасе, прежде чем в первый раз позволить ему взять ее руку. Но все это пустяки, давно забытая страсть.

Фьямметта, тайная дочь неаполитанского короля и жестокая Мария — для него разные люди, и первую он знает лучше. Это благородная, честная, богобоязненная и прекрасная дама, и вспоминать о ней — сладость.

В 1378 году, лет сорок спустя после первой встречи — их первой встречи в церкви Сан-Лоренцо Маджоре в Неаполе, где витражи бросали оран-

жевые блики на ее лицо, донна Мария д’Аквино сидит на террасе своего вдовьего загородного имения в Байях и смотрит на горы и море. Ее шестьдесят восемь, она тучна, страдает водянкой и зобом, у нее отнялись ноги. Она посасывает сласти, которые за большие деньги привозят ей из-за восточных морей, чтобы снимать постоянную боль.

Якопо ди Чоне. «Портрет Боккаччо». Ок. 1366 г. Фреска в зале Аудиенций, Дворец искусств судей и нотариусов (Флоренция)

НА ПРОТЯЖЕНИИ СТОЛЕТИЙ ПОМЕЩЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАЛОСЬ КАК ТОРГОВАЯ ЛАВКА, ОБНАРУЖЕНИЕ В НЕЙ СТАРИННЫХ ФРЕСОК В XIX ВЕКЕ ПОЗАДИ ПОЛОК С ТКАНЯМИ СТАЛО ВАЖНЫМ ОТКРЫТИЕМ. ИЗОБРАЖЕНИЕ БОККАЧЧО НАХОДИТСЯ РЯДОМ С ДАНТЕ В «ЛЮНЕТЕ ПОЭТОВ»: ЭТО САМЫЕ СТАРЫЕ ЗАДОКУМЕНТИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИХ ОБОИХ. НЕТИПИЧНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ СТАРИКА БОККАЧЧО В ПРОФИЛЬ, ВОЗМОЖНО, БЫЛО ВЫПОЛНЕНО ПРИ ЕГО ЖИЗНИ ИЛИ ВСКОРЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ. ДАНТЕ ТОЖЕ «РАННИЙ», НЕПРИВЫЧНЫЙ, БЕЗ ФИРМЕННОГО ОРЛИНОГО НОСА: ТРАДИЦИОННАЯ ИКОНОГРАФИЯ ЕЩЕ НЕ СФОРМИРОВАЛАСЬ. РЯДОМ С НИМИ ВИДНЫ МЕЛКИЕ ФРАГМЕНТЫ ДВУХ ДРУГИХ ФИГУР — ВЕРОЯТНО, ПЕТРАРКИ И ПОЗАБЫТОГО НЫНЕ ПОЭТА И УЧЕНОГО ЗАНОБИ ДА СТРАДА. РОСПИСЬ ПОМЕЩЕНИЯ БЫЛА ОСУЩЕСТВЛЕНА СОГЛАСНО ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ПО ЧЕСТВОВАНИЮ ВЕЛИКИХ ФЛОРЕНТИЙЦЕВ, СОСТАВЛЕННОЙ ГУМАНИСТОМ КОЛУЧЧО САЛЮТАТИ ДЛЯ РОСПИСЕЙ ПАЛАЦЦО ВЕККЬО.

ПОСКОЛЬКУ ОРИГИНАЛЬНЫЙ ЦИКЛ ПАЛАЦЦО ВЕККЬО БЫЛ УТРАЧЕН, ЭТА УМЕНЬШЕННАЯ ВЕРСИЯ ИМЕЕТ БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИКОВ ИСКУССТВА.

Неожиданно она посылает слугу в город — ей хочется почитать сочинения Джованни Боккаччо. Она не читала ничего из того, что он написал, с того дня, как бросила его, хотя его слава с тех пор разошлась по всей Европе и ей приходилось слышать о нем весьма часто. Ей было немного неловко за то, что она причинила ему страдания, но она долго не вспоминала об этом, и только в последнее время, когда болезнь отзывалась в ее теле острым ножом боли, Мариелла, припоминая свои грехи, стала задумываться, не воздаяние ли это мироздания за мучения, причиненные великому человеку.

Ей приносят список стихов.

Она читает его венок сонетов на смерть мадонны Фьямметты, благороднейшей из женщин. Этот цикл написан лет десять назад. Она криво улыбается. Затем тянется за привычной дозой опиума, затем еще за одной. Наутро ее мертвое тело находят слуги.

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

XCVII

Ее ланиты – розы, кудри – злато,
и огненный над ними ореол,
что в облачко внезапно перешел,
сверкавшее, как не сверкает злато.

И, словно жемчуг, что оправлен в злато,
казалось, ангел в облачко вошел
и крылья белоснежные развел,
покрыт сапфирами, одетый в злато.

И за мою Фьямметту был я рад,
затем что, как нетрудно догадаться,
была мадонна к богу на пути,

а я остался, мукою объят,
здесь, весь в слезах, чтобы конца дождаться
и в край блаженных душ за ней взойти.

CXXVI *(На смерть Петрарки)*

Пребудешь ты отныне в царстве том,
куда стремится жаждущая света
душа, что заслужила чести этой,

покуда обреталась в мире злом;

ты нынче там, где, жаждою влеком
Лауру видеть, что тобой воспета,
не раз бывал, и где теперь Фьямметта,
любовь моя, – лицом к лицу с Творцом.

К Сеннуччо, к Чино присоединился
и к Данте ты, и пред тобой тогда
сокрытое от нас предстало зримо.

Когда тебе я другом доводился
здесь, на земле, возьми меня туда,
где любоваться мог бы я любимой[6].

---

[6] Примечания: 6
Перевод Е. Солоновича.

№ 8. Одиночество Изотты Нога-рола

De proba poetrice Adelphi coniuge. cap. cxxiii.

Roba z facto⁹z noie litte⁹ rar⁹ noticia/ femina memo ratu dignissima Honorij principis Euo: áno videli cet quartodecimo supra quadringẽte simus a natali xpiano⁹z doctrina atq⁹ christiana religiõe insignis plurimũ⁹z notissima fuit. Hec quippe Italica fu it mulier ex oppido Ortj oriũda⁹z Adelphi cuiusdã clarissimi viri cõiunc. Que quãtus i liberalib⁹ studijs value rit/liquido percipi potest: nec iter alia cuius studia/adeo peritiã curaꝫ virgi liani Carminis nota atq⁹ familiaris ẽ effecta vt fere omne opere ase cõfecto re ste:i conspectu⁹z memoria eã semper habuisse videat. Que uis forsan aliquã do perspicatiori aiadue rtentia legeret existimationẽ incidit: ex illis: omnẽ te stamẽti veteris historiaꝫ⁹z noui serie placido atq⁹ expedito⁹z fuci pleno versu posse describi nõ equidez admiratione caret: tam sublimẽ cõsiderationem ma liebre subintrasse cerebꝝ. Sed longe mirabile fuit/executioi mandasse. Ope ram igit⁹ pro cõceptu presta⁹: nunc huc nũc illuc per Bucholicuꝫ Georgicũq⁹ atq⁹ Encadam salium discurẽdo carmẽ nunc hac ex parte versus integros/nunc ex illa metroꝝ ptes carpẽs/miro artificio i suuꝫ redegit propositum: adeo apte integros collocans⁹z fragmenta conectẽs/ seruata lege pedum⁹z carmi nis dignitate⁹z vt nisi expertissimus compages posset aduertere. Et bis ab orbi exordio principium faciẽs/ quc quid historie in veteribus atq⁹ nouis legitur litteris⁹q⁹ ad mistionẽ sancti spiritus tam compte composuit: vt huius com positiõ ignarus homo propbetam pariter⁹z Euangelistam facile credat fuisse virgilium. Et quibus non minus comendabile sumitur huic silicet mulieri sacrorum voluminum integram/ seu satis plenam fuisse notitiam: q⁹ q̃s rarus etiam hominibus nostro contingat euo dolentes nouimus. Voluit insuper egregia femina labore suo compositum opus/ vocari Centonam: quod ipsi per Liber Cẽ tona. sepe dicimus. Et quanto magis illud memoratu perpetuo dignum putamus tanto minus credimus: tam celebre mulieris huius ingenium/ tantum acqui siuisse laborꝫ. Quin ymo reor: si in ános amplioꝛe vite protractum ẽ. Eam alia insuper condidisse laudabilia/ que librariorum desidia nostro tantum incomo do/ad nos vsq⁹ deuenisse nequiuere. Que inter nõ nullis placet sint homeri Cẽ tona: eadẽ arte⁹z ex eadem materia qua ex virgilio scripserat: ex Homero sum ptis Carminibus edita. Ex suo⁹si sic est⁹sumitur: eius cum amplioꝛi laude ex doctissime greca nouisse litteras⁹z latinas. Sed queso nunc quid optabili⁹ audisse⁹femina Marõis⁹z Homeri scãdisse cacumina⁹z apta suo opi se ponẽ te⁹sciuerit artificioso ptertia nectẽs⁹ cruditissimi spectẽ vi. Quib⁹ quã sit sacra rũ litterarꝫ insignis/ pfessio arduuꝫ tñ est⁹z difficile/ ex amplissimo sacri volumi nis gremio nũc hic/nunc inde ptem eligere⁹z ad serie vite xpi in vnum passim

Анонимный гравер. «Изотта Ногарола». Иллюстрация из дополненного издания «О знаменитых женщинах Боккаччо», версия Джакомо Филиппи Форести. (Феррара, Laurentius de Rubeis, 1497). Национальная библиотека Румынии

ЭТО
НАЧИНАЕТ СТАНОВИТЬСЯ ОДНООБРАЗНЫМ, НО И В ДАННОМ СЛУЧАЕ МЫ ОПЯТЬ ВЫНУЖДЕНЫ НАПИСАТЬ, ЧТО ДОСТОВЕРНЫХ ПОРТРЕТОВ ГЕРОИНИ ГЛАВЫ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. ВПРОЧЕМ, В ОТЛИЧИЕ ОТ ПРЕДЫДУЩИХ ПЕРСОНАЖЕЙ, НЕТ ДАЖЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫХ КАРТИН, КОТОРЫЕ ПРИВЫКЛИ СЧИТАТЬ ПОРТРЕТАМИ ИЗОТТЫ НОГАРОЛА. СУЩЕСТВУЕТ ТОЛЬКО НЕСКОЛЬКО ГРАВЮР, СХЕМАТИЧНЫХ И ЯВНО НЕ С НАТУРЫ, А ТАКЖЕ ЖИВОПИСНЫЕ КОПИИ С НИХ. ВЕРОЯТНО, ИЗОТТА САМА НЕ ЖЕЛАЛА ПОРТРЕТИРОВАТЬСЯ, КРОМЕ ТОГО, 1-Я ПОЛОВИНА XV ВЕКА, ВРЕМЯ ЕЕ ЖИЗНИ, НА ПОРТРЕТЫ ЕЩЕ БЫЛО СКУПО. НАПРИМЕР,
ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ НАДГРОБНОЙ СТАТУИ, НЕТ НИ ОДНОГО НОРМАЛЬНОГО ПОРТРЕТА ЕЕ ЗЯТЯ, ВЕНЕЦИАНСКОГО ДОЖА НИКОЛО ТРОНО: ДАЖЕ ДОЖЕЙ ЕЩЕ ПОРТРЕТИРОВАЛИ РЕДКО.

ДАННАЯ ГРАВЮРА С ЖЕНСКОЙ ФИГУРОЙ,

ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ ИЗОТТУ, ПРОИСХОДИТ ИЗ ПЕЧАТНОЙ ВЕРСИИ КНИГИ БОККАЧЧО «О ЗНАМЕНИТЫХ ЖЕНЩИНАХ», СОЧИНЕННОЙ В 1360-Е ГОДЫ. В СВОЕ ВРЕМЯ ЭТА КНИГА БЫЛА КРАЙНЕ ПОПУЛЯРНА, ХОТЯ СЕГОДНЯ В НАСЛЕДИИ БОККАЧЧО ОКАЗАЛАСЬ ПОЛНОСТЬЮ ЗАСЛОНЕНА «ДЕКАМЕРОНОМ». В НЕЙ БОККАЧЧО ПЕРЕСКАЗЫВАЕТ
106 БИОГРАФИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ГЕРОИНЬ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА, ПЕРСОНАЖЕЙ АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ. САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ ПО ХРОНОЛОГИИ ГЕРОИНИ БОККАЧЧО — КОРОЛЕВА СИЦИЛИИ КОНСТАНЦИЯ (1154–1198) И КОРОЛЕВА НЕАПОЛЯ ДЖОВАННА I (1325–1382). ЭКЗЕМПЛЯРЫ КНИГИ ОБИЛЬНО ИЛЛЮСТРИРОВАЛИСЬ ПОРТРЕТАМИ УПОМЯНУТЫХ ДАМ. В ПОСЛЕДУЮЩИЕ СТОЛЕТИЯ КНИГА СИЛЬНО «НАБУХЛА», ТАК КАК ЧИТАТЕЛИ И ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ ТРЕБОВАЛИ НОВЫХ, БОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫХ
ГЕРОИНЬ. К АНТИЧНЫМ ЦАРИЦАМ УСИЛИЯМИ ИЗДАТЕЛЕЙ ДОБАВИЛИСЬ СОВРЕМЕННЫЕ КОРОЛЕВЫ И ДЕЯТЕЛЬНИЦЫ ЦЕРКВИ, А ТАКЖЕ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ. ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЕРСИЯ ДЖАКОМО ФИЛИППИ ФОРЕСТИ, ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАННАЯ В ВЕНЕЦИИ В 1483 ГОДУ,

ВКЛЮЧАЛА УЖЕ 194 ПЕРСОНАЛИИ.

Верона, 1418 год

Бьянка жила в Вероне. Невысокая, с голосом, нежным как лютня, она была замужем за аристократом, чей род обитал в городе уже полтысячелетия. Семья владела парой небольших поселений неподалеку. Муж Леонардо часто перевозил их из одного поместья в другое. Бьянка была постоянно беременна. Она любила смотреть в окно на восхитительные сады с фонтанами, слушать мальчиков-певцов и читать рыцарские романы.

Особенно ей нравились истории о рыцарях Круглого Стола: их любовь к Прекрасной Даме, а порой и к Belle dame sans merci, всегда так восхитительна и чиста. А тут, дома, в Вероне, все любовные истории обязательно кровавы.

Вот, например, знаменитая история о веронских влюбленных, которой нет печальнее на свете: старая нянюшка ее мужа, сидя у камина, как-то поведала Бьянке, что случилось с сестрой его деда. Девушка из хорошей, приличной семьи гибеллинов влюбилась в молодого гуляку из гвельфов и начала тайком с ним встречаться. К ней посватался герцог, и родители, не зная о секретной страсти дочери, решили отдать ему ее

руку. Назначили дату свадьбы.

Но тут тело герцога, пронзенное двадцатью шестью ударами кинжала, нашли на пороге дворца родителей юноши — вот этого самого дома, где жила теперь Бьянка. Брат герцога был очень расстроен этой смертью. Арестовали всех; открылось, что у невесты был тайный возлюбленный. Молодую пару приволокли в казематы. Они ни в чем не признались и умерли под пытками. Родителей обоих возлюбленных, глав достопочтенных родов Ногарола и Малеспина, лишь немного потянули на дыбе, а потом отпустили по домам. Истина так и осталась невыясненной: кто же убил герцога? Поговаривали, что приказ отдал его брат, тот самый, который затем так усердствовал в выяснении правды. Этого Скалигера потом зарезали в переулке. Гибеллинская семья Ногарола и гвельфская Малеспина после этого помирились — загадочно улыбаясь, добавляла в конце рассказа нянюшка.

Бьянка, супруга Леонардо Ногарола, морщилась. Она не любила истории о дыбах и колесованиях. Двух из своих дочерей она назвала в честь героинь любимых книг — королевы Гвиневры и королевы Изольды. Девочек крестили по-итальянски — Джиневрой и Изоттой. Тогда,

готовясь к празднику крестин, в радости от пусть недолгого, но перерыва между беременностями, Бьянка затянулась

Так называемый «Дом Ромео» в Вероне.

ОДНО ИЗ САМЫХ СТАРИННЫХ ЗДАНИЙ, СОХРАНИВШИХСЯ В ВЕРОНЕ, ПОКАЗЫВАЮТ ТУРИСТАМ КАК «ДОМ РОМЕО». НА САМОМ ДЕЛЕ В ЭПОХУ, КОГДА ПРОИСХОДЯТ СОБЫТИЯ ПЬЕСЫ, ОН ПРИНАДЛЕЖАЛ СЕМЬЕ НОГАРОЛА. В 1381 ГОДУ НА ПОРОГЕ ЭТОГО ДОМА БЫЛ УБИТ СОПРАВИТЕЛЬ ВЕРОНЫ БАРТОЛОМЕО II ДЕЛЛА СКАЛА, В ЧЕМ ЕГО БРАТОМ-СОПРАВИТЕЛЕМ АНТОНИО (ВЕРОЯТНО, НАСТОЯЩИМ ЗАКАЗЧИКОМ УБИЙСТВА) БЫЛИ ОБВИНЕНЫ ЧЛЕНЫ СЕМЬИ НОГАРОЛА. ИХ ИМУЩЕСТВО БЫЛО КОНФИСКОВАНО. ТАКЖЕ ПОСТРАДАЛА СЕМЬЯ МАЛЕСПИНА. ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ НЕ ОЧЕНЬ ЯСНЫ, ОДНАКО ИЗВЕСТНО, ЧТО АНТОНИО ДЕЛЛА СКАЛА УМЕР СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ ПРИ НЕВЫЯСНЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ.

Молодая мать отвлеклась от пасмурных мыслей и отложила «Рыцаря в тележке» Кретьена де Труа. Она услышала шум кареты: прибыли гости. На новорожденную Изотту приехала посмотреть красотка графиня Анжела д’Арко Ногарола, сестра мужа.

Бьянка испытывала к золовке странное чувство — уважала ее и жгуче завидовала. Саму Бьянку,

как и положено благопристойной девушке, обучили лишь читать, писать да чтить Священное Писание, да еще вышиванию. А графиня Анжела еще в юности отлично выучила латинский язык и столько всего прочитала из язычников и отцов церкви, что Бьянке и представить было страшно. Еще Анжела разбиралась в философии и астрономии, и когда она разговаривала с братом Бьянки кардиналом Борромео, тот терялся от ее эрудиции и потом порой лишь шептал за домашним ужином над откормленным каплуном:

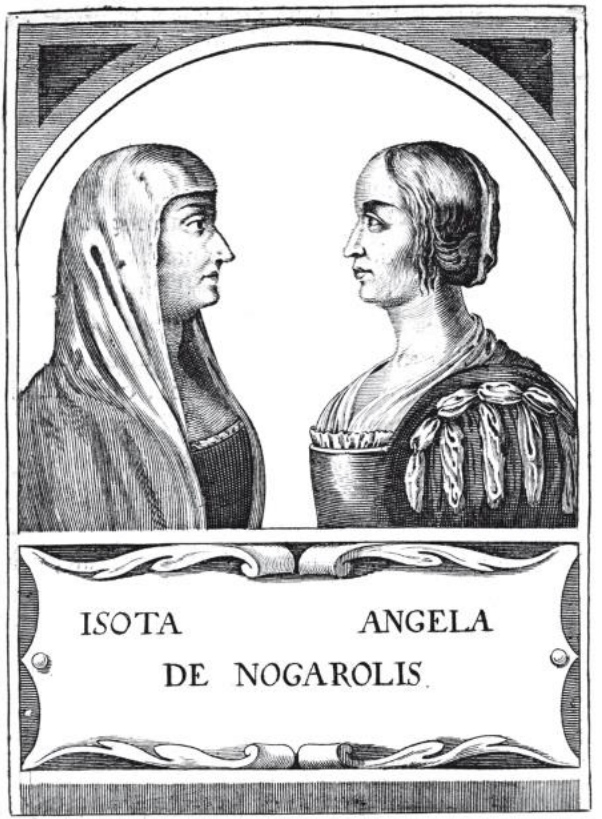
— Уж не знаю, право, прилично ли женщине иметь такое образование!

Бьянка отдала бы все на свете, чтобы то же самое сказали про нее.

Еще графиня Анжела сочиняла стихи — разумеется, на латыни, причем такие правильные и изящные, что, когда она послала одно из своих произведений Никколо де Фачино, тот ответил ей, что неприлично воровать чужие тексты и выдавать их за свои. Анжела тогда очень разозлилась: «Неужели они думают, что женщина неспособна хорошо сочинять!» Она отправила Никколо второе стихотворение — столь же безупречное по грамматике и ямбам, опровергая в нем это обвинение. Сеньор де Фачино прочел его,

отказался от мелькнувшей было мысли, что в доме госпожи графини обитает какой-то схоласт, успевший в три часа написать за нее эти отличные строки, и нехотя признал, что ошибся.

Анжела не была человеком мелочным, но в тот вечер, получив ответное послание с извинениями, она устроила небольшой праздник. Надела новое золотое платье из турецкого атласа, подаренное на свадьбу драгоценное ожерелье из индийского жемчуга размером с вишню и с римской резной инталией из трехслойного медового оникса с двойным профилем Германика и Агриппины, приказала украсить залу гирляндами тубероз, пригласила музыкантов и устроила себе с друзьями и супругом торжественный ужин.



Анонимный гравер. «Изотта и Анжела Ногарола». Иллюстрация из книги Джакомо Филиппо Томазини «Elogia Virorum Literis & Sapientia

Illustrium … imaginibus exornata» (Падуя, Sebastiano Sardi, 1644)

ПОСКОЛЬКУ ИЗОТТА НОГАРОЛА БЫЛА ДОСТАТОЧНО ПОПУЛЯРНА, ЕЕ ПОРТРЕТ, ПУСТЬ И ВЫМЫШЛЕННЫЙ, ТРЕБОВАЛСЯ ЧИТАТЕЛЯМ. СФОРМИРОВАЛАСЬ ИКОНОГРАФИЯ, ВДОХНОВЛЕННАЯ ИЗВЕСТНЫМИ ЧЕРТАМИ ЕЕ ХАРАКТЕРА — СКРОМНО ОДЕТАЯ ЖЕНЩИНА С ГОЛОВНЫМ ПОКРЫВАЛОМ, НАПОМИНАЮЩИМ МОНАШЕСКОЕ. ПОРТРЕТ ПРОФИЛЬНЫЙ, ТАК КАК ИМЕННО ЭТА ПОЗА АССОЦИИРУЕТСЯ С XIV ВЕКОМ. В ДАННОЙ КНИГЕ В ПАРУ ЕЙ ДАЛИ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕЕ ТЕТКИ ПОЭТЕССЫ АНЖЕЛЫ НОГАРОЛА, ТАКЖЕ ВЫМЫШЛЕННОЕ: ДАМА, РОДИВШАЯСЯ В 1380 И УМЕРШАЯ В 1436 ГОДУ, ИЗОБРАЖЕНА ОДЕТОЙ ПО МОДЕ XVI ВЕКА. ЭТОТ АНАХРОНИЗМ ПОЗВОЛЯЕТ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ДАННАЯ ГРАВЮРА 1644 ГОДА БЫЛА СКОПИРОВАНА С РАБОТЫ ИМЕННО XVI ВЕКА. АНЖЕЛА ПО ЗАМЫСЛУ ХУДОЖНИКА ОДЕТА БОЛЕЕ РОСКОШНО, ТАК КАК, В ОТЛИЧИЕ ОТ ПЛЕМЯННИЦЫ, ОНА БЫЛА ЗАМУЖНЕЙ ДАМОЙ, ГРАФИНЕЙ И ВЕЛА ПУБЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ. ОДЕЖДА ПОДЧЕРКИВАЕТ РАЗНИЦУ МЕЖДУ РОДСТВЕННИЦАМИ.

СУЩЕСТВУЮТ КАРТИНЫ МАСЛОМ, ПОВТОРЯЮЩИЕ ЭТИ

ГРАВИРОВАННЫЕ ПРОФИЛИ. СУДЯ ПО НИЗКОМУ УРОВНЮ И ДАТИРОВКЕ, ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ БАНАЛЬНЫМИ РАСКРАШЕННЫМИ КОПИЯМИ ГРАВЮР. ПОДОБНЫЙ МЕТОД НАПОЛНЕНИЯ ПОРТРЕТНЫХ ГАЛЕРЕЙ БЫЛ ДОСТАТОЧНО РАСПРОСТРАНЕН В XVII–XVIII ВЕКАХ.

О, Бьянка хорошо помнила тот день, когда ее муж получил от сестры письмо с рассказом о той маленькой победе! О да, она отлично помнила — младенец Леонардо тогда маялся животиком, и она провела полночи, утешая рыдающего от боли ребенка, пока служанка едва успевала менять пахучие пеленки. А Леонардо-старший, перед тем как лечь спать в пустую без жены постель, зашел в детскую и зачитал письмо сестры усталой Бьянке. Он похлопывал себя по ляжкам, затянутым в малиновые шоссы, гордо улыбался и приговаривал:

— Да, пусть другие учат своих дочерей по Псалтырю и «Золотой Легенде» епископа Якопо — в моем роду девочки всегда блистали! Ты не читала сочинения сестры моего прапрадедушки, Антонии? Она тоже писала прекрасные стихи.

Он утащил с чеканного блюда виноградинку и отправился спать. Леонардо-младший срыгнул и засучил ножками.

В следующий вторник Бьянка отыскала в библиотеке манускрипт Антонии Ногарола, в замужестве Боннакольто, родившейся сто лет назад. И, униженная, быстро поставила его на место — покойная сеньора тоже писала на латыни. Бьянка смогла лишь разобрать, что там было что-то о смертных грехах, любви и, кажется, о библейской Агари. Вечером она сидела в своем любимом кресле, печально взирая на огонь в камине. И даже отличная глава из совершенно нового романа (Гверино по прозвищу Горемыка, влюбившись в принцессу Элисену, решается анонимно принять участие в турнире и, конечно же, одерживает победу, разбив турецких принцев Торидно и Пинамонте), так вот, даже эта великолепная сцена не пробуждает интереса в Бьянке и, если честно, даже кажется ей редкостной глупостью. Далматский дог лижет руку грустной хозяйки и выпрашивает у нее кусочек прозрачного карпаччо.

* * *

В 1425 году Леонардо Ногарола, возвращаясь с соколиной охоты, падает с лошади и разбивает голову. Бьянка остается обеспеченной вдовой. У нее семеро живых детей и три маленькие мо-

гилки на семейном кладбище. Она больше не пахнет летними ягодами и много молчит. Голова ее тщательно прикрыта черным покрывалом: не видно ни волоска. Алые парчовые корсажи спрятаны по сундукам.

Через две недели после похорон мужа Бьянка отправляется положить на его надгробие букет галльских роз. Возвращаясь домой, она опирается на руку старого слуги. Она чувствует себя разбитой и усталой, ей кажется, что голова ее полна тумана от повторов requiem aetemam dona eis, Domine.

Дома ее встречают притихшие дети. Самому старшему из них, Лодовико, двенадцать. Он старательно держит осанку и пытается гордо нести голову, но его глаза блестят слезами волнения — мальчик знает, что теперь он глава рода. Девочки в длинных темных платьицах безмолвной кучкой толпятся в углу: заплаканная Лаура перебирает сандаловые четки, которые подарила ей бабушка Борромео; Джиневра и Изотта шепчутся о новой кукле. Их пухлые детские лица кажутся матери глупыми, как рыцарский роман, и неуместно безмятежными.

Бьянка бросает на дочерей внимательный взгляд. Прислушивается к тому, что рассказывает

ей о своих уроках Леонардо-младший (после смерти отца — единственный), которого они решили готовить к духовному поприщу. Задумывается. Потом просит сына позвать учителя.

Маттео Боссо спускается к госпоже Ногарола из детских комнат. После короткой беседы он узнает, что жалование увеличилось вдвое. Это приятная новость; но тот факт, что теперь ему нужно учить и девочек, удивляет его гораздо сильнее. Он пытается объяснить, что древние языки и литература — слишком сложный для дамского ума предмет. Бьянка с неосознаваемым ею самой злорадством дает ему почитать сочинения графини Анжелы д'Арко Ногарола и синьоры Антонии Ногарола, в замужестве Боннакольто, и нежным голосом просит высказать свое мнение об их трудах. Еще она прибавляет, что дать дочерям прекрасное образование было желанием ее покойного супруга, и она обязана ему следовать.

Со следующей недели к юным Леонардо, Лодовико и Антонио за партами присоединяются Лаура, Изотта и Джиневра. Только малолетняя Бартоломмея пока наслаждается свободой. Дети учат латынь и греческий и днями напролет читают классиков. Девочки зачитываются «Книгой о граде женском» Кристины Пизанской, этот

сборник биографий нравится им больше, чем похожая книжка Боккаччо.

Вечереет. Бьянка и старая нянюшка сидят у камина в восточной гостиной и совещаются. Тема разговора — юная Лаура.

Ей тринадцать, и она уже вошла в пору замужества. Красотой и статью она пошла в тетку графиню Анжелу, а вот головой, увы, в кого-то другого. Грудь у нее день ото дня наливается так, что шнуровка платьев то и дело грозит лопнуть, а глазища блестят совершенно непристойно. Мальчишки посыльные сворачивают шею, когда она идет по улице: такой волнующе охальной стала ее походка.

— Слава Мадонне, я спрятала от детей все те глупые романы, которыми зачитывалась, — приговаривает Бьянка, — А то, кто знает, что творилось бы сейчас у нее в голове?

На совет призывают Маттео Боссо, который признает, что Лаура в науках не блистает. Через некоторое время Лауру выдают замуж за Кристофоро Пеллегрини — состоятельного, молодого и здоровущего. Бьянка при выборе жениха особенно настаивает на двух последних пунктах: у нее быстрый ум и большая наблюдательность, поэтому она отказывает двум другим веронским

сеньорам не первой свежести, волнуясь за их здоровье и предчувствуя, что супругу рослой Лауры придется выкладываться ночами по полной, чтобы жена по утрам оставалась добродушной и не заглядывалась на конюхов.

Проходит несколько лет. Сеньор Маттео увольняется: какие-то семейные обстоятельства да вдобавок слабые нервы — у Джиневры и Изотты начинает расти грудь, а он и так с трудом выдержал Лауру. Взамен нанимают Мартино Рицциони из падуанского университета. Он тоже веронец; эрудирован, чуть сутулится, обожает устрицы с лимонным соком и не одобряет учение Савонаролы. Бьянке нет дела ни до устриц, ни до Савонаролы — ее заинтересовало то, что молодой человек ходит в учениках у их знаменитого соотечественника Гуарино по прозванию «Веронец».

Новый учитель Мартино Рицциони приятно обрадован уровнем подготовки своих учеников: продолжать занятия оставили только троих, умненьких Леонардо, Джиневру и Изотту. Иногда, впрочем, приводят уже подросшую Бартоломмею — мать сама учит ее азбуке, но считает, что ребенку полезно посмотреть на занятия старших. На уроках Бартоломмея, как кошка, крутит головой от звуков незнакомой речи.

Маттео де Пасти. «Портрет Гуарино да Верона». Ок. 1446 г. Национальная галерея искусств (Вашингтон)

ДЛЯ ОБРАЗОВАННОГО ИТАЛЬЯНЦА СЕРЕДИНЫ XV ВЕКА ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАПЕЧАТЛЕТЬ СВОЙ ОБЛИК В ВИДЕ ЧЕКАННОГО ПРОФИЛЯ НА

МЕДАЛИ БЫЛА ГОРАЗДО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЕЙ, ЧЕМ ЖИВОПИСНЫЙ ПОРТРЕТ. ПОСЛЕДНИЙ ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ПОКА ЧТО АССОЦИИРОВАЛСЯ С РАЗЛИЧНЫМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ЦЕРЕМОНИЯМИ, А ТАКЖЕ С БРАКОМ, ПОМОЛВКОЙ И Т. Д. МЕДАЛЬ ЖЕ ИМЕЛА ОТЧЕТЛИВЫЙ ПРИВКУС АНТИЧНОГО ГЕРОИЗМА, ВОСПЕВАНИЯ ИЗОБРАЖЕННОГО ПО ТРАДИЦИЯМ ДРЕВНИХ.

ПЕРВУЮ РЕНЕССАНСНУЮ МЕДАЛЬ В 1438 ГОДУ ОТЧЕКАНИЛ ПИЗАНЕЛЛО, ОНА ИЗОБРАЖАЛА ПРЕДПОСЛЕДНЕГО ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ИОАННА VIII ПАЛЕОЛОГА, ЧЕЙ ВИЗИТ И НЕОБЫЧНЫЙ ОБЛИК ВЕСЬМА ПОРАЗИЛИ ИТАЛЬЯНЦЕВ. СРАЗУ ПОСЛЕ ЭТОГО МОДА ПОРТРЕТИРОВАТЬ СВОИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННИКОВ НА МЕДАЛЯХ СТАЛА ПОВСЕМЕСТНОЙ. А НАЧИНАЯ С 1500-Х ГОДОВ, В ЕВРОПЕ ВОЗРОДИТСЯ АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ ЧЕКАНИТЬ ПРОФИЛИ МОНАРХОВ НА МОНЕТАХ — ОНА КАЖЕТСЯ НАМ ТАКОЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ, НО НЕ СУЩЕСТВОВАЛА ПОЧТИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ.

Мартино Риччони разглядывает подростков. С Леонардо они мгновенно находят общий язык: он сам несколько лет назад был таким же — юным и алчущим, наслаждающимся красотой, которую

можно отыскать в «Метаморфозах» и «Золотом осле». Через пару годков, думает Мартино, если задержусь на этой должности, можно будет брать мальчика с собой в академию.

С его сестрами труднее. Мартино, разумеется, в первую очередь увидел в них женщин. Обе они скоро станут красавицами. Джиневра тонкая, с белоснежной кожей и голубыми, как Адриатическое море, глазами. Русые волосы уложены в корону из кос, под их тяжестью хрупкая шея сгибается лебедем. Бирюзовое платье, вышитое серебром, облегает формирующуюся фигуру. Характер у Джиневры легкий и смешливый; любовь к знаниям — огромная, и стихи на латыни она складывает приятные. Спокойная Изотта рифмами не балуется. «Чувства у меня получаются ненастоящие», — объясняет она новому педагогу. Зато у нее лучше память и больше усидчивости. Она пониже ростом, хоть и постарше возрастом. Решительный подбородок делает ее лицо похожей на мраморных домин императорского Рима. И ее юная кожа, совсем как белоснежный мрамор, лучится на солнце.

Мартино, окинув ее взглядом знатока (хотя пока в этом молодчике больше позы, чем настоящего жизненного опыта), предсказывает про

себя, что когда Изотта войдет в пору девичества и тело ее округлится, то эти округлости начнут сводить с ума всех представителей мужского пола в квартале. (Это у них семейное: замужняя Лаура — точно такая же). Изотта, впрочем, при этом очень замкнута, застенчива и любит читать по ночам, тайком зажигая свечу. У нее изумительной формы губы — в очертаниях купидонова лука, и на щеках — ямочки. Терракотовое платье идет к ее сдержанности.

Мартино никогда не встречал женщин, которые любили бы науки так же сильно, как сестры Ногарола, и которые владели бы ими так же глубоко. Вполне естественно, что он начинает относиться к своим ученицам как к нормальным людям (то есть как к мальчикам) и давать им науки точно так же, как он дает их брату Леонардо.

Вечером Мартино Риццони, размахивая кубком с подогретым вином со специями, рассказывает новой хозяйке о своем мастере:

— О, как велик Гуарино Веронец! Он первый из итальянских ученых, выучивших древнегреческий! Чтобы сделать это, он отплыл в далекий Константинополь и оставался в городе даже во время осады турками, питаясь собаками и подошвами сапог — лишь бы не прерывать изучения

наук. А затем, — рисовал умопомрачительные картины красноречивый Мартино, — он повез в Верону множество античных рукописей и вдобавок грека-учителя Мануила Хризолора. Но тут налетела буря! Треснув по швам, галера начала разваливаться. К счастью, он сумел спасти свои свитки. Но один из них, весьма ценный, все же пропал, и Гуарино поседел всего за одну ночь!

Нянюшка охает.

— Это потому, что он «гуманист», — объясняет Мартино ученикам. — Это значит, что он положил все свои силы и всю свою энергию на изучение studia humanitatis, то есть на познание античной учености и всех тех классических наук, которые делают человека лучше и умнее. Государи Италии смотрят Гуарино в рот и ловят, что он скажет, — так велико в эти дни уважение к тем, кто владеет античной ученостью. Рассказывают, например, что недавно папа Пий был избран нашим новым понтификом лишь потому, что произнес на похоронах своего предшественника великолепную импровизированную латинскую речь — и этим всех поразил.

— Изотта, — спрашивает мать, — а ты можешь разговаривать на латыни так же легко, как на итальянском?

— Да, конечно, — отвечает та, — на уроках мы только на ней и говорим. А по четвергам и пятницам — на греческом, но это гораздо труднее.

Теперь подростки Ногарола читают не только классиков. Мартино приносит им труды современных гуманистов: речи, диалоги, эпистолы. Вчера они зачитывали «Послание Гвидо Сетте, архиепископу Генуэзскому, о том, как меняются времена» сеньора Петрарки — оно написано элегантным слогом и, как и все эпистолы Ренессанса, предназначено не для одного адресата, а для всей читающей публики. (Сам Петрарка, как это было принято, отсылая письмо, снимал 20–30 копий и передавал своим друзьям).

В 1434 году Изотте исполняется шестнадцать лет. В солнечной Флоренции монах, прозванный Анжелико, золотыми красками с лазурью рисует «Коронование Мадонны», а император Священной Римской Империи Сигизмунд I Люксембург, надев бобровую шапку, позирует какому-то живописцу; наутро в сопровождении телохранителей он отправится стрелять из лука мятежников-таборитов.

Риццони все так же проводит дни в преподавании, а вечера — в тенистых садах академии.

Джиневра пишет превосходные стихи, которые

с каждым разом становятся все лучше и лучше. Эрудиты, друзья Риццони, хвалят их.

— Еще бы, я помню, как отлично сочиняла ее тетка Анжела Ногарола! В этом роду женщины всегда блистали. Джиневра от нее не отстает, а по-моему, даже превосходит! — произносит один из них.

Риццони мимоходом упоминает на следующий день об этой похвале при Бьянке.

Через полчаса впервые со дня смерти мужа она снимает траур. Увы, годы берут свое: любимый алый корсаж на ней не сошелся.

Поэтому Бьянка посылает за лучшей веронской портнихой.

* * *

У Изотты все так же не выходят рифмованные строчки. Зато ее познания классиков и современников начинают опережать Джиневру. Потихоньку она упражняется в жанре эпистол. Она хочет, чтобы о ней говорили с таким же восторгом, как о Гуарино, она хочет заслужить честь и славу своими знаниями.

Изотта пишет «письма» в ящик своего новенького письменного стола из палисандрового дерева, инкрустированного перламутром со сце-

нами из «Энеиды». Они «адресуются» правителю Вероны, дожу Венеции, папе римскому, Сократу, Аристотелю — мелочиться неинтересно.

Мартино читает их по праву ментора: их тропы, метафоры и эпитеты уместны, выверены и любопытны. Да, Изотта выучилась высокому стилю.

Одно из подобных писем адресовано Эрмолао Барбаро Старшему. В нем, как и положено тексту в жанре гуманистической эпистолы, коротенько (страниц на пять) в превосходных степенях описывается, сколь велика ученость Эрмолао, как уважает его за нее Изотта, употребляется сравнение с Ахиллом и Александром, и завершается это послание еще несколькими превосходными степенями.

— Как красиво, — причмокивает Мартино. — Пожалуй, и я бы не написал лучше! Кстати, ты знаешь, что Барбаро уже несколько дней как гостит у своих друзей в Вероне? Я видел его вчера вечером у сеньора Гуарино.

Вечером следующего дня Мартино письма к Барбаро в столе Изотты не нашел бы. Зато через несколько дней в академии сеньор Эрмолао оказывает ему честь, расспрашивая об Изотте, в доме которой он изволит служить.

— Сколь великолепно образованная дама, —

произносит Эрмолао, — в ее латыни ни следа volgare. И сколько достоинства в речи — и при этом сколько уважения! Я потратил целый вечер, чтобы написать достойный этой донны ответ. Удивительно — женщина, и при этом так умна!

В течение следующего года Изотта начинает обмениваться письмами еще с рядом ученых из различных городов Италии. Как и положено, с ее писем и ответов ее адресатов делаются десятки копий, которые распространяются среди читающей публики. Все изумляются: «Женщина — и так умна!». А Изотта еще слишком молода, чтобы почувствовать в их речи тот оттенок изумления, который появляется, когда говорят об ученой обезьяне.

Ее имя начинает становиться известным. Мария делла Скала, женщина с тонкими губами и рыжеватыми кудельками, дожидается Бьянку после мессы на ступенях собора. Она по-змеиному шипит:

— Что же вы, сеньора Бьянка, позволяете своей Изотте так себя по-мужски вести? Непотребство это! Срам! Приличная девица переписывается только с родичами!

Бьянка готова поклясться, что ни у одного мужчины она не видала такого огромного адамового

яблока, как у этой дамы. Месяц за месяцем Бьянка слышит, что шепотки по поводу ее дочери не стихают.

Однажды Изотте передают, что великий Гуарино отозвался о ней с похвалой.

— Так ли это? — спрашивает она у Мартино.

Тот отвечает, что его при этом не было, но прочие говорят, что так и было — да, отозвался.

Изотта начинает очередную выверенную эпистолу, адресуя ее Гуарино да Верона. Ей немного страшно — ведь он столь велик и пренебрегает даже просьбами Висконти и Медичи, которые зовут его к своим дворам. Только маркизу Сигизмондо д'Эсте удалось уговорить его приехать в Феррару учить бастарда Леонелло. Ее латинская речь красива и точна. С послания Изотты, как обычно, снимаются копии, которые отдают на сторону.

Оригинал она запечатывает красным сургучом.

Посыльный с мускулистыми икрами, обтянутыми лиловыми кальцони, берет письмо и уходит. Изотта садится перечитывать Вергилия. Она волнуется.

Гуарино не отвечает ни на следующий день, ни через неделю. Когда Бьянка с дочерьми стоит

службу в день Воскресения Господня, она видит, как толпа надменных замужних веронок в золотой парче перешептывается и показывает на Изотту пальцем. Мария делла Скала метает ядовитые взгляды, и Бьянке через весь неф слышно, как та шипит, рассказывая перезрелой супруге венецианского посланника о том, как позорно ведет себя Изотта.

* * *

Гуарино не отвечает ни через две недели, ни через месяц. Веронские матроны пытаются завести обычай заглядывать к мадонне Бьянке в гости и спрашивать нежным голосом: «Ну как наш великий гуманист? Сеньорина Изотта все еще в ожидании ответного послания?» После третьей такой посетительницы мажордом заявляет всем, что хозяйки нет дома, а дочери не принимают. Бьянка со свинцовым карандашом укорачивает свой обширный список рождественских подарков.

Униженная Изотта сидит в своей комнате и плачет. Ей кажется, что вскоре в письмах ее собеседников начнут проскальзывать ноты: «Раз она женщина, то действительно не может быть уж настолько умна!»

Гуарино не отвечает ни через три месяца, ни через полгода.

Собравшись с духом, 18-летняя Изотта пишет ему второе письмо. Там есть строки, которых она потом станет стыдиться.

«Для чего я родилась в числе женщин, которых мужчины презирают на словах и на деле? В одиночестве терзаюсь я этим вопросом. Ваша несправедливость в отказе отвечать мне причинила мне столь много страданий, что их не может быть больше…»

Посыльный, щеголяя мускулистыми икрами, обтянутыми бирюзовыми кальцони удаляется, унося ее эпистолу.

Гуарино отвечает в тот же день.

«В своих словах, синьорина, Вы проявляете себя столь покинутой духом и столь смиренной — и столь женщиной, что я не в силах больше сказать, что Вы все еще соответствуете моему мнению, ранее высокому, относительно Вас… Сотворите в душе своей мужчину! Если ж нет, то лучше забудьте о studia humanitatis».

Изотта унижена и плачет. Назавтра надо идти на службу в честь Усекновения главы Иоанна Крестителя, но утром ей кажется, что от слез распухли даже ее стопы и не могут влезь в расшитые

жемчугом туфли.

В комнату вбегает расстроенный Мартино Рицони. У него в руках список письма от Гуарино к Изотте — зловредный гуманист не ограничился одной копией.

— Это что, прочитал весь город?! — в ужасе восклицает девушка.

Мартино не в силах отвечать.

Бьянка, вся в алом, вместе с дочерьми Джиневрой, Изоттой и Бартоломмеей, сыновьями Лодовико и Антонио, невесткой Чечилией и двумя внуками — Лодовико-младшим и Бартоломмео, в сопровождении слуг, гордо подняв голову, спокойной поступью идет в собор и отстаивает всю службу. (Нет одного Леонардо — он принял постриг и сейчас в Ватикане).

— В этой толпе Ногарол нашу великую схоластку и не разглядеть-то, — жалуются друг другу замужние веронки.

Эпистолы Гуарино они не читали, да и латынь им не разобрать, но матронам уже растолковали, что надменную девицу поставили на место, ткнули лицом в грязь.

Спустя пару недель к Джиневре сватается граф Бруноро Гамбара из Брешии, аристократ и кондотьер. Юная поэтесса беседует с ним несколько

раз в присутствии матери. Он образован, хорош собой, не беден. Прошлой весной он читал стихи Джиневры и, попав в Верону, решил удовлетворить свое любопытство, увидев автора. А увидев, решил отдать ей свое сердце.

Венчаются в небольшой церкви Святой Цецилии неподалеку от дворца Ногарола. Через три дня Бьянка с тремя оставшимися неженатыми детьми — Изоттой, Бартоломмеей и Антонио, а также с нянюшкой и любимым далматским догом уезжают из города.

Мартино Риццоне дают расчет.

Действительно, время смурное: говорят, будет чума — трупы на улицах уже находят, да и Милан с Венецией, как гласят сплетни, собираются повоевать за родную Верону. Впрочем, это лишь тот повод, о котором в семье говорят вслух. Изотта знает, что ее щадит вся семья. А Бьянке хочется, чтобы кто-нибудь пощадил, наконец, и ее саму: быть матерью — работа тяжелая.

Цель путешествия — Венеция. Год назад старшая дочь Бьянки, Лаура, внезапно овдовела (как ни тщательно выбирала ей мать мужа, тот все равно надорвался). Вторично она умудрилась выйти замуж за будущего венецианского дожа Николо Троно.

Бьянка снимает дворец, неподалеку от дома Троно и поселяется в нем с детьми. Они остаются там на три года.

Она сидит в своей гостиной с видом на Гран Канале в раздумьях: Бартоломмею выдавать замуж еще рано, Изотту она б и выдала, да все никак не получается.

— Вроде бы все при ней, — размышляет вслух Бьянка, обращаясь к нянюшке. — Внешностью один в один со старшей сестрой Лаурой — лицо прекрасно, отличный цвет волос, мраморная кожа, формы как у олимпийских богинь… я теперь все знаю про олимпийских богинь — дети читали мне уроки, знаешь — интересней, чем про рыцарей. Но если Лаура, открывая рот, произносит что-то милое, женское, а потом взирает взглядом с поволокой — и говорить больше уже ничего не требуется, то Изотта сражает своим умом. А для женщин это вредно — красоту уже никто не видит.

Нянюшка кивает. Новый зять, граф Гамбара, послушав Изотту пятнадцать минут, сбежал в ошеломлении, заработав, пожалуй, некоторое чувство неуверенности в своем интеллекте. Второй новый зять, Николо Троно, человек потактичней — недаром будущий дож, подарил ей

«Географию» Страбона, а теще Бьянке — несколько отрезов яркой ткани из Константинополя. Обе были рады своим подаркам.

— Но я же ее в два раза старше! — восклицает, разговаривая сама с собой Бьянка за примеркой платья из новой материи, пока Изотта перелистывает страницы.

Бьянка беспокоится за дочь. А женихи вокруг той все не вьются…

OBSE·LEGEST·AVG·RP
P C N V A V

Альвизе Виварини. «Триумфальная арка дожа Николо Троно».
1471–1473 гг. Галерея Академии (Венеция)

АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ, СОЗДАННАЯ, СКОРЕЕ ВСЕГО, В ЧЕСТЬ ИЗБРАНИЯ НИКОЛО ТРОНО ДОЖЕМ ВЕНЕЦИИ. ЕГО СОБСТВЕННЫЙ ГЕРБ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫЙ ДВУМЯ ПУТТИ (АНГЕЛОЧКАМИ) И НАКРЫТЫЙ ШАПКОЙ ДОЖА, ВЕНЧАЕТ АРКУ. ТРИ ГЕРБА ВНИЗУ ОТНОСЯТСЯ К ТРЕМ МАГИСТРАТАМ. ОТДЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС, УЧИТЫВАЯ, ЧТО ПЕЙЗАЖНЫЙ ЖАНР В ЭТУ ЭПОХУ ЕЩЕ НЕ ЗАРОДИЛСЯ, ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВЫМЫШЛЕННЫЙ ЛАНДШАФТ С РЕКОЙ И ГОРАМИ, РАЗВОРАЧИВАЮЩИЙСЯ НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ.

Первый год их жизни в Венеции испортили соотечественники-веронцы. Лаура ходила беременная, и от нее правду скрыли, и Бартоломмее всего тринадцать. А вот остальные дети Бьянки в Венеции пережили неприятные дни.

Пакет пришел с почтой.

Внутри — брошюра, подписана «Плиний». Открыли книгу — выяснилось, не Старший и не Младший, а псевдоним. Сочинение оказалось пасквилем, гадостью: Изотта, мол, спит со своим братом Антонио и со своей сестрой Бартолом-

меей («совокупляются усердно ночами и днями напролет, и в позе «лягушка», и «нога на шее», а еще в положении «цапля у дерева» и «гашение свечи», да так срамно, что и представить противно»). И Антонио вдобавок содомствует со всеми юными пажами в доме (а за мужеложство, между прочим, смертная казнь), и вообще, Изотта известная шлюха и опрокидывается на спину ради кого попало.

«И как в этом можно сомневаться? Почитайте ее послания, они так красноречивы! А уста девственниц скованы и красноречивыми не бывают».

Тираж у пасквиля был большой.

Венецианцы с любопытством читали эдакое про золовку самого Николо Троно. То, что оставалось от репутации Изотты после жесткой отповеди Гуарино, теперь оказалось развеянным на ветру. Что делать? Как жить дальше?

Возвращение на родину, в Верону, кажется Изотте немыслимым. Она чувствует себя опозоренной.

— Кто в Вероне ненавидит меня так сильно, чтобы написать эту мерзость? — спрашивает она мать, но Бьянка тоже качает головой в недоумении.

— Одно дело — рассказывать сплетни, — говорит она, — а написать текст, связываться с книгопечатником, рассылать тираж… так много усилий и расходов. Сколько же злобы в человеческом сердце!

— И за что? За что? — пока никто не видит, наедине с матерью Изотта может поплакать. — За то, что я женщина! Будь я мужчиной, меня бы за те же самые знания и попытки рассылать эпистолы превозносили бы и считали бы знаменитейшим уроженцем Вероны!

— Это так, — соглашается мать. — Родись ты мальчиком, за грубость осуждали бы гуманиста Гуарино. Давай задержимся в Венеции подольше. В Вероне чума — авось, тот, кто написал эту мерзость, один раз ошибется с водой из колодца, прости меня Господи.

— Я должна спрятаться, мама? Отсидеться? — Изотта поднимает глаза на Бьянку.

— Да. Либо слава, либо спокойствие души.

* * *

Через три года после позорного приказа Гуарино стать мужчиной, в лето 1441-е от Рождества Христова, после смерти сестры Лауры, в дождь, по размытой и разбитой лошадиными подковами

дороге, через давно не ремонтированную Арку Гави 23-летняя Изотта вместе с матерью возвращается домой, в Верону, после долгого отсутствия, надеясь, что о ней тут все забыли.

Антонио Риццо. «Монумент дожа Николо Троно». 1476 г. Собор Санта-Мария-Глорьоза-дей-Фрари (Венеция)

ВО ВРЕМЯ СВОЕГО 20-МЕСЯЧНОГО ПРАВЛЕНИЯ ТРОНО РЕФОРМИРОВАЛ ДЕНЕЖНУЮ СИСТЕМУ ВЕНЕЦИИ. СОГЛАСНО НОВОЙ МОДЕ НА ЧЕКАННЫЕ ПРОФИЛИ, ОН ПЕРВЫМ ИЗ ВЕНЕЦИАНСКИХ ДОЖЕЙ СТАЛ ИЗГОТАВЛИВАТЬ МОНЕТУ С СОБСТВЕННЫМ ПОРТРЕТОМ (ВЕНЕЦИАНЦЫ НЕ ОДОБРИЛИ ОБЫЧАЙ, КАК НЕРЕСПУБЛИКАНСКИЙ, И ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ НА МОНЕТАХ ПОЯВИЛАСЬ АБСТРАКТНАЯ ФИГУРА ЧЕЛОВЕКА В ОДЕЖДЕ ДОЖА).

ОН СКОНЧАЛСЯ В 1473 ГОДУ, ПОСЛЕ ЧЕГО ЕГО СЫН ФИЛИППО ЗАКАЗАЛ ЕМУ РОСКОШНЫЙ НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИК, ЗАНЯВШИЙ СТЕНУ ХРАМА НА ВСЮ ВЫСОТУ (ОДИН ИЗ САМЫХ ВЫСОКИХ В ИТАЛИИ). ПОКОЙНЫЙ ИЗОБРАЖЕН СТОЯЩИМ ПО ЦЕНТРУ ПЕРВОГО ЯРУСА — ЭТО ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ В ВЕНЕЦИИ, КОГДА ДОЖА ИЗОБРАЗИЛИ НА ЕГО НАДГРОБИИ ЕЩЕ ЖИВЫМ. ОСТАНКИ ДОЖА НАХОДЯТСЯ В САРКОФАГЕ НА ТРЕТЬЕМ УРОВНЕ, ВЫСТУПАЮЩЕМ, СЛОВНО БАЛКОН. ЕГО КРЫШКА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЕЩЕ ОДНО ИЗОБРАЖЕНИЕ ДОЖА, НА СЕЙ РАЗ УСОПШЕГО И ЛЕЖАЩЕГО (ТРАДИЦИОННАЯ

ИКОНОГРАФИЯ). ВСЕГО ПАМЯТНИК УКРАШЕН 22 СТАТУЯМИ — АЛЛЕГОРИЧЕСКИМИ И РЕЛИГИОЗНЫМИ.

Теперь она да молодой каноник Леонардо — единственные неженатые дети Бьянки. Про себя Бьянка уже поняла, что так все и останется. Недавно они заезжали к Джиневре, теперь графине Гамбара. Она постоянно беременна, живет в поместьях своего мужа, смотрит в окно на восхитительные итальянские сады и слушает мальчиков-певцов.

— Со дня свадьбы я не написала ни единой строфы, — признается своей сестре Джиневра с расплывшейся фигурой и оплывшим лицом. — У меня даже нет времени, чтобы читать книги.

Изотта уже с совсем другим ощущением смотрит на малолетних племянников, ползающих у ее ног. В комнате ее ожидает «О направлениях и названиях ветров» Аристотеля, который ей порекомендовал студент падуанского университета Лауро Квирини. Они познакомились в Венеции на почве studia humanitatis. Теперь Изотта переписывается только со знакомыми людьми и не снимает копий с писем.

Следующие десять лет Изотта живет вдвоем с матерью.

Все десять лет она ходит лишь в церковь и книжную лавку.

Она не пишет писем знаменитым ученым, она не принимает людей, приехавших в Верону посмотреть на редкую зверюшку — женщину-гуманистку. Она вообще никого не принимает из чужих: ни незнакомых, ни малознакомых — только лишь старых друзей и родню.

В дом не пускают бедных аристократов, желающих жениться на этой «старой деве» ради приданого, и представительниц женских монастырей, желающих заполучить ее ради него же.

— У нас очень тихо, — пытаются убедить ее клариссинки. — Вас никто не потревожит в ваших ученых занятиях. И никто больше никогда не осмелится сплетничать о вас.

Изотте этот довод неинтересен: вряд ли кто-нибудь скажет о ней, что она пьет кровь христианских младенцев. А все остальное о ней уже говорили. Ну а о нравах в женских монастырях она наслышана, от похоти там не скрыться.

Достопочтенная вдова, ее мать, может позволить себе яркие краски в нарядах — изумрудные и лазоревые, алые и пунцовые, хоть соседки и удивляются. Изотта одевается только в черное и коричневое. Когда она выходит на улицу, ее голо-

ва всегда тщательно прикрыта платом, похожим на монашеский.

Она и живет, как монашка — только не Христова невеста, а скорей платонова или тертуллианова. В сочинениях Отцов Церкви ее привлекает не их вера, а их логика. Она все дальше совершенствует свою латынь и греческий. Она обратилась от «низших дисциплин» (литературы и языков) к «высшим» (теологии и философии). Она читает Боэция, Аверроэса, Фому Аквинского, Амвросия Медиоланского и Блаженного Иеронима.

Она углубляется в такие дебри, где кружилась голова у многих до нее. Она настаивает на том, что является девственницей. Настойчиво подчеркивает, что осталась нетронутой и что ее красноречие и ум — действительно Божий дар и результат усердных занятий.

Десять лет, целых десять лет ее отрада — лишь манускрипты и фолианты. Она боится любого слова о себе, не только дурного, но даже хорошего, а раньше ей так хотелось славы; ей неудобно выходить на улицу, ведь там на нее показывают пальцем, а раньше она так любила мощеные веронские улочки и набережную Адидже.

Только за городом, в отеческом поместье Кастель д'Аццано, среди тщательно стриженых

итальянских садов и апельсиновых деревьев она не прячет взгляда и ходит, выпрямив спину. Она даже пишет о вилле стихи, вспоминая с любовью о сестре Джиневре и с грустью — о ее одиннадцати детях. Гекзаметры получаются удачные — Изотта сама удивляется этому. Впервые в жизни у нее получилось удачное стихотворение. С улыбкой она откладывает сладкие строчки в сторону и углубляется в трактат на философские темы. Управляющий безуспешно пытается узнать у нее, что госпожа желает на ужин.

Все эти десять лет рядом с ней Бьянка. Мать поддерживает решение Изотты оставаться незамужней и не уходить в монастырь, она обеспечивает ей материальную поддержку и обязывает делать то же самое своих сыновей, она слушает ее умные мысли и вытирает слезы. Вечерами они сидят у камина, читают, смеются. Изотта рассказывает матери о том, что интересного узнала у мертвых поэтов, а Бьянка держит ее в курсе того, что происходит в Вероне. Маленькая радость — любимая дочка зобастой Марии делла Скала забрюхатела от конюха.

Гостей, которые приходят поговорить с Изоттой о литературе, она принимает только в присутствии матери.

Потихоньку все плохое о ней забывается. Не за один год и не за два. Но ее поведение так достойно и настолько безупречно, что со временем она, непорочная дева-схоластка, исподволь восстанавливает свою репутацию.

Да и Гуарино давно уже нет в Вероне — он уехал в Феррару, учить Леонелло, великовозрастного бастарда маркиза д'Эсте, а когда тот унаследовал трон (вопреки закону), остался там жить и возрождать местный университет. На родину нос не кажет.

Изотту это не очень огорчает.

Со временем Изотту начинают уважать. Те, кто способен понять ее сочинения, отдают им должное; те, кто неспособен, — доверяют мнению первых. (Женщины молчат — это тоже достижение, возможное потому, что Изотта уже не так молода и красива, чтобы раздражать их, как бывало прежде).

Верона — небольшой город, и с тех пор, как Гуарино переехал, интеллектуальная жизнь тут поблекла. Когда в 1450 году веронскому посольству надо ехать в Рим, произносить собственноручно написанную речь на латыни доверяют самому образованному веронцу — Изотте Ногарола.

Ей 33 года, она преклоняет колена перед Его Свя-

тейшеством папой Николаем V, сегодня в честь праздника она оделась поярче — в терракотовое.

Годы затянули душевные раны, и Изотта стала спокойней и уверенней. Ей уже не так страшно. Она потихоньку начинает выходить из своего затворничества, искать новых знакомств.

Бьянка выходит под руку с дочерью на прогулку вдоль реки Адидже. Они раскланиваются со знакомыми, любуются на новые здания. Бьянка смеется и указывает дочери на радугу, появившуюся в небесах. На лице у нее морщины от улыбки. Изотта объясняет матери теорию «доктора Мирабилиса» — Роджера Бэкона о преломлении света.

Бьянка в свои годы почему-то всем кажется моложе серьезной Изотты.

В том же году в далекой Франции умирает прекрасногрудая Агнес Сорель, а в Риме обрушиваются перила моста Святого Ангела, ведущего к замку Архангела Михаила — в прошлом гробницы мужеложца Адриана. Сотни пилигримов падают в воду и погибают. Следующей весной венецианцы назначают в Верону нового подесту (наместника).

Его зовут Лодовико Фоскарини. Изотта не знает, как он изменит ее судьбу.

Это приятный, отлично образованный муж-

чина, он был послом в Милане, Генуе и Риме, наместником в разных венецианских владениях.

Изотта посылает новому подесте приветственное письмо на латыни, поздравляя с вступлением в должность, — обычное письмо, не эпистолу, хватит с нее.

Фоскарини слышал о ее учености, ему нравится ее слог. Он отвечает Изотте с уважением. Через некоторое время его приглашают в дом брата Изотты, где та сейчас проживает вместе с Бьянкой.

Они спорят о философии и теологии, они становятся друзьями. Возвращаясь из palazzo comunale домой, где его ждет супруга с ребятишками, он забегает вечерами во дворец Ногарола, чтобы при свете свечей поболтать о Вульгате, Септуагинте или недостойном поведении царя Кандавла.

О них даже не сплетничают. И это очень странно. Наверно, потому, что Изотта давно уже старая дева и потеряла свою красоту.

Еще один предмет споров — кто больше виноват, Адам или Ева. Лодовико придерживается общепринятой версии, Изотта отстаивает невиновность праматери.

Ее доводы великолепны и оригинальны —

на его стороне аргументы многих поколений мудрых теологов: беседы получаются зажигательными.

Однажды в 1451 году она берет белоснежный лист, достает все послания, которыми обменивались они с Лодовико на эту тему, вспоминает их беседы — и начинает записывать на изысканнейшей латыни в форме диалога между ней и Лодовико сочинение «Трактат о равном или неравном грехе Адама и Евы».

Спустя год Фридрих III, император Священной Римской империи, присваивает роду Ногарола графское достоинство.

Но донна Бьянка, полная, как правило, величественности, второй месяц в детском восторге не по этой причине. Не из-за почестей ее старшего сына-графа глаза матери горят восхищением, а улыбка полна гордости.

Просто уже второй месяц трактат ее Изотты у всех на устах.

— Слыхали ли вы, как в Падуанском университете устроили чтения с обсуждением трактата вашей Изотты? — спрашивает ее приятельница, которую до этого интересовало лишь, как разродились котята и дочери.

— Читали ли вы письмо из Рима о том, как

«Трактат» был прочтен Его Святейшеством и понтифик изволил заметить, что это очень умная и элегантная вещь? — говорит ей духовник.

— Знаешь ли ты, что меня попросили прислать несколько копий «Трактата» в Париж к королевскому двору? — пишет ей ее брат, кардинал Борромео.

Сладко, ах как сладко Бьянке читать и слышать такие слова. Она знала, что не зря гордится своей дочерью. Как же она рада, что справедливость восстановлена, что слава нашла Изотту.

Изотта же сидит за своим палисандровым письменным столом, погребенным под почтой. С похвалами ей пишут гуманисты всей Италии.

Кроме Гуарино.

Но Изотту это не очень огорчает.

* * *

В следующие пятнадцать лет, которые станут самыми плодотворными в ее жизни, она напишет множество эпистол — гуманистам, правителю Вероны, дожу Венеции, понтифику; еще одну речь, которую зачитают перед новым папой римским на Мантуанском соборе, другие речи — поздравительные и утешительные, диалоги — и даже удачные стихи. В одной только Парижской

библиотеке в середине XVII века будет числиться более ста экземпляров ее «Трактата». Феминистки сейчас считают его своим главным текстом эпохи Возрождения.

Она умрет в возрасте 48 лет, страдая последние четыре из них от тяжелого недомогания. Бьянка опередит ее на пять лет.

Их похоронят рядом в церкви Святой Цецилии в Вероне.

Ее братья дадут всем своим дочерям и внучкам великолепное образование.

№ 9. Падение Камиллы Пизана

Тициан. «Даная» (фрагмент). 1544 г. Музей Каподимонте (Неаполь)

ИЗОБРАЖЕНИЙ КАМИЛЛЫ ПИЗАНА НЕ СОХРАНИЛОСЬ. ТАКЖЕ НЕ УЦЕЛЕЛА ИЗВЕСТНАЯ ПО УПОМИНАНИЯМ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ МИНИАТЮРА С ПОРТРЕТОМ ЕЕ СЕСТРЫ (ИЛИ ИНОЙ РОДСТВЕННИЦЫ) ПО ИМЕНИ АНЖЕЛА, ПО КОТОРОЙ ТИЦИАН НАПИСАЛ ЛИЦО «ДАНАИ», ПРЕДНАЗНАЧЕННОЙ ДЛЯ КАРДИНАЛА АЛЕССАНДРО ФАРНЕЗЕ. АНЖЕЛА, ОЧЕВИДНО, ПРИНАДЛЕЖАЛА К МОДНОМУ ТИПУ ИТАЛЬЯНСКИХ (ВЕНЕЦИАНСКИХ) КРАСАВИЦ ТОЙ ЭПОХИ, КОТОРЫЙ ПОСТОЯННО ПОЯВЛЯЕТСЯ НА КАРТИНАХ ТИЦИАНА НА ИГРИВЫЕ ТЕМЫ, А ТАКЖЕ БЫЛ ЛЮБИМ ЕГО СОВРЕМЕННИКАМИ-ЖИВОПИСЦАМИ. И, ОЧЕВИДНО, ПОКУПАТЕЛЯМИ, ПОТОМУ ЧТО, КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ О КАРТИНАХ СТАРЫХ МАСТЕРОВ, СЛЕДУЕТ ПОМНИТЬ, ЧТО НИКТО ИЗ НИХ НЕ ТВОРИЛ «В СТОЛ» — ОНИ НЕ МОГЛИ СЕБЕ ЭТОГО ПОЗВОЛИТЬ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

ДАННЫЙ ВАРИАНТ «ДАНАИ», НЫНЕ НАХОДЯЩИЙСЯ В МУЗЕЕ КАПОДИМОНТЕ, — ПЕРВЫЙ (И НАИБОЛЕЕ КАЧЕСТВЕННЫЙ) ИЗ ЦЕЛОЙ СЕРИИ ПОВТОРОВ

ЭТОГО СЮЖЕТА, КОТОРЫЕ ТИЦИАН, КРАЙНЕ УСПЕШНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ ХУДОЖНИК, ВЫПОЛНИТ С ПОМОЩЬЮ ЧЛЕНОВ СВОЕЙ МАСТЕРСКОЙ ДЛЯ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ И ЩЕДРЫХ КЛИЕНТОВ СО ВСЕЙ ЕВРОПЫ, НАЧИНАЯ С ФИЛИППА II.

Венеция, 1545 год

Как записал в своем дневнике сенатор Марино Санудо Младший, в те годы в Венеции насчитывалось 11 654 женщины легкого поведения. Одна из них, почтенная куртизанка Стелла Флорентина, как-то утром нежилась на своей широкой кровати, позолоченные ножки которой представляли собой купидончиков, оседлавших дельфинов. Вчера, разряженная, будто герцогиня тосканская, она работала хозяйкой великолепного приема, который устраивал ее покровитель — банкир Бартоломео Каппелло. Ужин удался, музыканты играли великолепно, беседа, в которой участвовали друзья Каппелло (в том числе один кардинал и брат нынешнего дожа), текла плавно. Гости сыпали остротами, наслаждаясь обществом несравненной Стеллы, чьи белые груди так мило выскакивали из низкого выреза платья, когда она заливисто хохотала над их шутками. Большая жемчужина в золотой оправе с рубинами, недав-

но подаренная ей возлюбленным, украшала пухлую шейку. Безусловно, вечер удался, особенно когда Стелла взяла лютню и стала играть что-то из Винченцо Капиролы. Теперь же нагая куртизанка поднялась с шелковых простыней, оставив своего покровителя-банкира в объятиях Морфея, и отправилась в мраморную ванну, которую уже наполнила для нее мавританская служанка. Омыв свое тело от следов поцелуев и пальцев, а затем умастившись благовониями, Стелла принялась вспоминать свои планы на сегодня. Боже! Ее же ждет Тициан! Нельзя подводить друга.

Она послала за своим обычным гондольером, надела повседневное платье — черное и глухое (если не считать, конечно, большого декольте по нынешней моде) и накинула на голову темную вуаль — чтоб не узнавали в лицо. В сопровождении крепкого лакея и служанки она отправилась на Фондаменте Нуове, туда, где в своем доме с большим садом и видом на лагуну проживал художник. Тициан уже давно ждал ее в мастерской. «Я уже боялся, что мы упустим дневной свет», — пробасил он неодобрительно, пока Стелле расшнуровывали платье. Разделась она быстро — куртизанка нарочно не стала сильно

затягиваться в корсет, чтобы на ее пышном белом теле не осталось следов. Ведь Тициан пишет с нее Данаю, чье тело такими ужасами цивилизации не бывало тронуто.

Стелла раскинулась на царственном ложе под бархатным пологом, и подумала, что все-таки неплохая у нее работа — из одной кровати в другую, причем заниматься везде разным. Вот сейчас она натурщица великого мастера, и ее красота останется в веках. Ночью она была любовницей щедрого покровителя. А днем раньше принимала в своей спальне визитера из родной ее Флоренции, и досточтимый сенатор сидел на ковре у ее ног, ел виноград и слушал, как Стелла поет. Делала это она, впрочем, укутанной в полупрозрачный шелк, не оставляющий сомнений относительно достоинств ее фигуры. Но кто сказал, что пение от такого становится хуже? А все потому, что она настоящая cortigiane oneste, почтенная куртинзанка, и мужчины ценят не только радость от ее ласк, но сладость ее таланта в благородных искусствах. Ну, а если цена куртизанки из-за этих искусств взлетает в сто раз, то почему бы и нет? Стелла не понимала тех девушек, которые отказывались учиться. Ах, если б она умела еще и писать стихи! Тогда бы она уже

заработала состояние на подарках от восторженных поклонников.

Когда настало время обеда, жена Тициана принесла им в мастерскую холодную говядину и бобы. Окинув Стеллу быстрым взглядом (а на теле красотки не было ни пятнышка — ни масла, ни скипидара), жена заставила художника вытереть руки и усадила его за стол есть. Потом удалилась, и Стелла с Тицианом продолжили болтать о всяких пустяках. Когда солнце окончательно утонуло в водах Адриатики, а мастерскую художника наполнил вечерний холод, куртизанка спустилась со своего ложа, оделась и собралась было уехать, но тут в комнату ввалился Пьетро Аретино с пажом, который тащил вино. Прикиньте, винные бутылки тогда еще не изобрели! поэтому стираем.

Тициан. «Автопортрет». Ок. 1546–1547 / 1550–

1555 гг.

Берлинская картинная галерея

СЕГОДНЯ НАСЧИТЫВАЕТСЯ ОКОЛО 600 ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАННЫХ ТИЦИАНОМ (КАК САМОСТОЯТЕЛЬНО, ТАК И С ПОМОЩНИКАМИ). СРЕДИ НИХ — ТОЛЬКО ДВА АВТОПОРТРЕТА, ПЛЮС ЕЩЕ В НЕСКОЛЬКИХ СЮЖЕТНЫХ КАРТИНАХ ПЫТАЮТСЯ УЗНАТЬ ЕГО ЧЕРТЫ В РАЗНЫХ ПЕРСОНАЖАХ. ИЗ ЭТИХ ДВУХ КАРТИН — ЭТА ПЕРВАЯ, СЛЕДУЮЩАЯ ИЗОБРАЖАЕТ ЕГО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ (ОК. 1567 Г., ПРАДО). НА ОБЕИХ ПЕРЕД НАМИ ПРЕДСТАЕТ МУЖЧИНА С ВНИМАТЕЛЬНЫМ ВЗГЛЯДОМ, ГУСТОЙ БОРОДОЙ И В ШАПОЧКЕ-ЕРМОЛКЕ. ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА НЕБРЕЖНО НАПИСАННЫЕ РУКИ: ЭТО НЕ ПРИЗНАК ИМПРЕССИОНИЗМА ТИЦИАНА, ПРОСТО КАРТИНА ОСТАЛАСЬ НЕЗАВЕРШЕННОЙ. ОЖЕРЕЛЬЕ НА ШЕЕ ХУДОЖНИКА — НА САМОМ ДЕЛЕ ТРЕХКРАТНО ОБМОТАННАЯ ЦЕПЬ ОРДЕНА ЗОЛОТОЙ ШПОРЫ, ПОЖАЛОВАННОГО ЕМУ ИМПЕРАТОРОМ КАРЛОМ V — ЕГО КЛИЕНТОМ И ОТЦОМ ДРУГОГО ЕГО ЛЮБИМОГО КЛИЕНТА, ИСПАНСКОГО КОРОЛЯ ФИЛИППА II (ЕЩЕ КАРЛ ПОЖАЛОВАЛ ТИЦИАНУ ГРАФСКИЙ ТИТУЛ). ПОКАЗАТЕЛЬНО, ЧТО В ОТЛИЧИЕ ОТ МНОГИХ ДРУГИХ ХУДОЖНИКОВ СВОЕЙ ЭПОХИ ТИЦИАН

НЕ ПИШЕТ СЕБЯ С АТРИБУТАМИ ИСКУССТВ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ЕГО ПРОФЕССИЮ, — С КИСТЯМИ, МОЛЬБЕРТОМ, ЗАТО ОБОЗНАЧАЕТ СВОЙ СТАТУС КАК «РЫЦАРЯ».

Матерщинник, поэт, сплетник, эротоман, шантажист, сатирик! «Бич государей» Пьетро Аретино — монархи всей Европы отправляли ему дары, то есть взятки, лишь бы он не приложил их в своих насмешливых пасквилях. Одни слали деньги, а другие подсылали убийц, но он всегда оставался жив и вытаскивал на свет божий все придворные тайны, скандалы и поводы посмеяться прочему миру.

Втроем они устроились у камина и завели беседу.

Стелла отдыхала — с этими мужчинами ей не надо было играть в королеву. Они сами себя развлекали — и ее заодно. Особенно сыпал шутками поэт Аретино, которого, правда, она не очень любила: взрывной и вечно озабоченный, он не мог пропустить ни одной юбки, и Стелле как-то тоже пришлось уступить его домогательствам. Не хотелось — но она знала, что случается с куртизанками, неласково обошедшимися с поэтом. С необыкновенной энергией он начинал мстить: и все вокруг внезапно узнавали, что подобная

дама — на самом деле не cortigiane oneste, а распоследняя дешевая девка. И от разборчивых красоток, ославленных Аретино, мгновенно отворачивались все покровители — какой бы великолепной репутацией они ни пользовались ранее. О, как Аретино умел производить шум!

Само соитие с поэтом-пасквилянтом, насколько помнилось Стелле, не заняло и трех минут, хоть Аретино уже не был юнцом. Вот и славно. Щекотка его колючей рыжей бороды запомнилась ей больше, чем прочее.

Им накрыли ужин в мастерской, и они сели есть втроем. Жена Тициана не присоединилась к ним — художник, кажется, немного стеснялся этой простоватой женщины и прятал ее от таких образованных друзей, как Аретино. Да и Стелла за несколько лет знакомства так и не узнала, как ту зовут. Мужчины вгрызались в жареное мясо, проголодавшаяся куртизанка старалась кушать более изящно, а потом настало время застольной беседы, тем более что вина было залейся. Стелла с радостью слушала и не думая болтала: такие дружеские посиделки заметно отличались от тех торжественных обедов, которые она устраивала по просьбе своего покровителя, и тех, что она навещала по приглашению своих товарок.

Ведь там ей требовалось работать — блистать, очаровывать и незаметно наводить мужчин на мысли о том, что ее надо осыпать деньгами и драгоценностями, ну и стихами тоже неплохо бы. Ох, как хорошо было просто ужинать, не думая о каждом жесте и слове!

Фридрих Краус. «Банкет. Себастьяно дель Пьомбо и Якопо Страда навещают Тициана в Венеции». 1862 г. Dorotheum

В XVI ВЕКЕ ЖАНР ГРУППОВЫХ ПОРТРЕТОВ И ЖАНРОВЫХ СЦЕНОК ТОЛЬКО НАЧИНАЛ

СКЛАДЫВАТЬСЯ, ПРИЧЕМ ПОСЛЕДНИЙ — ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ В СТРАНАХ СЕВЕРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.

ПОЭТОМУ ПРЕДСТАВИТЬ, КАК ИМЕННО МОГЛИ ПИРОВАТЬ В ДОМЕ ТИЦИАНА, МЫ МОЖЕМ ТОЛЬКО ПО ПОДСКАЗКАМ, РАССЫПАННЫМ В КАРТИНАХ ТОГО ВРЕМЕНИ НА РЕЛИГИОЗНЫЕ, МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И АЛЛЕГОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ, А ТАКЖЕ БЛАГОДАРЯ ПОПУЛЯРНЫМ В ЭТО ВРЕМЯ ИЗОБРАЖЕНИЯМ КУРТИЗАНОК И МУЗЫКАНТОВ. ПОДОБНЫМИ ВИЗУАЛИЗАЦИЯМИ ОЧЕНЬ ЛЮБИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖИВОПИСЦЫ XIX ВЕКА, СОЗДАВАВШИЕ КАРТИНЫ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИЕ БИОГРАФИИ СВОИХ ВЕЛИКИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ.

НА ЭТОМ ПОЛОТНЕ НЕМЕЦКИЙ ХУДОЖНИК ФРИДРИХ КРАУС (1826–1894) СОЕДИНИЛ СРАЗУ ТРЕХ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. МОНАХ СЛЕВА, КОТОРОМУ ДОЧЬ ТИЦИАНА ЛАВИНИЯ ПРОТЯГИВАЕТ ЛЮТНЮ, — ХУДОЖНИК СЕБАСТЬЯНО ДЕЛЬ ПЬОМБО, ЕЩЕ И ПРЕКРАСНЫЙ МУЗЫКАНТ (ЕГО ЛИЦО ВЗЯТО С ПОРТРЕТА КИСТИ ТИНТОРЕТТО). В КРАСНОМ — САМ ТИЦИАН, ОМОЛОЖЕННАЯ ВНЕШНОСТЬ КОТОРОГО ЗАИМСТВОВАНА С АВТОПОРТРЕТА.

ТРЕТИЙ МУЖЧИНА — ИЗВЕСТНЫЙ НАМ ПО ТИЦИАНОВСКОМУ ПОРТРЕТУ АНТИКВАР ЯКОПО СТРАДА, САМЫЙ ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ «АРТ-ДИЛЕР» И «ГАЛЕРИСТ» СВОЕГО ВРЕМЕНИ. САМА ТЕРРАСА И ИДИЛЛИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ НА ФОНЕ ВЗЯТЫ АВТОРОМ ИЗ СЦЕН БАНКЕТОВ КИСТИ ПАОЛО ВЕРОНЕЗЕ.

Тут Аретино решил посмотреть на полотно, над которым работали Тициан и Стелла, — на «Данаю». Обнаженная греческая царевна возлежала на атласных простынях, а сверху лился сладострастный золотой дождь — Юпитер.

— Кум, ты меня, конечно, извини, — загоготал Аретино, — но стареешь. Теряешь мастерство, черт побери! Какая же это Стелла! Совсем не похожа!

— Идиот беспамятный, — ласково ответил Тициан, — я же тебе в прошлый раз рассказывал про эту картину. Это и не должна быть Стелла. Кардинал Алессандро Фарнезе, когда я был в Риме, заказал мне написать свою любовницу. Я уезжал уже, она позировать не могла. Кардинал тогда прислал мне ее миниатюру — вон она лежит, на столе, и сказал написать по ней большой портрет. Мне стало скучно, я предложил вариант не портрета, а картины с обнаженной фигурой.

Так что Стелла позирует для тела, а лицо я с миниатюры срисовал.

Аретино вернулся к столу, держа в руках миниатюрный портрет любовницы кардинала:

— Да я ее знаю! Только не помню. Как зовут? Красивая.

— Анжела, куртизанка. Говорят, у нее сестра была знаменитая, Камилла Пизана из Флоренции. Ты ведь всех прелестниц всех городов наизусть помнишь, а эту? — поинтересовался художник.

Аретино запустил тощую ручищу с обкусанными ногтями в рыжую бороду и задумался:

— Анжелу не знаю. Камиллу знал. Лет двадцать назад, когда во Флоренции был. Мы с поэтом Аньоло Фиренцуола захаживали к ней и к девочкам, с которыми она жила. Красивая была эта Камилла, но дура необразованная. Скучно с ней было. Стихов моих не читала, петь не умела. Безграмотная, шуток не понимала, улыбалась мало.

— Давайте я спою вам песню, — прервала его Стелла Флорентина (чье прозвание означает «флорентийка») с каким-то неприятным выражением лица. Она взяла лютню, лежавшую на сундуке в углу, и стала играть мелодию, сочиненную достопочтенным Констанцо Феста или же не менее почтенным Филиппо Вердело

— она не помнила точно, кто был автором этого мадригала:

От меня ты просишь трудного решенья,
Мне «нет» ответить тяжко и «да» – нелегко.
Но все ж решусь и «да» я не скажу теперь,
Поскольку не могу я снизойти к тебе:
Желая дать твоим желаньям утешенье,
Я честь свою ценю при этом высоко[7].

Она так красиво, так мило пела, ее изящные белые ручки так нежно держали лютню, что и Тициан, и Аретино примолкли, залюбовавшись. Поэт при этом, правда, грыз грушу, и ошметки падали ему на штаны.

---

[7] Примечания: 7
Перевод С. Багдасаровой.

Тициан. «Портрет Пьетро Аретино». Ок. 1537 г. Коллекция Фрика (Нью-Йорк)

СДЕРЖАННЫЙ И МОЛЧАЛИВЫЙ ТИЦИАН НА ПРОТЯЖЕНИИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ БЫЛ БЛИЗКИМ ДРУГОМ ОБЩИТЕЛЬНОГО И ЯДОВИТОГО ПЬЕТРО АРЕТИНО — ФАКТИЧЕСКИ ПЕРВОГО ЖУРНАЛИСТА В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ПРИЧЕМ ЖУРНАЛИСТА БЕСПОЩАДНОГО, ЗАРАБОТАВШЕГО ПРОЗВИЩЕ «БИЧ ГОСУДАРЕЙ» И ВДОБАВОК НЕ БРЕЗГОВАВШЕГО ШАНТАЖОМ. ТАКЖЕ МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО АРЕТИНО БЫЛ ПЕРВЫМ КРУПНЫМ АРТ-ПУБЛИЦИСТОМ: ОН АКТИВНО ЗАНИМАЛСЯ ПИАРОМ ТВОРЧЕСТВА СВОЕГО ДРУГА ТИЦИАНА СРЕДИ МОНАРХОВ И АРИСТОКРАТОВ ВСЕЙ ЕВРОПЫ.

ТИЦИАН НАПИСАЛ ПЯТЬ ЕГО ПОРТРЕТОВ — НА САМОМ РАННЕМ ЭТО ГОЛОДНЫЙ РЫЖИЙ МУЖИК С ОСТРЫМИ ЛОКТЯМИ, А ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ ПЕРЕД НАМИ АРЕТИНО СОВСЕМ ДРУГОГО СТАТУСА И ДРУГОГО ОБЛИКА: СЫТЫЙ И БОГАТЫЙ, В МЕХАХ И С ОРДЕНСКОЙ ЦЕПЬЮ. СЫН САПОЖНИКА ТЕПЕРЬ НОСИТ ОДЕЖДЫ ВЕНЕЦИАНСКОГО ПАТРИЦИЯ, ЗАСЛУЖЕННЫЕ ТЯЖЕЛЫМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ТРУДОМ.

— Дай угадаю, — сказал Аретино, когда куртизанка закончила, — автор — женщина? Точно глупые бабские стихи, про глупую любовь. Небось, сочинила их та блудница, увенчанная

лавровым венком, графиня Вероника Гамбара из Корреджо. Интересно все-таки, кто ее любовник? Я так и не выяснил. Небось, про то, как он ее бросил.

— Нет, — ответила Стелла. — Я выучила эту песню, когда в юности жила во Флоренции. Матушка моя тоже была куртизанкой, поэтому меня учили музыке и литературе.

— Да-да, раз мы такие глупцы, что платим бабе, которая умеет петь или сочинять в рифму, в десять раз больше, чем такой же бабе, которая этого не умеет, а все остальное у них при этом одинаковое, то хитрые бляди, конечно, будут упражняться, чтобы набить себе цену… — заворчал Аретино. А Тициан улыбнулся в бороду, потому что знал, что прижимистый Аретино умудрялся не давать денег даже самым роскошным куртизанкам — кого убалтывал и очаровывал, кого шантажировал, а с кем расплачивался рекламой и иными услугами.

— Вы же знаете, что так просто cortigiane oneste женщине с улицы не стать, только если тебя готовят к этому сызмальства, мать, иная родственница или другая наставница: так много надо выучить, чтобы и вам угождать, и в искусствах разбираться. В юности, — говорила

Стелла, — Меня научили этой песне и рассказали историю про нее, чтобы я хорошо запомнила урок. Эти стихи сочинила та самая Камилла Пизана, с которой ты был знаком лет двадцать назад. Уж не знаю, общался ты с ней до того, как произошла эта история, или после.

— Давай уж, излагай, что за история! — устроился поудобнее Тициан.

— Это все случилось, наверно, до моего рождения, лет двадцать — двадцать пять назад, — говорила Стелла. — Красавица Камилла Пизана считалась одной из самых очаровательных дам Флоренции. И покровитель у нее был — из самых богатых граждан республики: Филиппо Строцци Младший.

— С ним знаком, — сказал Аретино. — Жуткая сволочь, невероятный хитрюга, банкир и дипломат, сами Медичи его боялись. Едва у них власть над городом не отобрал. Герцог Козимо Медичи долго думал, как его победить. Жук, короче.

— Прямо даже умнее тебя? — спросил Тициан, пряча улыбку в бороду, которая была у него побогаче аретиновской.

— Почти такой же умный.

— Так вот, — продолжала красавица, — этот Филиппо Строцци поселил Камиллу Пизана и

еще трех девушек на своей небольшой вилле у ворот Сан Галло. А сам, конечно, со своей женой и детьми жил в этом роскошном Палаццо Строцци, которое недавно только достроил. На виллу он раза два в неделю наведывался вместе со своими друзьями, чтобы попировать и повеселиться вволю. Девушки их развлекали — пели, танцевали, ласкали, причем его главной любовницей была именно Камилла.

— Дом снимал отдельный для девок… денег девать таким некуда, ненавижу сук, — бормотал Аретино, выливая последние капли красного из очередного графина. Мальчик-паж посапывал в углу.

— Вы мои друзья, — вещала куртизанка, адресуясь в первую очередь, конечно, к Тициану, — поэтому я расскажу вам эту историю не как обычную байку, а так, как ее передавала моя матушка, обучая ремеслу. Так вот, Камилла совершила недозволительную для нас ошибку — она влюбилась в своего покровителя. Правда, она была еще достаточно молода (ей было лет семнадцать-восемнадцать) и неопытна, а он был действительно выдающимся человеком. Но влюбляться все равно не стоило.

— Судя по возрасту, я имел ее позже, — ковы-

рялся в памяти блудливый поэт.

Якопино дель Конте. «Портрет Филиппо Строцци Младшего». 2-я пол. XVI века. Галерея Кугель (Париж)

ДАННЫЙ ПОРТРЕТ ФИЛИППО СТРОЦЦИ МЛАДШЕГО, ИЗГНАННИКА ИЗ ФЛОРЕНЦИИ, ПОБЕЖДЕННОГО ГЕРЦОГОМ КОЗИМО МЕДИЧИ, ЯВЛЯЕТСЯ ПОСМЕРТНЫМ. ОН БЫЛ ЗАКАЗАН ЕГО СЫНОМ С ЦЕЛЬЮ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ ОТЦА. ТРАДИЦИЯ ПОДОБНЫХ ПОСМЕРТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЯВЛЯЕТСЯ СТАНДАРТНОЙ ДЛЯ ПОРТРЕТНОГО ЖАНРА. В ИДЕАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ПРИ ПОДОБНОМ ЗАКАЗЕ ХУДОЖНИК ЗНАЛ ИЗОБРАЖЕННОГО ЛИЧНО И ТЕПЕРЬ ВДОХНОВЛЯЛСЯ СВОИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ. БОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕН ВАРИАНТ, ПРИ КОТОРОМ ЖИВОПИСЕЦ ИСПОЛЬЗУЕТ НЕКОЕ ПРИЖИЗНЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ УМЕРШЕЙ МОДЕЛИ, НАПРИМЕР, МИНИАТЮРНЫЙ ПОРТРЕТ ИЛИ КАРТИНУ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЕГО ЛИЦА, БЕЗ ТУЛОВИЩА. ТАКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОБЫЧНО ЗАКАЗЫВАЮТСЯ ДЛЯ УКРАШЕНИЯ ФАМИЛЬНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЕРЕИ, И ОНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ КРУПНОФОРМАТНЫМИ.

В ТАКОМ СЛУЧАЕ ПОСМЕРТНЫЙ ПОРТРЕТ ФАКТИЧЕСКИ СТАНОВИТСЯ «УВЕЛИЧЕНИЕМ» ПРИЖИЗНЕННОГО ПОРТРЕТА. В НОВОЙ

КАРТИНЕ К ГОЛОВЕ «НАРАЩИВАЮТСЯ» КОРПУС, РОСКОШНЫЕ ОДЕЖДЫ, АТРИБУТЫ, ОРДЕНА, ДРАГОЦЕННОСТИ (СРАВНИТЕ С СОВРЕМЕННОЙ УСЛУГОЙ «ПОРТРЕТ ПО ФОТОГРАФИИ»). ВЕРОЯТНО, В ДАННОМ СЛУЧАЕ МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО ИМЕННО С ТАКИМ ВАРИАНТОМ. НАКОНЕЦ, ЕСЛИ ОТ УМЕРШЕГО ЧЕЛОВЕКА НЕ ОСТАЛОСЬ НИКАКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ, ТО ХУДОЖНИК ВЫДУМЫВАЕТ ЕГО ВНЕШНОСТЬ ИЗ ГОЛОВЫ, ОСНОВЫВАЯСЬ НА СЛОВЕСНЫХ ОПИСАНИЯХ ЗАКАЗЧИКА.

— На этой вилле бывали самые блестящие мужчины города, друзья Строцци. Богачи, умники, поэты — они стали ее друзьями, научили ее сочинять стихи, писали для нее музыку. Но Камилла была без ума от Строцци. Вместо того чтобы быть его владычицей и покровительницей, она стала его рабыней. А это, как знает каждая из нас, путь на дно. Она закидывала его письмами, полными признаний в любви, подружилась с его секретарем, чтобы знать, чем Строцци занимается, когда не с ней. Вся ее жизнь превратилась в ожидание его визитов и объятий.

— Бедная девочка, — сказал Тициан. — В почтенных куртизанках такие не задерживаются.

— Да, она явно ни умела одним взглядом заставлять собеседников срываться с кресел и

припадать к ее рукам или даже туфлям в почтительном поцелуе, — вздохнула Стелла.

Как бы Тициан не был пьян, но в женщинах он разбирался здорово, поэтому сполз с кресла и положил голову на колени к Стелле, всем своим видом выражая, что и рад бы целовать ей туфли, да сил нет. Со смехом она усадила его обратно за стол.

— Строцци стал смыслом жизни юной Камиллы. И вот однажды он пришел на виллу — она ожидала страстной ночи, полной любви. Он, конечно, ее не разочаровал, здоровый жеребец, но, когда они так лежали, едва разжав объятия, вдруг заявил ей: «Знаешь, ты так нравишься паре моих друзей. Я хочу, чтобы ты переспала с ними. А я бы посмотрел на это».

— Ха! А она-то думала, что Строцци тоже в нее влюблен, — зафыркал Аретино.

— Да, потом он уехал к жене, а она рыдала и мучилась все утро — совокупляться ли с его друзьями или нет. Сочинила это стихотворение и послала ему в письме в качестве ответа.

И Стелла, взяв лютню, снова пропела тот мадригал:

От меня ты просишь трудного решенья,

Мне «нет» ответить тяжко и «да» – нелегко.

Но все ж решусь и «да» я не скажу теперь,

Поскольку не могу я снизойти к тебе:

Желая дать твоим желаньям утешенье,

Я честь свою ценю при этом высоко.

— А что было потом? Ну, кроме того, что какой-то из ее поклонников, которому не обломилось, положил эти милые стихи на музыку?

— Строцци ее быстро бросил и выставил с виллы. Она была полностью раздавлена, уничтожена. Ловила его на улице, засыпала письмами, пыталась воздействовать через его друзей. Потом поняла, что это безнадежно, выплакала все слезы. Нашла новых покровителей, попроще. Но стихов больше не писала никогда и сожгла рукопись книги, которую сочинила.

— Но осталась жива? Так неинтересно. Вот красавица Империа, когда ее бросил любимый, говорят, покончила с собой. Вот это достойный конец истории куртизанки, которая все-таки оступилась и влюбилась!

— Я знаю только, что пару лет спустя Камилла

уехала из Флоренции навсегда, и моя мама больше о ней ничего не слышала. Даже не знала, что у нее есть сестра, эта кардинальская любовница Анджела. Может, Камилла живет с ней в Риме?

— И какой же урок выводила из этого твоя достопочтенная маменька? (Кстати, наверняка я был тоже с ней близко знаком, как ее звали?)

Но Стелла не отвечала, а тихо перебирала струны лютни, вспоминая того, кому ей так хотелось отдать свое сердце, но она не осмелилась сделать этого из страха быть испепеленной, как когда-то была сожжена Камилла Пизана.

Все молчали. Тициан думал о том, что пора идти спать. Когда Аретино вышел облегчиться, Стелла быстро собралась и попрощалась, чтобы уйти, пока поэта нет, а то ведь прицепится, и не пошлешь — обидится. Но предосторожность была излишней — Аретино так и заснул в уборной. А Стелла ехала в гондоле, спрятанная под черной вуалью, и плакала хмельными слезами, вспоминая одного сероглазого флорентийца из своего прошлого.

Аретино бы так и забыл эту историю про глупую куртизанку, которая оказалась такой слабой, что бросила любить мужчин (и писать стихи) из-за разбитого сердца. Но «Даная» с лицом ее сестры

Анджелы вышла очень удачной, о картине все говорили, и даже испанский король — с которым Аретино состоял в переписке (попросту говоря, для него шпионил), заказал себе у Тициана вариант этого полотна. Поэтому, когда несколько лет спустя ядовитый поэт оказался в Риме и встретил на улице ту женщину, он ее вспомнил.

Тициан (Тициано Вечеллио). «Даная». Италия, около 1554 г.

Холст, масло. 120. 187 см. Государственный Эрмитаж

ВАРИАНТ «ДАНАИ», ХРАНЯЩИЙСЯ В

ЭРМИТАЖЕ, ЭКСПЕРТАМИ ОЦЕНИВАЕТСЯ НИЖЕ, ЧЕМ ВЕРСИИ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ИТАЛИИ, ИСПАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ. СУДЯ ПО КАЧЕСТВУ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ, В ОСНОВНОМ РАБОТОЙ НАД КАРТИНОЙ ЗАНИМАЛИСЬ ПОДМАСТЕРЬЯ ТИЦИАНА, А НЕ ОН САМ.

КАРТИНА БЫЛА ПРИОБРЕТЕНА ЕКАТЕРИНОЙ ВЕЛИКОЙ ИЗ ПАРИЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ БАРОНА КРОЗА. КОМУ ИМЕННО ОНА ПРИНАДЛЕЖАЛА ПРЕЖДЕ И ДЛЯ КОГО ИМЕННО БЫЛА ВЫПОЛНЕНА — НЕИЗВЕСТНО.

Нет, если честно, сначала он заметил на лице этой дамы сорока с чем-то лет то самое легко узнаваемое выражение — брезгливость и усталость, по которым он всегда вычислял проституток, особенно вышедших в отставку по возрасту. В этой женщине оно было едва заметным — нечто неуловимое в глазах, тот самый циничный взгляд. Но Аретино, как собака, учуявшая запах свежего мяса, дернул головой в ее сторону и пошел следом.

Женщина была все еще красива, несмотря на возраст и морщинки. Видно, она была из тех счастливиц, которые сохраняют фигуру и улыбку даже после страшного сорокалетия. Аретино догнал ее, заглянул в лицо, потом вспомнил и

назвал по имени: «Камилла Пизана!» Но она отшатнулась от него и почти побежала. Поэт нагнал ее, начал болтать, говорить комплименты, напомнил о старом знакомстве и похвастался своими связями. И — кстати, раз уж он здесь, в этом квартале, предложил обслужить по старой памяти, пообещав хорошо заплатить.

Но зрелая красавица, ни единым движением не выдав, что знакома с Аретино, отшатнулась от него, вырвала рукав, обозвала (кажется, матерно) и скрылась в переулке.

Жители квартала наблюдали за склокой с большим интересом. Аретино проводил грубиянку взглядом. Потом спросил у одной из женщин на улице, на лице которой прочел готовность к сплетничанью:

— Как ее зовут? Кажется, я перепутал ее со своей старой знакомой.

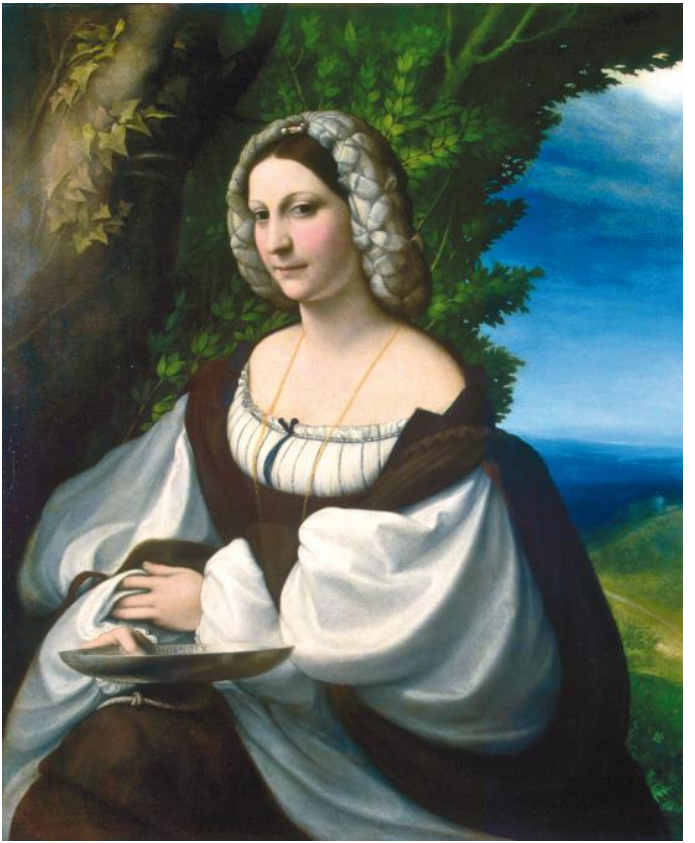
— Это сеньора Камилла ди Микеле, весьма достойная женщина. Жена нашего булочника. У них двенадцать детей! Такая замечательная семья, такая дружная. И так мужа своего любит и детишек!

Вернувшись домой, в Венецию, Аретино вспомнил о бывшей поэтессе Камилле, сочиняя одно из своих «Рассуждений», которые выходили из-под

его пера быстрее, чем кошки котят родят.

«Камилла Пизана, — написал он, — теперь одна из самых потасканных и поганых шлюх Рима. Какое падение!»

№ 10. Тайна Вероники Гамбара



Корреджо (Антонио Аллегри). «Женский портрет». Италия.

1518–1519 гг. Холст, масло. 103. 87,5 см. Государственный Эрмитаж

ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОРТРЕТ РАБОТЫ КОРРЕДЖО, ПРОСЛАВИВШЕГОСЯ СВОИМИ СЛАДОСТРАСТНЫМИ МИФОЛОГИЧЕСКИМИ КАРТИНАМИ. ПОСКОЛЬКУ ВСЕ ПРИВЫКЛИ К ТАКОЙ ТЕМАТИКЕ ХУДОЖНИКА, ОБ ЕГО АВТОРСТВЕ ДАННОГО ПОРТРЕТА НИКТО И НЕ ЗАДУМЫВАЛСЯ, ПОКА НЕ БЫЛ РАСШИФРОВАН АВТОГРАФ.

О ЛИЧНОСТИ ИЗОБРАЖЕННОЙ ДАМЫ ИДУТ СПОРЫ: НЕСОМНЕННО, ОНА ЗНАТНА, БОГАТА И КРАЙНЕ ОБРАЗОВАННА (О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ СЛОЖНЕЙШАЯ ИГРА С АТРИБУТАМИ
И ЗАШИФРОВАННЫМИ НАДПИСЯМИ). ЧЕРНО-БЕЛАЯ КОЛОРИСТИЧЕСКАЯ ГАММА ПЛАТЬЯ, СШИТОГО ПО ПОСЛЕДНЕЙ МОДЕ, — ЭТО ЦВЕТА МОНАШЕСКИХ
ОДЕЯНИЙ, ВИДИМО, ЭТО ТРАУРНЫЙ НАРЯД. НА СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕ НАЧЕРТАНО ГРЕЧЕСКОЕ СЛОВО «НЕПЕНФ» (ТРАВА ЗАБВЕНИЯ). СВОЕ АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ИМЕЮТ И РАСТЕНИЯ. ВЕРСИЯ О ТОМ, ЧТО ИЗОБРАЖЕННАЯ — ВЕРОНИКА ГАМБАРА, СЕЙЧАС СЧИТАЕТСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ КРАЙНЕ УБЕДИТЕЛЬНОЙ.

Брешия, 1500 год

За окнами холодного кастелло лил зимний дождь, узкие улочки Брешии были пусты, а юная Вероника Гамбара, дочь правителя города, думала о том, как она несчастна. Ее не радовали ни сложная прическа, искусно уложенная служанкой матери, ни платье из сияющей флорентийской парчи, ни звуки музыки и гул голосов из зала внизу. Она знала, что ужасно некрасива, неловка и не умеет держать себя в обществе и что только знания, только науки могут придать ей достоинство. Вероника ненавидела себя. Ей было пятнадцать лет.

Ее отец, граф Джанфранческо, стоял в зале и смотрел, как его дети спускаются по лестнице. Первенец Уберто, Ипполито со сдержанной улыбкой хитреца, лохматый подросток Бруноро и младшенький Камилло, а также любимые девочки — Изотта и Вероника. Ах, как мила была Изотта — золотые локоны, радостный взгляд, грация в каждом движении!

— Удивительно, как мы промахнулись с именами, — сказал граф гостю, родичу Гиберто. — Я назвал эту девочку в честь бабушкиной сестры, гуманистки Изотты Ногарола, превосходной латинистки, ты наверняка читал. А Веронике су-

пруга выбрала имя в честь какой-то своей тетки, знаменитой красавицы. И посмотри, все вышло наоборот — наша Изотта только и думает, что о поклонниках, танцах и зеркалах, а Вероника… А Вероника уже опередила в науках братьев, а их, между прочим, мы готовим к духовной стезе! Она говорит на латыни не хуже той Ногарола, а еще пишет мадригалы и сонеты по-итальянски, чего та вообще не делала. О, какая голова у Вероники!

Кузен Гиберто отметил, что Изотта Ногарола, как ему помнится, осталась незамужней, а вот с Изоттой Гамбара такое вряд ли случится. О том, трудно ли будет выдать замуж Веронику, оба вежливо умолчали. Это был год 1500-й от Рождества Христова: на севере бушует война — вдовевший уже три года и полный уныния герцог Лодовико Сфорца раз за разом проигрывает французам; византийский беженец, поэт-гуманист Михаил Марул Тарканиот, иначе говоря, Микеле Марулло, решает присоединиться к армии, выступающей против Чезаре Борджиа, и, пересекая реку Чечина близ Вольтерры, падает в нее и гибнет вместе с конем. Португальцы лишают девственности леса Мадагаскара и Бразилии, а далеко-далеко на востоке великий князь Иван III отдает Феодосию, свою младшую дочь от Софьи Палеологини, за

Василия Даниловича Холмского, и венчает их в церкви Пречистой Богородицы митрополит Симон.

Вот следующий год. Вероника откладывает рукопись «Деяний» Аммиана Марцеллина — она дочитала этот путаный латинский текст и готова завтра рассказывать учителю о взятии Селевкии войсками Луция Вера, ядовитых подземных испарениях и о нравах жителей города Рима. Ей скучно: все так легко. Она старается не смотреть в зеркало: да, у нее красивый цвет кожи и хорошая осанка, но черты лица более подошли бы мужчине. «Ничего, мамина сестра Эмилия, если наденет мужской наряд, тоже не похожа на женщину. А супруг у нее все-таки есть, причем сын самого Федериго да Монтефельтро, пусть и внебрачный. И все хвалят ее за изысканные манеры и удивительный ум! Я буду такая же», — говорит себе Вероника, в то время как в городе Урбино молодой живописец, прозванный в честь архангела Рафаила, усадив эту самую Эмилию Пиа ди Карпио на фоне черного бархата, тщится найти такой разворот лица, который придал бы той хоть немного прелести. Она же смотрит на него тяжелым взглядом и думает о своем — о том, что молодой Кастильоне весьма умен и его обещание

вставить ее в свою будущую книгу, пожалуй, лестно. Портрет получается каким-то мрачным, и в итоге художник оставляет его незаконченным. А все потому, что Рафаэлю не удается проникнуть в душу дамы, ведь та все время молчит: юноша ей не понравился, и она совсем не стремилась его очаровать.

Рафаэль (атт.). «Портрет Эмилии Пиа». Ок. 1504–

1505 гг.
Балтиморский художественный музей

ЭМИЛИЯ ПИА ДИ САВОЙЯ ДА МОНТЕФЕЛЬТРО (УМ. 1520) — ТЕТКА ВЕРОНИКИ, ВАЖНАЯ ФИГУРА ПРИ УРБИНСКОМ ДВОРЕ, ПРИДВОРНАЯ ДАМА ГЕРЦОГИНИ, ЖЕНА ВНЕБРАЧНОГО БРАТА ГЕРЦОГА. ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ СОБЕСЕДНИКОВ В «ПРИДВОРНОМ» БАЛЬДАССАРЕ КАСТИЛЬОНЕ.

ИМЯ МОДЕЛИ НАПИСАНО НА ОБОРОТЕ КАРТИНЫ. ПО ТРАКТОВКЕ ПОРТРЕТ СХОДЕН С РАФАЭЛЕВСКИМ ПОРТРЕТОМ ЕЛИЗАВЕТЫ ГОНЗАГА, У КОТОРОЙ ЭМИЛИЯ СЛУЖИЛА, ЧТО ТАКЖЕ ПОДКРЕПЛЯЕТ ИДЕНТИФИКАЦИЮ, КАК И СХОДСТВО С ЕЕ ПОДПИСНОЙ ПРОФИЛЬНОЙ МЕДАЛЬЮ.

А в Брешии в этот день третий брат Вероники, звавшийся Бруноро, который готовится присоединиться к Церкви, как раз закончил занятия с преподавателем риторики — ведь у прелата голос должен быть гулкий, но ангельский. После вокализов он заходит к сестре и застает ее в сосредоточенном расстройстве.

— Я ведь могу казаться красивой, брат? — допрашивает она его в приступе душевной слабости. — Когда мне интересен разговор, и

глаза горят, и румянец — я ведь кажусь привлекательной, да? Скажи!

Брат отвечает утвердительно, но она чувствует, что тот лжет. Вечером брату приходит в голову прекрасная идея, и он отправляется к матери — Альде Пиа де Карпио, женщине, обладающей всеми достоинствами и добродетелями древнеримской матроны. Мать одобряет мысль Бруноро (О! Недаром в итоге он добьется блестящей должности апостольского протонатария! Мальчик мудр!), и вскоре его преподаватель риторики начинает заниматься с Вероникой.

Этот ученый муж учит ее науке Цицерона и Дионисия Галикарнасского, он закаляет ее легкие и тренирует язык, он показывает, как превращать гортань в медную трубу или нежную флейту, как делать голос сладким, словно мед, и завораживающим, как шепот мудрых змиев. Ему 27 лет, у него шелковая борода, которую он душит фиалковым маслом, Вероника влюбляется в него без памяти, так же как влюблялась прежде в других учителей или в друзей своих братьев. Не веря в себя, она никак не проявляет свою любовь — только ночные метания и мечтания. Его губы, его пальцы, его темные глаза… Преподаватель же честно отрабатывает свои часы с некрасивым

подростком, хвалит ее за старательность, а вечерами отправляется пить и гулять — в Брешии как раз поселились несколько женщин, сбежавших из оккупированного французами Милана, и эти красавицы так милы. «Дочь графа необыкновенно талантлива, — рассказывает он. — Я занимаюсь с ней ораторским искусством. Вскоре каждый, как только она откроет рот, будет забывать о ее лице».

А вот Веронике уже семнадцать. Надежды ее родителей, что со вступлением в пору девичества она приобретет девичью прелесть, не сбылись. Однако Веронику не в чем упрекнуть: во всем остальном она совершенство. Как так выходит? Разгадка проста — она так умна, так несчастлива и так неуверена в себе, что любое дело, за которое берется, доводит до идеала. Бородатого учителя риторики сменил другой, постарше, из Ватикана, — предыдущему стало нечему ее учить. Еще она много занимается музыкой: поет сочинения Маттео да Перуджа и Грациозо да Падуя. Ее меццо-сопрано превосходно. Пение не становится ее страстью, но Вероника уважает его, как полезное упражнение. Ее страстью являются науки — она так много читает и так много знает, что способна затмить многих ученых мужей, и

это дает ей гордость и силу. А истинным отдохновением для Вероники становится поэзия на родном, итальянском языке. У нее дар, и сочинительство приносит ей счастье, а читателям — удовольствие. Прославленный Тромбончино просит у нее разрешения положить один из ее мадригалов на музыку.

Лучшим поэтом страны и образцом для творчества она считает Петрарку, а из ныне живущих — Пьетро Бембо. Как-то, сидя за своим старинным письменным столом из палисандрового дерева, инкрустированным перламутром сценами из «Энеиды», Вероника сочиняет изящную эпистолу, адресованную Бембо, в которой выражает свое восхищение его творчеством и осыпает комплиментами в высоком стиле. Содержание подобных посланий, впрочем, неважно: в далекой Японии ровно так же обменивались письмами придворные (о чем свидетельствует нам в своих записках одна сенагон). На первом месте — безупречность слога и красота письма. Через два дня Вероника решается признаться семье про отправленное письмо.

— Не волнуйся, — смеется над ней старший брат Уберто, который уже стал священником и упорно стремится к кардинальской шапке. — Сейчас уже

не прошлое столетие, ты — не бабушкина сестра Изотта Ногарола, Бембо — не гордец Гуарино да Верона, обливший ее презрением, а воспитанный кавалер. Конечно, он тебе ответит. И пусть только попробует ответить неуважительно или ославить! У тебя пять братьев, и ты — дочь графа, дочь кондотьера, ему мало не покажется!

Несколько недель ожидания и надежд не дают Веронике покоя. Но письмо отослано — ах, чего бы она только ни сделала, чтобы вернуть его! Позор, ее ждет позор! Письмо отправлено в Феррару, где Пьетро Бембо живет при дворе герцога Альфонсо д'Эсте, вернее — его супруги, белокурой Лукреции Борджиа, которую он пожирает чересчур пламенными взглядами. Впрочем, поэт все-таки находит время, чтобы прочитать письмо от 17-летней дочери правителя Брешии, племянницы такой милой дамы Эмилии Пиа (любимой подруги урбинской герцогини Елизаветы Гонзага). Тем более что пару сонетов Вероники он уже видел и они произвели на него впечатление. Пьетро Бембо пишет девушке ответное письмо, вежливое и тоже полное комплиментов — так начинается многолетняя переписка между двумя интеллектуалами, он называет ее своей ученицей, она его своим ментором, и это полезно для

репутации их обоих.

1503 год. Аристократка Барбара Торелли, которую Бембо называл «редчайшей», сбежав от своего мужа, жестокого кондотьера Геркулеса Бентиволио, обретает убежище в Ферраре, где ее защищает Лукреция Борджиа, и опекают из своих городов Изабелла д'Эсте и Елизавета Гонзага. Три с половиной недели длится понтификат папы Пия III, иначе говоря, Франческо Нанни Тодескини-Пикколомини, потом он умирает — возможно, от яда. А нечего давать приказы об аресте Чезаре Борджиа. В Кремле отходит к Господу Софья Палеологиня, и перед смертью она вспоминает свою молодость в Италии и запах апельсиновых деревьев, но не помнит совсем, что из-за своего отъезда она так и не увидела законченным полотно «Благовещение» мастера Вероккио и его юного помощника Леонардо, которое ей обещал показать флорентиец Лоренцо Великолепный. А за слюдяным окошком гниет московский апрель…

А Вероника все пишет и пишет или читает без перерыва. Она не может, как другие женщины, часами болтать, спокойно вышивать, заниматься другими тихими дамскими делами. Лишь только она остается в покое или в том, что ее голова счи-

тает бездельем, как сразу ее начинают одолевать демоны сомнений, ужас потерять себя, страхи, что все догадаются, как она ничтожна на самом деле. А еще — любовь! Ей хочется страсти. Она влюблялась не один раз в тех мужчин, которые бывали при дворе ее отца, представляла их нагими и наделяла их умом Аристотеля. Но никто из них не замечал в ней женственного, женского. Надежды, что избранник догадается по ее глазам, по ее взглядам, какая великая любовь им суждена, оказывались глупыми. Вероника оставалась невидимкой.

И чужая вежливость разбивала ей сердце.

Ведь с созреванием добавилась напасть, сжигавшая ей тело. Такое часто бывает с тихими книгочеями — умными юношами, которые чем умнее, тем больше нуждаются в страсти, животной и плотской, пылая от этого огня. Эти мужчины с острым рассудком, не веря в amor sacra, ищут средства удовлетворения amor profano, ищут — и по своей застенчивости частенько не находят. Что же говорить о девушке, испепеляемой теми же страстями? Ответы на свои вопросы Вероника вычитывает у Овидия Назона, у Катулла и в гендекасиллабах «Приапеи», но что толку, если к двадцати годам она не знает ничьих прикоснове-

ний, кроме собственных?

Между тем что-то меняется. Офицеры, прелаты и кавалеры, находящиеся в Брешии, теперь оказывают внимание дочери графа. Безусловно, оказывают: ей не мерещится. Во-первых, тому причиной слава Вероники: ее стихи расходятся в рукописях и песнях, она в переписке со всеми гуманистами полуострова и со всеми знатными дамами, в том числе с самой Изабеллой д'Эсте. Во-вторых, хоть она не так красива, как ее покойная сестра Изотта, скончавшаяся, не успев выйти замуж, однако — какая стать, какая порода, достоинство, манеры, очаровательный голос, умение держать себя! Вероника — дама высшего света, совершеннейший плод воспитания. (В-третьих, а какое приданое нынче дают за единственной дочерью графа, пусть она и перестарок?)

К первому из чреды подобных воздыхателей Вероника потянулась было сердцем, отчаянно желая любви небесной и любви земной, желая доказать себе, что она действительно чего-то стоит, пытаясь получить свидетельства своих достоинств из чужих уст, ибо себе она не верила и вечно себя клеймила. Несколько раз оказывалась она на грани того, чтобы до свадьбы потерять невинность — так любопытно, так голодно ей

было. Но избранники ее пылали слабее и потому соблюдали осторожность. Ничего не происходило. Вожделение не лишало ее наблюдательности: один мужчина выдал свою меркантильность, другой был замечен ею во фривольностях с полногрудой служанкой. Это мешало ей верить в их восхищение ее умом. Сердце Веронике разбивали к тому моменту уже много — не по-настоящему, но все-таки много, она слишком часто страдала от уязвленной гордости, поэтому стала недоверчивой.

А дальше пошло так: те, кому действительно нравилась она, совершенно не нравились ей по-женски, телесно. Впрочем, Вероника не отказывалась от того, чтобы очаровать их своим голосом и энергией, напитаться их взглядами, набраться их силы. Те же, кто нравился ей… а ей больше не нравился никто. Чересчур больно было плакать ночами, вспоминая о том, как она узнала сладость поцелуев, но возлюбленный охладел к ней, ибо она слишком алчно его желала, слишком преследовала, слишком липла. Нет, нет, нет! Девица должна быть скромной и холодной! Но как усмирить то пламя, что переполняло ее? Почему не родилась она мужчиной, она бы покоряла города! Однако Веронике приходилось

скрывать пылание своей натуры, своих плотских страстей за сдержанными манерами и вежливым обхождением. Впрочем, теперь, даже когда она молчала и просто улыбалась, силы настолько переполняли ее, что люди тянулись к ней, как игла компаса к магниту, и покорялись.

Но она не замечала этого. Продолжала не верить в себя, корить за малейший промах. И лишь радовалась, что из-за ее сердечных мук сонеты выходят великолепными.

К 23 годам Вероника, с разрешения отца отказав нескольким претендентам-простецам, совсем оставила надежды на замужество и смирилась с судьбой Изотты Ногарола — остаться в веках благодаря литературной славе. Но вскоре после Рождества ее служанки, мило перешептываясь, спросили, не хочет ли она пригласить к себе гадалку, которая появилась в кастелло.

— Почему нет? — подумала обычно столь рассудительная Вероника. — Рождество — время сказок. Давайте поиграем.

Гадалка оказалась носатой старухой, сказавшей, что ее имя — Артемия. Она раскинула перед Вероникой карты и заглянула ей в глаза.

— Я не буду тебя ни о чем спрашивать, — сказала Вероника. — Предсказывай, что хочешь, сама.

— Хорошо, — сказала гадалка, посмотрев на молодую женщину. — Скоро вас ждет свадьба, синьорина, причем с таким воином и красавцем, что только и мечтать!

— Какая чепуха! — воскликнула Вероника, но дала гадалке два дуката.

* * *

За окном графского палаццо голубело зимнее итальянское небо, узкие средневековые улочки Корреджо были полны веселых горожан, а граф Гиберто да Корреджо, правитель города, думал о том, что ему скучно и нечем заняться. Его не радовали ни тишина в доме, ни грядущий торжественный прием, ни визит оружейника, который обещал принести ему новый нагрудник, украшенный искусными узорами в манере, которую ввел в моду флорентийский ювелир Микеле Брандини лет двадцать назад. Граф думал, что борода его седа и голова его побелела, а колени начали скрипеть, хоть зубы, слава Господу, все еще целы.

Альтобелло Мелоне. «Портрет дамы (Альда Гамбара?) (фрагмент)».

1515–1516 гг. Пинакотека Брера (Милан)

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ ЖЕНЩИНЫ ТРАДИЦИОННО, НА ОСНОВЕ РАННИХ АТРИБУЦИЙ, СЧИТАЕТСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕМ АЛЬДЫ ГАМБАРА — МАТЕРИ ВЕРОНИКИ, ХОТЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ПОЯВИЛИСЬ ВЕРСИИ, ЧТО ОН

МОЖЕТ ИЗОБРАЖАТЬ ЧЛЕНА СЕМЬИ АВОГАДРО, ИЗ НАСЛЕДСТВА КОТОРОЙ ОНА ПРОИСХОДИТ. ПОДТВЕРЖДЕНИЕМ ОСНОВНОЙ ВЕРСИИ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ ПЕЙЗАЖНЫЙ ФОН — ОН ИЗОБРАЖАЕТ КРЕПОСТЬ БРЕШИЮ, ПРАВИТЕЛЕМ КОТОРОЙ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ БЫЛ ЕЕ МУЖ.

ДО ТОГО, КАК НА КАРТИНЕ БЫЛ ОБНАРУЖЕН АВТОГРАФ МЕЛОНЕ, В ЕЕ АВТОРЫ ЗАПИСЫВАЛИ БОЛЬТРАФФИО И БАРТОЛОМЕО ВЕНЕТО. СРЕДИ ДРУГИХ РАБОТ АЛЬТОБЕЛЛО МЕЛОНЕ — «ПОРТРЕТ ДВОРЯНИНА» (АКАДЕМИЯ КАРРАРА), ДОЛГОЕ ВРЕМЯ СЧИТАВШИЙСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЧЕЗАРЕ БОРДЖИА.

Он знал, что стар. Ему было целых полвека.

Настало время обеда. За стол сели обе его дочери, красивые подростки, и их учитель словесности — он же секретарь графа. Констанца и Джиневра с восторгом обсуждали новые сонеты своей кузины Вероники Гамбара, которые прислали кружным путем из Урбино их другие родственницы. Секретарь объяснил графу:

— Я рассказывал девочкам о приемах стихосложения на родном языке и о размерах. На произведениях синьорины Гамбары это сделать оказалось проще, они не так сложны, как стихи Петрарки, которому она стремится подражать.

— Но все же отзываются о ее стихах, как о великолепных! — возразила Констанца.

Секретарь улыбнулся:

— Они тщательно отделаны по форме, изящно придуманы и построены. Но в них нет истинного чувства, нет глубоких эмоций. Милые упражнения благородной дамы.

Граф Гиберто припомнил, что видел Веронику в доме ее отца в Брешии, когда она была примерно такого же возраста, как его дочери сейчас. По непонятной причине пренебрежительные слова секретаря о стихах Вероники задели его, и он взял прочитать рукопись. Это были стихи о природе, лугах и полях, действительно спокойные и красивые, но почему-то Гиберто знал, что секретарь не прав, отказав им в истинности чувств.

Через некоторое время, оказавшись случайно по делам в Ломбардии, граф Гиберто заехал к своему кузену графу Джанфранческо Гамбара в Брешию, хотя спокойно мог и не заезжать. За ужином Вероника, единственная женщина в доме, сидела во главе стола и потчевала гостя. Ее братья были еще не женаты или несли обет безбрачия, а мать Альда Пио да Карпи, которую Гиберто помнил как свою ровесницу и весьма умную даму, была в гостях у сестры в Урбино.

Вероника была идеальной хозяйкой дома — она унаследовала от матери разумность и гостеприимство. Гиберто служил и флорентийской республике, и папскому государству, бывал при разных дворах и умел узнать истинную даму. Но спокойствие лица Вероники и вежливость ее манер не обманули старого вояку, на глазах которого возмужало не одно поколение юных офицеров. Просто некоторым самоконтроль не нужен, поскольку в их душе нет ничего, что стоило бы контролировать. А у других — иначе: чем больше внутри бушует чувств и мыслей, тем сильнее должна быть их власть над собою. Наивным такие люди кажутся бесчувственными, а лица их каменными. Проницательный гость же прочел в чертах Вероники железную волю и умение повелевать страстями; эта власть над собой ему понравилась, ему захотелось узнать, что за ней скрывается.

А за окном защелкали соловьи и нестерпимо пахло цветущими яблонями.

На следующий день Гиберто, сказав, что наслышан о литературных способностях Вероники, крайне вежливо попросил ее прочитать что-нибудь из своих творений. Ее часто просили об этом гости, но подобная просьба со стороны

немолодого седого вдовца с коротко подстриженной бородой и внимательным взглядом почему-то удивила. Он не казался ей любителем литературы, и она, желая, наверно, пошалить, выбрала какие-то из стихов, написанных в период душевного смятения, раздумий об очередном сердечном поражении и бессмысленно измятых простыней. В них говорилось, что утрачена ее любовь, и сердце ее уничтожено, и чувства ее осмеяны. Декламировала Вероника великолепно, завораживая своим мастерством чтеца. Глаза горели, на щеках пылал румянец — теперь она действительно казалась красавицей.

Потом Вероника отправилась ставить свечку святой Екатерине Сиенской, выкинув из головы престарелого родича. К удивлению, вечером отец вызвал ее к себе в кабинет.

— Дочь моя, — неожиданно взволнованно обратился к ней граф Джанфранческо. — Ты знаешь, я всегда поддерживал тебя в том образе жизни, который ты выбрала. И те юноши, которые просили твоей руки ранее, действительно были недостойны тебя, и я рад, что ты их отвергла. Но теперь я услышал предложение, которое мне кажется уместным и разумным, и мне бы очень хотелось, чтобы твое мнение совпало с моим.

Даже тут Вероника не догадалась. Ее отец продолжал:

— Мой кузен граф Гиберто да Корреджо только что выразил желание сочетаться с тобой браком. Да, он немолод, но и тебе уже целых 23 года. Он вдовец — но у него только дочери, и, если ты родишь ему сына, именно он станет наследником графства. Он ровня нам по родовитости и состоянию, и мы знаем его много лет как достойного человека. Вероника, ты ведь согласна?

Девушка от удивления даже села без разрешения в кресло, стоявшее у отцовского стола. Некоторое время она молчала и думала. Потом, совершенно неожиданно для себя, поняла, что рада. И сказала «да».

Подготовка к свадьбе пролетела мгновенно, хотя и заняла чуть ли не год. Вероника была ошеломлена и понимала, что постепенно влюбляется в жениха. Влюбляется — и в кои веки может себе это позволить и даже обязана себе это позволить, и тот будет это приветствовать, и он тоже стремится сердцем к ней. Но она продолжала не доверять ему и держать свои надежды на замке — слишком больно будет ошибиться и в этот раз. А Гиберто наблюдал за ней с умудренной улыбкой: какой бы умной и элегантной она ни казалась,

он знал, что на самом деле Вероника все еще девочка, не познавшая ни любви, ни доверия.

Жених был в два раза старше невесты, а повидал в десять раз больше. Он служил в армии Флорентийской республики и видел, как Джулиано Медичи убивался над гробом прекрасной Симонетты, а спустя два года был в числе тех, кто охотился за Пацци, зарезавшими гордого Джулиано во время мессы в соборе Санта-Мария-дель-Фьоре. Он жил в Риме и был капитаном папской армии в тот год, когда понтификом был выбран Родриго Борджиа, и знал его белокурых возлюбленных Ваноццу деи Каттанеи и Джулию Фарнезе. Наконец, как капитан миланских вооруженных сил, он стоял в карауле у гроба Беатриче д'Эсте и видел, как плакал по ней супруг, толстошеий Лодовико Сфорца. Теперь же он был сам по себе, укреплял свой маленький городок Корреджо и старался уберечь его от бесконечных войн, которые кипели вокруг. Он убил больше людей, чем Вероника написала баллад, и умел лгать так изощренно, как умеют лгать придворные да военные, желающие получить хороший фураж. Он хотел, чтобы Вероника полюбила его и стала ему доверять — и разве у нее были шансы сопротивляться?

И она полюбила мужа страстно.

Впервые в жизни она потянулась душой к мужчине, который первый поклялся ей, что не отвергнет. Он клялся в этом перед Богом, но смотрел Веронике в глаза, и она знала, что он говорит правду. Она поверила: любить его безопасно. Сколько раз она обжигалась, сколько раз питала напрасные надежды, вдохновляясь лишь парой пристальных взглядов. Настал счастливый конец: Вероника оказалась в безопасности. Такие союзы благословляет Господь.

Тициан. «Портрет Пьетро Бембо». 1539 г.
Национальная галерея искусства (Вашингтон)

ПЬЕТРО БЕМБО — ПОЭТ, ГУМАНИСТ, БИБЛИОТЕКАРЬ (ЗАВЕДУЮЩИЙ ВЕНЕЦИАНСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ СВЯТОГО МАРКА), КАРДИНАЛ. А ТАКЖЕ ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ ЛЮДЕЙ, ЧЬИ ДОСТОВЕРНЫЕ ПОРТРЕТЫ НАПИСАЛИ И РАФАЭЛЬ, И ТИЦИАН. ЭТОТ ПОРТРЕТ БЫЛ ЗАКАЗАН МОДЕЛЬЮ, ВИДИМО, ПО ПОВОДУ ПОЛУЧЕНИЯ ИМ КАРДИНАЛЬСКОГО САНА, ВЫХЛОПОТАННОГО ЭТОМУ АБСОЛЮТНО СВЕТСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ ЕГО ПОКРОВИТЕЛЯМИ. ОДНАКО ПО ОБЛИКУ БЕМБО ОБ ЭТОМ НЕ ДОГАДАЕШЬСЯ — 69-ЛЕТНИЙ ГУМАНИСТ НОСИТ КРАСНОЕ ОБЛАЧЕНИЕ АБСОЛЮТНО ОРГАНИЧНО И ВЕЛИЧЕСТВЕННО.

КАРТИНА — ПРИМЕР РАСЦВЕТА ПОРТРЕТНОГО ЖАНРА ЭПОХИ РЕНЕССАНСА. ХУДОЖНИКИ-ПОРТРЕТИСТЫ УЖЕ НАУЧИЛИСЬ ПОЧТИ ВСЕМУ И ПОЛЬЗУЮТСЯ АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДОЙ. ВПРОЧЕМ, ПОКА ЧТО ОНИ ЕЩЕ НЕ ОСВОИЛИ ФОРМАТ ПОЛНОРОСТОВОГО ПОРТРЕТА (ЭТО СДЕЛАЕТ ТОТ ЖЕ ТИЦИАН НЕСКОЛЬКО ПОЗДНЕЕ).

Страстно Вероника полюбила мужа и по другой причине, хоть и рассказывать подобное о возвышенной даме, пожалуй, неприлично. Но пылавшее под угольями ее знаний девичество,

то самое, которое порождало самые блестящие ее строки, наконец, можно было перестать прятать, наконец можно было раздуть в костер женственности. Наука страсти, которую Вероника познала в постели супруга, еще 15-летним юнцом овладевшего всеми тайнами любви с венецианкой вдвое старше, оказалась для нее сладчайшим удовольствием. Намного большим, чем она вычитывала у святой Хильдегарды Бингенской.

Вероника была счастлива от мизинчика на левой ноге до кончика носа. Хозяйка замка, любимая супруга мудрого правителя, который начал учить ее хитросплетениям высокой политики — и эти знания так хорошо ложились на то, что она узнавала от отца дома и о чем рассказывали братья-церковники. Знаменитая поэтесса, прославленная по всему полуострову и, да-да, красавица, которую воспевают лучшие поэты Италии. Ариосто, погостив у нее в Корреджо, вставляет в «Неистового Роланда» строчку — «…Вероника Гамбара, избранница Феба и Аонид», Бернардо Тассо упомянул ее в «Амадисе Гальском», а Пьетро Бембо принялся называть ее «Береникой», в честь египетской царицы. Собственные стихи, наполненные любовью и впервые поселившимся в сердце спокойствием,

тоже выходили отличными. В довершение всего Вероника произвела на свет подряд двух здоровых сыновей. Чего еще желать?

В 1515 году папа Лев X, сын Лоренцо Великолепного, направляется в Болонью, чтобы встретиться с новым французским королем — Франциском, который унаследовал престол после смерти Луи XII, погубителя Лодовико Сфорца. Вероника тоже в Болонье, хотя, чтобы она блистала своими нарядами в собравшемся со всей Италии высшем обществе, мужу пришлось напрячь бюджет своего городка, а драгоценности одолжить у соседа. Но можно было и не стараться: и понтифик, и молодой король, ценитель женщин, оказались очарованы Вероникой — ее разумом, ее речами, ее голосом, забывая о ее угловатом лице и крупных ладонях.

Корреджо. «Юпитер и Ио». Ок. 1530 г.
Музей истории искусства (Вена)

САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ СЕРИЯ КАРТИН КОРРЕДЖО — «ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ ЮПИТЕРА», ОНА СОСТОИТ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ПОЛОТЕН И, ПОМИМО ИО, ТАКЖЕ ИЗОБРАЖАЕТ ЛЕДУ, ДАНАЮ И ГАНИМЕДА. ЭТОТ ЦИКЛ БЫЛ ЗАКАЗАН МАНТУАНСКИМ ГЕРЦОГОМ ФЕДЕРИГО II ГОНЗАГА (МУЖЕМ ИЗАБЕЛЛЫ Д'ЭСТЕ) И, ВОЗМОЖНО, ПРЕДНАЗНАЧАЛСЯ В ДАР ИМПЕРАТОРУ КАРЛУ V.

ИЗВЕСТНО, ЧТО КОРРЕДЖО ВЕРНУЛСЯ В РОДНОЙ (И ОДНОИМЕННЫЙ) ГОРОД ДВУМЯ ГОДАМИ РАНЕЕ: В 1528 ГОДУ ВЕРОНИКА ГАМБАРА ПИШЕТ ИЗАБЕЛЛЕ, ЧТО ОН НАПИСАЛ ДЛЯ НЕЕ «МАРИЮ МАГДАЛИНУ В ПУСТЫНЕ». УВЫ, ФРЕСКИ, КОТОРЫЕ ОН ДЕЛАЛ ДЛЯ НЕЕ В ЭТОМ ГОРОДЕ, НЕ СОХРАНИЛИСЬ.

Это был неплохой год, хотя и не для Милана, в очередной раз попавшего в руки французов. Мэри, сестра Генриха VIII Тюдора и вдовствующая королева французская, в отеле де Клюни тайно венчалась с герцогом Саффолком. В Нюрнберге знаменитый художник Альбрехт с белокурыми кудрями Иисуса готовит для гравирования ри-

сунок носорога, подаренного португальскому королю Мануэлю. А в семье герцога Клевского родилась девочка, крещеная Анной. Родилась благополучно, хоть повитухи опасались за здоровье матери — уж больно крупным был младенец.

Три года спустя, отпраздновав девятую годовщину своего счастливого брака, Вероника узнала от служанок, что в замке появилась гадалка. Это была женщина во цвете лет со смуглым цветом лица. Звали ее Герофила. Она погадала обеим падчерицам Вероники, предсказав им замужество.

Герофила раскинула перед Вероникой карты и заглянула ей в глаза.

— Разве у меня есть, что у тебя спросить? — сказала Вероника. — Нет, у меня нет вопросов к тебе.

— Увы, госпожа, вас ждет в будущем большое горе и потеря любимого человека, — сказала предсказательница.

— Какая чепуха! — ответила Вероника.

* * *

Графа Гиберто похоронили через два месяца — как шипел завистливый сосед герцог Пико де ла Мирандола, не унаследовавший от знаменитого предка ни ума, ни такта: «Заездила молодая

кобылка старого жеребца».

Для овдовевшей Вероники рухнул мир. Так пловец, подхваченный сильным течением, впадает в ужас, теряя дно под ногами и власть над конечностями. Прежде, читая, что с потерей любимого утрачиваешь кусок души, она считала это гиперболой. Теперь же чувствовала, что не просто из души, а из всего существа ее вырван кусок, вырван с мясом, и в ней, Веронике, зияет дыра. Лицо ее стало неподвижным, а кожа выдубилась солью от пролитых слез.

Помогли, как это часто бывает, ритуалы: например, Веронике потребовалось заказать траурный гардероб, и она увлеклась выбором тканей. Заодно поменяла обивку стен в покоях — на все черное. Продала игреневых лошадей — их рыжая шкура стала раздражать ее солнечностью. Купила вороных, причем последнего, четвертого жеребца для упряжки пришлось разыскивать с большими усилиями по всему полуострову.

Потом Вероника приказала вырезать над входом в спальню виргилиевскую цитату о том, как Дидона горевала по Энею, и внезапно поняла, что ее скорбь прекратила быть личным горем и становится литературным жестом, который другие будут описывать в письмах и восхищаться.

«Мне становится легче», — поняла она и только испугалась радости, что поминальные сонеты о покойном выходят великолепными из-за глубины ее печали: «Неужели я так черства и гонюсь за славой, что меня это радует? Нет, будь я черства, стихи бы не вышли хорошими… Но все же какое противоречие!» И действительно, строки, оплакивающие мужа, выходили слишком отточенными — но ведь упорно считая слоги и вслушиваясь в аллитерацию, Вероника успокаивалась, как другие успокаиваются, отсчитывая зерна четок или стежки вышивки.

Как жить дальше, сначала она не представляла. Узнав взрослую жизнь под руководством мудрого и немолодого ментора-мужа, Вероника боялась жить без его советов. Она чувствовала себя виноградной лозою, обвивавшей ствол старого дуба. Внезапно дуб срубили, лиана осталась без опоры, ей следовало рухнуть.

Но постепенно оказалось, что за время брака сей побег вполне сумел окрепнуть и превратиться в дерево, устойчивое и крепкое. Графиня Вероника осознала это, отдавая распоряжения по управлению городом, планируя бюджет на год и без чужих мнений о подходящих сюжетах заказывая роспись дворца местному художнику

Антонио Аллегри (которого в других краях звали по родному городу — Корреджо). Заодно она сделала дело, которое супруг почему-то постоянно откладывал, — сосватала падчерицам хороших мужей.

Неукротимая энергия и привычка к постоянному умственному труду не дали ей упасть духом. Долгом ее было сохранить город до совершеннолетия старшего сына и дать обоим мальчикам отличное воспитание. Братья-церковники, ввязавшиеся в большую политику и успешно делавшие карьеру, тоже просили ее внимания и поддержки — репутация Вероники была полезна для семьи. Стихи и списки с ее писем, расходившиеся везде среди любителей изящной словесности, поддерживали ровное пламя ее известности. Муж ввел ее в политику, познакомил со многими государями, и заниматься дипломатией ей понравилось. А ее спокойное обаяние оказалось весьма уместным инструментом.

Вокруг бушевали Итальянские войны, кичливые французы грабили все подряд, ручейки беженцев не иссякали, папа ругался с императором, часто случались неурожай и голод, крепостные стены требовалось укреплять и поддерживать в порядке. Надо было лавировать,

подлаживаться и изобретать, чтобы небогатое графство Корреджо оставалось в безопасности. Таких политиков, каким стала Вероника, было поискать и среди мужчин. И она точно знала, что не выросла бы такой умницей — если б росла красавицей. Как-то художник Антонио Аллегри, по прозванию Корреджо, обсуждая с графиней новые росписи во дворце, залюбовался лицом Вероники. И предложил написать ее портрет:

— Моя госпожа, я никогда не писал портретов, это мой принцип, но ради вас мне безумно хочется сделать исключение.

Она встретила его слова со смехом и спросила:

— Ты что, ставишь себя выше Рафаэля? — а затем объяснила: — Все говорят, что я очень похожа на свою тетку Эмилию, у нас обеих крупные черты лица и никакой девичьей прелести. Езжай в Урбино и посмотри на ее портрет — даже Рафаэль не сумел изобразить такое лицо красивым, вот и ты не сможешь!

Художник молча поклонился и более к этому разговору не возвращался. Фрески во дворце вышли великолепными, графиня щедро наградила живописца, и он уехал.

Но через несколько недель вернулся. И произнес: «Чихал я на вашего Рафаэля! Садитесь

позировать!» И Вероника, не споря, села позировать для портрета. Только оговорила, что наряжена она будет не в роскошные шелка и бархат, а в коричневое и черное. Будто монашка — в знак траура по мужу.

— И подпояшусь веревкой. А на чаше начертай «непенф». Это греческая трава забвения, о которой писал Гомер… Но все же это глупое дело, Антонио, тебе не сделать мой портрет красивым!

Но когда он закончил картину — единственный портрет, написанный им в своей жизни, Вероника застыла в изумлении. И наконец почти — но не окончательно — уверовала в то, о чем твердило ей сердце, — красота не в пропорциях черт лица, а в глазах того, кто смотрит.

После, повесив портрет в своих покоях, она иногда подходила к нему и любовалась с мыслью: «Неужели я такая? Нет, не может быть, Антонио просто польстил мне». И снова печалилась.

Жизнь текла безмятежно — насколько возможно в краю, раздираемом постоянными войнами. Город Корреджо пережил еще одну осаду, после чего император выделил графине, как своему вассалу, приятную сумму на обновление его укреплений. Тем более что на его коронации в Болонье ее дипломатический дар помог уладить

несколько конфликтов. Он умел быть благодарным, особенно к таким восхитительным дамам.

Вероника продолжала сочинять, продолжала в стихах грустить от одиночества. Но читать другим людям она давала лишь пасторали и пейзажные сценки. И хвалебные оды к могущественным покровителям, разумеется. Ах, прекрасная эпоха Возрождения, когда поэзия ценилась столь высоко! Флорентийский герцог Козимо I Медичи был так восхищен посвященным ему строками, что дал ее сыну в управление город Сиену.

«Искусная поэтесса, но мало в ней глубоких, искренних чувств», — продолжали говорить о Веронике, а она и рада была, что душа ее не обнажена напоказ.

Лежа в постели, она как-то залюбовалась своими ногами, стройными и мускулистыми, несмотря на старческие 37 лет. А потом заплакала, потому что вспомнила, как счастлива была с мужем, как сильно они любили друг друга и как хорошо друг друга понимали. А что теперь? Пустота в душе, никаких чувств, скука.

Но однажды, проходя среди толпы императорских придворных, она услышала: «Вот знаменитая графиня Гамбара!»

Да, та самая знаменитая поэтесса и дипломат, с печальной улыбкой подумала она про себя.

Но вдруг услышала: «Какая она красавица!»

Она не могла не обернуться.

И встретилась с ним глазами.

Никто так никогда и не узнал его имени, потому что в любовных стихах, которыми Вероника вновь, после долгого перерыва, начала наполнять свой стол, никаких имен не стояло.

В тот день она и сама не узнала его имени, потому что через час ей надо было уезжать.

По приезде она услышала от служанок, что в замке появилась гадалка, молодая совсем девушка, которую звали Кармента.

Вероника немедленно позвала ее к себе и задала вопрос, который мучил ее с той секунды, когда она услышала его голос:

— Скажи, моя мечта сбудется?

А гадалка ответила «да».

* * *

Много лет спустя, после смерти графини, ее семья занялась подготовкой стихов к печати.

Нельзя доверять подобное родне! Ведь они так хорошо знают, что прилично, а что нет!

В книгу вошли ее стихи про природу. Про почти-

тельную привязанность к мужу. Патриотические строчки. Поэма, посвященная флорентийскому герцогу.

Про горячую любовь — ничего. Ничего про страдания, ничего про зуд, снедающий душу и тело. Это ведь так неприлично для благородной дамы, знаменитой графини Корреджо…

И с той поры все так и говорили, как и в предыдущие годы: стихи Вероники Гамбары тщательно отделаны по форме, изящно придуманы и построены. Но в них нет истинного чувства, нет глубоких эмоций. Это всего лишь милые упражнения беззаботной, спокойной дамы.

Только в 1890 году, триста сорок лет спустя после ее смерти, любовная лирика Вероники Гамбара, пламенеющая и горькая, была напечатана впервые. И оказалось, что она — совсем иной поэт, чем было принято считать.

Но кому посвящены эти стихи — неизвестно. Вероника Гамбара тщательно сохранила свои тайны.

Гаспара Стампа
Баллада

Я убила в себе надежду,
Ту, которой душа пылала,

Но я нарочно так загадала —
Пусть не будет все как прежде.
Я убила в себе надежду,
Зря я раньше ей так доверяла —
От надежды сердцу больно,
Ей смешно: разум я потеряла,
Теперь мучаюсь безвольно
От любви недобровольной.
Меня к смерти она направляла,
Спутав страстью, совсем изнуряла,
Превратила меня в невежду.
Я убила в себе надежду,
Я надеялась, и эти планы
В сеть медовую меня затянули.
Хватит – глупо! Пора оплакать
Грезы любви, что так обманули.
Забери меня, смерть, больную!
В сердце ноет место пустое,
Освободила его не без боя,
Сладостно там жилось ей прежде.
Я убила в себе надежду.
Маяком она мне светила —

И благами казались беды,
А сияние погасила —
От безделок я оробела.
Миг блаженства и вечность муки
Вот что вспоминаю ныне.
Превратилась я в рабыню,
Раз сомкнувши с нею вежды.
Я убила в себе надежду.
Ее, сладкую, так алкаю,
Без нее в тоске поникла!
Почему вместе с ней не пропали
Боль души да из сердца иглы?
Теперь чудится – я погибла
Ни следа ведь ее не осталось.
Силы нет, одна усталость,
Ведь ни капли нет надежды.
Я убила в себе надежду.[8]

[8] Примечания: 8
Перевод С. Багдасаровой.

№ 11. Пять трупов для Бьянки Каппелло

Алессандро Аллори. «Портрет Бьянки Каппелло». 1578 г. Уффици

ВСЕ ПОРТРЕТЫ БЬЯНКИ КАППЕЛЛО, ЗА НЕБОЛЬШИМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ, ДОСТОВЕРНЫ. ВО-ПЕРВЫХ, ПОТОМУ ЧТО ОНА ЗАНИМАЛА ВИДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ИЕРАРХИИ. НО ГОРАЗДО ВАЖНЕЕ — ПОСКОЛЬКУ ОНА ЖИЛА В ЭПОХУ, КОГДА ПОРТРЕТНЫЙ ЖАНР ДОСТИГ МАКСИМАЛЬНОГО РАСЦВЕТА, СТАЛ ОБЫДЕННОСТЬЮ.

ЭТОТ ПОРТРЕТ СОЗДАН АЛЕССАНДРО АЛЛОРИ — УЧЕНИКОМ И «ПЛЕМЯННИКОМ» АНЬОЛО БРОНЗИНО, КОТОРЫЙ НЕ ТОЛЬКО ОБУЧИЛ ЕГО ЖИВОПИСИ, ПОСВЯЩАЛ ЕМУ СОНЕТЫ, НО И ЗАВЕЩАЛ ВСЕ ИМУЩЕСТВО, А ТАКЖЕ ПЕРЕДАЛ ПОСТ ПРИДВОРНОГО ЖИВОПИСЦА ГЕРЦОГОВ МЕДИЧИ. НА КАРТИНЕ БЬЯНКА — ТИПИЧНАЯ ВЕНЕЦИАНСКАЯ ГОРЯЧАЯ КРАСАВИЦА С ВОЛОСАМИ «ТИЦИАНОВСКОГО» ОТТЕНКА, — ИЗОБРАЖЕНА В ХОЛОДНОМ МАНЬЕРИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ, ЦАРИВШЕМ ТОГДА ПРИ ФЛОРЕНТИЙСКОМ ДВОРЕ, ЧТО СОЗДАЕТ ИНТЕРЕСНЫЙ ЭФФЕКТ ДИССОНАНСА.

Флоренция, 1565 год

В году 1547-м от Рождества Христова Sacrum

Imperium Romanum простиралась от Балтики и Северного моря на севере до Адриатики и Тирренского на юге, от Роны и Мааса на западе до Одера и Дуная на востоке, державно владея сотнями городов и десятками народов. Иоганна родилась в январе в ее столице — дождливой Праге, Бьянка — в вольной Венеции в августе. Первая была дочерью императора, вторая — купца. С детства Иоганну затягивали в жесткое платье, сплющивающее бюст, и подпирали щеки жестким воротником; Бьянка носила юбки летящего фасона и всегда ходила без нижнего белья — так, чтобы игривый ветерок задувал под подол, освежая тело. В десять лет Бьянка воровала деньги из расшитого шелками кошелька отца и до отвала наедалась сладостями, купленными на рынке; в тех же летах Иоганна лежала на холодном полу часовни, моля Иисуса о папенькином здоровье.

Месячные у обеих начались в одном возрасте. Иоганне сказали, что это то, чем покарал Господь праматерь Еву за первородный грех; Бьянка знала, что теперь из-за этого у нее могут появиться младенцы. Ее уже с полгода часто трогал за грудь один отцовский приятель, а еще младший священник из соседней церкви: она стала уточнять у старшей подружки, опасно ли это? Та была не

уверена, но путем хитрых расспросов девочки выяснили у взрослых, что не опасно.

Иоганна говорила по-немецки, а также знала французский, итальянский, испанский, латынь и венгерский; учителя заставили дочь императора прочитать всех положенных классиков. Бьянка едва умела писать, потому что красивой женщине надо всего лишь уметь угождать супругу. Пусть отец Бьянки — богатейший купец из числа венецианских патрициев, но учителя не заставляли Бьянку делать ровным счетом ничего.

Иоганна вышла замуж в восемнадцать лет, Бьянка — в пятнадцать. В 1565 году они оказались в постели одного и того же мужчины.

Все началось с того, что Бьянке Каппелло, помолвленной с другим, понравились красивые глаза и мускулистые ноги юного Пьетро Бонавентури.

В первый раз она увидела его из окна отцовского дворца: Пьетро входил в банк Сальвиати напротив их дома. Он служил там клерком. Она надела платье из голубой парчи, затканное персидскими огурцами, распустила золотые кудри, выбрала удобно расположенный подоконник и стала ждать, когда он пойдет обратно.

Но он не заметил ее. Всю ночь Бьянка вертелась

на простынях, мечтая, чтобы этот юноша сжимал ее в объятиях, сплетал с нею ноги и обслуживал ее, как отцовский жеребец в их имении под Вероной обслуживает породистых кобылиц. Ей было плевать, что у нее уже есть жених — сын дожа, ведь он прыщавый и тощий. Наутро она надела платье из атласа цвета рассвета, затканное цветками граната, распустила кудри и, украсившись жемчугами, выбрала еще более стратегически удачно расположенный подоконник.

Помогло ли атласное платье с жемчугами, кудрили а может, прельстительные девичьи перси, но уже через месяц Бьянка тайком в сумерках покинула родной дом, вместе с Пьетро сбежав из Венеции. Они нарушили заповеди в первой же гостинице, где остановились на ночь; обвенчались, уже перевалив Апеннины, в маленькой деревеньке, с трудом уговорив священника.

Покидая дом, Бьянка прихватила драгоценности из сундука отца, причем так много, что у того наутро случился небольшой удар. Его брат, видный церковный чин, взял дело в свои руки и организовал погоню за беглецами. Но ловить их уже было поздно. Попутно выяснилось, что и Пьетро, оставляя работу в банке, ушел оттуда не с пустыми руками.

Венецианский сенат собрался на судилище. Пьетро был заочно приговорен за похищение благородной девицы и ее совращение к казни — на площади Сан-Марко через отсечение головы. За него назначили награду в тысячу дукатов. А потом увеличили вдвое. Дядю Пьетро, оставшегося в Венеции, арестовали и бросили в подвалы Палаццо дожей. Причина — он был конфидентом любовников. Итог — старик не выдерживает заключения в гнилых подземельях и умирает.

Это первый труп в этой истории.

А Пьетро Бонавентури с Бьянкой Каппелло уже во Флоренции, родном городе клерка. И вдруг доселе наивная девушка с ужасом осознает, зачем им потребовалось бежать, почему любимый не мог, как положено, попросить ее руки у родителей: семья Бонавентури бедней последней служанки семьи Каппелло.

Бьянка входит в дом с облезлыми стенами, идет по дощатому полу — о ужас! без ковров! Мебель — некрашеная, посуда — грошовая оловянная, пахнет грязью и псиной. Знакомят со свекровью — она больна и навечно прикована к постели, в комнате вонь от пролежней; простыни меняет сестра Пьетро, а не сиделка, потому что у семьи нет денег на сиделку. Знакомят со свекром — он

небрит и почесывается, невестка без гроша приданого ему не в радость (Пьетро уже забрал у нее родительские драгоценности, объяснив потом, что все потратил на побег). Новость о том, что из-за Бьянки в темнице умер его родной брат, не прибавляет симпатий у свекра.

Выросшая на руках у пятнадцати нянюшек Бьянка в ужасе от того, что ей самой приходится выносить свой ночной горшок. Через пару месяцев свекр объявляет, что с возвращением женатого сына денег в семье стало совсем мало, и он увольняет единственную служанку. Поэтому вся домашняя работа ложится на плечи Бьянки.

Она с ужасом стоит перед лоханью, полной грязной посуды. Она берет двумя пальчиками черную тряпку в застывшем жире. Роняет ее в ледяную воду, смотрит на свои потрескавшиеся, когда-то нежные руки. Забивается в угол темной кухни и плачет. Но никак не сбежать: она уже заметно беременна. Мимо нее деловито пробегает крыса, вечно голодная в этом бедном доме.

Хотя муж продолжает ночами сжимать ее в объятиях и обслуживать ее, как в имении отцовский жеребец обслуживал кобылиц, но Бьянке это уже совсем не в радость. А будущий ребенок заметно мешает удовольствию.

Жить вместе в одной крохотной комнатке, где в рассохшиеся щели окна ночами задувает ледяной ветер, а толстые мухи садятся на лицо, — это вам не романтически сбегать в венецианской гондоле по лагуне, золотящейся под лучами луны. В крохотной комнатке с толстыми мухами выяснилось, что характер у Пьетро неуравновешенный, а Бьянка раньше считала это за пылкость. Что он хитрый и всегда во всем ищет себе выгоду, но при этом — редкостный дурак. «Какой дурак! Какой дурак!» — с ненавистью повторяет Бьянка, поменяв мокрое постельное белье за лежачей свекровью, и вспоминает свой гардероб с инкрустациями из индийского перламутра, который был наполнен лучшими камлотом, тафтой и органзой.

Теперь у нее только два платья — одно целое, другое заштопанное.

Целое она надевает лишь по воскресеньям, когда, тщательно закрывшись вуалью, выходит с золовкой в ближайшую церковь. Лицо прикрывать необходимо: за возврат Пьетро с Бьянкой в Венеции дают две тысячи дукатов, а во Флоренции много душегубов, которые были бы рады получить эти денежки. Молодожены боятся лишний раз ступить на улицу, и, пока Бьянку хотя бы

отвлекают домашние хлопоты, беременность да воспоминания о былой роскоши, Пьетро совсем сходит с ума, запертый без дела в четырех стенах. После того как он подвел банкиров Сальвиати, бог знает, где еще он сможет найти работу.

Санти ди Тито. «Портрет герцога Франческо I

Медичи».

Ок. 1564–1569 гг. Уффици

НА ЭТОМ ПОЛОТНЕ ФРАНЧЕСКО I МЕДИЧИ ПРЕДСТАЕТ ПЕРЕД НАМИ НЕ КАК БУДУЩИЙ ГЕРЦОГ, А КАК ОТДЫХАЮЩИЙ ВОИН — ОН СНЯЛ ПОЧТИ ВЕСЬ ДОСПЕХ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ СТАЛЬНОГО ВОРОТНИКА. ШЛЕМ ЛЕЖИТ НА СТОЛЕ. РУКА ПОКОИТСЯ НА ТРОСТИ, А НЕ НА ЭФЕСЕ ШПАГИ.

КОЛИЧЕСТВО ПОРТРЕТОВ ФРАНЧЕСКО ТОЖЕ ОЧЕНЬ ВЕЛИКО, ПРИЧЕМ ИХ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЕГО ФАВОРИТКИ. МЫ ВИДИМ ЕГО АБСОЛЮТНО ВО ВСЕХ ВОЗРАСТАХ, ЧТО ПОКА ЧТО ЕЩЕ НЕТИПИЧНО И ЯВЛЯЕТСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ ЕГО ВЫСОКОГО ПОЛОЖЕНИЯ. ПОРТРЕТИРОВАТЬ ФРАНЧЕСКО, СТАРШЕГО СЫНА, НАЧАЛИ СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ, КАК И ПРОЧИХ ДЕТЕЙ ГЕРЦОГА КОЗИМО МЕДИЧИ И ЭЛЕОНОРЫ ТОЛЕДСКОЙ. ДЕТСКИЕ ПОРТРЕТЫ В ТУ ЭПОХУ ЕЩЕ БЫЛИ РЕДКОСТЬЮ — ДЕТИ НЕ СЧИТАЛИСЬ ОСОБЕННОЙ ЦЕННОСТЬЮ И ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО ПРОРЫВА ЕЩЕ НЕ СЛУЧИЛОСЬ. НО ГЕРЦОГСКОЙ ЧЕТЕ ЯВНО НРАВИЛОСЬ ИМЕТЬ ИЗОБРАЖЕНИЯ СВОЕГО ПОТОМСТВА. И ВДОБАВОК ОНИ МОГЛИ СЕБЕ ЭТО ПОЗВОЛИТЬ, ИМЕЯ НА СЛУЖБЕ ТАКОГО

ВЕЛИКОЛЕПНОГО ПОРТРЕТИСТА, КАК БРОНЗИНО. ПОСЛЕ ДЕТСКИХ ПОРТРЕТОВ КИСТИ БРОНЗИНО ПЕРЕД НАМИ ПРЕДСТАЕТ УГРЮМЫЙ ПОДРОСТОК НА ПОРТРЕТАХ ЕГО НАСЛЕДНИКА — АЛЛОРИ (ОН ТАКЖЕ ИСПОЛЬЗОВАЛ ПРОЗВИЩЕ УЧИТЕЛЯ — «БРОНЗИНО», ПОЭТОМУ ИНОГДА ВОЗНИКАЕТ ПУТАНИЦА, ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ИХ МАНЕРА СХОЖА). В ОСНОВНОМ АЛЛОРИ ЖЕ ПИШЕТ ФРАНЧЕСКО И КАК МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА. ДАННАЯ КАРТИНА ТАКЖЕ ПРИПИСЫВАЛАСЬ ЕГО КИСТИ, ТЕПЕРЬ СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ЕЕ АВТОР — ФЛОРЕНТИЕЦ САНТИ ДИ ТИТО.

Наконец, Бьянка разрешается от бремени девочкой, которую крестят Пеллегриной. Она кормит ее сама; никто не помогает ей ухаживать за ребенком. Сестра Пьетро уже успела выскочить замуж, причем у Бьянки мелькает мысль, что на ее приданое пошла часть якобы потраченных венецианских драгоценностей семьи Каппелло. Она пытается выяснить это у Пьетро, но тот дает Бьянке пощечину: она теперь его жена и своего мнения иметь не должна. Приложив холодный глиняный кувшин к щеке, Бьянка с ненавистью вспоминает, как, надев голубое парчовое платье, сидела на подоконнике своего роскошного венецианского особняка и ждала, когда этот красавец

пройдет по улице. Вспоминает со стыдом, как ночью не могла заснуть в жажде его прикосновений. Под предлогом выкармливания дочки она теперь не пускает мужа в свою постель и даже переезжает в освободившуюся комнату золовки — лишь бы видеть его поменьше!

Ее единственная радость теперь — улыбка младенца (которая — спасибо законам природы, — все-таки растапливает ее сердце, несмотря на все озлобление к ее отцу), воскресная прогулка в церковь. Единственное развлечение, — сидя на подоконнике расчесывать золотые кудри.

Однажды теплым летним вечером, когда все горожане высыпали на улицу подышать прохладой, Бьянка на своем подоконнике завидует им, вспоминая, как тоже щеголяла когда-то. Вдруг она замечает, что внизу какой-то угрюмый молодчик с отличной шпагой пристально смотрит на нее. «Это венецианский наемник!» — в ужасе думает она и убегает из комнаты к единственному человеку, с которым тут может разговаривать, — к больной свекрови. Та, лежа на кровати, гладит бедную девочку по голове и утешает, мол, может, это не охотник за наградой, может, все еще уладится, может, Пьетро найдет себе занятие.

Виновато ли платье, пусть и заштопанное,

золотые кудри, а может, прельстительные перси молодой матери, но, когда на следующий день Бьянка под вуалью выходит из дома к мессе, она видит того же угрюмого господина. Он пристально всматривается в ее пустое окно. Бьянка слышит вздох соседки, которая толкает ее локтем: «Это же Франческо, сын и наследник нашего герцога Козимо!» Тогда Бьянка понимает, отчего у него такая дорогая шпага.

Назавтра она надевает второе, еще незаштопанное, платье, распускает волосы, украшая их розой, купленной у сиротки-цветочницы с заднего крыльца, и занимает любимое место на подоконнике дома, который она так ненавидит. Она ждет, когда Франческо пройдет мимо. Всю прошлую ночь она металась на простынях без сна, мечтая — не об объятиях и жеребцах, а об уважении и доверии, о почете; наконец, просто о горничной, кухарке, поломойке, няньке и хотя бы еще одном новом платье! Никогда, клянется она себе, как бы ни был прекрасен мужчина, она не позволит себе потерять голову от страсти.

Проходит месяц.

Наследник рода Медичи жалует Бьянке милое палаццо в центре города. Пьетро получает государственную должность с большим жалованием;

флорентийские послы в Венеции делают все, что могут, чтобы отменить или хотя бы смягчить приговор.

Сыто улыбаясь, Бьянка сидит в мягком кресле в новом наряде из золотой тафты. Франческо устроился рядом на ковре, положив голову любовнице на колени. Она гладит его затылок. Прошлую ночь она одаривала его ласками, каких он не видел никогда за всю свою вельможную жизнь. Где только научилась? Мытье посуды в холодной воде, видно, способствует рождению колоссальной благодарности. Он обожает ее — она, так уж и быть, позволяет ему себя обожать. Нелюбящая, она (как позже будут шептаться) околдовала Франческо, выпила его душу, украла волю, подчинила себе все его желания. «Как легко получить от мужчины все на свете, когда не любишь его!» — торжествуя, раздумывает Бьянка над важным жизненным уроком.

О, урок, бесспорно, пошел на пользу: она уже наняла камеристку, трех горничных, мажордома, экономку, кухарку и посудомойку. Теперь у нее почти столько же прислуги, сколько было в детстве. На следующее утро у нее запланирован очередной визит дамского портного, а также ювелир. Франческо целует кончики ее тщательно

отманикюренных, но еще огрубевших пальчиков. Этой ночью она устроит ему еще одно потрясающее действо: да, она не любит его, но разве она обещала разлюбить само искусство любви? Да и возможно ли это, с ее красотой и темпераментом? Франческо поднимает голову и впивается поцелуем в пышную грудь прекрасной Бьянки. Когда он с ней рядом, с его мрачного лица исчезает угрюмость. В это время в далекой дождливой Праге бледная Иоганна, затянутая в сплющивающий бюст жесткий корсаж, со щеками, подпертыми жестким воротником, лежит на холодном полу часовни и молит Господа о том, чтобы тот послал ей в браке счастье.

* * *

И вот 18 декабря 1565 года свадебный кортеж, везущий Иоганну, въезжает во Флоренцию через Порто-аль-Прато. Невесту встречают фейерверками, костюмированными представлениями, фанфарами и гирляндами цветов. Лучшие художники Флоренции придумывали этот праздник.

Тоненькая Иоганна держится гордо, стараясь соблюсти достоинство, приличествующее императорской дочери. Ей очень страшно. Сейчас она увидит жениха, человека, который станет

путеводной звездой всей ее жизни. Она в предвкушении.

Ей представляют Франческо. От него пахнет фиалковыми духами, которыми Бьянка обрызгивает свое постельное белье.

Спустя полгода Иоганна абсолютно уверена, что 18 декабря был последним счастливым днем ее жизни.

Во-первых, у нее отобрали имя — теперь она «Джованна», с этими отвратительными визгливыми итальянскими интонациями, на предпоследнем слоге взлетающими вверх. Во-вторых, ее муж — замкнутый и мрачный человек, которому она неинтересна и неприятна. Бедняжка не знает, что когда он при знакомстве окинул взглядом ее щуплую плоскогрудую фигуру и увидел, что из его Бьянки можно скроить двух таких, как эта Иоганна, — уже тогда все было предрешено.

Иоганна на год старше Бьянки, но она не знает о жизни совсем ничего: мать умерла, рожая ее, старших сестер давно повыдавали замуж — принцессу воспитывали придворные старухи в несгибаемых юбках. Самое неприличное, слышанное ею в жизни, — история Иосифа и жены Потифара; самая сложная интрига в ее жизни — заговор с целью убедить мажордома подавать

по средам вишневое варенье вместо крыжовенного. Она ничего не видела, ничего не читала, ничем не интересуется. Франческо считает ее дурой, недостойной такого племянника, как юный принц Рудольф, с которым он переписывается на тему химии, алхимии и кунсткамер, которые они оба собирают. Прояви Иоганна хоть раз любопытство к желанию мужа разгадать секрет изготовления китайского фарфора… но нет — она ходит в церковь молиться.

Бьянка же расспрашивает его о каждом химическом опыте, о каждом малюсеньком открытии.

На протяжении медового месяца Франческо старательно обрабатывает свое поле, желая поскорей посеять семя и избавиться от этой нудной обязанности — обнимать то, обо что скорее можно набить синяки, и вернуться к мягким объятиям Бьянки. Он не тратит время на ласки жены — он со скукой выполняет долг. После первой брачной ночи хрупкая Иоганна полностью разбита и решает для себя, что наказание Евы за первородный грех действительно было тяжким.

Франческо Терци. «Портрет Иоганны Австрийской». 1565 г.

Музей истории искусства (Вена)

КАЗАЛОСЬ БЫ, СИТУАЦИЯ С ПОРТРЕТАМИ ИОГАННЫ ДОЛЖНА БЫТЬ ТАКОЙ ЖЕ, КАК С ПОРТРЕТАМИ
ЕЕ МУЖА ФРАНЧЕСКО И ЕГО ФАВОРИТКИ, — ТА ЖЕ ЭПОХА, ТЕ ЖЕ ХУДОЖНИКИ. НО ЕЕ ПОРТРЕТОВ МАЛО. ЕЕ ОТЕЦ ИМПЕРАТОР ФЕРДИНАНД I ЯВНО НЕ ПРОЯВЛЯЛ ТАКОГО ЖЕ ЧАДОЛЮБИЯ, КАК КОЗИМО МЕДИЧИ. ЕГО ПРИДВОРНЫЙ ПОРТРЕТИСТ ЯКОБ ЗАЙЗЕНЕГГЕР НАПИСАЛ ПОРТРЕТЫ ЛИШЬ НЕСКОЛЬКИХ ИЗ 14 ЕГО ДЕТЕЙ, ПРИЧЕМ НА САМОЙ ПРИМЕЧАТЕЛЬНОЙ КАРТИНЕ ИЗОБРАЖЕНЫ ТРИ МАЛЬЧИКА СРАЗУ (ОЧЕВИДНО, БОЛЕЕ «ЦЕННЫЕ» ДЕТИ, ЧЕМ ДЕВОЧКИ). ИОГАННА ЖЕ, КАК МНОГИЕ ДРУГИЕ АРИСТОКРАТКИ, ПРИОБРЕТАЛА ЗНАЧЕНИЕ, ЛИШЬ СТАНОВЯСЬ НЕВЕСТОЙ. БОЛЬШИНСТВО ЕЕ ПОРТРЕТОВ СОЗДАНЫ ОКОЛО 1565 ГОДА — ДАТЫ СВАДЬБЫ, И, ВИДИМО, СВЯЗАНЫ ЛИБО С ПОМОЛВКОЙ, ЛИБО С НОВЫМ СТАТУСОМ ЖЕНЫ. НА БОЛЬШИНСТВЕ ИЗ НИХ — И НА АВСТРИЙСКИХ, И НА ФЛОРЕНТИЙСКИХ, ИОГАННА ВЫГЛЯДИТ ДОСТАТОЧНО БЛАГООБРАЗНО. И ТОЛЬКО ДАННЫЙ ПОРТРЕТ, НАПИСАННЫЙ БЕРГАМЦЕМ

ФРАНЧЕСКО — ПРИДВОРНЫМ МАСТЕРОМ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРАТОРА, НЕ ТАК ЛЬСТИВО ДЕМОНСТРИРУЕТ
НАМ, ЧТО ДЕВУШКА, — ПОТОМОК ГАБСБУРГОВ НЕ ТОЛЬКО ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ, НО И ПО МАТЕРИНСКОЙ, К НЕСЧАСТЬЮ, УНАСЛЕДОВАЛА ДИНАСТИЧЕСКУЮ УРОДЛИВОСТЬ, КОТОРУЮ ПОЗЖЕ ТАК СИЛЬНО ПРОЯВИТСЯ В КОРОЛЕВСКИХ ПОРТРЕТАХ ВЕЛАСКЕСА.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА РЕДКИЙ ДЛЯ ЭТОЙ ЭПОХИ ПОЛНОРОСТОВОЙ ФОРМАТ ПОРТРЕТА: ОН ВОЗНИКНЕТ ИМЕННО В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ. В 1532 ГОДУ ЯКОБ ЗАЙЗЕНЕГГЕР НАПИСАЛ ПОЛНОРОСТОВОЙ «ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА КАРЛА V С СОБАКОЙ», В ТОМ ЖЕ ГОДУ ЕГО СКОПИРУЕТ ТИЦИАН, КОТОРЫЙ ПОСЛЕ ЭТОГО ПОПРОБУЕТ НОВЫЙ СМЕЛЫЙ ФОРМАТ ДЛЯ ОСОБО СМЕЛЫХ ЗАКАЗЧИКОВ. С ЛЕГКОЙ РУКИ ТИЦИАНА С СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА ФОРМАТ РАСПРОСТРАНИТСЯ В ИТАЛИИ.

Порой у Франческо не выдерживают нервы, и он сбегает в палаццо Бьянки Каппелло. Каждый раз за ним незамедлительно приходят посланники от его отца и выдергивают из любовного гнездышка. (Герцог Козимо I удалился от дел и сделал сына регентом, но, чтобы проследить,

как закрепляется союз с представительницей Габсбургов, он нарушил уединение и снова принимает участие в жизни города). Свекр Козимо, пожалуй, единственный, кто относится к тоненькой бледной Иоганне с теплотой. Ему льстит, что ему удалось обеспечить наследнику такой почетный брак.

Пожилой, разбитый болезнями герцог неловок в изъявлении симпатии и никогда бы не стал давать советы принцессе и делиться с ней жизненной мудростью, а зря — она так в них нуждается. Он выказывает ей свое расположение единственным способом, каким умеет, — покупает дорогую мебель, дарит фамильные драгоценности, приглашает лучших художников расписать ее покои. Козимо даже привозит с загородной виллы в город для нее знаменитый фонтан с Нептуном, лет сто назад созданный Вероккио для Лоренцо Великолепного.

Через некоторое время становится ясно, что прилежность Франческо пошла впрок — Иоганна почувствовала утреннее недомогание. Она очень рада — спать с грубым и мрачным мужем ей не очень нравится. И он рад — и ему не нравится проводить время с женщиной, которая еще более замкнута и застенчива, чем он.

Беременная Иоганна гуляет в сопровождении придворных дам по набережной Арно, греясь на солнце. Оранжевая каменная кладка горяча от его лучей. Лавры и апельсиновые деревья растут на склонах холмов. Как все здесь не похоже на родную Империю! Иоганна безумно скучает по прохладным пасмурным паркам, по дому, по придворным старухам в несгибаемых юбках, которые ее любили, о родном языке, об игрушках, о тех временах, когда ее брак с Франческо еще не был решен — и был шанс, что ее отдадут другому, не такому угрюмому, кому-то доброму и ласковому.

Маленькую Элеонору, которую называют в честь бабушки, покойной жены Козимо — Элеоноры Толедской, она рожает в феврале 1567 года. Иоганна расстроена, что это не мальчик, но первые месяцы материнства все же полны радости для нее.

Она, конечно, знакома с Бьянкой Каппелло — эта женщина, представленная ко двору, жена государственного чиновника Пьетро Буонавентури. На придворных церемониях принцесса приветствует ее улыбкой и кивком, точно так же как любую другую даму.

Но наступает день, когда Иоганна узнает, почему ее муж всегда мрачен с ней, узнает, где он

бывает счастливым и кто такая на самом деле Бьянка Каппелло. О, как повезло, что роды уже прошли, а то Бог знает, что случилось бы от этого потрясения с младенцем! Три дня Иоганна тихо плакала, запершись в своих покоях. Муж ее отсутствия и не заметил — во дворце он не появлялся.

К Петрову дню еще более бледная и худая, чем обычно, Иоганна, наконец, выходит из своих комнат, расписанных лучшими художниками Флоренции. Синяки у нее под глазами чернее дантова ада. В сад к ней медленными шагами спускается старый Козимо. Он садится рядом с невесткой и молча держит ее за руку. Ему стыдно перед ее отцом, покойным императором. Старик знает, что скоро встретится с ним на том свете.

Идут годы. Иоганна, глубоко оскорбленная, продолжает нести свое бремя. Франческо продолжает возделывать поле, а потом отдыхать душой на мягкой и душистой груди возлюбленной. Он дарит ей одну виллу за другой и осыпает драгоценностями, пока Иоганна рожает еще двух девочек — Анну и Ромолу.

Да, кстати: как-то на рассвете обнаглевшего дурака Пьетро Буонавентури по прозвищу «Золотые Рога», находят заколотым кинжалом на пороге дома, подаренного его жене Франческо.

Его самого в эти два дня в городе не было.

Это второй труп в этой истории.

* * *

Старый Козимо присоединился к отцу Иоганны в 1574 году. На похороны приехали все те из пятнадцати его детей, которые еще были живы, стало быть, пятеро. В их числе были Фердинанд (по-домашнему, на испанский манер, «Эрнандо») — второй по старшинству за наследником, и Пьетро — самый младший из сыновей их матери, бастарды ведь не в счет. Оба они, на зависть старшему, проблем с женами не имели: Эрнандо был священником, а Пьетро свою двумя годами позже задушит собачьим поводком.

«Зачем же так явно? — журили Пьетро при встрече старшие братья. — Разве нельзя было понезаметней, мышьяком?» А Пьетро лишь жмурился и довольно улыбался.

Этого Пьетро Иоганна не любит: с Леонорой ди Гарсия, которой суждено будет погибнуть от поводка, а пока она просто страдает от постоянных унижений, они подруги. Зато кардинал Эрнандо всегда находит у нее наитеплейший прием. Он шумный, веселый и жизнерадостный, с его уст не сходит улыбка человека, который любит все

радости жизни, от фалернского до фелляций. В своем искреннем интересе к людям кардинал — полная противоположностью угрюмому старшему брату, новому герцогу.

Ян ван дер Страт. «Лаборатория алхимика».

1570 г.

Палаццо Веккьо (Флоренция)

ОДНА ИЗ КАРТИН, УКРАШАЮЩИХ «СТУДИОЛО ФРАНЧЕСКО I» В ПАЛАЦЦО ВЕККЬО — КОМНАТУ, В КОТОРОЙ ГЕРЦОГ ЛЮБИЛ УЕДИНЯТЬСЯ И ЗАНИМАТЬСЯ ИСКУССТВАМИ И НАУКАМИ. НА НЕЙ ИЗОБРАЖЕНО ЛЮБИМОЕ ХОББИ ФРАНЧЕСКО — АЛХИМИЯ. ПРИЧЕМ НА КАРТИНЕ ПРИСУТСТВУЕТ И ОН САМ — ЭТО МУЖЧИНА В ЖЕЛТОМ В ПРАВОМ НИЖНЕМ УГЛУ. ЭТО ВКЛЮЧЕНИЕ ПОРТРЕТНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В ЖАНРОВУЮ КАРТИНУ ДЛЯ ДАННОЙ ЭПОХИ ИМЕЕТ СОВСЕМ ИНОЙ СМЫСЛ, ЧЕМ АВТОПОРТРЕТЫ И ПОРТРЕТЫ «В ТОЛПЕ» ПРЕДЫДУЩЕЙ ЭПОХИ. В XV ВЕКЕ ЭТО БЫЛО ВЫЗВАНО БЕДНОСТЬЮ ПОРТРЕТНОГО ЖАНРА В ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ, СЕЙЧАС ЖЕ — НАОБОРОТ, ЭТО СИМПТОМ ИХ ИЗБЫТКА, ПРИЗНАК СЛОЖНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИГРЫ. ТАКЖЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, ЧТО ЭТО НЕОБЫЧНОЕ ПОЛОТНО НАПИСАЛ ХУДОЖНИК ИЗ ФЛАНДРИИ, ГДЕ ТРАДИЦИИ ЖАНРОВОЙ ЖИВОПИСИ БЫЛИ БОЛЕЕ РАЗВИТЫ. А ЕЩЕ В КАРТИНЕ ЕСТЬ КОТ, ПОД ЛОКТЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПЕРСОНАЖА. ЭТО ТОЖЕ РЕДКОСТЬ.

Франческо интересуется лишь Бьянкой и сво-

ими техническими приборами. Он расследует секреты восточного фарфора и ставит алхимические опыты, воплощая александрийские тетрасомию, хризопею, да иозис (непременно оловом, свинцом и железом) в своей уединенной лаборатории. Эрнандо же волнует, почему на глазах у пожилой младшей горничной слезы, и отчего его секретарь расстался с любовницей, и как сделать так, чтобы Орсини помирились с Колонна, и что подарить поэту Чезаре Капорали, чтобы его следующая поэма была еще лучше предыдущей. Он был везде, видел все и все любил. Иоганна расцветает в его присутствии.

Эрнандо же испытывает к ней ту симпатию, которую громкие и солнечные мужчины часто питают к ледяным и хладнокровным женщинам, ради них пренебрегая вулканически прекрасными раскрасавицами, потому что в глубине души гордятся тем, что они — единственные, кто может заставить их улыбнуться.

На холодность мужа Иоганна кардиналу не жаловалась — да Эрнандо все видел сам. Уже десять лет, как Франческо, если кардинал был в городе, заставлял брата после обеда у Иоганны ужинать у Бьянки. Уже десять лет кардинал не уставал сравнивать обеих женщин и удивляться;

уже десять лет Франческо не переставал любить, а Иоганна ненавидеть. Одна Бьянка сохраняла спокойствие.

Зато Иоганна постоянно жаловалась на супруга брату — императору Максимилиану. За десять лет в ее сердце не осталось ни любви, ни верности долгу — одна лишь ненависть. Ее единственным утешением стала церковь; она не была способна ни читать, ни сочинять, ни музицировать — так выжгла и осушила враждебная страсть ее и без того сухую натуру.

Когда супруг соизволял прийти к ней во дворец, Иоганна встречала его немигающим взглядом и оскорбительными фразами — у нее не было другого способа сделать ему больно в ответ.

В ответ Франческо ненавидел ее с той же силой — и по контрасту с любовницей, и обороняясь от жениной злости. Печальная необходимость сделать сына, которую герцог исполнял без жалости или ласки, заставляла Иоганну страдать еще сильнее.

В своих письмах брату она описывала позор, на который ее выставляло пренебрежение мужа. Брат-император пересчитывал подати, доставляемые ему мужем Иоганны, и писал ей утешительные письма. Муж Иоганны увеличи-

вал налоги, чтобы выплатить долги императору, и проклинал всех Габсбургов — и мужчин, и женщин. Подданные выскребали последнее, ропща на рост налогов и проклиная его и его венецианскую шлюху и жалея законную супругу Иоганну.

Эрнандо тоже сочувствовал невестке. Но череда девочек, приносимых ею на свет (к Элеоноре, Анне и Ромоле постепенно прибавились Изабелла, Лукреция и Мария), все так же пока оставляла место наследника Тосканского герцогства за ним. Кардинал не сильно рассчитывал на этот престол, но все же его брат уже двенадцать лет как женат, а сына все нет.

В один жаркий летний день кардинал сидит в своем римском кабинете с видом на Санта-Мария-Сопра-Минерва, чешет за ухом любимую борзую и патриотически пьет красное тосканское санджовезе. Он раздумывает о гуре, внезапно постигшем его семью. Затем он подзывает камердинера, одевается и мчится домой, во Флоренцию.

Он входит в Палаццо Питти и видит Иоганну. Она так бледна, что похожа на пики Альп. «Ты уже знаешь?» — обращается он к невестке. Но тут входит его брат-герцог с сияющим от счастья лицом. Кардинал понимает, что что-то не так: он примчался им рассказать, что в Риме их люби-

мую сестру Изабеллу Медичи задушил муж, один из Орсини, застав с любовником — собственным племянником. А ему говорят о том, что у Франческо наконец родился сын Антонио.

Сына родила Бьянка. И поэтому Иоганна так бледна.

Шум падающих струй фонтана, созданного Вероккьо для Лоренцо Великолепного, который перевез для Иоганны покойный свекр после свадьбы, звучит в ее голове, сливаясь со звуками крови, пульсирующей в ушах.

Герцог тащит кардинала ужинать у Бьянки. Пышная молодая мать улыбается гордо и хищно. Иоганна лежит на каменных плитах церкви и ждет исповедника. Самоубийство — смертный грех, но этим утром она, замечтавшись, наматывала на палец шнур коричневой портьеры.

Пока бастард Антонио пускает пузыри на груди у кормилицы, император Максимилиан читает новые письма с жалобами от сестры, которая все же решила не доставлять любовникам удовольствия своей смертью. Мысль о том, что Тосканское герцогство может унаследовать ублюдок венецианки вместо императорских племянников, пусть пока не родившихся, Максимилиану не нравится. Он пишет грозное послание зятю и вассалу с при-

зывом Бьянку бросить, а супругу чтить и любить. Франческо, ухмыляясь, растворяет это письмо в серной кислоте. Красная сургучная печать с имперским орлом тает в сосуде, оставляя следы, похожие на потоки крови. Его брат-кардинал неодобрительно пожимает плечами. Ссориться с Габсбургами кажется ему неразумным.

А по городу ходят слухи. Бьянку народ не любит — потому что не любят деспота-герцога с его налогами. А еще, чтобы забеременеть, Бьянка — знают все — наполнила свой дом всякими медиками, знахарками, шарлатанами да астрологами. А еще она, говорят, в лаборатории не косметику с духами себе делает, а яды плодит и чаровство всякое. «Колдунья», «Колдунья!» — начинают ползти шепотки.

А еще, судачат на рыбном рынке, нечисто что-то с этим младенцем.

Что с младенцем что-то нечисто, но в ином смысле, понимает и придворный герцогский врач, осматривавший Бьянку. Через некоторое время он набирается решимости и рассказывает об этом Франческо. Что ответил ему на это герцог — неизвестно. Но это доходит и в Рим, до ушей кардинала Эрнандо.

Держа за пазухой показания служанки Бьянки,

некой Джованны Санти, он отправляется к брату — но тот отвечает ему так же, как и врачу, — отказывается принимать правду.

Эрнандо заглядывает навестить и невестку. Иоганна чахнет на глазах — с момента рождения Антонио муж к ней вообще не заходит. Не политическая необходимость и не хитрость двигают кардиналом, когда он протягивает ей прочесть запись слов служанки, — одна лишь жалость. Иоганна просматривает бумагу и отказывается верить своим глазам. Она перечитывает ее раз за разом.

Это признательные показания. Служанка рассказывает о том, что Бьянка, отчаявшись понести ребенка, приказала ей договориться с тремя беременными женщинами, и когда первая из них рожает мальчика, то за вознаграждение того относят во дворец и выдают за герцогского сына. Сама же Бьянка обложилась подушками и начала изображать беременность — это-то и приметил врач: не рожала эта женщина.

— А что мой муж? — спрашивает Иоганна.

— Герцог бормочет, что это выдумки и клевета, — отзывается кардинал.

Но через две недели Иоганна догадывается, что в глубине души герцог осознал, что Бьянка обма-

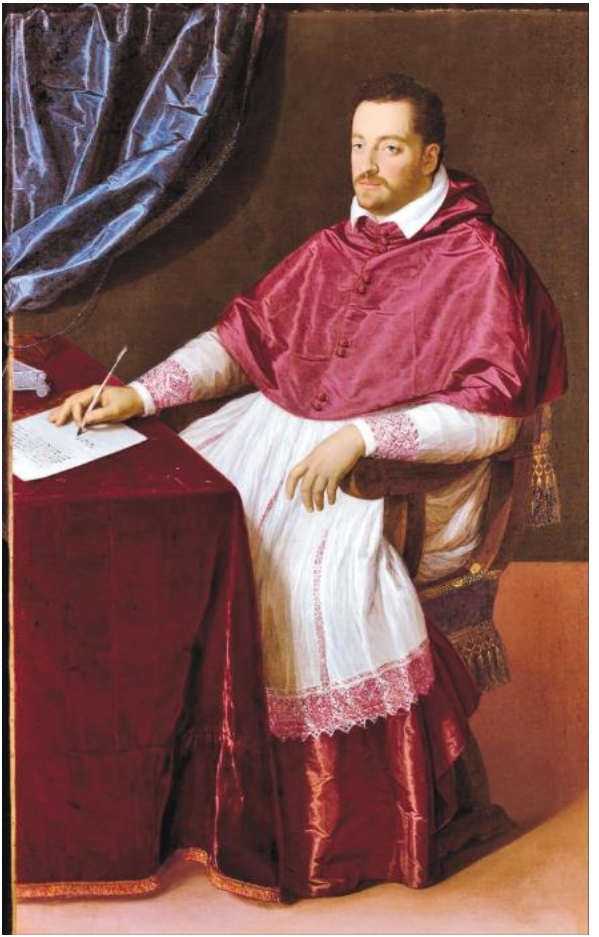
нула его. Он снова начал посещать ее спальню, а ведь он совсем было прекратил это делать, узнав о рождении Антонио. Ее тело снова разбито и перепахано, но радость так торжествует в ее душе, что Иоганна не чувствует грубостей супруга.

Ничего странного в том, что она опять беременеет, нет. Но то, что затем, после тринадцати лет брака и шести девочек она, наконец, производит на свет сына, — это чудо. Иоганна знает, что не молитва к Господу произвела это чудо, а та мстительная радость, которая охватила ее, когда она узнала об разоблаченном обмане ненавистной шлюхи. Ее вера в Бога чуть поколеблена, но она приписывает это своему болезненному состоянию.

Кардинал Эрнандо в Риме получает письмо о том, что у его брата наконец появился законный наследник. Он пожимает плечами — он давно ожидал этого события. Не так обидно, что престол у кардинала отнимает племянник императора, как если б Франческо узаконил своего бастарда-кукушонка — вот тогда б кардинал действительно расстроился. Эрнандо благочестиво крестится — Бьянка всегда так любезна и вежлива с ним, но он ее терпеть не может, хитрую бестию, и желает ей провалиться. Рыбак рыбака.

Затем он протягивает руку за флягой с «жженым вином», привозимым из французского города Коньяк. Круглая фляга ложится в ладонь удобно, как женская грудь.

Бьянка Каппелло в своем палаццо получает записку о том, что у ее любовника родился настоящий сын. Она раздосадована и тоже пожимает плечами в бессилии. Как женщина мудрая, она приказывает собрать вещи и вместе с кукушонком Антонио уезжает из Флоренции на загородную виллу Пратолино.



Шипьоне Пульцоне. «Портрет кардинала Фердинандо Медичи». 1580 г.

Художественная галерея Южной Австралии (Аделаида)

В ДЕТСТВЕ КАРДИНАЛ ТОЖЕ БЫЛ ОДНОЙ ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ МОДЕЛЕЙ БРОНЗИНО, ОДНАКО ЧИСЛО ЕГО ПОРТРЕТОВ ГОРАЗДО МЕНЬШЕ, ЧЕМ У СТАРШЕГО БРАТА ФРАНЧЕСКО, ВЕДЬ ОН НЕ БЫЛ НАСЛЕДНИКОМ ПРЕСТОЛА, А ВСЕГО ЛИШЬ ДЕВЯТЫМ ИЗ ОДИННАДЦАТИ ДЕТЕЙ, ШЕСТЫМ ИЗ СЫНОВЕЙ. НА ЭТОМ ПОРТРЕТЕ ОН ПРЕДСТАЕТ В ТРАДИЦИОННОЙ ИКОНОГРАФИИ ДУХОВНОГО ЛИЦА — В КАРДИНАЛЬСКОМ ОБЛАЧЕНИИ, ЗА СТОЛОМ, С ПЕРОМ В РУКЕ. ЭТА ПОЗА, МЕБЕЛЬ И АТРИБУТЫ ГОВОРЯТ О ТОМ, ЧТО ЕГО ОРУЖИЕ — СЛОВО, А НЕ МЕЧ, В ОТЛИЧИЕ ОТ СТАРШЕГО БРАТА-ГЕРЦОГА.

ПОКАЗАТЕЛЬНО,
ЧТО ПОЛНОРОСТОВОЙ ФОРМАТ В 1580-Е ГОДЫ — УЖЕ НЕ ОСОБЕННЫЙ ЭКСКЛЮЗИВ ДЛЯ ОСОБО ВАЖНОГО ЗАКАЗЧИКА, КАК ЭТО БЫЛО РАНЕЕ, А ПРОСТО ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ. ХОТЯ, РАЗУМЕЕТСЯ, ПОРТРЕТЫ В ПОЛНЫЙ РОСТ ИЗ-ЗА СВОЕГО БОЛЬШОГО РАЗМЕРА (ОБЫЧНО ОНИ ПИСАЛИСЬ В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ) ВСЕГДА БЫЛИ ПАРАДНЫМИ И ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ ДЛЯ

ВНУШЕНИЯ ПОЧТЕНИЯ ГОСТЯМ.

Восторгов герцога по поводу рождения законного сына, крещенного Филиппом в честь кузена, короля Испании, хватает ненадолго. Он не может общаться с Иоганной, которая, хоть и светла, и спокойна, но все также холодна как железо — и взглядом, и телом. Она возится с младенцем и улыбается ему, как никогда не улыбалась мужу, — Франческо, конечно, забыл те первые дни после венчания. Единственное, о чем жалеет Иоганна, — это о том, что в свои восемнадцать лет она не знала о жизни того, что знает сейчас. О, она бы повела себя совсем иначе! Но с чистого листа, увы, не начать, и в этом браке у обоих супругов есть роли, которые не изменить.

Она больше не устраивает скандалов мужу, но он неспособен увидеть, что в доме от этого прибавилось тепла: он скучает. Угрюмый Франческо не находит себе места — он не видел Бьянку уже месяц или два.

Он тоскует. Он не может без нее. Затем он делает Иоганне нового ребенка, а после завтрака сбегает из дворца и стремглав мчится к Бьянке.

Бьянка, чуть начинающая толстеть, сидит в своем кресле, напоминающем королевский трон, и гладит голову любовника — Франческо

тоже уже не так строен, как прежде. Маленький Антонио ползает по ковру. Через пару лет она признается ему, что это чужой сын, но повинится лишь потому, что видит — он знает правду, и давно ее простил. И для герцога это действительно их общий ребенок.

Иоганне сообщают, что муж уехал. У нее язва и мигрень. Она засыпает душным полуднем, и ей снится сон, что старшим сыном Козимо был Эрнандо, а не Франческо, и ее отдали замуж за веселого, а не за угрюмого. Ей грезится, что они лежат вместе в постели и смеются так, как смеются люди, любящие друг друга, как смеялась ее горничная, которую Иоганна случайно увидела с женихом, как смеялся ее брат, обнимая круглолицую Анну фон Обризон.

Она просыпается с румянцем и улыбкой. Она знает, что то, что ей приснилось про мужниного брата, вдобавок, священника, — грех. Но сознаваться на исповеди в нем она не будет. Она чувствует, что Господь уже давным-давно за ней не присматривает и не слушает ее молитв. Иоганна берет с блюда сочный персик и кусает его. Сладкий липкий сок стекает по ее щекам и шее. Она смеется.

А Франческо пышным пиром и тонкими ви-

нами празднует свое воссоединение с любимой. Пустяки, что ей уже тридцать и с момента их знакомства прошло тринадцать лет, в его глазах она все так же прекрасна. За время ее отступления на загородную виллу (стратегического, как ясно всем дочерям Евы), Франческо почувствовал, насколько он ее обожает. И насколько сильно ненавидит бесцветную супругу.

Питер Пауль Рубенс. «Портрет Франческо I Медичи». Ок. 1621–1625 гг. Лувр

ДОЧЬ ФРАНЧЕСКО И ИОГАННЫ МАРИЯ МЕДИЧИ В 1600 ГОДУ, ВЫЙДЯ ЗАМУЖ ЗА ГЕНРИХА IV, СТАЛА КОРОЛЕВОЙ ФРАНЦИИ. В 1620-Е ГОДЫ ОНА ЗАКАЗАЛА СВОЕМУ ЛЮБИМОМУ ЖИВОПИСЦУ И ДРУГУ РУБЕНСУ ЦИКЛ ПОЛОТЕН, ВОСПЕВАЮЩИХ СЕБЯ. СЕГОДНЯ УКРАШЕННАЯ ЭТИМИ ДВАДЦАТЬЮ С ЛИШНИМ КАРТИНАМИ «ГАЛЕРЕЯ МЕДИЧИ» В ЛУВРЕ ПОТРЯСАЕТ ВООБРАЖЕНИЕ. БОЛЬШИНСТВО ИЗ ЭТИХ КАРТИН АЛЛЕГОРИЧЕСКИ, ПЫШНО И ЗАПУТАННО, В ОБЫЧНОМ СТИЛЕ РУБЕНСА, ИЛЛЮСТРИРУЮТ РАЗЛИЧНЫЕ ЭПИЗОДЫ ЖИЗНИ МАРИИ — ПОМОЛВКУ, СВАДЬБУ, КОРОНАЦИЮ, ОДНАКО ЦИКЛ ТАКЖЕ ВКЛЮЧАЕТ ВПОЛНЕ СТАНДАРТНЫЕ ПОРТРЕТЫ ЕЕ РОДИТЕЛЕЙ. ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЭТИХ ПОРТРЕТОВ РУБЕНС ИСПОЛЬЗОВАЛ ПРИЖИЗНЕННЫЕ
ИЗОБРАЖЕНИЯ ГЕРЦОГСКОЙ ЧЕТЫ, СОЗДАННЫЕ ИТАЛЬЯНСКИМИ ХУДОЖНИКАМИ, ПЕРЕДЕЛАВ ИХ В СВОЕМ, БОЛЕЕ ПЫШНОМ СТИЛЕ — РАСПРОСТРАНЕННАЯ ТРАДИЦИЯ В ТО ВРЕМЯ. ПРИ СРАВНЕНИИ РУБЕНСОВСКОГО ПОРТРЕТА НЕМОЛОДОГО ФРАНЧЕСКО С АНАЛОГИЧНЫМИ ФЛОРЕНТИЙСКИМИ КАРТИНАМИ МЫ ВИДИМ,

ЧТО В ПЕРЕДАЧЕ УСТАВШИХ ЧЕРТ ЛИЦА И ПОПЛЫВШЕЙ ФИГУРЫ ФЛАМАНДЕЦ БЫЛ ВПОЛНЕ АККУРАТЕН. А ОЩУЩЕНИЕ ПЫШНОСТИ СОЗДАЕТСЯ ЗА СЧЕТ СВЕРКАЮЩИХ КРАСОК РУБЕНСА И НАСЫЩЕННОЙ, СВЕТОНОСНОЙ АТМОСФЕРЫ. ОН КАК БУДТО СТАВИТ СВОИХ ГЕРОЕВ ПОД СВЕТ ПРОЖЕКТОРОВ, ТОГДА КАК СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ МАСТЕРА СЛОВНО РАБОТАЮТ В СУМЕРКАХ.

Любовники, лежа на постельном белье, пахнущем фиалками, разговаривают об этой гусыне. Бьянка в глубине души знает, что герцогиня из нее вышла бы получше. Ведь она и есть настоящая герцогиня, ведь в сердце герцога она — супруга, а не Иоганна! А сестра императора просто занимает ее место. Франческо же мучает страх снова потерять Бьянку — ведь уехала она из Флоренции, потому что Иоганна родила ему сына. Его тактичная возлюбленная не хотела мешать счастью, а сейчас Иоганна опять на сносях.

Через некоторое время пара возвращается в город. Начинается прежняя жизнь герцога на два дома. А когда наступает апрель и Иоганне через три недели рожать, ей становится совсем трудно двигаться. Прочитав письмо, что кардинал скоро приедет из Рима и привезет ей очередной

презент, она садится на носилки и просит лакеев вынести ее в сад.

На лестничной площадке два лакея выпускают носилки из рук. Они переворачиваются и скачут по мраморным ступенькам.

Иоганна лежит у подножия лестницы. Из нее течет кровь. Ее переносят в комнаты.

Она мучается всю ночь, рожает мертвого мальчика и наутро умирает сама. Декоративная штукатурка облетает со стен дворца от ее криков боли.

Это третий труп в этой истории. Через три месяца Франческо тайно венчается с Бьянкой.

Кардинал узнает новость о смерти Иоганны из личного письма герцога.

Их младший брат Пьетро в своем послании в Рим добавляет подробностей. Почему носилки выскользнули из рук лакеев — случайно или намеренно, не докажет никто. Не Пьетро, любителю собак, порицать женоубийц, он лишь описывает сцену, которую он наблюдал при похоронах Иоганны. Франческо скакал на своем вороном скакуне в голове погребальной процессии. Вид у него, трауру вопреки, был цветущий. Он даже улыбался — чего публика не видела годами. Бьянка же, надев голубое парчовое платье и рас-

пустив золотые волосы, сидела на подоконнике дворца, подаренного ей любовником. Когда гроб везли мимо ее дома, герцог помахал ей рукой и прокричал приветствие. И она отвечала ему, перегнувшись через подоконник и улыбаясь.

Кардинал представляет себе крики боли, которые издавала всю ночь в родах бледная умирающая Иоганна, всегда такая спокойная и ледяная, вспоминает, как она улыбнулась ему и только ему, когда он в последний раз привез ей подарок — забавную польскую карлицу.

Эрнандо бросает хрустальной чернильницей об стену, и она разбивается вдребезги. «Но все же не так тихо, как мышьяком!» — кричит он своему старшему брату через триста лиг, разделяющих Рим и Флоренцию.

В октябре ему приходится ехать на торжественную публичную свадьбу. Он еще не знает, что любовники уже обвенчались, и поэтому пытается отговорить брата от необдуманного шага, перечисляет ему европейских принцесс, брак с которыми принес бы пользу стране.

Но Франческо не слушает кардинала. Он улыбается счастливой улыбкой молодожена, немного неуместной на лице человека, который спит с невестой уже полтора десятилетия; на коленях у

него играет «сын» Антонио. Взгляд его устремлен в окно. Со стены государственного здания напротив сбивают инициал Иоганны, заменяя его на новенькое «Б». По мнению Франческо, оно намного удачнее смотрится в переплетении с литерой «Ф». Кардинал едва удерживается от искушения смачно сплюнуть, наподобие римского возчика, на драгоценный персидский ковер «беллини», и выходит в другие комнаты. Там его ожидает неаполитанский посланник, на губах которого лишь другой дипломат может заметить мимолетную улыбку, когда с улицы слышится песня «Иль гран дука ди Тоскана а спозата ла путана…».

Настроение у кардинала отвратительное. Посланник Габсбургов демонстративно покидает Флоренцию. Правитель Мантуи разрывает помолвку сына с одной из герцогских дочерей. У Эрнандо возникает ощущение, что его старший брат не чувствует никакой ответственности за страну, в которую столько труда вложил их отец, старый герцог. Единственные, кто доволен, — венецианцы: им очень полезно, что представительница одной из их знатных семей, пусть и с такой репутацией, стала супругой главы Флоренции. Они жалуют ей титул, в их республике равный монаршьему, — «дочь святого Марка»,

и поэтому брак становится не морганатическим. И не стыдно: Каппелло — сенаторский род, а мать ее была из Морозини, то есть династии, которая дала городу троих дожей. После новости об официальном венчании венецианцы устраивают в лагуне торжественные празднества, шествия и роскошную регату.

Новоиспеченная «истинная и исключительная дочь нашей Синьории», герцогиня флорентийская, шествует по залам дворца, расписанного Вазари и Алессандро Аллори (племянником великого Бронзино), приветственно кивает новоиспеченному зятю-кардиналу. Наклон ее головы медлителен, полон достоинства и снисходительности. Так его могла бы поприветствовать императрица константинопольская — если б Второй Рим не был захвачен турками, а все императрицы — истреблены. На этом пункте Эрнандо задумывается.

В течение следующих лет эта мысль возвращается к Эрнандо все чаще и чаще. Иногда он снова приезжает домой, во Флоренцию, чтобы каждый раз поссориться с братом из-за того, что тот не может восстановить прежние политические союзы, помириться с сюзереном-императором, да и просто вернуть себе монаршее достоинство.

Вдобавок в самой Тоскане дела неладны. Народ ненавидит дурного правителя Франческо, а Бьянку открыто называет «колдуньей» и «шлюхой» и бросает в нее гнилыми овощами, если та выезжает в торжественных процессиях. Бьянка старательно позирует придворному живописцу Алессандро Аллори, но ни одна из картин не получается столь же прекрасной, как портреты ее свекрови Элеоноры Толедской кисти его учителя Бронзино. И виноват, конечно, не художник.

Разговоры о том, что Иоганну убили, не утихают. Через четыре года после ее смерти умирает ее единственный сын, маленький Филипп, — это уже четвертый покойник. Бьянка делает вид, что не слышит новых обвинений, но, когда ей в карету забрасывают дохлую кошку, испортив любимое платье, она распоряжается раздавать от ее имени милостыню всем городским нищим и демонстративно заказывает заупокойные мессы в память Иоганны и Филиппа. Это не помогает. Оскорбительные крики сопровождают ее теперь всегда. Флорентийцам не нравится в ней решительно все, даже то, что она предпочитает одеваться по роскошной и сладострастной венецианской моде, удачно обрисовывающей ее телеса, чем по более сдержанной местной.

Кардинал Эрнандо приезжает принести брату соболезнования в связи со смертью наследника. Дворец пуст. Дела запущены. Кардинала все знают, и к нему приходят с жалобами на казнокрадство и налоги. Старый советник отца, отведя его в сторону, рассказывает Эрнандо, что после смерти сына Филиппа герцог уехал далекую виллу у подножья Аппенинских гор и погрузился на свое горе. Даже Бьянка, отправившаяся вслед за мужем, не может вывести его из этого состояния.

Спустя полгода герцог все же возвращается во Флоренцию. Особым указом он провозглашает, что Антонио больше не его бастард, а единственный законный сын. Братьев Эрнандо и Пьетро, которые, схватившись за голову, бегают по дворцу и просят его не позориться, он не слушает. Вдобавок Бьянка опять объявляет, что беременна. Но ничего не выходит — то ли потому, что ей уже тридцать пять, то ли потому, что она теперь не любовница, а герцогиня и ее постоянно окружает свита. А многие женщины из этой свиты — давние подруги кардинала, и им известно о предыдущем фокусе с ребенком.

После скандала из-за кукушонка, в который вылился последний разговор Франческо с кардиналом, Эрнандо уезжает в Ватикан, хлопнув

дверью и поклявшись больше никогда не давать советов слепцу.

Он верен своему слову целых пять лет. Но родственники не оставляют надежды помирить братьев; к тому же стремится высшая знать и клир Флоренции. Однажды их усилия увенчиваются успехом: Эрнандо снова в Тоскане. Вместе с архиепископом Флоренции он обедает у герцога и его супруги на их загородной вилле Поджоа-Кайано. Его знакомят с подросшим Антонио — черты лица мальчика безобразны и никак не свидетельствуют о благородном происхождении. Бьянка сильно растолстела. Смешная карлица приносит ей резной перламутровый веер — это та самая маленькая полька, которую он десять лет назад подарил Иоганне. За столом разговор о какой-то должности: архиепископ отзывается о кандидате как о взяточнике и негодяе, Бьянка говорит, что это достойный человек. «Мне кажется, что моя супруга права, я думаю, стоит отдать эту должность ему», — произносит Франческо. Кардинал не выдерживает и выходит подышать свежим воздухом на балкон.

Затем он возвращается. На шее у Бьянки ожерелье с топазами, которое он видел на шее у матери, а после рождения первой дочери Козимо

преподнес их своей невестке. Светло-голубые камни очень шли к ледяной красоте Элеоноры Толедской и Иоганны Австрийской; на груди же венецианской шлюхи они смотрятся как жир на колбасе — по крайней мере, так кажется Эрнандо. У него кружится голова.

Шипьоне Пульцоне. «Портрет Бьянки Каппелло». 1584 г. Музей истории искусства (Вена)

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОРТРЕТОВ БЬЯНКИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЙ ЕЕ В 36-ЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ. ПРИНАДЛЕЖАЛ ВЕНЕЦИАНСКОМУ ПАТРИЦИЮ ФРАНЧЕСКО БЕМБО И НАХОДИЛСЯ В ЕГО ДОМЕ, О ЧЕМ СОХРАНИЛИСЬ ДОКУМЕНТЫ. ДАННАЯ КАРТИНА БЫЛА КОПИЕЙ С БОЛЕЕ КРУПНОГО (И, ВОЗМОЖНО, ПОЯСНОГО ИЛИ ЕЩЕ БОЛЕЕ КРУПНОФОРМАТНОГО) ПОРТРЕТА БЬЯНКИ, КОТОРЫЙ НЕ СОХРАНИЛСЯ. ОРИГИНАЛ, ОЧЕВИДНО, ГЕРЦОГИНЕ ОЧЕНЬ НРАВИЛСЯ — С НЕГО ДЕЛАЛОСЬ МНОГО КОПИЙ, В КОТОРЫХ МОДЕЛЬ «ОДЕВАЛИ» В ДРУГИЕ ПЛАТЬЯ, СТАВИЛИ ПО-РАЗНОМУ РУКИ. НЕИЗМЕННЫМ ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО ЛИЦО. КОПИИ ЭТИ ОТЛИЧАЮТСЯ САМЫМ РАЗНЫМ КАЧЕСТВОМ, НО ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ОНИ НИЗКОГО УРОВНЯ.

Она рассказывает ему о письмах, которые патриций Франческо Бембо шлет ей из Венеции.

— Он родственник знаменитого гуманиста и поэта Пьетро Бембо, разумеется, — уточняет Бьянка. — Мать Пьетро, кстати, была из венецианского рода Морозини, как и моя родная матушка, ты, конечно, знаешь об этом.

Недавно этот Бембо был во Флоренции, видел ее портрет работы Шипьоне Пульцоне и был им поражен. По его просьбе и приказу Бьянки худож-

ник выполнил его небольшое повторение, тоже с красной гвоздикой в декольте, которое Бембо увез с собой на родину герцогини. Теперь Бембо регулярно пишет ей о том, как ее портрет в его доме стал предметом настоящего паломничества — все восхищаются и ее красотой с величавостью, и мастерством Пульцоне — знатные люди, поэты, писатели, духовенство. Венецианские живописцы пишут с этой картины свои копии, чтобы научиться его лишенной венецианской слащавости манере, мелкому и тщательному мазку — сам Тинторетто, один из Бассано и Веронезе.

— Бембо пишет, что благодаря своим портретам и покровительству различным искусствам я так же войду в историю, как Симонетта Веспуччи и Изабелла д'Эсте!

Через весь стол кардиналу слышен смех Бьянки, он кажется ему невыносимо вульгарным.

Франческо улыбается жене: «Я помню, как впервые увидел тебя, ты была в платье точно такого же оттенка. Невероятно, это было двадцать три года назад». Эрнандо смотрит на него с презрением, если бы у него была жизнь брата, он бы прожил ее совсем по-другому. «Протяните мне свои бокалы, — говорит он. — Я налью вам то самое удивительное «жженое вино» из фран-

цузского города Коньяк, о котором рассказывал».

Десять дней спустя после этого обеда после тяжелого приступа судорог герцог Франческо умирает. Бьянка присоединяется к нему на следующее утро. Последние дни они провели в невероятных мучениях. Прислуге казалось, что от их криков осыпались фрески Понтормо и дель Сарто, украшавшие прекрасную виллу Поджо-а-Кайано. Малярия — сказали врачи семьи Медичи. Мышьяк — ответили криминалисты, вскрывшие в 2006 году их захоронение.

Труп Франческо — пятый в данной истории; шестым, таким образом, становится труп самой Бьянки.

* * *

Эрнандо берет в свои руки власть незамедлительно и энергично. Все знают жизнерадостного и активного кардинала, и все его приветствуют. Ему 38 лет, и бесхозную Флоренцию радует его решение снять сан, жениться на одной из европейских принцесс, брак с которой принес бы пользу стране, и побыстрей произвести наследника.

Флоренция рада, что наконец досталась веселому из братьев, а не угрюмому. Теперь он «герцог

Фердинанд Медичи».

Он подписывает приказ о похоронах.

Торжественная погребальная процессия провозит тело умершего Франческо через весь город. Его хоронят в фамильной усыпальнице Сан-Лоренцо бок о бок с Иоганной. Бьянку закапывают втайне, без церемоний и в неизвестном месте. Маленького Антонио объявляют незаконным и отдают в орден иоаннитов — Мальта такой милый остров и неблизкий.

Наутро после похорон новый герцог Фердинанд выглядывает в окно. С государственного здания напротив сбивают инициалы Бьянки Каппелло. Стоящий на лестнице мастер, ударив себя молотком по пальцу, произносит в сердцах «Порка Мадонна!», а подмастерье подает ему снизу «И», красовавшуюся на фасаде десять лет назад.

№ 12. Сонет Барбары Торелли

Никколо Фьорентино (школа). «Портрет Барбары Торелли Бентивольо».

Оригинал — ок. 1491 г.; копия — XIX в. Частное собрание

ЧТОБЫ ПОРТРЕТ СЧИТАЛСЯ ДОСТОВЕРНЫМ

ИЗОБРАЖЕНИЕМ РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ, ЛУЧШЕ ВСЕГО, ЧТОБЫ НА НЕМ ИМЕЛАСЬ НАДПИСЬ С ИМЕНЕМ МОДЕЛИ, СДЕЛАННАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ВО ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ РАБОТЫ ЖЕЛАТЕЛЬНО САМИМ АВТОРОМ. ПОРТРЕТНЫЕ МЕДАЛИ С ЭТОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ — ПРЕДМЕТ ИДЕАЛЬНЫЙ: НАДПИСАННОЕ ИМЯ ДЛЯ НИХ — ПРАКТИЧЕСКИ ПОСТОЯННЫЙ ЭЛЕМЕНТ. ПРАВДА, БЫВАЮТ И МЕДАЛИ С ГЛАДКИМ ФОНОМ, ТОГДА ИМЯ, ГЕРБ, ЛИЧНУЮ ЭМБЛЕМУ ИЛИ АЛЛЕГОРИЮ ИЩУТ НА ОБОРОТЕ МЕДАЛИ И С ПОМОЩЬЮ ЭТОГО ЗНАКА ПЫТАЮТСЯ ВОССТАНОВИТЬ ИМЯ. ИСКУССТВОВЕДЫ ЧАСТО ИСПОЛЬЗУЮТ РЕНЕССАНСНЫЕ ИМЕННЫЕ МЕДАЛИ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ БЕЗЫМЯННЫХ ЖИВОПИСНЫХ ПОРТРЕТОВ (АНАЛОГИЧНЫМ ОБРАЗОМ ПО МОНЕТАМ ОПОЗНАЮТ АНТИЧНЫЕ БЮСТЫ).

ДАННОЕ ЧЕКАННОЕ ПРОФИЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ БАРБАРЫ ТОРЕЛЛИ СОЗДАНО В 1490-Е ГОДЫ. СО ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МЕДАЛИ ПИЗАНЕЛЛО 1438 ГОДА ЭТОТ ЖАНР ПРОШЕЛ БОЛЬШОЙ ПУТЬ И К ЭТОМУ МОМЕНТУ УЖЕ СТАЛ СТАНДАРТНЫМ МЕТОДОМ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ (И ДОСТАТОЧНО ДЕШЕВЫМ).

ПОРТРЕТ, СКОРЕЙ ВСЕГО, СВЯЗАН СО СВАДЬБОЙ БАРБАРЫ И ЭРКОЛЕ БЕНТИВОЛЬО В 1491 ГОДУ. СУЩЕСТВУЕТ ПАРНАЯ МЕДАЛЬ, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ МУЖА.

Венеция, 1713 год

В одной далекой северной стране tzar Peter Alexejewitsch сражался с храбрейшим, благороднейшим и наделенным множеством достоинств монархом — Карлом Двенадцатым из династии Пфальц-Цвейбрюкен; в более близком Париже беззубый 75-летний Король-Солнце бродил, шаркая ногами, по зеркальным галереям, ныне скучным и по-старчески ханжеским, где больше не играла веселая музыка и молчали виолы-да-гамба. Здесь же, в Венеции, наоборот, царил праздник — впрочем, как обычно. Мессер Джироламо Баруффальди, высокий священник с породистым носом, мозолью на пальце от железного карандаша и манжетами в чернильных пятнах, изгнанный из Феррары римским папой из-за какого-то мелкого спора, поэт и ученый, сидел за своим письменным столом и смотрел в окно.

Восхитительные венецианки в платьях из лазурной органзы и пунцового броката проплывают мимо, возлежа в гондолах и бросая в окно

к Джироламо бутоны роз. Он чувствует аромат их крепких духов и запах сладкого белого вина, летящий от кавалеров, но ему не хочется присоединиться к ним. Мысли его занимает другая дама. Прекрасная. Загадочная. Умершая лет двести тому назад.

Он взял лист бумаги. Лист дразнил своей чистотой. Он начал писать о ней.

Феррара, 1508 год

Ж

енщина остается красивой в веках, только если о ней написали поэты. Поэт Пьетро Бембо называл Барбару Торелли «редчайшей» — он, Бембо, которому отдала сердце сама Лукреция Борджиа!

Поэт Эрколе Строцци пренебрег ради Барбары Торелли своим правилом — писать стихи только на благородной латыни, и сочинял сонеты на вульгарном итальянском — лишь только бы она их поняла, прекрасная Барбара, восхитительная Барбарелла.

Он познакомился с нею, когда ей было уже почти тридцать, а его младший брат собирался жениться на ее старшей дочери, но Эрколе было все равно. Ее лицо не было идеальным, но она улыбалась так пленительно, а мягкий голос ее

был таким теплым и ласковым — несмотря на все неприятности, которыми была наполнена ее жизнь, — что Эрколе Строцци потерял голову.

И вот хромоногий коротышка Строцци, который всю жизнь ходил с костылем и при этом был самым очаровательным, по утверждению дам, мужчиной в Ферраре (двое бастардов, рожденных ему этими дамами, подтверждали это мнение), начал ухаживать за тещей своего брата.

Богатой, знатной, образованной, красивой и замужней.

И он составлял такой контраст с ее супругом — суровым солдатом на службе Чезаре Борджиа, однажды кулаком прикончившим солдата на ее глазах, что Барбара сопротивлялась недолго.

Впрочем, никто из тех, кто знал историю ее замужества, Барбару в этом не винил.

Когда Барбареллу Торелли выдали замуж за графа Геркулеса Бентиволио, сына покойного владетеля Болоньи, ей было пятнадцать, а ему тридцать два. Эта разница в возрасте не так важна, если девушку отдают мужчине, уважающему дамскую слабость. Но оказывается огромной, ежели жених — задубелый ветеран войн, оставшийся без наследства кондотьер, сын бастарда и внук бастарда знаменитого Муцио Аттендолы

Сфорца, меткий стрелок и убийца, никогда не имевший своего домашнего очага.

Он не был нежен с новобрачной, и с того дня — до самого триумфа Эрколе Строцци бедная Барбарелла смотрела на всех мужчин с тем едва заметным оттенком страха, который подчас является невольным наследием очень сильной боли.

Уже беременная, она заводит солдату Бентиволио дом, пожалуй, первый в его бродячей жизни, после давно потерянного родительского. Они поселились в Пизе, правительству которой он на несколько лет продает свою шпагу. На свое богатое приданое Барбара со вкусом обставляет комнаты и начинает потихоньку собирать библиотеку, которая служит ей отрадой во время продолжительных отлучек мужа. Две девочки, Констанца и Джиневра, появившиеся одна за другой, радуют материнское сердце, ползая по афганским коврам цвета весенних трав и алых тюльпанов.

А когда Бентиволио возвращается со службы, она собирается с силами и, вежливо улыбаясь, принимает адресованные ей упреки за плохо приготовленный обед, дурную погоду, дезертирство его солдат, задержку жалования, солнечные затмения и, конечно, за то, что она до сих пор не

родила ему сына.

Иногда за все перечисленное он ее бьет. Барбарелла не рассказывает об этом даже матери, мадонне Паоле.

Вдовая Паола, внебрачная внучка маркиза Лодовико III Гонзага, приходится двоюродной сестрой урбинской герцогине Елизавете Гонзага и мантуанскому маркизу Франческо II — мужу знаменитой Изабеллы д'Эсте, и потому прекрасно проводит время при лучших дворах Италии, считая, что удачно пристроила дочь за доблестного военачальника. Когда Барбарелла читает письма от матери, она плачет, завидуя ее лучезарности. Порой Барбаре кажется, что сама она живет еще в каком-то позапрошлом веке или даже раньше, что она рабыня в гареме какого-то злобного восточного владыки.

Никколо Фьорентино (школа). «Портрет Эрколе Бентивольо». Оригинал — ок. 1491 г.; копия — XIX в. Частное собрание

ПАРНЫЕ ПОРТРЕТЫ СУПРУГОВ БЕНТИВОЛЬО, ОЧЕВИДНО,
БЫЛИ СДЕЛАНЫ ПО ПОВОДУ ИХ СВАДЬБЫ. ОНИ

СМОТРЯТ ДРУГ НА ДРУГА. ХАРАКТЕРНО, ЧТО, КАК И В ДРУГИХ СУПРУЖЕСКИХ ДИПТИХАХ, МУЖ СМОТРИТ СЛЕВА НАПРАВО (Т. Е. «ВПЕРЕД»), А ЖЕНА В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ (Т. Е. «НАЗАД»). СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ЛЮДИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ЧИТАЮЩИЕ СЛЕВА НАПРАВО, ВОСПРИНИМАЮТ
ПЕРВЫЙ, «МУЖСКОЙ» ВАРИАНТ КАК БОЛЕЕ ЭНЕРГИЧНЫЙ, НАПРАВЛЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ. ОБРАТНЫЙ РАЗВОРОТ, СМОТРЯЩИЙ В ПРОШЛОЕ, ОТВОДИЛСЯ ДЛЯ ЖЕНЩИН (Т. Е. ПОДЧИНЕННЫХ), А ТАКЖЕ ДЛЯ УМЕРШИХ ПЕРСОНАЖЕЙ И СВЯЩЕННИКОВ. ИСКУССТВОВЕДЫ СЧИТАЮТ, ЧТО ИМЕННО ТАКОВО В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ ОБЪЯСНЕНИЕ, ПОЧЕМУ НА РЕНЕССАНСНЫХ МЕДАЛЯХ И ПОРТРЕТАХ ЛЮДИ СМОТРЯТ В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ.

В 1500 году ей исполнилось уже двадцать пять. Муж как раз вернулся из походов на Римини и Форли, где они с Чезаре Борджиа разгромили «Тигрицу Романьи» Катарину Сфорца.

Беда случилась, когда они жили уже в Фермо, — теперь Бентиволио служил папе Борджиа, а не Пизе. Однажды он хватился, что в его кошельке не хватало десятка дукатов. В комнате перед этим был лишь слуга по имени Петруччо — врун

и лакомка. Кондотьер позвал его и, когда лакей пришел, ударил по лицу и принялся дубасить:

— Где дукаты? Где мои дукаты?!

Подлый Петруччо терпел удары и скулил, пока побои не начали приносить уже ощутимую боль:

— Это, наверно, тот офицер взял!

— Какой офицер?

— Тот, который ходит к сеньоре Барбаре, когда вас дома нет.

Бентиволио от таких речей стал избивать Петруччо еще сильнее, приговаривая: «А ну давай подробней!»

Наконец, тот вывернулся из-под ударов, пробормотав:

— Все расскажу, сеньор, только остановитесь!

И действительно, когда хозяин прекратил колотить и стал слушать, лишь мрачно двигая желваками, Петруччо ощутил приступ вдохновения, которому особенно способствовало ощущение пары трещин в ребрах и воспоминания о приятно потраченных дукатах.

Итак, Петруччо рассказал своему хозяину (человеку суровому, одному из тех, кто помогал Борджиа огнем и мечом собирать территории Италии под единой властью, кто грабил дворцы

и выгонял детей с женщинами из их домов), о том, что у сеньоры Барбареллы есть любовник, один из сослуживцев Бентиволио, который к ней часто ходит.

И в качестве завершающего штриха подлый вор добавил:

— А еще она хочет вашей смерти и травит вас «наследственным порошком».

Бентиволио сразу поверил обвинению насчет мышьяка. Он крикнул оруженосцев, вместе с ними отправился в комнаты Барбары. На лице его было написано то желание убийства, которое обычно так пугало и воодушевляло тех, с кем он сражался бок о бок.

Он врывается в ее гостиную. Барбара резко поднимается с кресла. По глазам мужа она видит, что случилось что-то ужасное и он считает виноватым в этом именно ее. Он начинает кричать. Она защищается.

По счастью, в тот день Барбара пригласила к себе гостей. Среди них была и супруга градоначальника. Присутствие пожилой знатной дамы охлаждает буйную голову.

Жизнь Барбары, как потом вспоминалось ей, была спасена только этим.

Но совсем угомониться Бентиволио не может.

— Эй! — кричит он своим оруженосцам. — Хватайте сеньору, тащите в тюрьму! Она хотела меня отравить.

И благородную даму Барбару Торелли, потомка неаполитанских королей и мантуанских герцогов, со скрученными руками и непокрытой головой проводят по улицам маленького городишки. Начинается расследование по тому обвинению, которое озвучил ее супруг.

Ее мать донна Паола, узнав об аресте дочери, приходит в ужас и, посовещавшись с родичами, отправляет в Фермо верных людей с письмами от герцогини урбинской и взяткой. Следователь, получив и то, и другое, начинает склоняться к более тщательному изучению того, что же случилось на самом деле.

Вороватый Петруччо и сам не рад тому, что его ложь оказалась столь убедительной, поэтому сбегает. Без его показаний обвинять донну Барбареллу некому: из обслуги ничего дурного о ней никто сказать не может, да и сам Бентиволио сообразил, что брал этого Петруччо с собой в походы, поэтому достоверно свидетельствовать о том, что творилось дома в их отсутствие, тот явно неспособен. Раздираемый яростью, которую он не имеет возможности сорвать на жене, надежно

запертой в чистой камере вместе с Псалтырем и сборником житий, муж начинает полномасштабную операцию по поискам лакея.

Слугу находят через пару месяцев у родни в овине где-то под Болоньей.

Ординарец притаскивает его за шкирку в Фермо. Бентиволио допрашивает подлеца заново, на сей раз задавая правильные вопросы по примеру тех, которые за эти дни его прислуге уже не раз задали власти. Избитый вусмерть Петруччо признается, что оговорил хозяйку, и через несколько дней умирает от внутренних повреждений.

Обвинить Бентиволио за его убийство, может, и хотят, да не осмеливаются — письмо от всесильного Чезаре Борджиа, в котором тот выражал обеспокоенность о делах своего командира, както мешает.

Барбару же отпускают из тюрьмы.

Она возвратилась в свой дом, где ее невозмутимо и без извинений встретил муж, не произнеся за обедом ни слова обо всей этой грустной истории. Вдобавок, той же ночью он попытался улечься спать вместе с нею, чтобы заново закрепить свои права как супруга и господина. Барбара, за прошедшие месяцы с радостью позабывшая об этой неприятной стороне своего долга (разбиратель-

ство длилось с полгода), заперлась было от него в гардеробной. И потом, все же побежденная, считала дни до очередной его отлучки на войну и за весь месяц общалась с ним лишь словами «да» и «нет», ни разу не взглянув в глаза.

Все эти дни ее не оставляло настойчивое ощущение, что она ходит по краю пропасти и в любой момент Бентиволио опять сорвется — и убьет на сей раз уже не лакея, а ее. За недостаточно подогретый суп, оторванный манжет или любую другую мелочь. Он поверил, что супруга не сыпала ему мышьяк в вино, но победить ту ядовитую ненависть, которая внезапно открылась в нем к этой нежной и слишком сложной для него женщине, он не мог и не стремился. Провожая ее взглядом, как мастиф крысу, он предвкушал момент, когда жены не будет больше на этом свете. Было страшно и за детей, непростительно виноватых в том, что они — не того пола.

Спустя несколько дней после отъезда мужа она собрала вещи, взяла дочерей и уехала к матери, донне Паоле, в Урбино — под крылышко к герцогине Елизавете Гонзага, своей могущественной родственнице.

Бентиволио, узнав о бегстве жены, впал в неистовство. Лишь только служба позволила,

он отлучился с осады очередного лакомого куса Борджиа, примчался в Урбино и стал уговаривать жену вернуться. Гордыня ли говорила в нем или жадность (с потерей супруги и дочерей он утрачивал значительное состояние, записанное на их имя), неизвестно. Сплетники тех времен делились историей о том, будто Бентиволио предлагал свою красавицу-жену для услуг некоему епископу за тысячу дукатов — так что, наверно, все же жадность.

Но переубедить Барбару ему не удалось.

Он плел интриги и умолял, но покровители, которых Барбара нашла в лице родственников своей матери, заступились за нее.

Мантуанский герцог Франческо Гонзага приходился мадонне Паоле двоюродным братом. Он был женат на Изабелле д'Эсте, женщине, которую во всей Италии сумел ослушаться лишь Леонардо да Винчи, не написавший ее портрета, — остальные же покорно выполняли ее повеления. Братом Изабеллы был Альфонсо д'Эсте, феррарский герцог, постоянно занятый баталиями и отдыхавший душою в кузнях при литье пушечных жерл и в мастерской Тициана. Его женой была Лукреция Борджиа, молодая и прекрасная. Третья ее покровительница была Елизавета Гонзага (сестра

Франческо Гонзага). Втроем они управляли всей Италией.

Рафаэль. «Портрет Елизаветы Гонзага». 1504–1505 гг. и «Портрет Гвидобальдо да Монтефельтро», 1506 г. Уффици

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, ПАРНЫЕ ПОРТРЕТЫ СУПРУЖЕСКОЙ ЧЕТЫ УРБИНСКИХ ГЕРЦОГОВ СЧИТАЮТСЯ РАБОТОЙ РАФАЭЛЯ (ВЫХОДЦА ИЗ УРБИНО), ХОТЯ СЕГОДНЯ ЕГО АВТОРСТВО СТАЛИ СТАВИТЬ ПОД ВОПРОС. ЕЛИЗАВЕТА ГОНЗАГА И ЕЕ МУЖ ИЗОБРАЖЕНЫ В СТРОГО ФРОНТАЛЬНОЙ ПОЗЕ, ПРИСТАЛЬНО СМОТРЯЩИМИ НА ЗРИТЕЛЯ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ПОДОБНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ СТРОГО В ФАС ЕЩЕ БЫЛО НЕ ОЧЕНЬ РАСПРОСТРАНЕНО, С ДРУГОЙ — ПОЗА У ОБОИХ ПЕРСОНАЖЕЙ СЛИШКОМ СТАТИЧНА, ТО ЕСТЬ АРХАИЧНА. ОТДЕЛЬНАЯ ЗАГАДКА — ФЕРРОНЬЕРКА НА ЛБУ ГЕРЦОГИНИ В ФОРМЕ СКОРПИОНА, ОНА ПОРОЖДАЕТ МНОЖЕСТВО РАЗЛИЧНЫХ ТОЛКОВАНИЙ.

Они взяли беглянку под свою защиту — а их совокупному могуществу не мог противостоять даже Чезаре Борджиа. В чем-то они завидовали Барбаре: она могла уйти от несчастного брака, а они — никогда. Муж Изабеллы был болен сифилисом и влюблен в Лукрецию Борджиа; муж Лукреции относился к ней соответственно с ее

репутацией и ненавидел за измены; муж Елизаветы был импотентом, и кожа его была покрыта струпьями от болезни, называемой пеллагра. Но все три дамы были обязаны быть светилами своих дворов и выполнять свой монарший и супружеский долг с ласковыми улыбками. Что они и делали. В отличие от жены Бентиволио.

Спустя три года после бегства Барбарелла перестав прятаться по крепостям и монастырям, наконец, обрела надежное убежище в Ферраре, при дворе Лукреции Борджиа и Альфонсо д'Эсте. От назойливости мужа она откупилась, перестав претендовать на оставшееся в его руках приданое. Она наняла особняк, обставила его со вкусом и начала потихоньку собирать библиотеку взамен утраченной. И вдруг оказалось, что те качества, которые делали ее столь плохой солдатской женой, — образование, ум, прекрасные манеры, сдержанность и деликатность, превратили ее в предмет поклонения многих, в том числе поэтов, как только она очутилась при просвещенном дворе д'Эсте.

Ее гостиная теперь вечно полна гостями. Она проводит много времени в кастелло вместе с блистательной Лукрецией, окруженной поклонниками, и становится ее подругой. Барбарелла

— всего лишь графская дочь и, разумеется, не так божественна, как герцогиня, но и ей посвящают стихи.

Рафаэль. «Портрет молодого человека (Пьетро Бембо)». Ок. 1504 г. Музей изящных искусств

(Будапешт)

ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИЗВЕСТНО, ЧТО РАФАЭЛЬ НАПИСАЛ НЕКИЙ ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ПЬЕТРО БЕМБО, С ДАВНИХ ПОР СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ЭТО — ИМЕННО ОН. ПОЗА ИЗОБРАЖЕННОГО ГОРАЗДО ЖИВЕЕ И ИНТЕРЕСНЕЙ, ЧЕМ НА ПОРТРЕТАХ УРБИНСКИХ СУПРУГОВ — ЭТО «ТИПИЧНЫЙ РАФАЭЛЬ», НА СОТНИ ЛЕТ ВПЕРЕД ЗАГИПНОТИЗИРОВАВШИЙ ХУДОЖНИКОВ И ЗРИТЕЛЕЙ СВОИМ МАСТЕРСТВОМ И ЛЕГКОСТЬЮ КИСТИ.

ИЗОБРАЖЕННЫЙ ПОЛОЖИЛ РУКИ НА ПАРАПЕТ-ОБМАНКУ: ЭТОТ ПРИЕМ, ЗАИМСТВОВАННЫЙ ИТАЛЬЯЦАМИ У НИДЕРЛАНДЦЕВ (КАК И ВСЯ ТЕХНИКА ПИСЬМА МАСЛОМ ВМЕСТО ТЕМПЕРЫ) БЫЛ ОЧЕНЬ ПОПУЛЯРЕН. ОН ПОЗВОЛЯЛ СОЗДАТЬ ИЛЛЮЗИОНИСТИЧЕСКУЮ ПРЕГРАДУ МЕЖДУ ЗРИТЕЛЕМ И ПЕРСОНАЖЕМ КАРТИНЫ.

Лукреция читает вслух приятельнице фрагменты из пламенных и изящных писем, которые присылал ей влюбленный Пьетро Бембо. Теперь поэт не появляется в Ферраре — боится попасть под горячую руку ревнивого мужа. Барбарелла прекрасно понимает жалобы Лукреции на супруга — ведь так часто в браках по расчету

мужья не любят, а лишь блюдут собственность и лелеют гордость. Альфонсо д'Эсте, обманутого благоверного, она видит нечасто — он в постоянных отлучках из-за военных кампаний. В памяти Барбареллы мелькает лишь образ угрюмого коренастого мужчины.

Влюбленные — Лукреция и ее поэт — переписываются тайком. Переписку помогает поддерживать хромой и веселый Эрколе Строцци. Лукреция, как и положено земной богине, пыталась было поймать и его в сети своего очарования, добавив поэта-латиниста в коллекцию авторов мадригалов о своей красоте. Но бесполезно — он уже увидел Барбареллу и навеки потерял голову.

Кого же увидел Эрколе Строцци? Женщину, которая так тщательно всю жизнь прятала чувства, что стала похожа на мраморную статую. И он безотчетно ощутил в ее глазах тот едва заметный оттенок страха, который подчас является невольным наследием очень сильной боли, — и немедленно воспламенился желанием развеселить эту даму и доставить ей неведомую дотоле женскую радость.

Барбара удивлена. Она собирает приданое для свадьбы своей старшей дочери Констанцы с его братом Лоренцо Строцци, и те чувства, которые

она замечает во взгляде и словах своего будущего свойственника, пугают ее. Вдобавок его зовут Эрколе — «Геркулесом», так же, как и Бентиволио, ее мужа, и, значит, ни с чем хорошим это имя у нее не ассоциируется. Она пытается остановить Эрколе своей холодностью.

Ему 31, и когда он потом вспоминал годы до того августовского вечера 1504-г., всю ту череду великолепных сеньор, покоренных благодаря его таланту обольстителя, благодаря науке страсти нежной, изученной им, — Эрколе приходит к выводу, что все эти бесчисленные романы случались не зря.

Они были посланы ему для тренировки в любви — потому что без постоянных упражнений в искусстве растапливания дамских сердец, упражнений, на которые ушло больше десяти лет, он никогда бы не сумел завоевать Барбару, никогда бы не убедил ее довериться ему. Теперь он, конечно, понимает разницу между теми интрижками и этой страстью, теперь он знает, что эту женщину любит по-настоящему.

Ей 29. Когда она потом вспоминала время своего замужества, она не могла припомнить, знала ли она настоящий вкус поцелуя до того августовского вечера 1504 года, когда Строцци, наконец,

сделал то, о чем так долго и так сладко мечтал.

Был вечер. Только что закончилось представление, которое по приглашению герцогини Лукреции устраивали во дворце приезжие венецианские артисты. Воркуя с придворными, актрисы в странных головных уборах — кажется, в шлеме Минервы, тиаре Юноны и в тюрбане какой-то сивиллы, прогуливались по тропинкам парка, не успев сменить сценические костюмы и роняя с них перья. Герцогиня Лукреция, кажется, вовлечена в излишне нескромную беседу с мужем своей золовки, платье ее тоже слишком откровенно. Придворные исподтишка любопытствуют — что же дальше? Но Барбара может думать только об одном — сегодня днем, несколько часов назад, Эрколе признался ей в любви, и его красноречие было подобно буре.

Она не может поднять на него глаза и всячески избегает его. Нет, нет, она никогда не скажет ему «да»!

Но когда он подает ей руку, чтобы помочь перейти через мостик, то видит, что ее ладонь внезапно задрожала, и понимает, что его слова не оставили даму равнодушной.

Веселая толпа придворных, актеров и музыкантов разбредается по парку, и Эрколе,

воспользовавшись удобным моментом, увлекает Барбареллу в лабиринт.

Она знает, что так поступать не должна.

Она знает, что идти за ним недостойно. Но от его горячего прикосновения на своем запястье ее сковывает такое пугливое оцепенение, что она покорно следует за Эрколе.

Возле цветущего клематиса с благородными фиолетовыми цветами он отпускает руку, и она останавливается. Безумно влюбленная в осмелившегося полюбить ее, Барбара молчит и боится. Хромой калека улыбается самой обаятельной из возможных улыбок, и в свете сумерек она видит блеск его глаз.

Она отворачивается и хочет уйти.

Но Эрколе хватает ее за талию и держит секунду в объятиях. «Отпусти!» — хочется сказать ей, но она не произносит этого и просто опускает глаза, улыбаясь от счастья и сгорая от стыда.

Спустя положенное время придворные узнают счастливых любовников по их глазам. Барбару не осуждают, наоборот, зная ее историю, все желают ей счастья.

Барбарелла нежится в лучах утреннего солнца под пологом своей кровати. Она верит, что Эрколе действительно любит ее: пускай те, кто

давно знают этого обаятельного калеку-зубоскала, ждут, что ему вскоре наскучит эта история и он отправится покорять новые сердца. Напрасно! Барбара расцветает от прикосновений ласковых и заботливых рук. Впервые в жизни она понимает, что не одинока.

Ее благородное лицо от радости взаимной любви становится еще прекраснее, и Эрколе с удивлением обнаруживает, что любовница поэта Строцци, та женщина, которая раньше была спрятана внутри жены Бентиволио, настолько неотразима, что он не мог подобного и заподозрить.

Барбара так хорошеет, что Лукреция Борджиа с беспокойством ожидает ее на балу, который она устраивает этим вечером для Франческо Гонзага, женатого на сестре ее мужа Изабелле д'Эсте, мужчины, с которым так приятно вести нескромные беседы. Она рассчитывает сосредоточить все внимание Франческо на себе одной, но сияющая Барбарелла может стать ей в этом помехой. К счастью, доставляют записку — сеньора плохо себя чувствует и не сможет танцевать.

Через несколько дней Лукреции приносят сплетню — это не простуда, а то, что обычно зовется «утренними недомоганиями». Лукреция

думает послать подруге пирожных в подарок, но прежде, чем она успевает отдать приказание, эта мысль вылетает у нее из головы — настолько ее запястья горят от воспоминаний о прикосновениях Франческо Гонзага и желания новых. Поэт Пьетро Бембо давно вылетел из головы.

Как обычно бывает в таких ситуациях — приезжает муж.

С очередной кампании возвращается Альфонсо д'Эсте, законный супруг Лукреции, и Франческо Гонзага быстро осознает, что его присутствие в Ферраре нежелательно. Влюбленные переписываются тайком.

Переписку опять помогает поддерживать хромой и веселый Эрколе Строцци. У него много разных знакомых, и он обожает оказывать услуги, не задумываясь, к чему это может привести.

Герцогу же Альфонсо д'Эсте обо всем подробно докладывают специальные люди, чья обязанность — знать все. Он знает о переписке жены с Гонзага с помощью хромца, которого он недобро помнит еще по истории с суетливым Бембо. Сестра Изабелла пишет о том, что в доме Строцци останавливаются шпионы, которых тот принимает как добрых друзей — по неведению или по злому умыслу. Грузный герцог сопит и молчит.

Бентиволио, муж Барбары, к этому времени примирился с потерей семьи и все воюет. Флорентийцы нанимают его в свои военные предводители, и он несколько лет осаждает Пизу, но безуспешно, затем они дают ему отставку, и он отправляется на службу к папе Юлию II, где продолжает свои набеги под новым флагом. Доброжелатели доносят ему, что жена родила внебрачного сына, крещенного Чезаре, — он пожимает плечами: пусть рожает кого хочет, главное, что он полностью контролирует ее состояние. И своих дочерей он тоже оставляет без приданого — пусть выходят замуж без его согласия и голодают!

Но годы и ласковые продажные женщины лечат его душевные раны, да и Барбара, став вновь матерью, смягчилась — в письмах бывшие супруги договариваются о браке своей второй дочери Джиневры с его родственником по материнской линии, Джаном Галеаццо Сфорца, тираном Пезаро. Тонкие юридические проблемы раздела имущества для превращения его в приданое запутывают Барбару, и она советуется с Эрколе Строцци, которого в душе считает уже свои нареченным.

Летом 1507 года (маленькому внебрачному

Чезаре Строцци уже три года) муж Барбареллы умирает от лихорадки, подхваченной во время одного из своих походов. Барбаре приносят письмо с новостью.

Она читает и бледнеет — случилось то, о чем она так мечтала несколько лет назад, когда боялась, что Бентиволио притащит ее назад. Теперь же ее пугает его смерть — да, она верит в чувства Эрколе Строцци, но вдруг, как шептались кумушки, ему всего лишь нравилось иметь ее в любовницах, а теперь, когда ее положение изменилось, он испугается и покинет ее? Она ждет его обычного вечернего визита с дрожью — в обед она послала к нему слугу с известием. Вдруг он не придет сегодня? Или вдруг прибудет и скажет, что не может больше компрометировать почтенную вдову, которой она теперь стала? Маленький Чезаре, его ублюдок, играет у ног матери в лошадку, а она смотрит на страницы романа «Фьямметта», книги Боккаччо о несчастной любви прекрасной неаполитанской дамы, и не видит букв.

Звук шагов. Это слуга или Эрколе? Нет, она ни с чем не спутает прерывистый стук его трости. Но что он скажет ей, когда войдет? Ей очень давно не было так страшно… Зачем, зачем она отдала ему сердце, ведь внебрачная любовь — грех, ей надо

было, как музе Джованни Боккаччо, которой он посвятил «Фьямметту», вспомнить о своем долге перед Господом, и пресечь преступную влюбленность в самом начале. Но Барбара не была так же совестлива, как Мария Аквинат, воспетая старинным поэтом, и теперь страдает.

Прекрасная, как лебедь на пруду, она смотрит на любимого настороженным птичьим взглядом, с напряженным поворотом головы.

— Барбара, я виноват, — начал он. — Я должен был сказать тебе это раньше. Но я не осмеливался побеспокоить твои чувства.

От ужаса в ней возникло ощущение невероятной отстраненности. «Нет, это происходит не со мной», — подумалось ей.

— Я виноват, дорогая, — продолжал Строцци. — Но теперь у меня есть право это произнести. Будь моей женой!

Барбара разрыдалась.

Обвенчаться сразу после смерти Бентиволио было бы неприличным, и они решили выждать положенный срок. Тем временем Барбара продолжала хлопоты о свадьбе своей дочери Джиневры с Джан Галлеацо Сфорца, ощутив к Рождеству, что носит под сердцем еще одного ребенка Строцци.

Дочь с нареченным женихом обвенчались вес-

ной, а Барбарелла и Эрколе решили подождать разрешения от бремени — все же неприлично вести под венец сильно брюхатую сеньору.

24 мая 1508 года Барбарелла производит на свет девочку, названную Джулией. Едва отлежавшись, роженица встает с постели. Вместе с Эрколе они стоят у алтаря и обмениваются клятвами верности.

«Пока смерть не разлучит нас».

Через тринадцать дней после свадьбы молодого мужа находят убитым.

Его увечное тело, теперь обезображенное навеки, нашли на рассвете на углу улиц Виа Савонарола и Праисоло, на пороге дома Каза Ромеи, там, где Лукреция Борджиа потом учредит монастырь Сан Бернардино. Оно было завернуто в его же плащ, насквозь пропитанный кровью. На его теле насчитали двадцать две раны от кинжалов.

На бедного калеку набросилось сразу несколько убийц. Борьба была ожесточенной — рядом валялись даже вырванные клоки волос Эрколе.

СОНЕТ,

написанный Барбарой Торелли на смерть супруга, убитого через 13 дней после свадьбы, и прочитанный на его похоронах

Вдруг погас у Амура факел, стрела сломалась.
Лук пропал и колчан потерян: бог обессилел
Оттого, что жестокой Смертью тот ствол был спилен,
Под которым мне так спокойно в тени дремалось.

О, увы, не суметь ныне отыскать в могиле
Мне того, душу чью отобрал Рок, а не старость,
Только пять дней и восемь нам с любимым досталось
С той минуты, как руки в церкви соединили.

У меня больше нет желаний, одного алчу —
Замесить прах слезами, вылепить снова тело,
Холод смертный прогнать, дыханье вернуть обратно

И потом крикнуть громко с храбростью шестикратной,
Негодяю явив, что узы рассек, без плача,
И сказать: «Посмотри, все может Любви бог сделать!»[9]

---

[9] Примечания: 9
Перевод С. Багдасаровой.

* * *

Эту трагическую историю о прекрасной и печальной Барбаре, воспетую поэтами и увенчанную ее собственным сонетом, двести лет спустя рассказывает мессир Джироламо Баруффальди. Рассказывает за рюмкой коньяка своему приятелю Лодовико Муратори, пока за окном проплывают гондолы, полные прекрасных куртизанок в платьях из лазурной органзы и пунцового броката.

— Но кто же его убил? — сгорая от любопытства, спрашивает Муратори.

Баруффальди пожимает плечами:

— Кто знает? Как можно доказать это бесспорно? Одни говорят, что убить Эрколе приказала Лукреция Борджиа, потому что он пренебрег ее страстью ради Барбары. Но мне кажется, что это придумали те, кто любит приписывать Лукреции все людские пороки того времени.

— Лукреция была достойной женщиной, — соглашается Муратори. — Это все выдумки врагов и любителей глупых сплетен.

— Другие утверждают, что сам герцог Альфонсо д'Эсте влюбился в Барбару и приказал убить ее мужа, потому что она отказала ему в

удовлетворении его пыла. Но Альфонсо никогда не был пожираем столь сильными любовными страстями, чтобы пойти на такое. Об этом свидетельствует его выбор в конце жизни простой дочери шляпника Лауры Дианти…

— Но все же, мой друг Джироламо! Кто его убил? Ты сам как думаешь? — Муратори, тоже будучи поэтом, всегда интересовался, кто и почему убивал коллег в Италии.

— Альфонсо не мог убить Строцци по причине страсти к Барбаре, — задумчиво произнес Баруффальди. — Но все, как один, говорили, что он был сильно недоволен им. Ведь Эрколе Строцци помогал его жене Лукреции переписываться с ее возлюбленными Пьетро Бембо и Франческо Гонзага…

— Значит, это все-таки был Альфонсо?

— Не думаю, что он сам отдал этот приказ. Есть другая версия, и она мне кажется более правдоподобной. Более того, сама Барбара Торелли склонялась именно к ней. Муж ее второй дочери Джан Галеаццо Сфорца был кузеном и большим другом покойного Бентиволио, и, возможно, тот взял с него обещание после его смерти отомстить Строцци, который «увел его жену». Ну и вдобавок, женившись на Джиневре, этот Сфорца

обнаружил, что состояние его невесты не так велико, как он ожидал, и находится под полным контролем жениха Барбары… Убийство Эрколе удовлетворяло желание мести и способствовало обогащению.

Джузеппе Антонио Гедини. «Портрет Джирола-

мо Баруффальди». 1736 г.

Национальная пинакотека Феррары

«ПОРТРЕТ ДЖИРОЛАМО БАРУФФАЛЬДИ», СОЗДАННЫЙ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА, ПОКАЗЫВАЕТ, КАКОЙ БОЛЬШОЙ ПУТЬ ПРОШЕЛ ПОРТРЕТНЫЙ ЖАНР С ЭПОХИ РЕНЕССАНСА. ПРИ СРАВНЕНИИ КАРТИНЫ С РАБОТАМИ РАФАЭЛЯ ИЛИ ТИЦИАНА ВИДНО, НАСКОЛЬКО УСЛОЖНЯЕТСЯ КОМПОЗИЦИЯ И ВСЯ ПОДАЧА ОБРАЗА. КАРТИНА ТЯГОТЕЕТ К СТРОГОМУ ПОСТРОЕНИЮ КЛАССИЦИЗМА: ПИРАМИДАЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ (С ПОМОЩЬЮ ШИРОКИХ ПЛЕЧ ОДЕЯНИЯ), УРАВНОВЕШЕННОЕ «ШАХМАТНОЕ» ЧЕРЕДОВАНИЕ ЦВЕТОВ (КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ, ЧЕРНЫЙ). ПРИ ЭТОМ СКЛАДКИ ОБЛАЧЕНИЯ СВЯЩЕННИКА ВЫПИСАНЫ ЛЕГКОЙ, ТРЕПЕЩУЩЕЙ БАРОЧНОЙ КИСТЬЮ. РАССМОТРИМ И ЛИЦО — ХОТЯ ЕГО ЧЕРТЫ ЯВНО НЕСКОЛЬКО ОБЛАГОРОЖЕНЫ И ОБОБЩЕНЫ, БЛАГОДАРЯ ПРИСТАЛЬНОМУ ВЗГЛЯДУ И СКЛАДКАМ ВОКРУГ РТА АВТОРУ УДАЕТСЯ ПОКАЗАТЬ, ЧТО ХАРАКТЕР У ЕГО МОДЕЛИ БЫЛ СЛОЖНЫМ.

Баруффальди погладил свой мощный подбородок испачканными в чернилах пальцами и

продолжил:

— Но перед тем, как нанять ассасинов, Сфорца наверняка попросил разрешения у Альфонсо д'Эсте, и тот позволил ликвидировать этого «почтальона» и слишком гостеприимного человека, в доме которого так часто останавливались шпионы. Решение диктовала ему государственная необходимость. Герцог был великим политиком, одним из немногих, кому удалось сохранить свои земли невредимыми в те годы. А позже Альфонсо не сделал ничего, чтобы расследовать преступление. Это и вызвало подозрения на его счет.

— А что было дальше с Барбарой?

— Барбара сочинила этот прекрасный сонет, который я помещу в «Антологии стихов феррарских поэтов». Я планирую сдать книгу в печать этой осенью, пришлю тебе экземпляр. Ах да, она прожила еще много лет, воспитывала детей Строцци, замуж больше не выходила и благодарила Господа за ту радость, которую он ей послал однажды.

— Да, сонет действительно прекрасный: «Вдруг погас у Амура факел, стрела сломалась…»

— Я рад, что ты оценил его. Он украсит книгу. Я поставлю его вместе со стихами других замечательных феррарцев. Барбара, кажется, будет единственная женщина в этом томе.

— Мне кажется, этот сонет вполне на уровне Ариосто или даже Маттео Байардо. Они ведь были ей родственниками?

— Байардо был двоюродным братом Эрколе Строцци. А вот Ариосто увел жену у его другого кузена и потом обвенчался с ней, так что в чем-то можно сказать, что он тоже был родней…

— Как жаль, что наше время больше не рождает женщин, способных вдохновить на великие стихи и писать такие стихи!

И оба друга, покуривая турецкие трубки, с улыбкой покивали головами и принялись за дегустацию новой бутылки коньяка.

В ящике стола мессира Баруффальди тем временем лежал когда-то белоснежный, а теперь исчерканный лист. Это был черновик сонета «На смерть супруга», бессовестно свидетельствующий о том, что эти стихи собственноручно написал он сам, а никак не синьора Барбарелла. Впрочем, до XX века все будут продолжать верить, что автор этого прекрасного образца поэзии — действительно безутешная вдова Барбара Торелли, а не мужчина, историк литературы и эрудированный мистификатор XVIII века.

После раскрытия тайны сонет утратит свою славу и постепенно исчезнет из итальянских

антологий.

№ 13. Наряд Туллии д’Арагона

QVAE SACRV IOANIS
CAPVT SALTANDO
OBTINVIT

Моретто да Брешиа. «Портрет дамы в образе Саломеи». Ок. 1537 г.

Галерея Тосио Мартиненго (Брешия)

НА ПРОТЯЖЕНИИ ДОЛГИХ ЛЕТ ЭТА КАРТИНА БЫЛА ИЗВЕСТНА ПОД НАЗВАНИЕМ «ПОРТРЕТ ТУЛЛИИ Д'АРАГОНА В ОБРАЗЕ САЛОМЕИ». НА ТО, ЧТО ЭТОТ ПЕРСОНАЖ — ИМЕННО НОВОЗАВЕТНАЯ ЦАРЕВНА САЛОМЕЯ, НЕСМОТРЯ НА ОТСУТСТВИЕ ТИПИЧНЫХ АТРИБУТОВ, УКАЗЫВАЕТ НАДПИСЬ «QVAE SACRV IOANIS CAPVT SALTANDO OBTINVIT» («ТА, КОТОРАЯ ТАНЦЕМ ПОЛУЧИЛА ГОЛОВУ СВЯТОГО ИОАННА»). А ВОТ НАСЧЕТ ТУЛЛИИ — УЖЕ НЕПРАВДА, НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО ЛАВРОВЫЕ ВЕТВИ НА ЗАДНЕМ ФОНЕ КАЖУТСЯ ЛОГИЧНЫМ АТРИБУТОМ ДЛЯ ПОЭТЕССЫ. «УТКА» О ТОМ, ЧТО КАРТИНА ЯВЛЯЕТСЯ ПОРТРЕТОМ ЗНАМЕНИТОЙ КУРТИЗАНКИ, БЫЛА ЗАПУЩЕНА ОДНИМ ИТАЛЬЯНСКИМ ИСКУССТВОВЕДОМ В 1886 ГОДУ И ОПРОВЕРГНУТА ДРУГИМ УЖЕ В 1896 ГОДУ. ОДНАКО ЭТИХ НЕДОЛГИХ ЛЕТ ОКАЗАЛОСЬ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ ОШИБОЧНОЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ
ЗАКРЕПИЛОСЬ И ПРОДОЛЖАЛО СУЩЕСТВОВАТЬ И В НАШИ ДНИ. ВЕРОЯТНО, ОДНА ИЗ ПРИЧИН ЭТОГО — ТО, ЧТО ОБЛИК ИЗОБРАЖЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ ОТВЕЧАЕТ ОЖИДАНИЯМ ОТ ВНЕШНОСТИ

ТУЛЛИИ, О КОТОРОЙ ИЗВЕСТНО, ЧТО ОНА НЕ БЫЛА ПЫШНОТЕЛОЙ КРАСАВИЦЕЙ, А ОБЛАДАЛА БОЛЕЕ СДЕРЖАННОЙ ВНЕШНОСТЬЮ.

Флоренция, 1545 год

При переезде в новый город каждая куртизанка, как бы прославлена и уважаема она ни была, испытывает определенные неудобства. Так о многом надо подумать, столько всего предусмотреть: покровители, деньги, жилье, наряды, прислуга… Вот и знаменитая Туллия д'Арагона, та самая «честная куртизанка» и поэтесса, от которой сходили с ума все знатные господа в Риме, Венеции, Сиене, Ферраре, перебравшись во Флоренцию, испытывает некоторое беспокойство.

Новые, непривычные комнаты выходят окнами на сверкающее Арно. Сидя на полу рядом с раскрытым сундуком-кассоне, Туллия перебирает привезенные с собой платья, а также отрезы тканей — подарки явных поклонников и тайных любовников, и думает: может, стоит заказать себе новый наряд? Впрочем, покупать обновы по местной моде еще рано. Сначала надо как следует осмотреться в новом городе.

И Туллия выходит в гостиную: пришло время приветствовать гостей — придворных герцога Козимо Медичи, флорентийскую знать, купцов,

а также, разумеется, местных интеллектуалов. Собралось несколько старых знакомых, но много было и тех, кто только много о ней слышал и мечтал познакомиться.

— Вот есть цель, — мелькает в мыслях у нее, когда ее приветствуют флорентийцы, — стать звездой и здесь. Смогла же я покорить Рим, Венецию, Сиену, Феррару и прочие городишки. Самые блестящие люди Флоренции пришли сюда из любопытства. Я сделаю так, чтобы они приходили сюда, влекомые непреодолимой силой, и поклонялись мне!

И Туллия д'Арагона, уверенная в себе, как пушечное ядро, улыбается гостям. Она смотрит каждому в глаза, называет по имени и отчеству, перечисляет их достижения, слава о которых донеслась до нее даже в других краях. Ее окружает золотое сияние от венецианского парчового платья.

Нет, это не земная женщина перед ними, это волшебница Армида со страниц поэмы Торквато Тассо. Неотразимая, непобедимая! Кто может устоять перед самой знаменитой куртизанкой среди поэтесс и самой знаменитой поэтессой среди куртизанок? Перед той, кого обожал поэт Спероне Сперони и кардинал Ипполито Медичи?

Той, кому поклонялись и посвящали строки столь знаменитые стихотворцы, как Бернардо Тассо и Джироламо Муцио?

Той самой женщины, из-за которой хитрый политик, жук Филиппо Строцци, ныне покойный, так потерял голову в Риме, что выболтал слишком много государственных тайн? Палаццо Строцци, которое он успел перед изгнанием построить на родине, во Флоренции, возвышается в центре города будто трофей Туллии, напоминая о ее победе каждому (пусть эту куртизанку никогда и не пустят на его порог).

Способных отказать ей нет, ибо в ее гостиной собрались самые умные люди города. И поэтому — наиболее уязвимые перед ее интеллектом, тактом, ловкостью и блеском.

Среди пришедших — один сеньор, с которым она прилюдно вежлива и ласкова, но не особо восторженна. По его же личной просьбе: окружающим совершенно не нужно знать, что именно по его приглашению (и, главное, на его средства) знаменитейшая Туллия д'Арагона прибыла в «город лилии» над Арно, в очередной раз стремительно покинув прежнее место жительства. А какие, вы думаете, бывают причины переезда куртизанок? Не считая преследования со сто-

роны блюстителей закона и нравственности, разумеется.

Один из гостей целует ей руку, склоняясь в поклоне:

— А вот и прославленная Туллия д'Арагона, самая знаменитая поэтесса из всех куртизанок и самая знаменитая куртизанка из всех поэтесс!

— Просто «поэтесса», ваша милость. Этого для меня достаточно. Больше я не хочу быть никем, — отвечает она.

В ту секунду, когда Туллия переступила порог своей гостиной, в том же городе, но в совсем другом квартале прекрасная герцогиня Элеонора Толедская из рода герцогов Альба, маркизов де Вильяфранка-дель-Бьерсо, дочь испанского вице-короля Неаполя, а значит, почти природная принцесса, супруга герцога Козимо Медичи, внезапно захотела апельсина. Она в очередной раз ждет дитя, чем вымотана донельзя.

Лежа на мягчайшей из перин своего дворца, Элеонора, не слушая лютнистку и серебряный голосок кастрата, думает о том, что предыдущего ребенка, который мог стать пятым по счету, она доносить так и не смогла. И поэтому теперь надо быть вдвойне осторожней, но как же ей надоело быть сосудом великой династии, когда ноги

так отекают. Прибегнув к самому сильному из опиатов — воображению, герцогиня начинает представлять тот день, когда ребенок наконец родится и, избавившись от этого бремени, она вновь начнет ходить, танцевать, скакать на лошадях. И влезать в свои любимые платья — их почти триста.

Бронзино. «Портрет Элеоноры Толедской с сыном Джованни». 1544–1545 гг. Уффици

ОДИН ИЗ САМЫХ ЗНАМЕНИТЫХ ПОРТРЕТОВ ПОЗДНЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ, ШЕДЕВР МАНЬЕРИЗМА — НАПРАВЛЕНИЯ, КОТОРЫЙ ОТЛИЧАЕТСЯ ХОЛОДНОСТЬЮ, ВЫЧУРНЫМ КОЛОРИТОМ И ОСОБЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ С ФОРМАМИ, КОТОРЫЕ ПОРОЙ СТАНОВЯТСЯ СЛИШКОМ ИЗВИВИСТЫМИ И НЕНАТУРАЛЬНЫМИ.

КАКОЙ ИМЕННО ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ СЫНОВЕЙ СОПРОВОЖДАЕТ МАТЬ НА ЭТОЙ КАРТИНЕ, ТОЧНО НЕИЗВЕСТНО — ПРЕДЛАГАЮТ КАНДИДАТУРЫ ФРАНЧЕСКО, ДЖОВАННИ И ГАРЦИИ. ОДНАКО ИСКУССТВОВЕДЫ, НА ОСНОВЕ ЭВОЛЮЦИИ СТИЛЯ БРОНЗИНО И ДРУГИХ ПАРАМЕТРОВ, УСТАНОВИЛИ ГОДЫ СОЗДАНИЯ КАРТИНЫ И, СРАВНИВ С ДАТАМИ РОЖДЕНИЯ МАЛЬЧИКОВ И ПРИМЕРНЫМ ВОЗРАСТОМ РЕБЕНКА НА КАРТИНЕ, В ДАННЫЙ МОМЕНТ ПРЕДПОЛАГАЮТ, ЧТО ЭТО ВСЕ-ТАКИ ДЖОВАННИ (КОТОРЫЙ СТАНЕТ КАРДИНАЛОМ И УМРЕТ В ВОЗРАСТЕ 19 ЛЕТ). ТАКЖЕ БРОНЗИНО И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ВЫПОЛНИЛИ МНОЖЕСТВО ПОРТРЕТОВ ЭЛЕОНОРЫ БЕЗ ДЕТЕЙ.

Апельсины приносят на майоликовом блюде, расписанном тюльпанами, Элеонора принимается посасывать дольки и наконец вслушивается

в песню сопраниста. Но канцона не развлекает ее. Можно почитать рыцарский роман, но на это у нет сил. Она приказывает призвать к себе придворного портретиста Аньоло Бронзино и спрашивает, на какой стадии находится работа над ее новым портретом, начатым им несколько месяцев назад. Художник докладывает:

— Лицо, как вы знаете, моя госпожа, я написал сразу. Теперь же я продолжаю работу над платьем. Как обычно, я пишу его с натуры, оно надето на манекен, посаженный в ваше кресло. Поверхность бархата выходит очень удачной с этими новыми пигментами, на которые вы дали недавно денег.

— Там ведь мое темно-красное платье, отделанное жемчугом, присланным моим кузеном, королем испанским. Оно очень мне идет.

Герцогиня зовет свою камеристку. Она приказывает посмотреть, остался ли еще в числе ее драгоценностей какой-нибудь непришитый жемчуг. «Платье! Мне совершенно точно нужно новое платье!» — думает Элеонора и радуется этой мысли так, как будто такое приходит ей в голову впервые.

* * *

Змея, змея! Какая же змея! — злословят о Туллии несколько месяцев спустя те жительницы Флоренции, которые занимаются с ней аналогичным ремеслом (и речь идет отнюдь не о поэзии). Тощая, высокая, груди нет почти — никакой сладости в теле, не за что ухватить! Физиономия злобная — сразу видно, что гадюка. Тонкие губы поджаты, улыбается коварно. Нос вообще крючком свисает. Ведьма! Не зря Аньоло Фиренцуола из Сиены пишет о ней, что она колдовством балуется и мужа своего заморила голодом. Где это видано, чтобы от таких женщин с ума сходили? Как это вообще получается, что из-за такой страшной куртизанки одни кавалеры с собой кончают, а другие разоряются? В чем секрет ее магии? Так шипели между собой красавицы Летта, Нанна и Тесса, в чьи большие мягкие груди так хотелось зарыться носом, чьи мощные зады так хотелось сжать ладонями, чьи губы были нежны и сладки на вкус, словно вишни. Флорентийские вельможи обожали нежиться в их спаленках, слушать их воркование, нежные голосочки и игру на лютнях. Но с приездом Туллии все как будто с ума сошли. Где это видано, чтобы приятному вечеру наедине

со своей сладкой подругой молодой кавалер предпочел толкотню в гостиной тощей бабенки тридцати с лишним лет, почти сорока, которая тем только и хороша, что якобы умна, как дьявол, прочитала все книги на свете, дружит с какими-то там поэтами да сама рифмовать умеет?

Как вообще эта куртизанка смеет?

В чем ее власть?

Чем она их держит?!

А Туллия, устав от шума и сплетен и желая несколько увеличить дистанцию между собой и поклонниками (обдуманный тактический прием), перебирается на виллу поблизости от Флоренции, где устраивает великолепные литературные и музыкальные вечера для избранного кружка. Иногда она приезжает в город и, конечно, не отказывает себе в удовольствии пробежаться по лавкам.

Сегодня она решает заняться приобретением подарков. Она хочет отправить их в Рим матери и младшей сестричке Пенелопе (сплетничают, что та на самом деле ей не сестра, а дочь, но кого это касается). Туллия выбирает лучшие украшения и безделушки, самые яркие и дорогие ткани, ведь где, как не во Флоренции — мировом центре ткачества, запасаться ими.

— Это материи для моей матери. Я обязана своей маме всем, — позже рассказывает она своему покровителю, тому самому человеку, который умеет не хвастаться. Туллии он нравится: она, слава богу, еще в ранней молодости достигла того уровня, чтобы быть только с теми, кто ей нравится.

— Удивительный день, — отвечает он, — сегодня я услышал от Туллии банальность! Так разве бывает? Надо поставить на скачках на какую-нибудь темную лошадку, раз уж сегодня день небывальщин.

— Ты не понимаешь! — она шутливо бьет его кулачком в бок. — Да, у меня отличная память и быстрые реакции, но именно мать сделала меня такой, какая я есть. Только благодаря ей я абсолютно свободна — живу где хочу и занимаюсь тем, чем хочу. Не слушаюсь ничьих приказов. И имею для этого достаточно денег. У меня нет ни отца, ни мужа, который командовал бы мною, как рабыней, запрещал делать то, что я люблю, и приказывал любить то, что я ненавижу. Сегодня мне хорошо с тобой, а тебе хорошо со мной, но, как только это изменится, мы расстанемся за секунду. Ведь мы не связаны кандалами законного брака, из которого выход для женщин — только

смерть.

— Кажется, ты не очень уважаешь это таинство, ай-ай-ай!

— Выход из него — только смерть, причем, если выхода из брака ищет муж, — это будет не просто смерть, а ее убийство. А ведь это бывает так часто, особенно у вас, у знати, ведь замешаны деньги и это ваше «чувство чести»…

— У меня начинает складываться ощущение, что ты презираешь мое сословие, дорогая.

— Я очень многое не уважаю и презираю. Чем я тебе, собственно, и нравлюсь, не спорь.

— Действительно. Итак, ты начала петь хвалы своей матери.

— Моя мать Джулия Кампана родилась под Феррарой в очень простой семье. Она была удивительная красавица, и в юности ей казалось, что благодаря этому ей подвластно все, любой мужчина. Первый большой щелчок по носу она получила на родине, куда вернулась, узнав, что местный герцог Альфонсо овдовел и скучает. Она считала, что ее красоты достаточно, чтобы покорить его, но одна местная девица увела его прямо из-под носа у мамы. Такие поражения не забываются, они скрипят на зубах, как песок, причем годами. Тогда она выучила, что если у

мужчины есть идеал внешности и ты в него не вписываешься, то это может привести к неудаче. Потом в Риме она стала спутницей кардинала Луиджи Арагонского, моего отца.

— Погоди, это же о твоей матери рассказывают какую-то забавную историю про дорогу?

— Ну это старый анекдот. Но правдивый! Папа Лев X решил проложить новую дорогу в Риме, и на ее строительство были направлены подати, которые платят жрицы любви всех сортов. И вот улица замощена, мама идет по ней, и тут ее толкает какая-то разодетая дама, из богачей или знати, и требует уступить дорогу. Мама раскланивается: «Донна, простите меня, конечно же, у вас больше прав идти здесь первой, чем у меня». Эта шутка передавалась потом из уст в уста, и это помогло маме запомнить, насколько важна репутация.

— Так, значит, потом были и другие щелчки по носу?

— У любого взрослого их много, если только он разумен. В Риме мама держала дом, куда приходили многие, в особенности священники. Как ко мне сейчас — приятно проводить время за беседами между собой, ужинать, слушать музыку. К этому времени она научилась прекрасно петь и музицировать — вы, интеллектуалы, такие

избалованные, любите, чтобы женщина, встречающая вас лаской, вдобавок и плясала красиво, и на стол умела накрывать изысканно, и беседу поддерживать.

— Что плохого в том, чтобы везде искать красоту?

— Мама очень умна, но ее раздражало, что те разговоры, которые порой эти попики-поэты вели у нее за обедами, слишком умны и наполнены непонятными именами старых покойников. Она чувствовала, что ей не хватает образования: примерно тогда она только научилась писать. А потом у нее родилась я. И когда я немного подросла, мама поняла, что хорошей куртизанки из меня никак не выйдет.

— Интересный вывод! — мямлит ее собеседник, из позы которого в данный момент совершенно очевидным образом следует, что куртизанка из Туллии — непревзойденная.

— Я подросла и оказалась тощей, угловатой. Носатой! Очевидно было, что не сделаю карьеры красотой и сладостностью. Но было ясно, что я все быстро схватываю и отлично запоминаю. Копить приданое, выдать меня замуж? Меня, внебрачную дочь куртизанки от священника? Конечно, можно, но мать не желала мне такой

судьбы. Она тоже считает, что свобода — лучше, даже с позорными налогами и дурацкими законами против проституток.

— Честно тебе скажу, чтобы терпеть супругу с твоим резким языком, нужно, чтобы у нее было огромное приданое и очень влиятельные родственники, — отвечает ее собеседник.

— Конечно. Я не подарок. Женщина не должна быть подарком. Итак, ее друзья, умнейшие люди Рима, собрались на консилиум. И придумали, как спасти мою будущую карьеру куртизанки: меня стали растить как принцессу, как флорентийскую аристократку: «Наша Тереза будет умнее писательницы Кристины Пизанской!»

— Тереза?

— Ведь святой Туллии не существует. «Туллий» — это номен Цицерона. Мне сменили имя в честь великого римлянина и стали учить риторике. И философии. И литературе. И латыни, конечно. Музыка и танцы казались на этом фоне уже просто отдыхом. Слава богу, в список предметов для обучения вас, аристократов, не входит рисование: мое детство и без того было тяжелым, полным дисциплины и кучи преподавателей. Мать же и ее многоопытные подруги рассказали мне те женские секреты, которые докторам наук

неизвестны.

— Тайны прикосновений и поцелуев.

— Нет. Ты говоришь про элементарную науку. Есть вещи намного сложнее. Главное, чему они меня научили, — как не терять голову от любви к мужчине. И другим нюансам.

— Например?

— Ты хочешь все мои тайны выведать? — со смехом отвечает куртизанка. — Например, про то, как чередовать жар и холод во взгляде при знакомстве с новым поклонником и в каком ритме надо появляться и исчезать в жизни того, кого хочешь завоевать, чтобы он загорелся азартом.

— О господи. Опаснейшее оружие! И что случилось, когда ты вступила в профессию?

— Попы оказались правы: таких, как я, еще не было. Вы привыкли, что монашки пишут гимны, а благородные дамы сочиняют эпистолы и поэмы. Как покойная Лукреция Торнабуони — мать Лоренцо Медичи, как маркиза Виттория Колонна или графиня Вероника Гамбара. От девок ожидают услаждения взора и слуха. Но отнюдь не равноправной беседы.

— Фехтовального поединка словами и цитатами, ты хочешь сказать. Я слышал, как ты диспутируешь.

— Мужчинам нравится мне проигрывать в спорах. Они удивляются, потерпев поражение от женщины. Эта неожиданность их бодрит. Они догадываются, что мне сладко подчиняться.

— Это древняя рыцарская традиция — поклонение Прекрасной Даме. Мы делаем это веками! Вспомни песни трубадуров.

— Нет, дорогой, как ты наивен… дело тут отнюдь не в рыцарстве. Это называется немного по-другому. Я тебе потом покажу. Древние римляне знали толк в этом занятии.

— А расскажи мне о Филиппо Строцци. Как он относился к твоей поэзии? Я знал его, еще когда он жил здесь и не вступил в войну с Козимо Медичи за власть над нашим городом.

— Он нравился мне. Когда он бежал в Рим из Флоренции и мы познакомились, он рассказывал о ваших местных поэтессах. Кажется, Флоренция была единственным городом, где до меня уже имелись просвещенные куртизанки, писавшие стихи. Такого не было даже в античности. Ваша публика более изысканная, чем римская, кавалеры такие образованные, поэтому традиция возникла. Забавно. Строцци рассказывал мне о женщине, которую полюбил Никколо Маккиавелли в двадцатые годы, — певица, куртизанка

по имени Барбара. Они обменивались стихотворными посланиями.

— Это Барбара Салютати. Она и сейчас здесь живет. Вышла замуж и больше не пишет стихов.

— Ха! — говорит Туллия и потом, помолчав некоторое время, продолжает: — У меня тоже был муж. Но запретить писать стихи он мне не мог. Впрочем, может быть, дело не в запретах, а просто в отсутствии вдохновения.

— И свободного времени, если Господь благословит тебе чрево, и пойдут дети, особенно подряд, — добавляет ее собеседник, счастливый супруг и отец одиннадцати детей.

Потом, вдохновленный теми эмоциями, которые порождает в нем эта необыкновенная женщина, чьи строгие серые глаза горят даже в темноте, как у кошки, он высказывает необыкновенную, невиданную идею:

— Послушай, мы должны издать сборник твоих стихов. Пусть Барбара Салютати и другие какие-то куртизанки сочиняли раньше тебя. Но ты станешь первой, кто напечатал собственную книгу!

— Я никогда не думала о подобной возможности, — несколько ошеломленная, отвечает Туллия. — Она кажется мне удивительной. А ка-

кие-нибудь женщины уже печатали свои стихи?

— Не знаю. Никогда не задумывался об этом… Ах, да! Конечно же, Виттория Колонна, муза Микеланджело, — я читал ее сборник. Но там сплошной Иисус, Мадонна, стигматы, Божественное воздаяние.

— Да-да! Так и положено благородной даме!

— Ты себе позволяешь более тонкие и изящные стихи, дорогая.

— Мы сделаем этот сборник. Ты ведь оплатишь печать, да? Там будут лучшие тексты из тех, которые я сочинила.

— Разумеется.

— Нет, это еще не все. А также (мне кажется, это будет очень правильно и уместно) в этот сборник надо поместить те стихи, что посветили мне другие. Мужчины. Покойный Строцци, кардинал Ипполито Медичи, Джироламо Муцио и все остальные. Путь все видят, как они меня воспевают. Что я пишу так же хорошо, как они! Иногда лучше. Правда, ваша местная звезда Бенедетто Варки недавно вернулся в город и еще ничего мне не написал. Мы незнакомы, приведи его ко мне в гостиную. И Бронзино! Почему он мною пренебрегает?

— Ты хочешь, чтобы он написал твой портрет?

— А разве он берет посторонние заказы? Герцогская семья ему на это время оставляет?

— Иногда бывает.

— Интересно, — Туллия задумывается на минуту, но потом продолжает: — Нет, наверно, это было бы дорого. Мне не нужно. Я больше думала о нем как о поэте — он ведь, как Микеланджело, тоже пишет стихи. А тот создал такой прекрасный венок сонетов в честь Виттории Колонна… Такое бы хорошо смотрелось в моем сборнике, правда ведь? Нет, твоя идея просто гениальна!

На этом беседа прекращается, поскольку собеседники ощущают себя крайне довольными интеллектом друг друга и в одну и ту же секунду решаются это продемонстрировать. У покровителя Туллии, однако, успевает мелькнуть в мыслях, что, при всех своих связях, в отношении художника он ей помочь не сможет.

Тем временем Аньоло Бронзино, сын мясника, достигший своим искусством невероятных высот, истинный аристократ духа, ученик Понтормо, учитель Алессандро Аллори, направляется в свою мастерскую.

Алессандро Аллори. «Троица». 1571 г.
Монастырь Сантиссима-Аннунциата (Флоренция)

ЕДИНСТВЕННЫЙ СОХРАНИВШИЙСЯ ПОРТРЕТ БРОНЗИНО
— ФРАГМЕНТ ФРЕСКИ, ВЫПОЛНЕННЫЙ ЕГО УЧЕНИКОМ И НАСЛЕДНИКОМ АЛЛОРИ (СПРАВА, С БОРОДОЙ). В ЛЕВОЙ ЧАСТИ ФРЕСКИ ОН НАПИСАЛ ПОРТРЕТ ПОНТОРМО (УЧИТЕЛЯ БРОНЗИНО). ПОРТРЕТЫ ОБОИХ ХУДОЖНИКОВ «ВСТАВЛЕНЫ» В АРХИТЕКТУРНЫЕ
ЭЛЕМЕНТЫ В КОМПОЗИЦИИ «ТРОИЦА» — СЦЕНЕ, В КОТОРОЙ БОГ-ОТЕЦ ПОДДЕРЖИВАЕТ ТЕЛО СЫНА. ТАКОЙ СПОСОБ ИНТЕГРАЦИИ ПОРТРЕТОВ В РЕЛИГИОЗНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СУЩЕСТВОВАЛ ИЗДАВНА НАРАВНЕ С «ПОРТРЕТАМИ В ТОЛПЕ», ОДНАКО БЫЛ МЕНЕЕ ПОПУЛЯРЕН ИЗ-ЗА СВОЕЙ ДЕМОНСТРАТИВНОСТИ, «НЕСКРОМНОСТИ». К СОЖАЛЕНИЮ, ФРЕСКА НАХОДИТСЯ В ПЛОХОМ СОСТОЯНИИ И ЛИЦО БРОНЗИНО ПОКРЫТО ЦАРАПИНАМИ.

Бронзино слышал о Туллии д’Арагона и даже несколько раз видел ее. Но тезка Цицерона никакого впечатления на него не произвела. Свои сонеты раньше, в молодости, он посвящал

любимому учителю, научившему его всем наукам — как живописи, так и идеалам античной дружбы; теперь же он посвящает их своему ученику Алессандро Аллори, прекрасному и умному юноше.

Женщинам — никогда.

Кроме герцогини Элеоноры, конечно же, дай бог ей здоровья. Она только что разрешилась от бремени пятым младенцем: девочка, крещеная Лукрецией, присоединяется к старшим братьям и сестрам в детской под присмотром нянь и кормилиц. Никто пока не знает, что ее, как и большинство других отпрысков Козимо и Элеоноры, ждет несчастливая судьба, ранняя смерть. Восемь детей вырастут у герцога, и почти все будто прокляты — женоубийцы и убитые мужьями, братоубийцы и убитые братьями. Но пока что — они пухлые младенцы, и великий Бронзино, не изменяя своей холодной манере, пишет их щечки, кудряшечки и пальчики, сжимающие погремушки, цветы и птичек.

В этом месяце в мастерской Бронзино позирует шестилетний Франческо Медичи. Мальчик, конечно, не ведает, что в далекой холодной Праге в императорской семье на свет только что появилась его будущая невеста — принцесса Иоганна

Австрийская. В Венеции Андреа Арривабене в своей каморке вычитывает гранки перевода Корана — пусть итальянский станет первым живым языком Европы, на который переведут святую книгу неверных! Мир бурлит. В Париже хоронят блистательного Франциска I, а в Виндзоре — его вечного соперника, одряхлевшего Генриха VIII. В сказочной заснеженной Московии юный отрок Иоанн Васильевич, проходя вдоль вереницы прекрасных, как заря, боярышень, останавливает свой взор на нежной Анастасии Романовне, дочери вдовы Захарьиной.

* * *

Неужели снова повторяется тот кошмар, что три года назад в Сиене? Тогда тоже, по доносу каких-то завистливых клуш, Туллию арестовали и притащили в суд. Мол, она живет в квартале, где продажным женщинам жить запрещено! А что ей было делать, если это самый приличный район в городе? Что она носит драгоценности напоказ, на улице, в том числе жемчуг — а по закону шлюхам этого делать нельзя. Да и одевается, так роскошно, что и не каждая дворянка может себе такое позволить — накидку на меху, называемую сберния, например, носит, а проституткам это

законодательно запрещено.

Тогда Туллии помогло наличие мужа (он был еще жив). Она притащила его в суд и предъявила документы о браке, мол, не куртизанка она, а приличная дама. Ее освободили — да и то, что один из ее поклонников заседал в городском совете, помогло. А что делать сейчас?

Ах, ну какая же хорошая жизнь устроилась у нее во Флоренции. Они так удачно нашли общий язык с Бенедетто Варки, ее литературный салон стали звать «Академией», на манер афинских сборищ в платоновской роще, и самые умные люди Флоренции стремятся на совместные вечера Туллии и Варки. Вместе они начали сочинять книгу — диалоги о природе любви (конечно, духовной, а не плотской, к черту, к черту), да притом по в модном духе, то есть — с точки зрения неоплатоников. И вот опять, теперь во Флоренции, опять это «правосудие»! У них, оказывается, вышел очередной закон о роскоши и морали — проституткам нельзя носить одежду из шерсти, шелка и других дорогих тканей. Да господи! А во что же тогда одеваться? В холстину?! И вот теперь ее тащат к магистрату, приказывают завернуться в рванину, в мешок для зерна. Да еще, какая мерзость, — постоянно носить желтое головное

покрывало, чтобы каждый на улице мог видеть, что у нее за ремесло.

Какой же стыд. Туллия плачет. Ее могут выслать из города за отказ, могут высечь. Ненавистное проклятие ее ремесла! Клеймо! Тот хрупкий мир, который ей удалось построить вокруг себя, то достоинство, которым ей удалось себя окружить, ее слава, почтение, заработанное у поэтов с помощью бесстыдной лести, — все может рухнуть в один момент. Даже когда в Венеции на нее обозлился Аретино — и то было не так опасно; про Аретино все знают, что он врун и сплетник, а как она сможет отрицать порку на глазах у людей? Невыносимо обидно.

Но друзья опять не подводят. Человек, который умеет не хвастаться, но при этом способен на многое другое, приводит к ней юношу — это Педро де Толедо, племянник герцогини Элеоноры.

— А напишите тетушке прошение с просьбой о заступничестве, — советует юноша, тоже смотрящий на нее влюбленными глазами. — Может помочь.

Но у Туллии опускаются руки. Энергия, обычно полыхавшая внутри ее худенького, костлявого тела, вся куда-то исчезла. Так страшно. Любезный дружочек гладит ее по растрепанной голове и

принуждает взяться за перо.

«Я едва могу набраться сил, — пишет Туллия герцогине, — чтобы выйти из своей комнаты. Ведь за то, что я появлюсь на улице без желтой вуали, может последовать наказание».

В своем письме Туллия умоляет Элеонору поговорить с герцогом Козимо, чтобы он дал ей разрешение не соблюдать закон о желтом.

1

2

3

4

Кристоф Кригер. Гравюры из книги Чезаре Вечеллио «Habiti antichi, et moderni di tutto il Mondo». Венеция, Svlstativm Gratilianvm Senapolensis, 1598 г. Рейксмьюзеум

1. Уличная проститутка в Венеции (Публичная блудница).

2. Венецианская куртизанка.
3. Римская куртизанка.
4. Куртизанка во времена Пия V

НА ЭТИХ СТРАНИЦАХ ИЗ ТОЛСТОГО АЛЬБОМА ГРАВЮР, ПОСВЯЩЕННОГО КОСТЮМАМ «СОВРЕМЕННЫМ И ДРЕВНИМ ВСЕГО МИРА», МЫ ВИДИМ РАЗНЫЕ ВАРИАНТЫ ОДЕЯНИЙ ПУБЛИЧНЫХ ЖЕНЩИН ИТАЛИИ 2-Й ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА. ОДЕЖДА МЕНЯЛАСЬ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТОГО, КАКОВ БЫЛ ЕЕ СТАТУС, В КАКОМ ГОРОДЕ ОНА ПРОЖИВАЛА И ПРИ КАКОМ ПРАВИТЕЛЕ.

АВТОР КНИГИ ЧЕЗАРЕ ВЕЧЕЛЛИО БЫЛ СЫНОМ ЭТТОРЕ ВЕЧЕЛЛИО, КУЗЕНА ТИЦИАНА, И В ЮНОСТИ УЧИЛСЯ В МАСТЕРСКОЙ ПОСЛЕДНЕГО, НО КАК ЖИВОПИСЕЦ НЕ ПРЕУСПЕЛ. ОДНАКО ЕГО КНИГИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ КОСТЮМАМ, ПОЛЬЗОВАЛИСЬ БОЛЬШИМ УСПЕХОМ.

Смиренно и покорно куртизанка обещает носить самые простые одежды, самые скромные, одеваться по римской моде, спартанской и простой, заматываться в черное, как Виттория Колонна. К своему посланию Туллия прилагает списки стихов, которые посвящали ей поэты, от Бернардо Тассо до Бенедетто Варки, и свои собственные сочинения, а также еще незакон-

ченную рукопись неоплатонических «Диалогов», которые она обещает посвятить Элеоноре.

Педро де Толедо берет послание и покидает дом Туллии.

Куртизанка кусает свои тонкие губы и пьет вино. Пьет и пьет, чтобы прошла головная боль, но это не помогает.

Ожидание бесконечно.

Неужто придется все бросить и опять переезжать?

Дон Педро бежит во дворец, желание помочь прекрасной даме наполняет его сердце. Герцогиню он находит в мастерской Бронзино. Наряженная в травянисто-зеленое платье, расшитое золотом и отделанное жемчугом, она сидит в своем привычном кресле. Маленький Фердинанд, ее сынок, которого она зовет на испанский манер Эрнандо, играет у ног матери.

Бронзино. «Портрет Козимо I в доспехах». 1543–1545 гг. Уффици

ТАКЖЕ БРОНЗИНО, РАЗУМЕЕТСЯ, ВЫПОЛНИЛ ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО ПОРТРЕТОВ СВОЕГО ГЕРЦОГА — КОЗИМО I МЕДИЧИ. НА НИХ ОН ПРЕДСТАЕТ КАК ПОЛКОВОДЕЦ (В ДОСПЕХАХ), В ОБЫЧНОЙ ОДЕЖДЕ И ДАЖЕ В ОБРАЗЕ МИФИЧЕСКОГО ОРФЕЯ (ОБНАЖЕННЫМ).

ЭТИХ КАРТИН ТАК МНОГО, ЧТО НЕСКОЛЬКО ЕСТЬ ДАЖЕ В РОССИИ: В ЭРМИТАЖЕ НАХОДИТСЯ КАРТИНА
БРОНЗИНО 1537 ГОДА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ МОЛОДОГО КОЗИМО В ЧЕРНОМ КАФТАНЕ НА ФОНЕ АЛЛЕГОРИЧЕСКОГО ПЕЙЗАЖА С ПЫЛАЮЩИМ ОГНЕМ. А В ПУШКИНСКОМ МУЗЕЕ ВЫСТАВЛЕН ЕГО ПОРТРЕТ В ЗРЕЛОСТИ (ПОСЛЕ 1560 ГОДА), В КАМЗОЛЕ, С ПЛАТКОМ В РУКЕ — РАБОТА МАСТЕРСКОЙ БРОНЗИНО (ВОЗМОЖНО — КИСТИ АЛЕССАНДРО АЛЛОРИ).

Художник показывает герцогине эскизы сложной аллегорической картины, над которой хочет начать работать — «Венера, Купидон и Ревность». Его юный и прекрасный ученик Аллори держит другой край эскиза. Приходит племянник с письмом от Туллии и в восхищенных словах описывает эту даму — поэтессу, певицу, лютнистку, философа и да, немножечко куртизанку. Они говорят по-испански, но потом герцогиня, поняв

зачарованное состояние юноши, переходит на итальянский и обращается к Бронзино:

— Вы знакомы с нею? Какая она?

Бронзино пожимает плечами. Недавно он несколько раз отказался от приглашения на ужин на виллу Туллии, но никакой неловкости из-за этого не чувствует:

— Я бы не стал писать ее портрет. Очень трудно изобразить женщину с подобным носом так, чтобы это не обидело. Впрочем, она напоминает Клеопатру и в другом — говорят, устоять перед ее умом невозможно.

— А как она обычно одевается? — спрашивает герцогиня, на что Бронзино, обожающий малейшие нюансы женской моды так, как это только умеют делать художники и мужчины определенных вкусов, отвечает:

— Я обратил внимание, что, когда она в прошлом году приехала во Флоренцию, она надевала привезенные с собой платья, сшитые по венецианской и римской моде. Там были интересные оттенки и фактуры. Теперь она стала одеваться по нашему обыкновению.

Неожиданно в разговор вмешивается камеристка герцогини:

— Мы обсуждали это с вашими портнихами и

ткачихами недавно, госпожа. Несколько месяцев назад сеньора д'Арагона поняла, что тот стиль, который вы насаждаете в флорентийской женской одежде, эти благородные испанские силуэты, гораздо более достойны и красивы. Портниха, которая обшивает ее, просила у нашей донны Леоноры разрешения зарисовать некоторые из ваших нарядов. Конечно, ваших вершин роскоши и элегантности ей не достигнуть, но ее вкус явно улучшился.

— То есть она заказывает копии моих платьев?

— Как и все дамы города, сеньора. Конечно, более дешевые и простые копии.

— Очевидно, это достойная и умная женщина, — восклицает Элеонора. — И теперь она должна носить желтый головной убор совершенно с любой одеждой? С платьями, которые ввела я?! Какое варварство!

И величественно, хотя и немного тяжеловесно (из-за своего обычного состояния), она встает с кресла и отправляется к мужу.

Мудрый Козимо знает о Туллии д'Арагона все.

Он помнит эту стремительную женщину еще с тех пор, когда она была любовницей его старого врага Филиппо Строцци (умер восемь лет назад, загадочно, от неизвестных причин, в темнице

Медичи, так бывает). Строцци был без ума от нее, повел себя как дурак, допустил утечку важной информации. Это было удачно. Теперь же, когда 37-летняя Туллия живет во Флоренции и собирает в своей гостиной самые блестящие умы — и самых больших болтунов города, знать все о ней — одна из обязанностей третьего герцогского секретаря.

Козимо берет одно из стихотворений Туллии, приложенных к письму, и пробегает глазами. «Ого!» — говорит себе герцог, правнук Лоренцо Великолепного — поэта и великого политика.

Герцог приказывает секретарю помочь даме с возникшим недоразумением. И прямо на послании Туллии, адресованном жене, пишет свою резолюцию: Fasseli gratia per poetessa — «Простите ее, она ведь поэтесса».

Сборник стихов Туллии будет напечатан несколько месяцев спустя.

Туллия д'Арагона

Сонет XXXVIII. К Пьетро Манелли, молодому флорентийцу и поэту

Коль природа с вами сделала сходной
меня, иль Бог, из материи одной,
желать славы может и мой ум жи-

вой —
не верите, Манелли благородный?

Считаете от страха не свободной
меня? Что пеньем не решусь роковой
огонь мой внутренний явить, раз иной
у меня стиль и с вашим – разнородный?

Пьеро, в то не поверите, но и я,
устаю, трудясь, чтобы к небу взвиться
и прославить имя на земле свое.

Мечту не сгубит злая судьба моя,
и прежде, чем душа освободится
от тела, желанье утолю мое[10].

Аньоло Бронзино
Сонет на смерть Элеоноры Толедской

То правда ли? И такова награда
за наши беды? Ты, о, мир презренный,
гнев неба вызываешь неизменный,
ни разум, ни душа тебе не рады.

Куда идти и что мне делать надо,

---

[10] Примечания: 10
Перевод П. Алешина.

чтоб боль забыть? Воистину блаженный
счастливец тот, кто мир покинет бренный,
едва родившись: смерть ему – отрада.

Ужели ту, одарена благою
была кто красотою, не смогу я
увидеть вновь в божественном сиянье?

Элеонора! Верным ей слугою
я был всегда. Удар смертельный! Ране
иль вместе с ней не умер почему я?[11]

[11] Примечания: 11
Перевод П. Алешина.

№ 14. Исчезновение Компьюты Донцеллы

Мастер «Манесского кодекса». «Граф Крафт Тоггенбургский (?)».

Миниатюра из «Манесского кодекса». 1305–1315 гг. Библиотека Гейдельбергского университета

ПОРТРЕТОВ КОМПЬЮТЫ ДОНЦЕЛЛЫ НЕ МОГЛО ДОЙТИ ДО НАС НИ ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ. И ДЕЛО НЕ В ТОМ, ЧТО ОНА СКРЫВАЕТСЯ ПОД ПСЕВДОНИМОМ. А В ГЛОБАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ С ПОРТРЕТНЫМ ЖАНРОМ В XIII ВЕКЕ. В ЭТО ВРЕМЯ ПОРТРЕТ, В ТОМ СМЫСЛЕ, В КАКОМ МЫ ПРИВЫКЛИ ПОНИМАТЬ ЭТОТ ЖАНР (РЕАЛИСТИЧНАЯ ПЕРЕДАЧА ХАРАКТЕРА И ФИЗИОГНОМИЧЕСКОГО СХОДСТВА), ЕЩЕ НЕ БЫЛ ЗАНОВО ИЗОБРЕТЕН. МАКСИМУМ, ЧТО СУЩЕСТВОВАЛО, — ЭТО СХЕМАТИЧНЫЕ ФИГУРКИ В ИЛЛЮМИНИРОВАННЫХ РУКОПИСЯХ, СКУЛЬПТУРНОЙ
ОТДЕЛКЕ ХРАМОВ И НА АЛТАРНЫХ ОБРАЗАХ (ДОНАТОРЫ И «АВТОПОРТРЕТЫ»). ЭТО БЫЛИ НЕ НАСТОЯЩИЕ ПОРТРЕТЫ, А СИМВОЛЫ, ЗНАКИ ПРИСУТСТВИЯ КОНКРЕТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

К СОЖАЛЕНИЮ, В ИТАЛИИ XIII ВЕКА НЕ СОЗДАВАЛИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА НА ТЕМУ ПРИДВОРНОЙ ПОЭЗИИ, ПОЭТОМУ В

КАЧЕСТВЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ЗДЕСЬ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ КОДЕКСА, СОЗДАННОГО В ЦЮРИХЕ НА ВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ. СБОРНИК СВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ ОБИЛЬНО ПРОИЛЛЮСТРИРОВАН ОБОБЩЕННЫМИ «ПОРТРЕТАМИ» ПОЭТОВ (ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ МИННЕЗИНГЕРОВ, НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ АНАЛОГ ТРУБАДУРОВ И ТРУВЕРОВ), ЧАСТО — ВЕСЬМА ЗНАТНЫХ ПЕРСОН.

От первой итальянской поэтессы нам осталось всего три сонета и пара упоминаний в чужих письмах. Она была современницей Людовика IX Святого, Альфонсо X Мудрого, Марко Поло, Фомы Аквината и Александра Невского, но Дуччо, Джотто и Данте еще не родились, хотя их родители уже начали строить друг другу глазки.

Имя ее утеряно. Псевдоним ее переводится как «Превосходнейшая девица из Флоренции». О ней неизвестно почти ничего. Темен и тяжел для женщин всего мира был век от Рождества Христова тринадцатый[12].

Флоренция, 1265 год

Был конец жаркого мая. Длинная тень от башенки недавно построенного Палаццо дель

[12] Примечания: 12

Это единственная новелла в данной книге, не основанная на 100 %-но известных фактах биографии героини.

Попполо лежала на раскаленных булыжниках площади. Прохладная вода в питьевом фонтанчике журчала так заманчиво, что Клавдия д'Анджело[13] передумала спешить домой и повернула к источнику. Выпив воды, она присела на каменный парапет, не боясь испачкать свое темное платье из дорогой ткани, и стала молча глядеть на площадь. Старая служанка устроилась рядом, ей тоже не хотелось торопиться.

Горожане галдели, уличные разносчики кричали, мальчишки смеялись, в небесах щебетали птицы. День начался недавно и, хотя было жарковато, еще никто не успел устать. Правда, Клавдия чувствовала себя утомленной, но она так удобно сидела на парапете, не думая ни о чем и только наслаждаясь радостным солнцем, что постепенно в душу ей возвращался покой. Прохожий, одетый как путешественник, оглянулся на нее, потом остановился и с радостной улыбкой повернул в ее сторону.

— О, прекрасная маленькая донна, о донцелла! — приветствовал он ее. Это был Фабрицио ди Маттео, она не видела его лет пять, с тех пор как он отправился воевать против императора

---

[13] Примечания: 13
Вымышленное имя.

Фридриха II, несмотря на свою дружбу с его ярым сторонником, графом (и поэтом) Ринальдо д'Аквино. Весельчак и отличный фехтовальщик, он прекрасно пел на вольгаре и провансальском, иногда складывал удачные строчки, а главное — помнил ее в те времена, когда Клавдия еще не была замужем. Ей было приятно его увидеть.

— Вы не представляете, как часто, мерзнув ночами у походного костра, я вспоминал о тех прекрасных вечерах, которые мы проводили в доме вашего дяди! — воскликнул Фабрицио, и она заметила, как погрубела его кожа от времени и войны и что шея обезображена длинным шрамом. — Помните, о Компьюта, о «Превосходнейшая», как увенчали меня венком из роз?

Йоэнсис. «Манфред Сицилийский с донатором и писцом Йоэнсисом». Миниатюра из «Библии Манфреда» (MS. VAT. LAT. 36).

1250-е гг. Ватиканская Апостолическая библиотека

ПОРТРЕТОВ КОМПЬЮТЫ ДОНЦЕЛЛЫ НЕ МОГЛО БЫТЬ СОЗДАНО И ИЗ-ЗА ЕЕ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕВЫСОКОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ. В ЕЕ ЭПОХУ ДАЖЕ «ПОРТРЕТЫ»-ЗНАКИ БЫЛИ КРАЙНЕ РЕДКИ, ИМИ УДОСТАИВАЛИ ЛИШЬ ОСОБО ВЫДАЮЩИХСЯ ПЕРСОН, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ МОНАРХОВ. ПЛЮС СВОИ «ПОРТРЕТЫ» ЗАКАЗЫВАЛИ ДОНАТОРЫ — МЕЦЕНАТЫ, СПОНСИРОВАВШИЕ СОЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА. И КОНЕЧНО, НИКТО НЕ МОГ ЛИШИТЬ ХУДОЖНИКОВ УДОВОЛЬСТВИЯ ДЕЛАТЬ АВТОПОРТРЕТЫ, ЛИШЬ ТОЛЬКО ОНИ ЗАНОВО ИЗОБРЕЛИ ИХ В КОНЦЕ I ТЫС. Н. Э.

МИНИАТЮРА ИЗ БИБЛИИ КОРОЛЯ МАНФРЕДА СИЦИЛИЙСКОГО, СОВРЕМЕННИКА НАШЕЙ ГЕРОИНИ, СОВМЕЩАЕТ ТРИ ТАКИХ ОБОБЩЕННЫХ ПОРТРЕТА. ИЛЛЮСТРАЦИЯ ОТНОСИТСЯ К ЖАНРУ «ПОСВЯТИТЕЛЬНЫХ МИНИАТЮР», НА НЕЙ ИЗОБРАЖЕНО ДАРЕНИЕ (ПРИНЕСЕНИЕ В ДАР) ГОТОВОЙ КНИГИ. ВЫШЕ ВСЕХ СИДИТ КОРОЛЬ МАНФРЕД, ЧУТЬ НИЖЕ НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗАКАЗЧИК КНИГИ (БЫТЬ МОЖЕТ, ВРАЧ ДЖОВАННИ ДА ПРОЧИДА, ИЛИ ДЯДЯ МАНФРЕДА ФЕДЕРИКО ЛАНЧИЯ, ИЛИ ЖЕ НЕКТО ИЗ АРАГОНСКОГО ДОМА,

НАПРИМЕР, ПЕДРО III). МЕЛЬЧЕ ВСЕХ, ВНИЗУ, — ФИГУРА НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ РУКОПИСИ, ЕГО ИМЯ «JOHENSIS» ИЗВЕСТНО БЛАГОДАРЯ НАДПИСИ НА ДРУГОЙ СТРАНИЦЕ. ВСЕ ПЕРСОНАЖИ НА ОДНО ЛИЦО И ОТЛИЧАЮТСЯ ТОЛЬКО АТРИБУТАМИ, ОДЕЖДОЙ, ПОЗАМИ И ИЕРАРХИЧЕСКИМ РАСПОЛОЖЕНИЕМ.

Клавдия прекрасно помнила тот вечер. Она очень волновалась: дядя решил устроить соревнование поэтов, а она была выбрана его королевой — как это бывало при несравненной Алиеноре Аквитанской, скончавшейся почти полвека назад. К счастью, отец одобрил это мероприятие. Молоденькая, прелестная, Клавдия очень краснела, и от этого платье из розовой тафты с золотыми нитями шло ей еще больше. Они сидели в большом зале дома дяди (который потом разрушат гибеллины), поленья в огромном камине трещали, музыканты играли что-то бойкое, с присвистом, и теплое вино заманчиво пахло гвоздикой. Поэты читали свои стихи — томные сонеты, веселые канцонетты, печальные баллаты. Потом Клавдия, как Прекрасная Дама, дала всем тему для импровизаций: лучшее стихотворение, по ее ощущению, вышло у дяди, но из скромности она согласилась с общим мнением,

что победителем должен стать Фабрицио. Невозможно краснея — ах, как страшно быть юной девицей, — она подошла к нему, он же встал на одно колено, опустил голову и позволил увенчать себя короной из белых роз.

Вечер был замечательным! А еще более прекрасным он стал, когда дядя спросил: «Моя прекрасная донцелла, маленькая донна, чем ты занималась, пока мы сочиняли свои импровизации? Я ведь знаю тебя, милая! Признавайся, ты ведь тоже сложила строчки на эту тему?» И, как Клавдия ни стеснялась, дядя заставил ее прочитать собственное стихотворение. Мужчины тогда замерли: по правде, оно оказалось удачнее стихов победителя.

Пораженный поэт сорвал венок со своей головы и попытался вручить его Клавдии, но та согласилась взять из него лишь одну розу. Потом она долго хранила цветок в своей шкатулке. Господи, какой замечательной была жизнь тогда — целую вечность тому назад.

— Прочтите мне какое-нибудь из своих новых стихотворений, Компьюта Донцелла! — попросил подурневший от сражений и скитаний Фабрицио, вспомнив тот псевдоним, который они придумали для Клавдии д'Анжело тогда

— ведь незамужней девице неприлично трепать свое имя, даже в подписях под стихами.

— Я не сочиняю больше, мой друг, — ответила она, и на секунду показалось, что облако зашло на солнце, так прохладно стало. Потом Клавдия попрощалась со старым знакомым и отправилась в свой дом.

Неизвестный художник. «Царь Давид и музыканты». Ок. 1350 г. Миниатюра из рукописи Боэция «Об арифметике. Об музыке» (V. A. 14). Национальная библиотека (Неаполь)

ЭТА МИНИАТЮРА СОЗДАНА ПРИМЕРНО ПОЛВЕКА СПУСТЯ ПОСЛЕ ПЕРИОДА АКТИВНОСТИ КОМПЬЮТЫ ДОНЦЕЛЛЫ. БЛАГОДАРЯ ЕЙ МЫ МОЖЕМ
ПРЕДСТАВИТЬ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИТАЛИИ ТОЙ ЭПОХИ. ПОРТРЕТОВ ЗДЕСЬ НЕТ: В ВЕРХНЕМ ЯРУСЕ В КРУГЕ ИЗОБРАЖЕН ЦАРЬ ДАВИД — ГЛАВНЫЙ БИБЛЕЙСКИЙ МУЗЫКАНТ. ЖЕНСКАЯ ФИГУРА В ЦЕНТРЕ — АЛЛЕГОРИЯ МУЗЫКИ, ЕЕ ОКРУЖАЮТ РАЗЛИЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ.

БОЭЦИЙ (ОК. 480 — ОК. 525 ГГ. Н. Э.) — ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ФИЛОСОФ, ЧЕЙ ТРУД О ТЕОРИИ МУЗЫКИ БЫЛ ОЧЕНЬ ПОПУЛЯРЕН В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ДАННАЯ РУКОПИСЬ БЫЛА СОЗДАНА ФРАНЦИСКАНСКИМ МОНАХОМ ИЗ НЕАПОЛЯ В ПЕРИОД АНЖУЙСКОГО ГОСПОДСТВА, ВОЗМОЖНО, В ЗОНЕ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ АВИНЬОНСКОГО ПАПСКОГО ДВОРА.

Там она быстро поднялась в кладовую и, вяло попробовав поискать в старых вещах ту самую розу, села на сундук в темном углу. На нее опять

накатило бессилие. Снизу раздавался громкий голос мужа.

Большой дом был полон богатств, ценной посуды, тканей, драгоценностей и слуг. Лавка на первом этаже (ведь вся мощь Флоренции держится на торговле и ремесле) не оскудевала товарами и их образчиками. Но ей все время казалось, что воздух в доме спертый, как перед грозой, что там темно и мрачно, проскакивают молнии, и голос ее становился глухим и слабым, когда она пыталась здесь о чем-то говорить. Клавдия была бы рада проводить дома меньше времени, но куда ей было пойти? Только на рынок. Да к мессе, куда ей больше нравилось ходить, но лишь по той причине, что это можно было делать несколько раз в день. Муж считал, что Клавдия там занимается вымаливанием ребенка (детей у них не заводилось, и в этом он тоже обвинял ее, хотя она точно знала о его многочисленных связях со служанками и соседками, которые не имели никаких последствий, и поэтому не считала виноватой себя). Больше всего на свете Клавдия мечтала уговорить мужа отпустить ее в паломничество по святым местам с ее матерью или с кем угодно из родни (только не с ним самим и не с отцом, которому она не могла простить выбор жениха).

О паломничестве она мечтала не потому, что молитвы Богоматери Лоретской могли бы принести наконец плод, а потому что это даровало бы ей несколько недель подальше от него, в тишине.

Еще Клавдия мечтала, что дядя вернется из изгнания, куда угодил из-за Манфреда Сицилийского. Расскажи кому она о своих мечтах, никто ничего несбыточного в них не увидал бы, но Клавдия точно знала, что они не сбудутся никогда, и бессильно исполняла все, что требовал от нее долг супруги и хозяйки дома. Ей очень хотелось заснуть. И не проснуться.

В один день кумушка Мариетта позвала ее на освящение придела в Санта-Мария-Новелла, которую все строили и никак не могли достроить доминиканцы. Конец работ, по их словам, был уже на носу, они даже нашли архитектора, который обещал им в следующем году закончить главный фасад. Пока же очередь дошла до одной из капелл. Клавдия с удовольствием отлучилась на церемонию. Хоть бойкая Мариетта входила в число «соседок» ее мужа, это не задевало — Клавдия давно стала глуха к подобным вещам.

Улица была полна радостного народа, какой-то юнец голосом, похожим на звук серебряной трубы, выводил песенку, которую Клавдия ко-

гда-то любила, монастырские колокола звонили к молитве. Толпа, набившаяся в недостроенный и поэтому полный эха храм, сначала шушукалась, но, когда началась церемония, все затихли. Клавдия с удовольствием отдыхала взором на «Благовещении», том самом, где перед Марией — полосатый половичок, а Господь так неустойчиво угнездился на облачках. А вот от «Троицы» она отвернулась: смотреть на людей с таким суровым лицом, как у Бога-Отца там, ей было неприятно. Наверно, это был грех — не любить Господа из-за какой-то фрески, но Клавдия давно начала замечать, что чем больше она проводила времени в церкви и чем больше слушала медовые наставления о повиновении приходского священника фра Лоренцо после исповеди, тем меньше любила Бога. Особенно Отца.

Пока шел обряд, Клавдия любовалась яркостью вышитой парчи облачений и наслаждалась прохладными песнопениями монахов. В такие моменты идеальной красоты среди идеальной архитектуры ей удавалось отдохнуть и немного восстановить иссякшие душевные силы. Когда церемония закончилась, мраморные полы капеллы опять стали звонкими от шарканья, топота каблуков и звона шпор. Соседка Мариетта что-то

гудела у нее над левым ухом. И тут движение толпы вынесло Клавдии навстречу прославленного Гвидо Гвиницелли. Великий поэт (которому суждено стать учителем Данте Алигьери, родившегося три дня назад в соседнем квартале) был наряжен в зеленый бархат. Он увидел Клавдию и собрался было кивнуть ей, а то и сказать что-то приветственное, но на лице женщины отразился такой ужас, что красавец-поэт замер в недоумении, а она поспешила, не оборачиваясь, к выходу из храма. Ведь ее сопровождали Мариетта и преданный мужу лакей.

А с каким бы удовольствием Клавдия остановилась поболтать с Гвидо! Она с блаженством перебирала в памяти моменты общения с ним. Вот знакомство: все обсуждают печальные новости о том, что коварный севастократор Иоанн Палеолог разбил где-то в Македонии армию ахейского князя Гильома Виллардуэна, который писал такие славные стихи. А Клавдия тогда молчала после разговора с отцом, который говорил, что ей пора выходить замуж и он присмотрел ей отличного жениха — купца, недавно вернувшегося из дальнего путешествия, который поэтому не слыхал о ее поэтических забавах и, значит, не испугается этой ее неженской привычки. Так

Клавдия узнала, что ее талант сделал ее «порченным товаром».

Но когда ей представили знаменитого Гвидо Гвиницелли, все плохие мысли мигом покинули ее — ведь он, давно знакомый со стихами «Превосходнейшей Девицы», Компьюты Донцеллы, так почтительно поцеловал ей руку, так восхищался ее талантом, так хвалил ее за владение родным языком. Он говорил ей, что большая честь для Флоренции породить такую деву, когда и мужчин-поэтов, овладевших сладкой наукой нанизывать слова вслед за провансальцами еще по пальцам пересчитать. А еще та встреча спустя несколько месяцев, когда он буквально воспевал ее за то, что в Италии наконец тоже появились в ее лице trobairitz, женщины-трубадуры, и преподнес посвященный талантливой девице сонет «Прекрасной именем достойной госпоже»… А тот вечер, когда наравне с мужчинами она участвовала в конкурсе поэтов… Да ладно, чего уж тут вспоминать, хватит — Клавдия спешила домой, счастливая (если тут можно употребить это слово) тем, что избежала дать мужу новый повод для гнева разговором с незнакомым ему человеком.

Гнев, гнев… До того как стать женою, Клавдия удивлялась, почему Библия числит его среди се-

ми смертных грехов. Прелюбодеяние — понятно, обжорство — тоже, это пути к изничтожению своей души и тела. Почему гнев стоит наравне с ними? Ну, поругался человек, расстроился, что с того? Но в этом доме Клавдия ощутила тот самый гнев, за который грешников ввергали в Геенну Огненную. Ибо этот гнев сам был как Геенна, как горящие потоки лавы или расплавленного металла в мастерской кузнеца. Гнев ее мужа убивал, он проедал плоть огнем вплоть до костей, заставляя корчиться в невыносимых страданиях, желать превратиться в бесплотную тень, исчезнуть.

Клавдия поднималась по дубовой лестнице в супружескую спальню и старалась не думать о том, в чем рокочущий муж будет обвинять ее сегодня — в плохом ужине, приготовленном прислугой, которую он сам же и нанял; в том, что в доме пищат мыши; в росте цен на шерсть; в том, как безродный Гальгано Медичи попытался обвести его сегодня вокруг пальца, а все помнят, как его дед-медикус работал за гроши, ставил пиявки и мочу на вкус пробовал.

Или в том, что она на него непочтительно смотрела — самое абсурдное из обвинений, потому что смотреть на супруга почтительно Клавдия научилась почти сразу.

Джотто. «Аллегория Гнева». Фреска из цикла «Аллегории Добродетелей и Пороков», 1304–1305 гг. Капелла Скровеньи (Падуя)

ДЖОТТО (1266/7–1337) БЫЛ МЛАДШИМ СОВРЕМЕННИКОМ НАШЕЙ ГЕРОИНИ. ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ ЭТОГО РАССКАЗА ВЫБРАНО В ГОД ЕГО РОЖДЕНИЯ, ЧТОБЫ ПОДЧЕРКНУТЬ ЭТУ РАЗНИЦУ ПОКОЛЕНИЙ. ДЖОТТО СЧИТАЕТСЯ ОСНОВАТЕЛЕМ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИВОПИСИ, ЕГО ИСКУССТВО СТАЛО ВЕХОЙ, ОЗНАМЕНОВАВШЕЙ ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСКУССТВА, ПРОПИТАННОГО ВИЗАНТИЙСКИМ КАНОНОМ, К ПРОТОРЕНЕССАНСУ — НОВОМУ СТИЛЮ.

ЕГО РОСПИСИ КАПЕЛЛЫ СКРОВЕНЬИ В ПАДУЕ, К ЧИСЛУ КОТОРЫХ ОТНОСИТСЯ ДАННАЯ ФРЕСКА, — ОБЩЕПРИЗНАННЫЙ ШЕДЕВР, ОДИН ИЗ САМЫХ ВАЖНЫХ ЦИКЛОВ РАННЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИВОПИСИ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПОТОМУ, ЧТО ЗДЕСЬ ОЧЕВИДЕН ЕЕ ЗАРОЖДАЮЩИЙСЯ РЕАЛИЗМ. ОСНОВНЫЕ ФРЕСКИ, ОБЪЕДИНЕННЫЕ ЯРКИМ ЛАЗУРНЫМ ФОНОМ, РАССКАЗЫВАЮТ О ЖИТИИ БОГОРОДИЦЫ И СТРАСТЯХ ХРИСТОВЫХ И ОТЛИЧАЮТСЯ НЕОБЫКНОВЕННОЙ КРАСОТОЙ И ГАРМОНИЕЙ. А ВОТ НИЖНИЙ ЯРУС ОТДАН 14 АЛЛЕГОРИЯМ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ И ПОРОКОВ, ОЛИЦЕТВОРЕННЫХ МУЖСКИМИ И ЖЕНСКИМИ

ФИГУРАМИ В РАЗНОЙ ОДЕЖДЕ И С РАЗЛИЧНЫМИ АТРИБУТАМИ. ОДНАКО ГЛАВНОЕ, ЧТО ПОЗВОЛЯЕТ НАМ ОПОЗНАТЬ ЭТИ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ, — НЕ АТРИБУТЫ, А ОЧЕНЬ ЯРКО ВЫРАЖЕННЫЕ, С ПОМОЩЬЮ
ЖЕСТОВ, ПОЗ И МИМИКИ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ФИГУР. В ЭТОМ ДЖОТТО ТОЖЕ БЫЛ ОДНИМ ИЗ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ — ОН ПЫТАЕТСЯ ВОПЛОТИТЬ НЕ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ ЭМОЦИИ (КАК В ВИЗАНТИЙСКОМ КАНОНЕ, КОТОРЫЙ АКТИВНО ВЛИЯЛ НА БОЛЕЕ РАННЕЕ ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО), А НЕЧТО БОЛЕЕ РЕАЛИСТИЧНОЕ.

Но, открыв тяжелую дверь в спальню, Клавдия увидела, что муж навеселе, улыбается, ласков и добр. Это его настроение она ненавидела особенно сильно. Значит, она не сможет отдать ему супружеский долг в той позе, которую она любила больше всего, — в позе кобылы, огуливаемой жеребцом. Она любила эту позу не потому, что получала от нее больше удовольствия (Клавдия не получала его никогда). А потому, что в ней можно было сосредоточить свой взгляд на стене, где висело большое распятие, за большие деньги расписанное Коппо ди Марковальдо.

Оно было так красиво, а выписанные темной

краской глаза Иисуса были так добры, что Клавдия могла смотреть на него долго и не думать о том, что происходило с ее телом. В этой позе, которую ее исповедник фра Лоренцо очень осуждал, указывая, что супружеский долг достойно осуществлять лишь в единственном положении, указанном Богом, главное было то, что муж не мог видеть выражения ее лица. И Клавдия могла позволить себе непочтительность мимики, гримасу страдания, разрешить себе кривить губы и гнуть брови. Можно было не контролировать каждую секунду свое лицо, не забывая только издавать довольные звуки через правильные промежутки. Но если же муж был добр и ласков, как сейчас, он укладывал Клавдию на спину и старался доставить ей удовольствие. И если замечал малейшую морщинку страдания, след омерзения, то начинал орать на нее за то, что она не наслаждается. Он приказывал ей получать удовольствие, и часто бил ее для того, чтобы она делала это побыстрее, ведь он такой умелый, превосходный любовник, ведь все женщины обожают с ним кувыркаться.

Так случилось и в этот вечер. После Клавдия лежала в темноте, слезы тихо катились по ее лицу. Жизнь казалась ей беспросветным тупиком.

То, что ей предстояли еще годы подобного существования, наполняло ее серой тоской. Оставить мужа она не могла — отец никогда бы не принял ее назад, он же был так доволен устройством этого брака. Сбежать было некуда — в монастырь без вклада ее бы не приняли, да и муж стал бы ее искать и имел законное право забрать ее из любой обители. Бродяжничать на дорогах и просить милостыню? Он бы нашел ее, догнал и наказал. Голова ее раскалывалась от нестерпимой боли, потому что выхода не было никакого и потому что сердце ее было полно ненависти.

DESPERATIO

Джотто. «Аллегория Отчаяния». Фреска из цикла «Аллегории Добродетелей и Пороков», 1304–1305 гг. Капелла Скровеньи (Падуя)

СЕМЬ ПОРОКОВ В ЭТОМ ЦИКЛЕ ДЖОТТО — ГЛУПОСТЬ, НЕПОСТОЯНСТВО, ГНЕВ, НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, НЕВЕРНОСТЬ, ЗАВИСТЬ И ОТЧАЯНИЕ. В ОТЛИЧИЕ ОТ ОСНОВНОГО ЦИКЛА ФРЕСОК, ОНИ ВЫПОЛНЕНЫ В СДЕРЖАННОЙ ОДНОТОННОЙ ГАММЕ (ЧТО ПОДЧЕРКИВАЕТ ВТОРОСТЕПЕННОСТЬ
ЭТОЙ ГРУППЫ ИЗОБРАЖЕНИЙ). ЧТО ИМЕННО СИМВОЛИЗИРУЕТ КАЖДАЯ ФИГУРА, ЗРИТЕЛЮ ПОДСКАЗЫВАЕТ ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ НАВЕРХУ. В ДАННОМ ИЗОБРАЖЕНИИ «ОТЧАЯНИЯ» ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА МАЛЕНЬКУЮ ЧЕРНУЮ ФИГУРКУ НАД ГОЛОВОЙ ВИСЕЛЬНИЦЫ. СУДЯ ПО ТОМУ, ЧТО ОНА НЕ ИЗЛЕТАЕТ ИЗ ТЕЛА, А УСТРЕМЛЕНА К НЕМУ ВНИЗ, И В РУКАХ У НЕЕ КРОШЕЧНЫЙ КРЮЧОК, С КОТОРЫМ ЧАСТО ИЗОБРАЖАЛИ БЕСОВ — ЭТО НЕ ДУША САМОУБИЙЦЫ, А ЗАБИРАЮЩИЙ ЕЕ ДЕМОН.

Все чаще и чаще она возвращалась к мысли о том, чтобы умереть. Когда мужу казалось, что Клавдия покорно слушает его, запоминая уроки жизни, она рисовала себе в мыслях маршрут, как

выйдет из дома, пойдет к Понте Веккьо и бросится с моста в Арно. Какая после этого настанет тишина. Клавдия воображала, кому перед этим из родни раздаст свои украшения, какое платье наденет и как заплетет волосы. Мимо каких домов и церквей будет идти, представляла, как по пути будет трогать камни их стен и прикасаться к шершавой коре встречных деревьев. Она вспоминала ощущение прикосновений камней и коры к пальцам — на время ей становилось легче, и у нее появлялись силы еще немножко потерпеть.

Впрочем, однажды вырвавшись от опеки лакея и заботы своей старой служанки, Клавдия в одиночку зашла в плохой квартал и нашла дом некой женщины. (О ней она узнала из болтовни жены того самого мошенника Медичи). Женщина из плохого квартала варила злые зелья и, отдавая пузырек этой клиентке с безжизненным белым лицом, погасшими глазами и искривленным в молчании ртом, ведьма клятвенно пообещала, что никто ни о чем не догадается, и похоронят покупательницу не за оградой с самоубийцами, а с честью, и прочтут все положенные молитвы. Клавдия дала себе срок до августа.

А 30 июля ее любимый дядя вернулся во Флоренцию из изгнания. «Боже, Боже! — радовалась

она. — Он вернулся!» И плакала слезами счастья. А потом осознавала, что ведь это ничего не изменит, и снова плакала.

Когда дядя обустроился, муж пригласил его на торжественный ужин — еще бы! Такой герой гвельфов! Так храбро боролся против императоров ради блага Флоренции! За ужином, разделывая фаршированного яблоками лебедя, муж с удовольствием слушал байки дяди-поэта о его путешествиях и битвах.

Захмелев, дядя залюбовался Клавдией, которая слушала его, разрумянившись, с блеском в глазах. И он принялся расхваливать ее мужу, которого видел второй раз в жизни, ее достоинства и таланты:

— О, прекрасная маленькая донна, о донцелла! А ты, супруг такой потрясающей женщины, конечно, слышал о том, как величайший поэт нашего времени Гвиттон из Ареццо настолько восхитился рукописью ее стихов, что написал Клавдии прекрасную эпистолу, восхваляя ее талант стихосложения? Его язык был так изящен в этом послании, что Гвидо Гвиницелли не составило много труда превратить его в сонет, а потом и в песню о достойной госпоже. Я так люблю эту песенку, дайте мне лютню, сейчас ее

вам сыграю… Еще ты, конечно, слышал о том, что Мастро Торриджано, когда прочитал баллату, которую написала Компьюта Донцелла, наша милая Клавдия, сочинил ей превосходные стихи с похвалами, но они явно уступали ее собственным стихам по мастерству! А тебе рассказывали, как вместе с Кьяро Даванцати она вступила в поэтический диалог, и они вдвоем написали такую прекрасную тенсону? Я люблю особенно те строки, где он сравнивает ее с Владычицей Озера из артуровских легенд. Ей так идет этот образ! Моя Компьюта, меня не было целых пять лет, наверняка за это время ты написала множество новых стихов! Дай-дай, страстно хочу их почитать, увидеть, как вырос твой талант!

— Прости, дядя, — почему-то очень тихо молвила Клавдия. — Я совершенно бросила сочинять. Новых стихов у меня нет.

Когда напевавший веселую сицилийскую песенку дядя ушел, муж избил ее настолько сильно, что она не могла встать с постели пять дней. И после этого еще две недели кривилась от боли при каждом движении.

* * *

Достаточно скоро после этого ее муж умер. Никто не заметил в его смерти ничего неестественного; его похоронили с честью и прочитали все положенные молитвы.

На похоронах Клавдия с непроницаемым лицом принимала утешения приходского священника фра Лоренцо, благодаря которому она уже давно выучила, что священникам нельзя рассказывать ничего и все их учение — это покорно и бессловесно терпеть, терпеть, терпеть. Слова утешения своего отца она посчитала пустой водой. К счастью, благодаря унаследованной ей вдовьей доле он потерял власть снова выдать ее замуж.

Мастер Кодекса Кочарелли. «Рассуждение о пороках: Царица Леность и ее двор». Миниатюра из «Кодекса Кочарелли».

Ок. 1330 г. (Генуя) Кливлендский музей искусств

МИНИАТЮРА,
ОПЯТЬ-ТАКИ ОТНОСЯЩАЯСЯ К ЦИКЛУ ПОРОКОВ, НО БОЛЕЕ РАННЕМУ, ЧЕМ ФРЕСКИ ДЖОТТО, ИЗОБРАЖАЕТ АЛЛЕГОРИЧЕСКУЮ СЦЕНУ. ЦАРИЦА АКЦИДИЯ (Т. Е. ЛЕНОСТЬ) ЛЕЖИТ В ПОСТЕЛИ И СКУЧАЕТ, НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО ПРИДВОРНЫЕ ПЫТАЮТСЯ ЕЕ ВЕСЕЛИТЬ РАЗЛИЧНЫМИ СПОСОБАМИ, В ТОМ ЧИСЛЕ С ПОМОЩЬЮ ПТИЦ, ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ И ИГРЫ В КОСТИ НА ВОСЬМИУГОЛЬНОМ СТОЛИКЕ. ПОСКОЛЬКУ ИЗОБРАЖЕНИЯ БЫТОВЫХ СЦЕНОК ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ XIII ВЕКА НАЙТИ КРАЙНЕ СЛОЖНО, ЭТА КРАСОЧНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЧУТЬ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ ПОМОЖЕТ НАМ СОСТАВИТЬ ПРИМЕРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МОДЕ ТОГО ПЕРИОДА.

«КОДЕКС КОЧАРЕЛЛИ» — МАНУСКРИПТ, ВКЛЮЧАВШИЙ
ТРАКТАТ О ПОРОКАХ И ДОБРОДЕТЕЛЯХ, А ТАКЖЕ ОТЧЕТ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ, ПРОИЗОШЕДШИХ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ

ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА II (1194–1250), ЗАПИСАННЫЙ СО СЛОВ СВИДЕТЕЛЯ СОБЫТИЙ — ПЬЕТРО КОЧАРЕЛЛИ, ДЕДА ЗАКАЗЧИКА РУКОПИСИ. РОСКОШНАЯ РУКОПИСЬ, УВЫ, БЫЛА РАЗРЕЗАНА ТОРГОВЦАМИ АНТИКВАРИАТОМ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ИЗВЕСТНО О 27 ЕЕ ЛИСТАХ, РАЗДЕЛЕННЫХ МЕЖДУ ТРЕМЯ КОЛЛЕКЦИЯМИ — КЛИВЛЕНДОМ, ФЛОРЕНТИЙСКИМ МУЗЕЕМ БАРДЖЕЛЛО И БРИТАНСКИМ МУЗЕЕМ.

А когда к Клавдии подошел ее дядя, она уткнулась в его широкую грудь, наконец позволив расплыться улыбке, которую насильно прятала уже много часов. И пробормотала, засовывая ему в рукав письмо:

— На, возьми этот пергамент, почитай. Тут мои новые стихи!

КОМПЬЮТА ДОНЦЕЛЛА

Сонеты, написанные до замужества

Когда восходит цвет весенний новый,

Растет и радость истинных влюбленных.

Под пенье птиц среди ветвей зеленых

Они в сады уходят и дубровы.

Все любят! Все к служению готовы,

Веселье, радость в душах утонченных,
Лишь только я одна в слезах и стонах
Оплакиваю жребий мой суровый.

Мой батюшка родной – причина боли,
Со мною поступает он неправо:
Мне мужа хочет дать противу воли,

Мне это не по сердцу, не по нраву.
Всечасно стражду я от этой доли,
И мне не в радость ни цветы, ни травы.

<…>

Хочу оставить мир и все соблазны,
Служить желаю Богу, поелику
В миру все стало подло, безобразно,
Неправедно, безумно, лживо, дико.

Погибло все, что было куртуазно,
Бесчестны все, от мала до велика,
Сама бы не жила в миру я праздно,
И мне супруг не нужен и владыка.

И всяк кичится тем, что зло и ложно,
И сам себя в очах моих порочит,

Я к Богу обратилась непреложно.

Но батюшка пустить меня не хочет
Служить Христу, и на душе тревожно:
Не знаю, за кого меня он прочит[14].

[14] Примечания: 14
Перевод Ш. Кроля.

№ 15. Имя Софонисбы Ангишолы

Софонисба Ангишола. «Автопортрет». Ок.

1556 г.

Музей изящных искусств (Бостон)

КАК ВЫГЛЯДЕЛА СОФОНИСБА АНГИШОЛА, МЫ ПРЕДСТАВЛЯЕМ ОЧЕНЬ ХОРОШО БЛАГОДАРЯ ОГРОМНОМУ КОЛИЧЕСТВУ ЕЕ АВТОПОРТРЕТОВ. ПО ЧИСЛУ АВТОПОРТРЕТОВ В XVI–XVII ВЕКАХ ОНА ВХОДИТ В ТРОЙКУ ЛИДЕРОВ (ПОСЛЕ ДЮРЕРА И РЕМБРАНДТА). НО ЕСЛИ ДЮРЕР, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, НЕСОМНЕННО ЗАНИМАЛСЯ САМОЛЮБОВАНИЕМ, А С ДРУГОЙ — КАЖДЫЙ РАЗ РЕШАЛ НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПО КОМПОЗИЦИИ, А РЕМБРАНДТ ИССЛЕДОВАЛ С ПОМОЩЬЮ СВОЕГО ЛИЦА РАЗЛИЧНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ И ВОЗРАСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, АВТОПОРТРЕТЫ АНГИШОЛЫ ПОЧТИ ВСЕГДА ОДИНАКОВЫ. ИХ ЗАДАЧА БЫЛА «РЕКЛАМНОЙ»: ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ, ЧТО ЖЕНЩИНА МОЖЕТ ВЕЛИКОЛЕПНО ПИСАТЬ ПОРТРЕТЫ. СОБСТВЕННОЕ ЛИЦО ДЛЯ НЕЕ ПРОСТО БЫЛО САМОЙ УДОБНОЙ НАТУРОЙ.

ДАННЫЙ ПОРТРЕТ — МИНИАТЮРА ВЫСОТОЙ 8 СМ. В РУКАХ У ХУДОЖНИЦЫ ИЗОБРАЖЕН МЕДАЛЬОН. КРУПНЫЕ ИНИЦИАЛЫ В ЦЕНТРЕ ОБОЗНАЧАЮТ ИМЯ ЕЕ ОТЦА АМИЛЬКАРЕ. ПО ОБОДУ МЕДАЛЬОНА НАЧЕРТАНО НА ЛАТЫНИ: «ДЕВА СОФОНИСБА АНГИШОЛА, НАПИСАННАЯ

СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ БЛАГОДАРЯ ЗЕРКАЛУ В КРЕМОНЕ». ЛЮБОПЫТНА СЛОВЕСНАЯ ИГРА СО СЛОВОМ «VIRGO» (ДЕВА): ХУДОЖНИЦА ЗАКРЫВАЕТ ПАЛЬЦЕМ ДВЕ ПОСЛЕДНИЕ БУКВЫ, ТАКИМ ОБРАЗОМ ПРЕДСТАВЛЯЯСЬ КАК «VIR» (МУЖЧИНА, БЛАГОРОДНЫЙ МУЖ), ТО ЕСТЬ «ХУДОЖНИК», А НЕ «ХУДОЖНИЦА».

Тирренское море, 1580 год

Многое успел повидать в своей жизни бравый капитан Орацио Ломеллино, с тринадцати лет плававший на кораблях родной Генуи, истинной «Владычицы морей» — Dominante dei mari. Бывал он с испанским конвоем в Акапулько, где ел необыкновенные фрукты из рук женщин невиданной расы. Плавал в далекую Черкесию, где поселились генуэзские колонисты, бежавшие после турецкого разгрома из крымской Кафы, и где ныне жили их потомки. Попадал и в аравийские моря, и погружал руки в горы шелков и морского жемчуга, специй и маковых головок. Девять лет назад участвовал в величайшей битве — морском сражении при Лепанто, где объединились все христианские народы, чтобы сразиться с флотом Османской империи. Участвовал и выжил, хотя тысячам моряков так не повезло. Успел породить сына и потерять любимую жену. И совершенно

не думал, что рядовой, в общем-то, будничный маршрут из сицилийской Катании на север в Геную, почти каботажный, всего дней десять пути при плохой погоде и семь при хорошей, настолько изменит его жизнь. Перевернет ее так, будто он — Золушка, Спящая красавица, Петрозинелла или другая какая героиня из «Пентамерона — Сказки сказок», которую вскоре Джаммбаттиста Базиле напишет (на радость писателям из прочих стран, которые только и горазды воровать сюжеты, от чего ранее и фра Маттео Банделло пострадал).

Хуан Луна. «Морская битва при Лепанто 7 октября 1571 года. 1887 г.

Дворец сената Испании (Мадрид)

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЕПАНТО — РЕШАЮЩАЯ МОРСКАЯ БИТВА XVI ВЕКА, В КОТОРОЙ ФЛОТ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ СТОЛКНУЛСЯ С ОБЪЕДИНЕННЫМИ СИЛАМИ СВЯЩЕННОЙ ЛИГИ — СОДРУЖЕСТВА ХРИСТИАНСКИХ ГОСУДАРСТВ ИТАЛИИ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ, А ТАКЖЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. В ПАТРАССКОМ ЗАЛИВЕ ИОНИЧЕСКОГО МОРЯ ВСТРЕТИЛИСЬ ОКОЛО 50 °СУДОВ, В ОСНОВНОМ ГАЛЕР. ПОБЕДА ХРИСТИАН, КАК СЧИТАЕТСЯ, ОСТАНОВИЛА ДАЛЬНЕЙШУЮ ТУРЕЦКУЮ ЭКСПАНСИЮ.

ИЗОБРАЖЕНИЯ БИТВЫ И ПОБЕДЫ В НЕЙ СТАЛИ ПОЯВЛЯТЬСЯ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО. ПЕРВЫЕ ИЗ НИХ НАПОМИНАЛИ МОРСКИЕ КАРТЫ С ПРИРИСОВАННЫМИ КОРАБЛЯМИ, НО РАЗВИТИЕ ШЛО БЫСТРО, И ВСКОРЕ ПОЯВИЛИСЬ НАСТОЯЩИЕ МОРСКИЕ БАТАЛЬНЫЕ КАРТИНЫ. (ТАКИМ ОБРАЗОМ, МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖНЫЙ ЖАНР ЗАКРЕПИЛСЯ РАНЬШЕ СУХОПУТНОГО). ЗДЕСЬ МЫ, ОДНАКО, ПРИВОДИМ ИСТОРИЧЕСКУЮ КАРТИНУ XIX ВЕКА, КАК ОБЛАДАЮЩУЮ БОЛЬШИМ ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ НАКАЛОМ,

ЧЕМ РАБОТЫ СОВРЕМЕННИКОВ. ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА БИОГРАФИЮ ЕЕ АВТОРА: ХУАН ЛУНА — УРОЖЕНЕЦ ФИЛИППИН, ДОБИВШИЙСЯ БОЛЬШОГО УСПЕХА В ЕВРОПЕ, А ТАКЖЕ ЧЕЛОВЕК, УБИВШИЙ СВОЮ ЖЕНУ.

Все началось с того, что он встал на якорь в порту Катании и стал грузиться. Его корабль был небольшим — двухмачтовая бригантина, увы, не галеон и даже не каррак, зато — его, личный. Полностью в его собственности, до последнего гвоздя. Впервые Орацио ходил на своем личном корабле как капитан, не в чьем-нибудь подчинении. Для этого пришлось вкалывать: хотя фамилия его была достойной и известной в Генуе с XII века, Орацио принадлежал к обедневшей ветви семьи, которая называла себя Ломеллино. Старшей ветви, звавшейся теперь Ломеллини, в делах везло больше — лет сорок назад испанский король даровал им и другому роду — Гримальди концессию на добычу кораллов у острова Табарка у тунисских берегов. А вот Орацио, как и его отцу с дядьями, приходилось наниматься и копить гроши. Господи, как он надрывался, чтобы заработать на эту покупку, причем треть суммы все-таки пришлось одолжить и вскоре надо будет возвращать с процентами.

Корабль был не новеньким. Прежний владелец, большой поклонник Боккаччо, переименовал его из «Элоизы» во «Фьямметту», забыв, что на море с такими вещами играть нельзя — два раза на судне вспыхивал пожар. Орацио, чтобы не ломать традицию, переименовал его в «Лидию», потому что так звали возлюбленную Квинта Горация Флакка, которого он, конечно, читал — чем еще заняться в долгих плаваниях приличному человеку, как не чтением латинских классиков, помимо пьянства?

В тот вторник на борт пришвартованной «Лидии» поднялся кавалер лет тридцати и представился Асдрубале ди Амилькаре Ангишола. «Значит, у вас в семье увлекаются карфагенской историей, — с сочувствием подумал Орацио, — бедный “Гасдрубал, сын Гамилькара». А брата твоего, наверно, зовут Ганнибалом”. Его собственный младший брат, умерший во младенчестве, был назван Омеро в честь греческого поэта, и поэтому Орацио всегда жалел детей, рождавшихся у эрудитов, считая, что ему более-менее повезло: его имя уже удивления не вызывало.

Асдрубале сообщил, что его благородная родственница, невестка покойного принца Патерно, желает отплыть в Геную на «Лидии», первом из

кораблей, следующих на север. Орацио показал ему каюты, предназначенные для пассажиров, договоренность об оплате была достигнута, и довольный клиент ушел.

— Ну что ж, примем на борт принцессу, — пробормотал под нос капитан.

Он понятия не имел, что это за княжество такое — Патернское, пришлось уточнять на берегу. Оказалось, это большой кусок сицилийской Катании под властью фамилии Монкада.

— Звучит скорее по-испански, — сказал он. — Они из тех, кого Габсбурги здесь недавно наделили землями?

— Нет, — ответили ему. — Старинная местная династия.

— Замечательно, — обрадовался капитан. Со времен своего путешествия в карибские страны он недолюбливал испанцев и их владычество над половиной мира, хотя союз с ними Генуи и обеспечивал его родине такое процветание.

В положенный день дама взошла на борт. При ней был родич Асдрубале, шесть человек прислуги разного пола и много сундуков. Занятый отплытием, Орацио не вглядывался в принцессу, отметив только, что она отнюдь не юна и наряжена все-таки по испанской моде — вся в черном,

жесткий корсет, юбка колоколом, кружевной воротник, подпирающий щеки. «Тут, конечно, не пофлиртуешь», — мелькнула мимолетная мысль.

Через несколько часов вестовой пригласил его к обеду. По контракту пассажиры столовались за капитанским столом. Орацио стеснялся своей сервировки — он не мог позволить себе дорогой посуды и приборов, но хотя бы продукты были свежими и кок искусен.

Асдрубале к столу не вышел — сразу же после отплытия он позеленел и слег. Капитану сообщили, что к обеду выйдет только принцесса в сопровождении старухи-компаньонки.

Дверь открылась, и в каюту зашла женщина лет сорока. У нее были большие черные глаза с очень внимательным взглядом, веселые, но не улыбающиеся губы и прекрасный цвет лица. Она приветствовала его по-итальянски с явным ломбардским выговором.

И Орацио с первого взгляда понял, что пропал.

* * *

Ничего бы из этого не случилось, если бы они не были на корабле посреди моря. На борту время течет иначе, и люди из-за однообразия и тесноты

мгновенно сближаются. На земле бы они, даже доведись им оказаться в одном помещении, вряд ли заговорили между собой. Он — моряк, солдат, купец, нищеброд. Она — аристократка, невестка принца, фрейлина испанской королевы, с великолепным образованием, изысканными манерами и умением держаться, элегантностью… Да одно брабантское кружево на ее воротнике и манжетах стоило больше, чем он потратил на всю обстановку своей каюты, с мебелью, книгами и коврами. Она пахла чистотой, какой ему редко удавалось достигнуть, учитывая его ремесло, и ценными ароматами, которые, возможно, когда-то возил через моря именно он — но никогда не имел денег на их покупку.

Потом Орацио узнал, что вдобавок ей было 48 лет, а ему 33. Но к тому моменту это было уже совершенно неважно и совсем не пугало. В отличие от остального.

Он понял, что пропал, в первые же минуты того обеда, и видел, что ей тоже очень сильно понравился, и от этого кровь билась в висках еще сильнее. Надо было о чем-то разговаривать, и Орацио спросил:

— Простите, сеньора, как мне к вам будет правильно обращаться, чтобы не ошибиться в

титуле?

— У меня, в отличие от покойного свекра и зятя, нет княжеского титула, я просто госпожа Монкада, — нежным, но уверенным голосом ответила она.

— А где сейчас находится господин Монкада, позвольте спросить? — капитану, в принципе, это было неважно, главное, чтобы отсюда к чертям подальше.

— Увы, мой супруг скончался два года назад, — ответила она, и по ее лицу — лицу хорошего шахматиста или опытного придворного, Орацио не смог прочесть ни единой эмоции, испытываемой ею по этому поводу, кроме вежливой благожелательности.

— Простите, госпожа, приношу вам свои соболезнования.

— Он плыл на галере Карло д'Арагона, тогдашнего наместника испанского короля в Сицилии, и направлялся в Испанию. Они вышли из Палермо, а у острова Капри на них напали алжирские пираты. И он погиб. Мы ведь пока идем тем же маршрутом? Опасно ли сейчас в этом районе?

— В этом году вроде бы спокойно, нападений почти нет. И потом, это галеры — завидная добыча, а мы мелкая рыбешка, за нами никто и

гнаться не будет, если увидит нас на горизонте, — постарался успокоить ее Орацио, точно не зная, нужно ли ей чужое успокоение.

Она смотрела на него насмешливыми глазами, и ему казалось, что она видит каждую мысль, мелькающую в его голове, включая самые неприличные. Чтобы не покраснеть и не молчать смущенно, он внезапно начал рассказывать ей о скорости, которую развивает испанская галера в различную погоду, и о краях, куда он на подобных галерах доплывал. Он не мог потом припомнить, что именно нес, но явно все шло удачно — она смеялась его рассказам, и это был смех настоящий, а не из вежливости.

А как ей было не смеяться от удовольствия? Госпожа Монкада видела перед собой светлоглазого мужчину в самом расцвете северной итальянской красоты, какими ей в юности нравилось любоваться на родине, в Ломбардии, это был человек сильной воли, быстрого ума. Рост, фигура, ловкость… Шрам на щеке казался еще одной ямочкой от улыбки. Но что было важнее всего — Орацио Ломеллини излучал огонь. Это был жар решительности, готовности к немедленному действию, способность мгновенно решить любую возникшую проблему. В нем ощущалась цель-

ность. За годы жизни при церемонном испанском дворе, а затем в высшем обществе покоренной испанцами Сицилии она от подобной живости отвыкла. Спонтанность ведь не приветствуется этикетом. А вдобавок, с поправкой на пол, это была точно та же живость, то же удовольствие от жизни, что наполняли и ее саму: в любом разговоре, даже когда она молчала, собеседники всегда чувствовали притягательность ее обаяния, ее спокойной солнечности, доброжелательности и неимоверной уверенности в себе, проистекающей из чего-то хорошего и очень правильного.

В другом разговоре, позже, Орацио ее об этом спрашивал:

— Я не могу представить, как ты годами жила при мадридском дворе, с твоим темпераментом. Как ты справлялась? Прятала его?

— Ты что, я же на самом деле очень спокойный человек. Вся моя энергия уходит в работу — вот где мое самозабвение, — отвечала она ему.

Но вернемся к первому дню, нет, лучше ко второму, потому что во вторник он уже знал, что происходит, а она — еще нет, но к утру среды, после вчерашнего совместного обеда, а затем совместного ужина, а затем еще прогулки на закате по палубе, когда он так заботливо придерживал

ее при качке и его ладони казались такими горячими, — она начала догадываться, и ко второму дню тоже уже догадалась. И удивилась. И ужаснулась, пожалуй, не меньше его, потому что тоже успела повидать мир, только другую его сторону.

Но вокруг расстилалось лазурное Тирренское море и бескрайние лазурные небеса, ветер был теплым и пах счастьем, Асдрубале все также валялся в своей каюте, зеленея, и чайки кричали, вселяя беспокойство. Они встретились за завтраком — для него это был уже второй, капитаны поднимаются пораньше дам, и за столом царила некоторая неловкость. По тому, как она стеснялась встретиться с ним взглядом, но улыбалась, все-таки встретившись, Орацио понял, что творится в ее голове, и стало казаться, что он видит каждую мысль, мелькающую там, даже самую неприличную. О чем-то они там еще говорили, веселились, бурно спорили (старуха-компаньонка молча ела за тем же столом). Ему хотелось к ней прикасаться, гладить ее, обнимать, расплести строгую приглаженную прическу, из которой не выбивалось ни прядки, и, хотя рот его рассказывал о том, как генуэзский дож Андреа Дориа был прекрасным адмиралом, глаза его рассказывали ей совершенно иное. И ее глаза ему отвечали.

Перед ужином она принесла в столовую большой сверток:

— Мне захотелось вам это показать и узнать, что вы думаете.

Это оказалась картина, ее портрет, в жемчугах, бархате, золотом шитье, с аристократически бледным личиком и румяными щечками (сейчас она была загорелая).

Увидев портрет, Орацио испытал невероятную ревность.

Софонисба Ангишола. «Портрет дамы».
Ок. 1560 г. Музей Конде (Шантийи)

Эта картина была написана тем, кто любил эту женщину глубоко и искренне, кто знал все ее недостатки и прощал каждый из них. Более того, по взгляду, которым смотрела модель на художника, было видно, что и она его любит, что она честна с ним полностью и абсолютно ему доверяет и позволяет ему наблюдать за каждым движением своей души. «Плевать на мужа, — думал Орацио, — он так удачно умер, плевать на этого Асдрубале! Кто написал этот портрет? Я задушу его! Нет, это бессмысленно, она не простит мне этого, он явно ей крайне важен. Конечно, важнее меня…»

— Какой великолепный портрет, — наконец смог он выговорить. — Кто его автор? Необыкновенно! Я хочу пожать ему руку.

— Почему же «ему»? — ответила ему собеседница со своей чудесной полуулыбкой. — Вдруг «ей»?

— Я бы с радостью тогда поцеловал «ей» руку, — ответил Орацио, — но ведь женщин-художников не бывает. По крайней мере, настолько великолепных профессионалов.

— Почему же это «не бывает»? — в ее голосе как будто послышалась обида. — А как же скульптор Проперция Росси, о которой Вазари написал в

своих «Жизнеописаниях»? А как же сестра Плаутилла Нелли из флорентийского монастыря Святой Екатерины? Ее огромная «Тайная вечеря» в базилике Санта-Мария-Новелла очень грамотно сделана! А Лукреция Квистелли, ученица Бронзино? А Ирина ди Спилимберго, ученица Тициана, а дочь Тинторетто Мариетта? А эти молодые художницы — Лавиния Фонтана и Барбара Лонги? Они большие молодцы!

Под таким напором Орацио несколько опешил:

— Честно говоря, я никогда не слышал о женщинах, занимающихся живописью. Я читал стихи благородных: дам — маркизы Виттории Колонны, возлюбленной Микеланджело, и графини Корреджио и, конечно, куртизанок, все же о них только и говорят — Вероника Франко, Туллия д'Арагона… Но живопись? Это же тяжелое и сложное ремесло, неподобающее дамам.

Тут он в первый раз услышал, что ее голос может быть ледяным:

— Неподобающее? Может быть, ты никогда не слышал и имени Софонисбы Ангишолы?

Орацио честно признался, что никогда не слышал имени Софонисбы Ангишолы, и только догадывается, что это очередная дочь некого

родителя-эрудита, ведь, насколько ему известно, античная женщина с таким сложносоставным именем жила в Карфагене во времена Сципиона.

— Я, честно говоря, совершенно не знаю, о чем с вами дальше разговаривать, если вы ничего не знаете о художнице Софонисбе Ангишоле, — холодно и расстроено отвечала ему собеседница.

— Поскольку разговаривать с вами — это величайшее наслаждение, которое я испытывал за последние годы, умоляю вас, устраните же этот мой изъян!

Она погладила картину кончиками пальцев и взглянула на Орацио так, как ей надо было смотреть на него с самого начала: оценивающе, смерив с головы до ног, поставив на место взглядом, обозначив пропасть между ними. Ему стало холодно и крайне неуютно, сердце прихватило, как при падении с борта корабля, но он собрался и сказал:

— Я правильно догадался, что именно она — автор вашего портрета? Тогда я тем более хочу узнать о ней все!

— Хорошо, — ответила она, по голосу было слышно, что в Орацио она разочарована. Но по мере того, как она разворачивала перед ним панораму жизни женщины с неповоротливым

именем Софонисба Ангишола и видела, как он реагирует на ее рассказ, ее голос потихоньку теплел.

Впрочем, этому также способствовало и то, что Орацио сел рядом с ней и постепенно его руки оказывались все ближе и ближе.

* * *

Нельзя сказать, что Софонисба росла в настоящей бедности, но все-таки, по сравнению со многими другими семьями Кремоны, ее дом не блистал. Род Ангишола древен и славен: в VIII веке его предки служили византийскому императору, в XIV веке перебрались в Италию и осели в разных ее краях. Но, как и в случае с семьей Ломеллини, были бедные ветви и богатые ветви: богатые жили в замках, становились епископами и одевались в шелка, бедные — как та, к которой принадлежал Амилькаре, отец Софонисбы, жили в аристократической скромности и вынуждены были подторговывать.

Вдобавок, Амилькаре был бастардом — его отец, звавшийся Аннибале, по семейной традиции дал сыну имя в честь карфагенян, когда-то бравших Кремону, а вот женится на его матери как-то забыл. Денег тоже было немного. Гордость

заставляла отца Софонисбы желать лучшего, но талантов и сил, чтобы заработать на это, у него не было.

На учителей тем не менее ему хватало. А учителей потребовалось много. Первой, в 1532 году, родилась Софонисба. На следующий год еще одна девочка, крещеная, слава богу, просто Еленой. Но когда через три года появилась еще одна дочь, отец назвал в честь финикийской царевны Европы. (Впрочем, всяко лучше, чем Дидона, карфагенская царица!) Сразу за ней последовала еще одна дочь, имя для которой с боем выбрала мать — «Лючия», а на следующий год на свет появилась Минерва. Пять дочерей росли умницами, но надежды набрать для каждой из них приличного приданого не было. Еще они, увы, знали про себя, что красавицами не являются.

Амилькаре, отчаявшись получить сына-наследника, к чести своей, относился к дочкам, как к мальчикам — с полным уважением к их интеллекту и способностям. Возможно, в благодарность за это небесные покровительницы женского чрева смилостивились над его супругой Бьянкой, и после двенадцатилетнего перерыва она, наконец, произвела на свет мальчика — Асдрубале, а через год еще одного младенца, конечно же, девочку

— Анну Марию. Но к этому времени менять образ жизни семьи уже и не хотелось, а он сосредотачивался вокруг того, чтобы сделать из дочерей семьи Ангишола идеальных людей эпохи Возрождения — именно «людей», а не «женщин». Трактат Кастильоне «Придворный», в котором по пунктам описывалось, как подобный человек должен мыслить, разговаривать и действовать, вышел года за четыре до рождения Софонисбы, и ее отец им зачитывался. Сам он физически не мог бывать при дворах, которые Кастильоне описывал или подразумевал. В первую очередь, при блистательном дворе Урбино 1500-х годов — у герцогини Елизаветы Гонзага, ее придворной дамы Эмилии Пиа, в обществе Пьетро Бембо, Джулиано Медичи и многих других. Но ему очень хотелось.

И поэтому свой мир, хоть как-то похожий на тот, далекий придворный, похожий интеллектуальным блеском, он создал сам, под собственной крышей. Учителя преподавали девочкам языки — мертвые, но такие модные сейчас латынь и греческий, литературу, музыку, танцы. С языками не ладилось, литературой поэтому приходилось обходиться только современной — итальянской, французской и испанской (этот язык был важен, к тому времени Кремона оказалась под властью

испанской короны). Стихосложение тоже не шло, а Амилькаре так хотелось, чтобы его дочери прославились своими сонетами и эпистолами! Музыка и танцы, слава богу, давались лучше, но особенных талантов в этом у девочек не открылось, хотя они явно любили клавикорды. Совершенно неожиданно все они обнаружили дар к рисованию.

Обучение живописи не было обязательной частью воспитания идеального интеллектуала, но дети так много и так талантливо изрисовывали дома все подходящие поверхности и листочки, что Амилькаре пригласил к ним какого-то дешевого местного живописца. Через несколько лет — Софонисбе тогда исполнилось четырнадцать, — учитель пришел к нему и честно сказал, что девочкам, в особенности старшей, он больше дать ничего не может и стоит обратиться к мастеру уровнем повыше.

— Учить женщин настоящей живописи? — задумался отец. — Как это странно. Никогда не слышал о женщинах, занимающихся изобразительными искусствами… Разве что монахини в своих монастырях что-то там переписывают и раскрашивают…

И Амилькаре обратился с расспросами к другим

образованным кремонцам — слышал ли кто-нибудь о таком обыкновении. Но, увы, из всех женщин, когда-либо занимавшихся искусствами, люди слыхали только о Проперции Росси, умершей лет десять назад — она занималась скульптурой. Ну как скульптурой — резьбой миниатюр по абрикосовым косточкам. Впрочем, говорят, что у нее были и какие-то более крупные мраморные рельефы. Вдохновить, увы, Проперция Росси его не смогла — замужняя дама, она стала чьей-то любовницей, а потом из ревности разгромила его дом, из-за чего попала под суд, затем обезобразила лицо другого художника. Слава о ее мастерстве, правда, распространилась по всей Италии и достигла папы римского, который пожелал с ней познакомиться, но не успел — сорокалетняя Проперция скончалась в больнице для бедных от сифилиса. Более интересен оказался пример жителя Перуджи Пьервинченцо Данти, который в 1490-е, спасаясь от чумы, поселился на загородной вилле и обучал своих детей Джулио и Теодору всем наукам, и даже перевел для них «Трактат о сфере» Джованни Сакробоско с латыни на вольгаре. Эта Теодора Данти, говорят, пишет прекрасные картины в манере своего соотечественника Перуджино (и осталась

незамужней), однако вспоминают о ней только тогда, когда говорят о дяде-архитекторе. В общем — женщина, не стоящая внимания, хотя отец ее, конечно, молодец, и перевод его трактата надо где-нибудь достать.

К невероятному блаженству Софонисбы, которая вся извелась, ожидая, решится ли отец искать ей настоящего преподавателя, а пока уже сама учила младших сестер известным ей рисовальным приемам, кто-то из отцовских собеседников принес трактат Боккаччо «О знаменитых женщинах». Обнаружилось, что среди сотни биографий выдающихся дам у него есть целых три художницы: дочь Микона Тимарет, дочь Кратина Ирина и дочь Варрона Марсия — две гречанки и римлянка. А у Плиния, кроме них троих, названы еще три или четыре художницы.

— Ну что ж, — сказал Амилькаре, — раз древние считали это занятие для женщин славным и даже воспевали таких мастериц, то как раз пора возродить эту манеру, подобно тому как столь многое античное, забытое за темные века, мы возрождаем сегодня!

«И про Софонисбу будут говорить — дочь Амилькаре Софонисба», — еще подумалось ему.

Софонисба Ангишола. «Портрет отца художни-

цы Амилькаре с детьми Минервой и Асдрубале». 1559 г. Музей Нивагаард (Копенгаген)

В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА В ИТАЛИИ СЕМЕЙНЫХ ПОРТРЕТОВ, В КОТОРЫХ ВСЕ ПЕРСОНАЖИ БЫЛИ БЫ НАПИСАНЫ ВО ВЕСЬ РОСТ, БЫЛО СОВСЕМ НЕМНОГО. (ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ ДОНАТОРСКИХ ПОРТРЕТОВ, В КОТОРЫХ СЕМЬЯ СТОИТ НА КОЛЕНЯХ ПЕРЕД МАДОННОЙ ИЛИ ХРИСТОМ). ПОДСОЗНАТЕЛЬНО
ТАКАЯ ИКОНОГРАФИЯ ВОСПРИНИМАЛОСЬ КАК СЛИШКОМ ПОЧЕТНАЯ: ТАК, В 1546 ГОДУ ТИЦИАН НАПИСАЛ ПОДОБНЫЙ ПОРТРЕТ ПАПЫ ПАВЛА III С ЕГО ВНУКАМИ АЛЕССАНДРО И ОТТАВИО ФАРНЕЗЕ. ПОЛНОРОСТОВОЙ СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТМОЖНО НАЙТИ В ИКОНОГРАФИИ ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛИАНА II (АТТ. ДЖ. АРЧИМБОЛЬДО, 1563 ГОД), А ВОТ У КОЗИМО МЕДИЧИ — НЕТ, НЕСМОТРЯ НА БРОНЗИНО В КАЧЕСТВЕ ПРИДВОРНОГО МАСТЕРА. ТАК ЧТО АНГИШОЛА, КОМПОНУЯ ИЗОБРАЖЕНИЕ СВОИХ РОДСТВЕННИКОВ ТАКИМ СПОСОБОМ, ШЛА В АВАНГАРДЕ РАЗРАБОТКИ НОВОЙ ИКОНОГРАФИИ.

Самое удивительное, что ему удалось заразить этой невероятной идеей одного из лучших

местных художников, члена династии Кампи — Бернардино. Был подписан контракт, по которому — невиданное дело — Софонисба и Елена на три года переехали жить в его дом и работать в его мастерской в качестве «учеников» (в сопровождении нянюшки, конечно). Упоминания об этом необычном событии мелькнули в переписках кремонских корреспондентов с их иногородними собеседниками, и пару раз потом люди из Рима и Флоренции спрашивали Амилькаре, не его ли дочери решили стать, подумать только, «художницами!»? Pittoressa — что за слово новое, искусственное, нет такого в итальянском языке и никогда не было.

Спустя три года Бернардино Кампи уехал в Милан — увы, вымер уже великий род Висконти, и Сфорца тоже вымерли: город теперь принадлежал испанцам, как и многие земли в округе. Городом правил губернатор — тот самый герцог Альба. Учителем сестер на тех же условиях стал другой кремонец Бернардино, по фамилии Гатти, за свое телосложение прозванный «Иль Соджаро», что по-ломбардски значит «Бочёнище». Конечно, сестер, теперь уже всех шестерых, учили не так, как учили бы мальчиков. Им нельзя было ставить обнаженную натуру для упражне-

ний, ведь это непристойно. Их не учили писать фигуры, разве только в одежде, а это ведь неудобно для понимания. Сложные композиции тоже явно были не для них. Сестры сосредоточились на написании лиц, портретов, головных или по пояс. Иногда они пробовали давать фигуры крупнее, но опытному глазу было заметно, что чувствуют они себя в этой теме неуверенно и люди у них не люди, а манекены.

У Амилькаре же внезапно открылся дар. Не сумев заработать денег ни оружием, ни торговлей, ни литературной деятельностью, он внезапно понял, что перо — все равно инструмент крайне полезный. И почта. Ну да, его дочери не стали знаменитыми поэтессами или латинистками, ну и пусть, кто из женщин сейчас поэзией только не балуется — вон, куртизанка Туллия д'Арагона вообще эпические поэмы пишет, и их даже читают, и каждая венецианская девка считает это теперь таким же полезным навыком, как игра на лютне и фелляции с флагелляциями. А его дочери — особенные, пусть все это знают. И Амилькаре придумал невиданное — он обратил привычку итальянских гуманистов и знати переписываться между собой, обмениваясь слухами, стихами и произведениями искусства, в инстру-

мент прославления своих девочек. Он просил Софонисбу писать много своих автопортретов: это были небольшие картины, изображающие пухлощекую девушку с огромными строгими глазами за мольбертом, игрой на клавесине или просто погрудно. Амилькаре слал их в качестве подарков тем, кто на самом деле управлял умами Италии, и те дивились, что юная девушка умеет так великолепно писать, передавать сходство. А вы ведь знаете, что самый сильный портрет — это тот, про который вы чувствуете, что он идеально похож на натурщика, при этом самого натурщика в жизни не видывав.

Знание о том, что Софонисба и ее сестры — девушки удивительных талантов (хоть и немного с привкусом «ученой обезьяны», но как же еще нормальному мужчине о женщинах думать?), привлекало к ним внимание, в каком бы обществе они ни находились. А их аристократичные манеры и умение держаться влекли к ним сердца.

Софонисбе исполнилось 19 лет, когда один из сыновей кремонских аристократов, приятель детства, попросил ее руки у Амилькаре, который был в отличном настроении — как раз родился его первый и единственный сын Асдрубале.

Амилькаре вызвал ее тогда к себе и спросил, какие намерения она имеет относительно замужества.

— Мне странен ваш вопрос, батюшка, — отвечала художница. — Зачем же вы мне давали читать трактат Боккаччо про Ирину, Марсию и Тимарет? Все они оставались девственницами, ведь только так можно всецело посвятить себя работе. Потому что семья, муж, дети — это то, что полностью творчество убивает. Ежели женщина решила посвятить себя семье, то ни минуты свободного времени у нее больше не будет, уж не говоря о том, какой опасности подвергает ее жизнь каждое деторождение. Все эти годы, потраченные мною на совершенствования, все усилия моих преподавателей, ваши с матушкой переживания — все эти упорнейшие труды и слезы мгновенно могут быть выброшены на ветер.

— Ты говоришь необычные, но мудрые вещи, дочь. Однако ж Кристина Пизанская, чью «Книгу о граде женском» ты также любишь читать, также была женой и матерью!

— Она была вдовой с детьми, оставшейся без денег! И, поняв это, стала писательницей и стала получать деньги своими трудами от монархов Европы.

Амилькаре не знал, что на это ответить: раньше он как-то вообще не задумывался о перипетиях биографии великой Кристины Пизанской. Софонисба между тем продолжала:

— А три года назад вы же сами, батюшка, преподнесли мне новое издание боккаччиевского «О знаменитых женщинах», дополненное Джузеппе Бетусси! Вы забыли, что там теперь добавлены новые главы о женщинах нашего времени — Изотте Ногароле, Джиневре Гамбара и Веронике Гамбара и Виттории Колонна, великих поэтессах и знатных аристократках. Вполне очевидно, что те, кто остаются девственницами или хотя бы вдовами, успеют сотворить намного больше прекрасного!

На этом вопрос был закрыт. Амилькаре отправился к отцу потенциального зятя и объяснил ему, что приданого за дочерьми не дает, на чем и распрощались без взаимных обид. Потом он собрал остальных дочерей, вошедших в брачный возраст, и узнал об их настроениях: ни одна из них не выразила того же желания остаться незамужней, что и Софонисба, кроме Лючии — обладательницы почти равного художественного таланта. С грустью и стыдом отец признался, что вряд ли к ним посватается кто-нибудь достой-

ный, потому что приданого за эти годы он не смог им накопить. Узнав об этом, Елена объявила, что хочет стать монахиней и удалиться от этого мира, что вскоре и было осуществлено.

Софонисба с Лючией тем временем начинают немного путешествовать по городам Италии. В Мантуе их с почетом принимает герцог Гульельмо I Гонзага с супругой Элеонорой Австрийской, дочерью императора Фердинанда, сестрой будущей флорентийской герцогини Иоганны. Упорство, с которым сестры, в первую очередь Софонисба, продолжают совершенствоваться в своем занятии, приносит похвальные результаты. В Риме 22-летняя Софонисба знакомится с самим Микеланджело и имеет с ним долгие беседы. Один из ее рисунков — смеющаяся девочка, — привлекает внимание мастера, всю свою жизнь пытающегося разработать сложную малоизученную тему человеческих эмоций и проанализировать, как именно надо рисовать мимику, мускулы лица. Он бросает ей вызов — нарисовать более сложный предмет, плачущего мальчика. Вернувшись домой в Кремону, Софонисба как-то видит, как рак кусает малыша Асдрубале, и тот заливается слезами. Она зарисовывает братика и отсылает этот рисунок в Рим

Микеланджело, и тот весьма его хвалит. Верней, переписку ведет от ее лица отец — девице неприлично переписываться с мужчиной, даже с таким великим и старым. Микеланджело хвалит Софонисбу за то, что она придумала что-то новое! Никто не сомневается в способностях женщин хорошо копировать, недаром именно этим они и занимаются в своих утробах, но, когда женщина придумывает что-то ранее неизвестное — это достойно безмерной похвалы!

Софонисба Ангишола. «Мальчик, укушенный раком». Ок. 1554 г.

Национальные музей и галерея Каподимонте

ПЛАЧУЩИЙ МАЛЬЧИК — ЭТО АСДРУБАЛЕ, МЛАДШИЙ БРАТ ХУДОЖНИЦЫ, РЯДОМ СТОИТ ИХ СЕСТРА ЕВРОПА. ЭТО ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА НОВОГО ВРЕМЕНИ, В КОТОРОМ ЗАПЕЧАТЛЕНА ГРИМАСА ИЗ-ЗА ФИЗИЧЕСКОЙ БОЛИ. СЧИТАЕТСЯ, ЧТО

КАРАВАДЖО, СОЗДАВАЯ СВОЕГО «МАЛЬЧИКА, УКУШЕННОГО ЯЩЕРИЦЕЙ», МОГ ЗНАТЬ О НЕМ.

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОЗДАНИЯ РИСУНКА МЫ ЗНАЕМ ИЗ ПИСЬМА ТОММАЗО КАВАЛЬЕРИ К КОЗИМО I МЕДИЧИ. ПИСЬМО СОПРОВОЖДАЛО ДАРЕНИЕ ДРУГОГО РИСУНКА АНГИШОЛЫ — «ДЕВОЧКА, СМЕЮЩАЯСЯ НАД СТАРУХОЙ, ИЗУЧАЮЩЕЙ
АЛФАВИТ», И РИСУНКА МИКЕЛАНДЖЕЛО «КЛЕОПАТРА».

Микеланджело даже отправляет ее рисунок (правда, другой) вместе со своей «Клеопатрой» в подарок флорентийскому герцогу Козимо I, их доставляет Томмазо Кавальери, рассыпающийся в похвалах Софонисбе.

За несколько лет фигура портретистки Софонисбы Ангишолы, благородной дамы, наделенной удивительным талантом и при этом здравомыслием, становится хорошо известна в Италии всем, кому хорошо бы было о ней знать. Она пишет портреты горожан-кремонцев, прелатов и даже иногородней знати. Это не очень большие деньги, однако первые заказы — это же так прекрасно! В 1558 году Софонисба приезжает в управляемый испанцами Милан — там, в бывшем дворце Сфорца, остановился герцог Альба. Созвездия на

небе сошлись удачно, мельница слухов молола медленно, но верно: Софонисбу приглашают его портретировать. «Железный герцог» доволен ее мастерством — стиль других живых итальянских художников, которые он видел здесь, на севере, кажется ему слишком манерным, а флорентийца Бронзино — вообще нездоровым, хотя следует признать, что его двоюродную сестру, герцогиню Элеонору, донью Леонор Альварес де Толедо и Осорио, он написал весьма приятно.

Но больше всего герцогу понравились внешность и манеры Софонисбы. Она отнюдь не красавица, и про нее нельзя даже сказать, что она «очень мила», но очевидно, что она — настоящий профессионал своего дела и обожает свою работу. Кроме того, врожденная элегантность и вежливость (недаром род Ангишола еще с восьмого века служили императорам Константинополя!) выделяли ее среди других итальянских придворных дам, порой бросавших на герцога заигрывающие или же заискивающие взгляды.

Альба пишет о Софонисбе письмо своему лучшему другу и кузену.

Это Филипп II, который уже три года — король Испании, а значит, король половины мира. У Филиппа есть некоторая проблема — его первая

жена, португальская принцесса, давно скончалась, оставив ему единственного сына. Второй брак, с Марией Тюдор, дочерью вероотступника, сумасшедшей дурой, был явной ошибкой. Летом он женился в третий раз — на французской принцессе Изабелле, дочери Генриха II и Екатерины Медичи. Ей 14 лет, и она чувствует себя при строгом испанском дворе после парижских вольностей грустно и неуютно, местных придворных дам боится до дрожи и называет старухами, но привезенные ею с собой французские фрейлины — все поблядушки, половина из них раньше служила Маргарите Наваррской, так что сами понимаете.

Испанский король пишет в Кремону и приглашает 27-летнюю Софонисбу прибыть ко двору, написать несколько портретов новобрачной королевы и давать ей уроки рисования. Он предлагает ей достойное жалованье, Софонисба записывает в столбик цифры и считает, сколько ей нужно накопить, чтобы уплатить долги отца и скопить приданое хотя бы паре из сестер. Получается, что копить надо долго. Она, конечно же, отплывает в Испанию.

При дворе сначала приходится тяжело. Мрачные испанцы относятся к завоеванным легко-

мысленным итальянцам снисходительно, как древние римляне к эллинам, хоть, как и те, и признают их превосходство в изящных искусствах. Придворные женщины пытаются испепелять нахальную девицу взглядами, но у них не получается. Нет, в Софонисбе нет «стержня», в ней — столп света, невероятное ощущение собственной талантливости, уверенности в том, что она нашла свое предназначение в жизни и идет правильным путем. Она знает, что у нее есть дар от Господа, редчайший дар, и она обязана им делиться. И он не просто в живописи — он в том, что она такая — первая. Как ее почти тезка Сапфо была первой в поэзии. Софонисбе пишут письма другие художницы, десятью годами младше — Ирена ди Спилимберго из Венеции и Лукреция Квистелли из Флоренции, и благодарят, что она показала им пример, как можно жить и быть живописицами. Никто этого не делал ранее! Ну а вы, толедская и мадридская знать, синьоры и синьориты, чем гордитесь? Что ваша родословная идет от вестготов и в вас нет ни капли мавританской крови? А что еще? Ну хоть что-нибудь, назовите!

Впрочем, ничего из этого Софонисба не говорила вслух и вряд ли даже успевала продумывать в голове конкретными оформившимися словами,

будучи занятой своими делами: воспитанием молодой королевы и написанием картин. Ей дают официальную должность фрейлины королевы, совсем ребенка, — муж даже не разделяет с ней постель, ждет, пока она вырастет.

Так проходит много лет. Софонисба посылает деньги на родину: Европу наконец выдают замуж, хотя жених и подписал отдельную бумагу, что берет ее с «маленьким приданым». Лючия умерла. Незамужними в доме остаются только Минерва и Анна-Мария. Увы, их способности к живописи и светский такт не оказались достаточно велики: отец не сумел их пристроить к другим дворам.

Софонисба становится лучшей подругой своей царственной ученицы и обещает научить рисованию ее маленьких дочек — Исабель Клару Эухению и Каталину Микаэлу, когда те подрастут. Она пишет портреты всех членов монаршей семьи, даже самого Филиппа II. Между ними за долгие часы позирования устанавливается та странная, немного похожая на платоническую влюбленность связь, которая всегда возникает между талантливым портретистом и эффектной моделью. Филипп, этот мрачный человек, не допускающий до своего сердца никого, кроме самых-самых близких, искренне обожает жену

и дочерей и начинает высоко ценить Софонисбу и как личность, и за пользу, которую она приносит его семье. Она не лебезит и не боится, она — друг.

Софонисба Ангишола. «Портрет Филиппа II Испанского». 1573 г. Прадо

КОГДА АНГИШОЛА ПРИБЫЛА К ИСПАНСКОМУ

ДВОРУ, ПРЕДПОЧИТАЕМЫЙ СТИЛЬ КОРОЛЕВСКИХ ПОРТРЕТОВ ТАМ УЖЕ СЛОЖИЛСЯ. В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ БЛАГОДАРЯ ГАСТРОЛИРОВАВШЕМУ В ИСПАНИИ УТРЕХТСКОМУ ЖИВОПИСЦУ АНТОНИСУ МОРУ (АВТОРУ ЗНАМЕНИТОГО ПОРТРЕТА АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ МАРИИ КРОВАВОЙ). В ЭТОЙ ЖЕ МАНЕРЕ РАБОТАЛИ ПРИДВОРНЫЕ ПОРТРЕТИСТЫ АЛОНСО САНЧЕС КОЭЛЬО И ПАНТОХА ДЕ ЛА КРУС. ЕЕ ОТЛИЧАЕТ СДЕРЖАННОСТЬ
И РЕАЛИСТИЧНОСТЬ, ЗАСТЫЛОЕ ПОЗИРОВАНИЕ И ТЩАТЕЛЬНОЕ ВЫПИСЫВАНИЕ ФАКТУР (РЯДОМ С РАБОТАМИ БРОНЗИНО ОНИ ВЫГЛЯДЯТ БОЛЕЕ ОТСТАЛЫМИ И ПРИЗЕМЛЕННЫМИ). АНГИШОЛА ПОДХВАТИЛА ЭТОТ СТИЛЬ И ПРИВНЕСЛА В НЕГО СВОЕ ИТАЛЬЯНСКОЕ МАСТЕРСТВО, ОДНАКО НЕ СТАЛА ПРОЯВЛЯТЬ СВОЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.

СОЗДАННЫЙ ЕЮ ПОРТРЕТ КОРОЛЯ СО ВРЕМЕНЕМ БЫЛ ПЕРЕПИСАН (ИЗМЕНЕНА ПОЗА РУКИ), ЛАК НА НЕМ ПОТЕМНЕЛ. ОЧЕНЬ ДОЛГО ОН СЧИТАЛСЯ РАБОТОЙ ИСПАНЦА САНЧЕСА КОЭЛЬО — ТВОРЧЕСТВО АНГИШОЛЫ БЫЛО МАЛО ИЗВЕСТНО. ТОЛЬКО В 1980-Е ГОДЫ ПОРТРЕТ БЫЛ ОТРЕСТАВРИРОВАН. КОГДА ЛАК И ЗАПИСИ СНЯЛИ, ОТКРЫЛСЯ ЕГО ЖЕМЧУЖНЫЙ КОЛОРИТ, РАССЕЯННЫЙ СВЕТ И ТОНКОЕ МАСТЕРСТВО

ИСПОЛНЕНИЯ. В 1989 ГОДУ ИСКУССТВОВЕД МАРИЯ КУШЕ УСТАНОВИЛА ИМЯ НАСТОЯЩЕЙ СОЗДАТЕЛЬНИЦЫ КАРТИНЫ.

Через девять лет после свадьбы и восемь с половиной после прибытия Софонисбы в Испанию королева Изабелла умирает от очередных неудачных родов. Филипп остается вдовцом в третий раз. Но что делать Софонисбе?

А что делать Филиппу? Его единственный законный сын и наследник дон Карлос скончался несколькими месяцами ранее. Он ищет четвертую жену — и это оказывается несостоявшаяся невеста дона Карлоса австрийская принцесса Анна. Свадьба должна состояться через два года. Софонисба, потерявшая свою королеву, хочет уехать домой, но Филипп говорит ей: «А как же девочки?», и художница вместе с кормилицей Марией де Месса фактически становятся вторыми матерями для двух малолетних инфант.

В итоге Софонисба прослужила в Мадриде почти пятнадцать лет. Забавно, на родине, когда она рассылала свои автопортреты, она подписывала их ярко и крупно по-латыни: «Софонисба Ангишола, девственница». В Испании она свои работы не подписывает — при дворе все и так знают, кто автор картин. Ничего не надо доказывать.

Кстати, что она дева — тоже известно, Софонисбу не интересуют любовные связи; впрочем, при католическом дворе, честно скажем, их не так уж и много. Не в короля же влюбляться и не в герцога Альбу, разве что в коллег — придворных художников Алонсо Санчеса Коэльо или Антонио Моро, тем более что ей действительно нравится их тщательный стиль и нежно-серый, жемчужный колорит — а им нравится ее и колорит, и стиль живописи, и улыбка. (Тициан морским путем присылает свои огромные сладострастные полотна в сопровождении едких юморных эпистол Пьетро Аретино, но в этого художника Софонисбе влюбляться не хочется совершено).

Наконец в 1573 году Софонисба говорит «всё». Пятнадцать лет — это слишком много, особенно при мадридском дворе. Король назначает ей пенсию в тысячу дукатов ежегодно и решает пожаловать имущество единоразово, но, когда он дает об этом распоряжение, секретари сталкиваются с юридической коллизией — это будет не ее имущество, а ее отца, который еще здоров и бодр. Филипп считает это опасным, и законники предлагают другой путь — оформить дар как приданое Софонисбы, наследуемое ею как «вдовья часть».

Осталось уговорить Софонисбу.

Столь смелую идею ей озвучивает сам король, на правах друга, который и хочет ее облагодетельствовать, да не знает, как словчиться.

— Замужество? — переспрашивает ошеломленная 41-летняя девственница от искусства, известная всей Европе, вернее, всем людям в образованной Европе, интересующимся живописью. — Муж, дети?.. Приданое?..

И она говорит, что должна это обдумать.

Ее раздумья сводятся к разговорам с лучшими врачами континента, врачами короля, верней, врачами королевы — специалистами по деторождению. И зачатию. Несколько напуганные ее напористостью медики, во-первых, говорят, что она почти уже вышла из возраста деторождения и ей придется очень сильно постараться, чтобы даровать будущему супругу наследника. Но затем, под некоторым нажимом, все-таки рисуют ей анатомические рисунки и схемы, и рассказывают о том, что и как именно смешивается в женской матке, приводя к появлению человеческого плода.

Узнав, что ее интересует строго обратная проблема, врачи пугаются еще больше, но все-таки рассказывают ей о coitus interruptus, женском

лунном календаре, травяных отварах, а также пропитывании вкладок из мха или ткани всяческими мазями, разрушающими семя (бывала от алхимиков и в быту польза).

От врачей Софонисба выходит в глубокой уверенности, что самым надежным средством от смертоносных беременностей ей послужит собственноручное письмо короля Филиппа к ее мужу о том, что относительно супружеского долга он обязан исполнять любые требования своей супруги.

Она идет к королю и говорит, на каких условиях согласна на брак. Еще она очень просит: «Только не испанца!» Филипп выделяет ей огромное приданое в 12 тысяч скудо и довольно быстро находит любимой подруге любимой умершей жены хорошего кандидата — сицилийского аристократа (все-таки с испанской фамилией, Софонисба достойна лучшего). Летом 1573 года Софонисба по доверенности выходит замуж в Мадриде за отсутствующего жениха, достойного сицилийского дворянина Фабрицио Монкада Пиньятелли.

После этого новобрачная садится на корабль и отправляется к мужу в Сицилию.

* * *

Когда «Лидия» пришвартовалась в Ливорно, Асдрубале проснулся и впервые за несколько дней вышел из каюты. Морская болезнь, донимавшая его все эти дни, утихла. Слуги хлопотали, собирая вещи. Плохо соображая, он выгрузился со всем багажом на берег — его уже ждали.

— Разве это Генуя? — спросил он.

— Нет, это Ливорно, — ответил ему капитан Орацио Ломеллини. — Сеньора решила выйти тут и проследовать в Пизу.

— Но почему? — недоуменно спросил Асдрубале. Услышав ответ, он пришел в бешенство, но его яростных речей никто не слушал: все знали, кто тут главный, у кого деньги, он был чужак для ее прислуги.

Бешенство его не прекращалось многие дни, когда он видел, как возлюбленные смотрели друг на друга и держались за руки. Его ревнивый взгляд сумел точно определить, что заветы они уже нарушили и не могут друг от друга ни оторваться друг от друга, ни наговориться.

Спустя несколько недель, в канун Рождества 1579 года, герцог флорентийский Франческо I Медичи прислал своему комиссару в Пизе письмо,

в котором приказывал ему помешать запланированной свадьбе, напомнив невесте о том, что жених — ей совсем не ровня, что этим она позорит свой род, фамилию и службу при королевском дворе.

— И это пишет мне человек, в этом году женившийся на Бьянке Каппелло! — фыркнула означенная дама.

В своем письме флорентийскому герцогу она выразила благодарность за его заботу, однако сообщила, что его запрет пришел слишком поздно.

И подписалась по-латыни: «SOFONISBA LOMELLINA ANGUISSOLA».

* * *

Орацио и Софонисба поселились в Генуе в прекрасном доме, где она устроила себе огромную солнечную мастерскую, не хуже, чем у Тициана, лучше, чем в Мадриде. Ее приданое позволило ему быстро выплатить долг за корабль, купить новое судно и товары. Когда новобрачные наконец смогли оторваться друг от друга, спустя пару лет, Орацио снова ушел в море, потому что это было его жизнью. В последующие годы он успешно приумножил их состояние. Она продолжала писать — но не за гонорары, только то, что ей нра-

вится. В том числе инфанту Каталину Микаэлу, свою маленькую девочку, которая выросла и проезжала к своему новобрачному мужу в Турин.

Антонис ван Дейк. «Портрет Софонисбы Анги-

шолы». 1624 г. Ноул-Хаус (Великобритания)

В 1624 ГОДУ АНТОНИС ВАН ДЕЙК, КОТОРОМУ ТОГДА БЫЛО 25 ЛЕТ, БЫЛ ПРИГЛАШЕН НА СИЦИЛИЮ, ЧТОБЫ НАПИСАТЬ ПОРТРЕТ ЕЕ НАМЕСТНИКА — ЭММАНУИЛА ФИЛИБЕРТА САВОЙСКОГО (СЫНА ИНФАНТЫ КАТЕРИНЫ МИКАЭЛЫ). ВО ВРЕМЯ ЭТОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ОН НАВЕСТИЛ АНГИШОЛУ, В ТОТ МОМЕНТ 89-ЛЕТНЮЮ. В СВОЕМ ДНЕВНИКЕ ОН ОШИБОЧНО ОТМЕТИЛ, ЧТО ЕЙ 96 ЛЕТ И ПОДРОБНО ОПИСАЛ ЭТОТ ВИЗИТ: «…ОНА ДАЛА МНЕ НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ: НЕ СТАВИТЬ СВЕТ СЛИШКОМ ВЫСОКО — ЧТОБЫ МОРЩИНЫ КАЗАЛИСЬ МЕНЬШЕ, И МНОГО ДРУГИХ ХОРОШИХ СОВЕТОВ (…) САМЫМ БОЛЬШИМ МУЧЕНИЕМ ДЛЯ НЕЕ БЫЛА НЕВОЗМОЖНОСТЬ БОЛЬШЕ РИСОВАТЬ ИЗ-ЗА ОСЛАБШЕГО ЗРЕНИЯ. ЕЕ РУКА ЕЩЕ БЫЛА ТВЕРДА И НЕ ДРОЖАЛА».

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ КАРТИНА СЧИТАЛАСЬ ПОРТРЕТОМ ГРАФИНИ ДЕСМОНД, ОДНАКО СТРАНИЦА ДНЕВНИКА ВАН ДЕЙКА, ГДЕ ЕСТЬ ЕЕ ПОДПИСАННЫЙ ЭСКИЗ, БЕЗ СОМНЕНИЯ ПОДТВЕРЖДАЕТ, КТО ИМЕННО БЫЛ МОДЕЛЬЮ.

СМ.

ИЛЛ. НА СТР. 349: В КАТАЛОГЕ ФРАНЦУЗСКОГО МУЗЕЯ ЭТА КАРТИНА ФИГУРИРУЕТ ПРОСТО КАК «ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ», ОДНАКО СРАВНЕНИЕ ЕГО С ИТАЛЬЯНСКИМИ АВТОПОРТРЕТАМИ АНГИШОЛЫ ДОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЭТО ТОЖЕ ОНА, ТОЛЬКО ЧУТЬ ПОСТАРШЕ И НАРЯЖЕННАЯ ПО ИСПАНСКОЙ МОДЕ. ПРИ ЭТОМ В МУЗЕЯХ МИРА ЕСТЬ НЕСКОЛЬКО КАРТИН, ОФИЦИАЛЬНО НАЗЫВАЮЩИХСЯ ЕЕ «АВТОПОРТРЕТАМИ», НО НЕ ИМЕЮЩИХ НИКАКИХ ЧЕРТ СХОДСТВА С ЕЕ ДОСТОВЕРНОЙ ВНЕШНОСТЬЮ.

Сорок лет спустя Орацио отошел от дел и супруги, все так же влюбленные, переехали ближе к солнцу, в Палермо.

Все эти годы к Софонисбе приезжали художники, и мужчины, и женщины, чтобы взять у нее уроки мастерства или просто выразить свое почтение. Одним из последних был молодой Антонис ван Дейк, который застал ее на пороге девяностолетия, написал ее портрет маслом и зарисовал в своем дневнике. Там же великий фламандец записал, что беседа с ней научила его большему о принципах живописи, чем что-либо другое в его жизни.

На следующий год она скончалась. Через несколько лет, в 100-летие со дня ее рождения,

безутешный вдовец воздвиг на ее могиле памятник, который гласил: «Софонисбе, супруге моей, которая почитается в числе выдающихся женщин мира, прославленной за то, как она создавала людские образы. Орацио Ломеллино, в скорби от потери своей величайшей любви, в 1632 году, посвящает сей малый вклад столь великой женщине».

Со временем о Софонисбе Ангишоле забыли. Она осталась лишь персонажем в «Жизнеописаниях» Вазари, среди других немногих женщин-художниц, курьезов гуманистического образования. Ее испанские портреты, на которых она не ставила свою подпись, приписали кисти коллег, мужчин-испанцев. Возвращение ее имени в историю искусства случилось лишь в конце XX века. Это сделали женщины искусствоведы.

Послесловие

Первый из рассказов этого цикла я опубликовала в своем блоге в 2009 году: читателям очень понравился этот новый способ рассказывать о произведениях ренессансного искусства через показ истории жизни людей за ними. За несколько лет в рубрике, которая тогда называлась «Кроме Лукреции Борджиа», было опубликовано около десяти рассказов, и по мере их написания я поняла, что у этих новелл появляется сквозная идея.

Дело в том, что в числе моих любимых произведений об эпохе Ренессанса с подросткового возраста — сборник новелл «Декамерон» Боккаччо и стилизация XIX века — «Озорные рассказы» Бальзака. В них эта эпоха показывается задорно и весело. Но перечитывая их уже как взрослый человек, я поняла, что описанный там мир — это всегда истории, рассказываемые с мужской точки зрения, несмотря на присутствие большого числа интересных героинь. Мне захотелось представить, как бы выглядели новеллы об эпохе Возрождения, показанные через призму именно женского опыта: истории девочки, подростка,

невесты, жены, любовницы, дочери, сестры, матери. И, пожалуй, самое главное — с использованием оптики женщины, которая стремится к самореализации в своем творчестве. Подобный взгляд — это то, чего мне всегда не хватало в произведениях Умберто Эко: он велик, но все его повествования — это истории про мужчин и от лица мужчин, «хозяев мира».

Таким образом, несмотря на то, что в этой книге я занимаюсь игрой в старинный язык, в том числе с использованием скабрезностей (тут спасибо Киньяру, другому моему любимому писателю) и уделяю много внимания к внутреннему миру героинь и их сердечным переживаниям (что редко бывает в «мужской» прозе), главное, о чем рассказывает моя книга — это выживание женщин и их победа. А также бессмертная красота, которая дошла до нас благодаря произведениям искусства.

Софья Багдасарова,
2023 год

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на суперобложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b